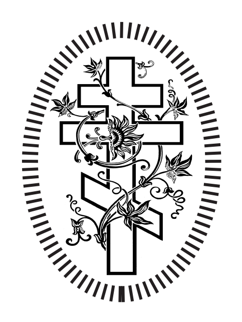
СЕРГЕЙ УВАРОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ

Русская цивилизация

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион
Повесть Временных Лет
Св. Нил Сорский
Св. Иосиф Волоцкий
Москва – Третий Рим
Иван Грозный
«Домострой»
Посошков И. Т.
Ломоносов М. В.
Болотов А. Т.
Ростопчин Ф. В.
Уваров С. С.
Магницкий М. Л.
Пушкин А. С.
Гоголь Н. В.
Тютчев Ф. И.
Св. Серафим Саровский
Шишков А. С.
Муравьев А. Н.
Киреевский И. В.
Хомяков А. С.
Аксаков И. С.
Аксаков К. С.
Самарин Ю. Ф.
Валуев Д. А.
Черкасский В. А.
Гильфердинг А. Ф.
Кошелев А. И.
Кавелин К. Д.
Коялович М. О.
Лешков В. Н.
Погодин М. П.
Аскоченский В. И.
Беляев И. Д.
Филиппов Т. И.
Гиляров-Платонов Н. П.
Страхов Н. Н.
Данилевский Н. Я.
Достоевский Ф. М.
Игнатий (Брянчанинов)
Феофан Затворник
Одоевский В. Ф.
Григорьев А. А.
Мещерский В. П.
Катков М. Н.
Леонтьев К. Н.
Победоносцев К. П.
Фадеев Р. А.
Киреев А. А.
Черняев М. Г.
Ламанский В. И.
Астафьев П. Е.
Св. Иоанн Кронштадтский
Архиеп. Никон (Рождественский)
Тихомиров Л. А.
Суворин А. С.
Соловьев В. С.
Бердяев Н. А.
Булгаков С. Н.
Трубецкой Е. Н.
Хомяков Д. А.
Шарапов С. Ф.
Щербатов А. Г.
Розанов В. В.
Флоровский Г. В.
Ильин И. А.
Нилус С. А.
Меньшиков М. О.
Митр. Антоний Храповицкий
Поселянин Е. Н.
Солоневич И. Л.
Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Башилов Б.
Концевич И. М.
Зеньковский В. В.
Митр. Иоанн (Снычев)
Белов В. И.
Лобанов М. П.
Распутин В. Г.
Шафаревич И. Р.
Кожинов В. В.

СЕРГЕЙ УВАРОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2014

УДК 37.017.92
ББК 7403(2)
У 18

Уваров С. С.

У 18 Государственные основы / Сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 608 с.

В книге публикуются главные идеологические труды великого русского мыслителя, министра народного просвещения Сергея Семеновича Уварова (1786–1855), создателя государственной формулы Великой России: Православие, Самодержавие, Народность.

Главное для России, считал Уваров, – сохранить Православие, творческая духовная сила которого определяет всю русскую культуру. «Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них веру – то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении». Самодержавие является определяющей формой нашего державного бытия, «представляет главное условие политического существования России». Любое, даже малозаметное, поползновение к его ограничению неминуемо повлечет снижение могущества, ослабление внутреннего мира и спокойствия страны. «Русский колосс упирается на Самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный. Эту истину чувствует неисчислимое большинство между Русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении, и в образе мыслей, и в отношениях к Правительству. Эта истина должна присутствовать и развиваться в народном воспитании».

Уваров считал необходимым ввести в преподавание, имевшее прежде во многом космополитический характер, «дух русский под тройственным влиянием *Православия*, *Самодержавия* и *Народности*, возбуждая в умах уважение к Отечественной истории, к Отечественному языку, к Отечественным учреждениям». Образование должно носить общественный характер, из него следует удалить частное воспитание и иноземных воспитателей.

ISBN 978-5-4261-0077-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Граф Сергей Семенович Уваров (1786–1855) происходил из старинного русского дворянского рода, восходящего к XV в. Он родился в С.-Петербурге, отец его служил офицером конной гвардии, адъютантом свиты Императрицы Екатерины II. Дед С. С. Уварова, генерал, погиб в период Семилетней войны. Мальчика окрестили в дворцовой церкви, а его крестной матерью стала Императрица Екатерина II, которая благосклонно относилась к его отцу. В 1788 г. отец Уварова погиб на войне со Швецией, когда мальчику было всего два года. Мать Сергея Семеновича, Дарья Ивановна, урожденная Головина, осталась вдовой с тремя детьми. Она удалилась от двора и посвятила себя воспитанию детей. Уваров получил домашнее образование, а его воспитателем был французский аббат Манген, эмигрировавший после Французской революции в Россию. Аббат Манген внушил воспитаннику ценности ancient régime[1] и воспитал у Сергея убеждение, что настоящий дворянин должен развивать в себе утонченный вкус и разбираться в изящных искусствах.

Благодаря хлопотам матери Уваров получил образование, которое позволяло ему добиться успеха в высшем свете. Он легко говорил на семи языках, писал

[1] Старого режима (фр.).

на четырех, являлся автором более 20 научных статей и эссе о литературе и вопросах филологии, истории и философии. Эти работы принесли Уварову европейскую известность, вызывали восхищение Гете. В своих учено-литературных и публицистических выступлениях на французском языке Уваров сохранил немного архаизированный стиль языка французских аристократических салонов кон. XVIII в., который высоко ценили европейские интеллектуалы рубежа XVIII–XIX вв. Уже в юношеские годы Уваров проявил себя в изящной словесности, увлекшись популярным тогда сентиментализмом, писал по-французски и по-немецки недурные стихи, которые удостоились похвалы В. А. Жуковского, посетовавшего, однако, что молодой человек не пишет их по-русски. Некоторые из стихов Уварова были опубликованы в журнале русских сентименталистов «Северный вестник». Кроме поэтических занятий Уваров прекрасно рисовал, создавал умелые карандашные рисунки на популярные у сентименталистов темы природы и различных настроений человеческой души.

В 1802 г., вероятно, благодаря помощи своего дяди, князя Александра Куракина, Уваров отправился на год учиться в Германию. Осталось неизвестным, был ли он студентом или просто посещал занятия в Геттингенском университете, где продолжал изучать классические языки, одновременно в совершенстве овладевая немецким языком. В 1804 г. после возвращения в Россию Уваров был принят на должность переводчика в Министерство иностранных дел и в этом же году получил первый почетный придворный чин камер-юнкера, являвшийся несомненным проявлением расположения со стороны Александра I, знаком монаршей милости к роду и заслугам предков Уварова.

Прекрасно воспитанный, владевший иностранными языками 15-летний юноша был представлен Императору Александру I, произведя на монарха благоприятное впечатление, что позволило юному Уварову поступить на дипломатическую службу, которая была по престижности второй после военной. Во второй половине 1805 г. Уваров был направлен курьером в Неаполь. В 1806 г. дядя Уварова, князь Александр Куракин, стал русским послом в Вене. Мать Сергея Семеновича хлопотала перед князем Куракиным и перед еще одним своим родственником – генералом Федором Уваровым, любимцем Александра I, о месте для сына в русском посольстве. Хлопоты родственников и благосклонность Александра I помогли Сергею Семеновичу стать атташе при русском посольстве в Вене.

В 1806–1810 гг. Уваров служил при русских посольствах в Вене и Париже. Вращаясь в высших политических и интеллектуальных кругах Европы эпохи наполеоновских войн, Уваров познакомился с великим И. В. Гете, прусским государственным деятелем Г. Штейном, общественным деятелем и классиком литературного романтизма госпожой Ж. де Сталь, философами-романтиками братьями Шлегелями, а также с непримиримым врагом Наполеона, корсиканским дипломатом на русской службе К. А. Поццо ди Борго. Эти встречи оказали глубокое влияние на личность самого Уварова, его интеллектуальное развитие: в течение всей жизни Сергей Семенович стремился к высокой науке и постоянному самообразованию, отличался утонченным художественным вкусом, широтой интеллектуальных интересов, искренней любовью к античным древностям, которые стал коллекционировать. В дальнейшем Сергей Семенович написал об этих европейских властителях дум эссе и литературно-философские

исследования. Образованность и просвещенность стали для Уварова одной из главных добродетелей. Итак, судьба Уварова была предопределена. Интересен сохранившийся рассказ современника Уварова, который встречался с Сергеем Семеновичем в 1808 г. в Вене. Отвечая на вопрос, что для него значит счастье, Уваров с юношеским восторгом будто бы ответил, что счастье для него – это служба на посту министра народного просвещения[1]. Уже выйдя в отставку, Уваров продолжал заниматься научной работой, добившись официального признания своих научных заслуг – получил степень магистра классической филологии Дерптского университета, а позднее подготовил диссертацию доктора, которая была опубликована уже после смерти Уварова.

В 1810 г. Уваров создал свою первую значительную научно-публицистическую работу – «Проект Азиатской академии», в которой высказал идею о необходимости создания под эгидой русского Императора специального научно-исследовательского учреждения, предназначенного для изучения Востока. По убеждению Уварова, изучать Восток нужно было не только для развития европейской науки, но, прежде всего, для выяснения политических интересов России в этом крае. «Проект» Уварова был одобрен и сделал известным его имя. Показательно, что о «Проекте» с восторженной похвалой отозвался сам знаменитый Гете, строгий скептический критик: «Ваши намерения направлены на то самое, к чему я давно и тщетно обращал свои усилия»[2]. «Проект Азиатской академии» заинтересовал министра народного просвещения графа Алексея Разумовского. Уваров подходил к проблеме Востока с точки зрения политики и культуры: в исследовании Востока

[1] Цит. по.: *Шевченко М. М.* Конец одного величия. – М., 2003. – С. 59.

[2] Там же.

он видел средство спасения от современной ему эпохи «общего злоупотребления мыслей», которое заставляло людей преклоняться перед любыми новшествами. Уваров протестовал против новомодных философских систем с их материализмом и отрицанием религиозных ценностей; против политики с ее стремлением к революциям, даже против романтизма – вероятно, в том его официальном понимании как модного течения и стиля, с которым он столкнулся в Вене – с его подчеркнутым пренебрежением ко всей культуре прошлого. Вопреки всеобщему отрицанию и любви к переменам изучение Востока предполагало поиск традиции и было призвано «направить “беспокойную деятельность умов” в русло мирного поиска “генеалогии” Европы»[1]. Уваров призывал не спешить возводить новое здание, но «вопрошать развалины, дабы открыть в них новые причины славы, а может быть, и способы к распространению нового блеска»[2]. Несомненно, той же логикой руководствовался Уваров и на посту министра народного просвещения, когда он всячески поощрял русское юношество к исследованию своих национальных истоков, что, по его мнению, должно было помочь сохранить исконные национальные ценности и отвлечь внимание подрастающего поколения в России от вредных революционных идей, шедших из Европы и предвещавших упадок и самой Европе[3].

Политический аспект изучения Востока заключался, по мнению Уварова, в том, что Россия, владея всем

---

[1] *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. – СПб., 1999. – С. 33.

[2] *Уваров С. С.* Проект Академии азиатской // *Уваров С. С.* Избранные труды / Сост., вступ. ст., коммент. В. С. Парсамов, С. В. Удалов. – М., 2010. – С. 65–95.

[3] *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – С. 33.

севером Азии, имела несомненный политический интерес к своему присутствию в Азии: «Здесь был ключ к новой национальной политике, возможность для России стать ведущей современной европейской державой и выковать связь между политическим господством и культурным лидерством, как сделали в Индии "хитрые" британцы. "Никогда выгода государственная не была в таком согласии с важными видами образования нравственного"»[1].

Успешное проведение восточной политики России было немыслимо без подготовленных кадров (не только военных): переводчиков, преподавателей, знающих восточные языки и культуру, администраторов для управления азиатскими частями Империи и специально подготовленных дипломатов для работы в странах Востока. Такие кадры можно было подготовить только в особом научно-образовательном учреждении, т. е. в Императорской Азиатской академии. Научная деятельность Академии азиатской внесла бы большой вклад в развитие востоковедения в России, сосредоточив в себе до того разрозненные исследования русских востоковедов. «Проект Азиатской академии» прославил молодого Уварова, поднял на небывалую высоту его научный авторитет: Сергей Семенович был выдвинут в члены Российской академии наук.

Вот как академик П. А. Плетнев, ректор С.-Петербургского университета, вспоминал первое появление нового молодого академика С. С. Уварова на собрании академиков: «28 января 1818 года в собрании Императорской академии наук присутствовали академики Озерецковский, Фус (Николай), Шуберт, Севергин, Захаров, Загорский, Севастьянов, Вишневский, Шерер, Круг, Петров, Френ, Герман, Шлегельмильх и Колинс. В это

[1] *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – .С. 33.

собрание ученых, столь известных свету сочинениями, прибыл молодой человек лет тридцати, прекрасной наружности, с видимыми привычками к высшему светскому обществу. Для него приготовлено было посреди академиков почетное место, которое занял он без притворной застенчивости, с сознанием своих прав, не без некоторого достоинства. Обращаясь к собранию, он открыл заседание одушевленною речью, в которой прежде всего изобразил, как ему лестно быть президентом в Академии, с давних пор пользующейся заслуженною славою. Он просил академиков верить всегдашней его готовности содействовать похвальной ревности каждого из них в обрабатывании его науки»[1].

«Проектом» Уварова восторгался не только Гете. Одобрили работу Сергея Семеновича и другие самые влиятельные и известные люди эпохи – Наполеон, великая княгиня Екатерина Павловна, теоретик романтизма Фридрих Шлегель, французский ориенталист Ланге. Посланник Сардинского королевства Ж. де Местр назвал «Проект» подлинным решительным нападением на XVIII столетие – «самую постыдную эпоху человеческого духа» и одновременно – смелой проповедью извечных принципов – таких, как божественное происхождение человеческого общества и речи[2]. Но самое главное значение «Проекта Азиатской академии» заключалось в том, что Уваров одним из первых открыто объявил, что Западная Европа находится в упадке и России нужно искать свой путь политического и культурного развития. Это был смелый вызов, сформулировавший основные чаяния тогдашней общественной мысли.

---

[1] *Плетнев А. Н.* Памяти графа Сергея Семеновича Уварова, президента Императорской академии наук. – М., 1870. – С. 4.

[2] *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – С. 34.

Прославившись в Европе и в России как мыслитель и политик, Уваров не перестал заниматься самообразованием. Получив чин статского генерала в 24 года, Уваров в течение семи или восьми лет углубленно совершенствовал свое знание древних языков под руководством выдающегося классического филолога Фридриха Грефе. В дальнейшем в области изучения греко-римской филологии и истории Уваров считался среди европейских ученых «одним из самых острых умов, существующих в цивилизованном мире»[1]. За другой труд в области римской филологии «Опыт об элевзинских таинствах» в 1816 г. Уваров был избран почетным членом одного из первых научных сообществ Европы – Института Франции, куда иностранных членов допускали очень избирательно и редко. С 1818 г. и почти до конца своей жизни он занимал пост президента Императорской академии наук в С.-Петербурге. Академик П. А. Плетнев был уверен, что дарования позволяли Уварову целиком сосредоточиться на занятиях наукой, если бы его жизнь сложилась иначе[2].

Участие в известном литературном кружке «Арзамас» (1815–1818 гг.) тоже стало заметной вехой в духовно-интеллектуальном развитии Уварова, становлении его как будущего просвещенного государственного деятеля. Помимо Уварова в кружок «Арзамас» входили многие литераторы-дилетанты, известные впоследствии государственные и общественные деятели (Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков, М. Ф. Орлов, граф Каподистрия) и литераторы-профессионалы (К. Д. Батюшков, И. И. Дмитриев, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, Н. И. Тургенев). Ведущая роль в кружке принадлежала В. А. Жуковскому и К. Д. Батюшкову. Общество вы-

---

[1] Цит. по: *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 60.

[2] Там же.

росло до 20 участников в возрасте примерно от 27 до 37 лет. Название кружка заимствовали из памфлета Д. Н. Блудова против А. А. Шаховского, а сам унылый городок Арзамас располагался в родовых владениях Уварова. Уваров вместе с В. А. Жуковским, Д. Н. Блудовым, Д. А. Дашковым отвергли пожелание Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова и П. А. Вяземского о преобразовании «Арзамаса» в политический кружок и ограничивались только возможностью обсуждать политические темы в кружке. Члены кружка ставили перед собой задачу соединить русские традиции с западными нововведениями на основе общих критериев вкуса и формы. Результатом этого соединения должна быть новая русская культура. «Арзамас» противостоял филологическим теориям адмирала А. С. Шишкова и его кружка «Беседа любителей русской словесности». Арзамасцы, в том числе Уваров, откликнулись на пьесу князя А. А. Шаховского «Липецкие воды», которая представляла сатиру на карамзинистов и ознаменовала лебединую песню «старого стиля» с его сопротивлением иноземным влияниям на русскую жизнь, литературу и искусство. На собраниях кружка постоянный секретарь общества В. А. Жуковский, баллады которого служили источником «арзамасских имен» для всех членов общества, читал шутливые протоколы, высмеивавшие все – от Российской академии наук до ритуала масонских лож, и ироничные эпиграммы. У арзамасцев периодически возникали идеи об издании литературных альманахов, журналов, антологий, но они так и не воплотили эти планы в жизнь. Участники кружка в литературной программе подчеркивали главное предназначение этого общества как лидера и литературного первопроходца, которого за «Арзамасом» не признавали. Кружок, по мысли его устроителей, должен был защищать русскую словесность сразу

и от шишковистов, и от слепого подражания французам. Стремившийся к лидерству в «Арзамасе» Уваров на одном из заседаний провозгласил во всеуслышание: «Гуси! Гуси! <…> От вас <…> я ожидаю возобновления отечественной литературы; я ожидаю торжества разума и вкуса. Спасайте их, как некогда ваши предки спасали Капитолий…»[1]. Действительно, именно гуси представляли единственную славу города Арзамаса: после заседаний к столу подавался жареный гусь. На другом заседании «Арзамаса» Уваров выступил с заявлением об окончании эпохи М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина и начале новой эпохи, возвещенной Жуковским и Батюшковым. Арзамасцы не сомневались, что русская культура за последние годы совершила гигантские шаги с помощью постоянных плодотворных связей с другими культурами. Члены кружка не причисляли себя к неоклассикам и главным считали художественный вкус. Арзамасец Д. В. Дашков подчеркивал, что русская словесность еще недостаточно сформировалась, поэтому русские писатели еще не имеют достойных образцов, чтобы знать, к чему нужно стремиться, а чего избегать[2]. Одних членов общества занимали непростые проблемы взаимоотношений литературы и общества. Уваров, Дашков и Блудов больше интересовались только что возникшей тогда наукой филологией, основное внимание уделяли совершенствованию гибкости и точности литературного языка. Уваров признавал: «Чем более совершенства имеет язык, тем ближе к образованности и тот народ, который им владеет»[3]. Этот интерес был закономерен, потому что в начале XIX в. ученые видели в развивающемся русском языке главное вырази-

[1] Цит. по: *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – С. 42.

[2] Там же. – С. 42.

[3] Цит. по: Там же. – С. 43.

тельное средство литературы. Поэтому становление национальной культуры было тесно связано со степенью совершенства языка. Для арзамасцев было характерно внимание к изяществу и разработанности слога литературного языка, от которых зависело появление новых форм. «Арзамас» играл важную роль в истории русской литературы, соединив романтизм В. А. Жуковского и неоклассицизм К. Д. Батюшкова. Литературные опыты «Арзамаса» оказали существенное влияние на поэтов «золотого века» русской литературы, прежде всего А. С. Пушкина, который вступил в кружок в 1817 г. сразу после окончания Царскосельского лицея. Сейчас признано, что русская литература «золотого века» обладала столь притягательной силой именно потому, что в ней сочеталась самобытность с различными чертами зарубежных литератур. Значительно позднее именно об этом говорил Уваров, имея в виду соединение «российской системы» с «европейским образованием». «Арзамас» не смог создать собственной литературной теории, однако именно кружок указал русской литературе и культуре будущие пути. Участие в «Арзамасе» стало для Уварова тем счастливым и беззаботным временем, когда литературные и правительственные круги были неразрывно связаны и состояли исключительно из единомышленников арзамасского братства. Уваров преодолел распространенное в то время увлечение французским языком и культурой, через сентиментализм и романтизм смог приблизиться к новому, целиком поглотившему его стремлению к русскому, русской культуре, а позднее – к проблеме соотношения между классикой, национальным и европейским и к поиску глубинных основ самобытности России. «Люди, подобные Уварову, могли реализоваться, занимая государственные должности, и одновременно быть причастными к интеллектуальным

сферам и считать себя служителями общественного прогресса. Проникнутая оптимизмом уваровская концепция исторического развития только подтверждала светлое арзамасское мировоззрение»[1].

Происхождение, связи при дворе, прежние достижения вполне позволяли Уварову без особых усилий сделать блестящую придворную карьеру. Но характерное для Уварова особое честолюбие проявлялось не только в тщеславном наслаждении достигнутым почетом и чинами, но и в редкой целеустремленности, решительности и инициативности, которые и сделали его выдающимся государственным деятелем. В 1810 г. Уваров породнился с семьей Разумовских, женившись на дочери министра, Екатерине Алексеевне, а в 1811 г. был назначен на пост попечителя С.-Петербургского учебного округа. Уваров как истинный политик Александровской эпохи руководствовался глубоким убеждением, что основным условием прогресса в любой области является образование, а в достигнутом страной уровне просвещения видел один из главных критериев ее развития. Занимаясь изучением греко-римской филологии и истории, Уваров верил, что «освобождение души чрез просвещение должно предшествовать освобождению тела чрез законодательство»[2]. Попечительство С.-Петербургским учебным округом было очень почетной должностью, потому что во всей Империи в то время было всего шесть округов, и попечители округов были наделены очень большими полномочиями, которые уступали лишь полномочиям самого министра просвещения. Несмотря на протежирование тестя А. Разумовского, при назначении Уварова на должность попечителя были приняты во внимание его

---

1 Цит. по: *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – С. 44.

2 Цит. по: Там же. – С. 69.

личные дарования, необыкновенная целеустремленность и инициативность. Все единогласно признавали, что на должности попечителя округа Уваров проявил себя как одареннейший и трудолюбивейший сотрудник Министерства народного просвещения. На должности попечителя С.-Петербургского округа Уваров не боялся противоречить своему тестю А. Разумовскому, полностью расходясь с ним во взглядах на устройство деятельности Министерства народного просвещения. По этой причине все многочисленные реформаторские предложения Уварова, касавшиеся всех уровней образования – от начального до высшего, – были воплощены в жизнь только после отставки А. Разумовского в 1816 г. Однако и в дальнейшем Уваров был вынужден защищать свои реформы и концепцию просвещения от тех сановников, которые видели в образовании угрозу Монархии, Церкви и Отечеству. Уже в то время Уваров очень критически относился к образованию молодежи из среды дворянства и высшей аристократии своего поколения. Уваров преобразовал Главный педагогический институт в С.-Петербургский университет, ввел в новом университете преподавание восточных языков и литератур. По инициативе Уварова при университете был реорганизован Педагогический институт, готовивший учителей для учебных заведений начальной ступени. Уваров реформировал и средние учебные заведения, приказав существенно пересмотреть учебные планы гимназий и уездных училищ. Новые учебные планы вводились во всех округах Российской Империи.

По убеждению Уварова, в деле народного просвещения первостепенное значение имело преподавание истории как дисциплины, формирующей взгляд на прошлое человечества и особенности развития Государства Российского: «В народном образовании преподавание исто-

рии есть дело государственное… История… образует граждан, умеющих чтить обязанности и права свои, судей, знающих цену правосудия, воинов, умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых царей»[1]. Уваров понимал исторический процесс как постепенное движение человечества к торжеству христианских идей, поэтому преподающий, «представляя общую картину истории во всем ее пространстве», должен проливать «на сей огромный хаос благодетельный луч религии и философии. С сими двумя светилами может человеческий ум найти везде успокоение и достигнуть до той степени убеждения, на котором человек почитает сию жизнь переходом к другому, совершеннейшему бытию»[2].

Под влиянием романтизма, прежде всего немецкого, Уваров воспринял органическую теорию исторического развития. Он был убежден, что всякие процветающие государство и народ на различных ступенях своего развития сохраняют свой «народный дух» – свое уникальное культурное лицо. В современной ему истории европейских государств Уваров увидел отчетливые тенденции, которые вызвали у него тревогу: образование новой системы европейских государств, основанной на международной торговле, новых сложных взаимоотношениях, развитии наук и сферы художественного творчества, тесном соседском «общежитии» стран Европы, накоплении богатств и распространении роскоши. Вроде бы благие тенденции сближения привели, по мнению Уварова, к постепенной потере в каждом европейском государстве «народного духа», что должно было привести Европу к гибели. Великую Французскую революцию Уваров считал следствием потери

---

[1] *Уваров С. С.* О преподавании истории относительно к народному образованию. – СПб., 1813. – С. 5.

[2] Там же. – С. 24–25.

«народного духа», пагубным событием, приведшим к «стольким бесполезным преступлениям и бедствиям». Но все же незыблемое «право царей» было восстановлено, народы возвратили свои священные престолы. За это народы должны быть вознаграждены своими правителями, что подразумевало взаимные уступки царей и их подданных. В своих рассуждениях Уваров следовал общеевропейской идеологической концепции легитимизма. Россия тоже участвовала в общеевропейском процессе сближения государств, но в России «народный дух» еще не отличался достаточной устойчивостью, потому что в своем историческом развитии, по мнению Уварова, она являлась еще молодой нацией. В связи с этим правильное преподавание русскому юношеству такой идеологически значимой науки, каковой является история, означает, что педагогу «до́лжно возбуждать и сохранять сколько можно народный дух и тот изящный характер, на который ныне Европа смотрит, как изможденный старец на бодрость и силу цветущего юноши… Он в сем отношении делается прямо орудием правительства и исполнителем его высоких намерений»[1]. Высшим достижением человеческого разума, по убеждению Уварова, было осознание политической свободы. Монархическое правление просвещенных христианских государей способствует постепенному просвещению народов, формированию представлений об идеалах общественной добродетели. Истинное просвещение, по мнению Уварова, заключалось в осознании прав и обязанностей человека и гражданина и не противоречило сохранению «народного духа».

«Дабы узнать свои права и свои обязанности, он должен был истощать сперва необузданную силу

---

[1] *Уваров С. С.* О преподавании истории относительно к народному образованию. – С. 24.

юности. Политические общества не скоро созревают. Дух народов находит в своих заблуждениях сугубую страсть к истине; но сколько пропадших мореплавателей прежде Колумба! Сколько неудачных опытов прежде английской конституции! Политическая свобода не есть состояние мечтательного благополучия, до которого бы можно было достигнуть без трудов. Политическая свобода, по словам знаменитого оратора нашего века (лорда Эрскина), есть последний и прекраснейший дар Бога; но сей дар приобретается медленно, сохраняется неусыпною твердостью; он сопряжен с большими жертвами, с большими утратами. В опасностях, в бурях, сопровождающих политическую свободу, находится вернейший признак всех великих и полезных явлений одушевленного и бездушного мира, и мы должны по совету того же оратора или не страшиться опасностей, или вовсе отказаться от сих великолепных даров природы. Естественный ход политической свободы, видимый в истории Европы, удостоверяет нас в сей истине»[1]. Уваров с воодушевлением откликнулся на намерение Александра I распространить конституционную монархию не только на Царство Польское, но и постепенно на всю Россию. Но Уваров прекрасно осознавал, что политическая и гражданская свобода более пристала «летам зрелости и совершенного возраста» в жизни государств, а Россия была еще молодым государством, которому предстояло пройти длительный путь к зрелости, потому что «освобождение души чрез просвещение должно предшествовать освобождению тела чрез законодательство»[2].

---

[1] Речь президента Императорской академии наук, попечителя С.-Петербургского учебного округа 22 мая 1818 г. // *Уваров С. С.* Избранные труды. – М., 2010. – С.267.

[2] Там же. – С. 268.

Широта научных интересов, внимательное изучение истории способствовали формированию его взглядов как государственного деятеля, реформировавшего систему образования в России, выработавшего просвещенную и достаточно разумную цензурную политику, в итоге предопределили масштаб созданной им идеологической концепции. «Глубокий интерес к истории развил в Уварове дальновидность, целеустремленность и широту кругозора, редкие в государственном чиновнике. Им всецело владело представление, что он живет в переходную эпоху, в точке слияния двух миров, умирающего и только нарождающегося, в эпоху "одновременно и неизменную, и развивающуюся"»[1]. Действительно, Уваров воспитывался в атмосфере светской учтивости прежнего царствования, впитал рационалистические идеи эпохи Провещения. Но жить и работать ему пришлось уже совершенно в другое время стремительных изменений, мятежных исканий эпохи, где властителями дум в области художественного творчества и общественных идей были романтики, романтического хаоса, в котором революционные потрясения сменялись реакцией. Отдавая должное идеям романтизма, Уварову удалось остаться чуждым и революционным идеям, и доктринам крайнего консерватизма, граничившим с реакцией. Закономерно, что Уваров называл революционеров «нравственными язвами», а крайних реакционеров – «холоднокровными фанатиками»[2].

Проницательный дипломат, сардинский посол в России Жозеф де Местр предостерегал Уварова от следования путем компромисса между национальными началами и либерализмом, справедливо напоминая, что склонный к компромиссам человек обречен получать

[1] *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – С. 8.

[2] Там же. – С. 8.

удары и справа, и слева, оказываясь как бы между двумя враждующими армиями. Однако Уваров принципиально избрал средний путь компромисса и придерживался его всю жизнь.

И в царствование Александра I, и в эпоху Николая I Уваров твердо следовал раз выбранному курсу. Однажды он весьма смело заявил, что избранные им принципы в отличие от «минутной воли государя» составляют «твердую и прочную систему»[1]. Будучи вдумчивым и восприимчивым и обладая аналитическим мышлением, Уваров творчески переосмыслил владевшие Европой и Россией на рубеже XVIII и XIX столетий идеи. Сергей Семенович создал свою универсальную теорию исторического процесса, которая и стала путеводной нитью всей его жизни. Согласно исторической теории Уварова исторический процесс предстанет перед нами как «естественный ход политической свободы», предначертанный Провидением. Господь даровал человечеству Христианство, которое есть «великий урок морального равенства» и залог политической свободы, являющейся «последним прекрасным даром» Христианства. Еще к 1818 г. Уваров сформулировал принципы, развитию которых он посвятил дальнейшую государственную деятельность: 1) у России в отличие от Европы свой национальный путь к исторической и политической зрелости; 2) прогресс должен основываться на образовании общества.

Уварову пришлось бороться с главою Министерства просвещения – князем А. Н. Голицыным, который подпал под влияние католицизма и проповедовал модные мистические теории, а также с профессорами, попечителями округов – Д. П. Руничем и М. Л. Магницким. В 1821 г. Уваров в знак протеста против суда над профессорами С.-Петербургского университета,

---

1 Цит. по: *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – С. 9.

несправедливо обвиненными в преподавании «богохульственных и пагубных доктрин», подал в отставку с поста попечителя С.-Петербургского учебного округа. После отставки он возглавил Департамент мануфактур Министерства финансов и вскоре стал сенатором. Во время острых столкновений с чиновниками Министерства просвещения, представлявшими «мистическую партию», Уваров был представлен великому князю Николаю Павловичу, с которым у Сергея Семеновича установились дружеские отношения.

На рубеже царствований Александра I и Николая I, как и многие просвещенные, патриотически настроенные русские государственные и общественные деятели и литераторы, Уваров пережил серьезный мировоззренческий кризис, вызвавший переоценку его главных принципов. Уваров пришел к убеждению, что декабристы оказались чужды народности, «народного духа», потому что ради преследуемого ими воцарения «европейских понятий» в России готовы были прибегнуть к насилию, по своему произволу изменить органический ход русской жизни. Признание собственной незрелости и недостаточного понимания исторических судеб России и Запада лучшими представителями царствования Александра I в дальнейшем способствовало формированию в уваровской системе русского национального образования нового поколения, которое образовывалось и зрело в 1840-х гг. и приступило к активной деятельности в преддверии реформ Александра II. Формирование знаменитой идеологической формулы «Православие. Самодержавие. Народность» было связано с преодолением мировоззренческого кризиса Уваровым, который смог сформулировать в триаде смысл признаваемого им ранее особого национального духа и связанного с ним исторически особого пути России. Нельзя не согла-

ситься с точкой зрения С. М. Соловьева – знаменитого историка, непримиримого врага Уварова, который спустя четверть века осознал всю пагубность иллюзорных идей, владевших умами лучших представителей эпохи царствования Александра I и ставших причиной выступления 14 декабря 1825 г.: «Крайне небольшое число образованных, и то большей частью поверхностно, с постоянным обращением внимания на Запад, на чужое, все сочувствие – туда, к Западу… у себя в России нет ничего, где бы можно было действовать тою действительностью, которую привыкли видеть на Западе… Отсюда же этим образованным, мыслящим людям Россия представлялась tabulam rasam[1], на которой можно было начертать все, что угодно… Дело наших декабристов было произведением незрелости русского общества»[2].

Уварову были близки И. В. Гете, Ф. Р. де Шатобриан, Ф. фон Баадер, А. фон Гакстгаузен. Взяв на себя ответственность за воспитание будущего поколения, Уваров искренне желал своей работой на посту сначала попечителя Московского учебного округа, а затем и министра народного просвещения уберечь Россию от революционных потрясений, которые не раз постигали Западную Европу. По интеллектуальному развитию и образованности Уваров был европейцем, но сумел сохранить русскую душу. Понимая, что сам получил европейское воспитание, Уваров тем сильнее желал, чтобы представители будущего поколения российского юношества, сохраняя высокий уровень европейской образованности, стали русскими людьми, чтобы новое поколение «лучше знало Русское и по-Русски». На по-

[1] Чистой доской (лат.).

[2] Цит. по: *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 66; *Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // *Соловьев С. М.* Соч. в 18 кн. Кн. XVIII. – М., 1995. – С. 615–616.

сту министра народного просвещения Уваров руководствовался созданным им знаменитым лозунгом, перефразировав старинный военный девиз: «За Веру, Царя и Отечество!»

Впервые основные слагаемые идеологической триады были сформулированы Уваровым в 1832 г. в «Отчете о состоянии Московского университета»: «Православие, Самодержавие и Народность составляют последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего общества». Идеологическая триада Уварова стала девизом рода Уваровых после возведения Сергея Семеновича в 1846 г. в графское достоинство. Уваров был убежден, что путь к цивилизационной зрелости для стран Европы и для России связан только с традиционной монархической формой правления. Уваров осмыслял свою идеологическую формулу под влиянием творчества Н. М. Карамзина, который на примере России показал развитие традиционной монархии на пути к зрелости государства. Уваров был лично знаком с Карамзиным, высоко ценил его как историка и писателя. Еще в 1811 г. Уваров передал Карамзину экземпляр произведения Ф. Шлегеля «О новейшей истории», потому что Шлегель, подобно Карамзину, подчеркивал красоту монархий, убеждал в необходимости сохранения традиций в ходе национального развития[1]. На заседании кружка «Арзамас» в 1816 г. Карамзин читал отрывки из «Истории Государства Российского», которая только еще готовилась им к изданию: первые восемь томов «Истории Государства Российского» вышли в свет спустя два года. Один из участников кружка «Арзамас» Александр Тургенев так говорил об общем впечатлении от чтения труда Карамзина: «"История" Карамзина раз и навсегда доказа-

[1] *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – С. 64.

ла им, что Россия тоже сыграла свою роль в развитии esprit humain[1]. Она указывала русским, "что мы были, как переходили до настоящего status quo и чем мы можем быть, не прибегая к насильственным преобразованиям, – признавал Тургенев, делая вывод: – "История" послужит нам краеугольным камнем для Православия, народного воспитания, монархического управления и, Бог даст, русской возможной конституции». Граф Блудов тоже полностью поддерживал точку зрения Карамзина на естественное течение развития монархии в политически зрелых европейских государствах и дарование монархом конституции: «Что спорить о конституциях? Всякое государство имеет свою конституцию, ему сродную. Так часто говорит наш историограф Карамзин»[2]. Прежде всего, Уваров основывался на исторических взглядах Карамзина на Самодержавие как на особое явление, политический институт, позволивший России достичь того величия, которое признавалось за ней всей Европой после разгрома армии Наполеона в Отечественной войне 1812 г. и блестящих побед в заграничных кампаниях 1813–1814 гг. Уваров видел в логике исторических исследований Карамзина подтверждение собственным мыслям о роли России в ходе всеобщей истории. И это было вполне справедливо, т. к. Карамзин еще в «Записке о древней и новой России» (1811 г.) пришел к заключению, что идеал есть неограниченное самодержавие в его существующем в России состоянии, а всякие попытки ввести какие-либо новшества в государственный порядок в итоге оказываются «злом, к коему надобно прибегать только в необходимости», и любое разделение властей, любая перемена в политическом устройстве губительна для

[1] Человеческого духа (лат.).

[2] Цит. по: *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – С. 64.

России. Пафос «Истории Государства Российского» Карамзина заключался в необходимости сохранения и совершенствования неограниченного Самодержавия, а Уваров в строках Карамзина находил ответы на собственные мысли, исходя в своих размышлениях из тезиса, что монарх действует на пользу своей стране, т. е. неограниченное самодержавие приведет Россию к политической зрелости, под которой Уваров разумел естественное ограничение монархии.

Знаменитая триада Уварова была той основой, на которой строилась его деятельность не только в области народного образования, но и вся его государственная работа. Успех и долгая жизнь этой идеологической триады объясняется ее глубокой «державносозидающей философией». В знаменитой триаде сформулирована национальная идея, вокруг которой могли бы сплотиться все общественные слои на пути эволюционного, а не революционного (по западному образцу) преобразования России. Слагаемые Православие и Народность требовали от русских образованных людей знания России, осознания себя русскими. К этому стремились гениальные умы эпохи. «Колумб русской истории» Карамзин поставил задачу познакомить русское образованное общество с историей собственной страны, в меру своих сил приоткрыть ее прошлое. Свою «Историю Государства Российского» Карамзин, по словам современников, «приноровил к России», источники этого труда были национальными, русскими. Деятельность Карамзина, как было сказано выше, можно рассматривать в русле формирования уваровской триады, тем более что его «История...» появилась именно в то время, когда разрушительные следы европеизации, всеобщего увлечения модными европейскими идейными течениями и концепциями казались уже многим слишком очевид-

ными, даже попали в глаза весьма зорких иностранцев. Барон Август фон Гакстгаузен, писатель по аграрным вопросам, в том числе по проблемам общины, исследователь России, авторитет которого признавал Уваров, сразу обратил внимание на то, что в России после наполеоновских войн стал распространяться тот внешний лоск, связанный с полуобразованностью, которые, взятые вместе, слишком ничтожны, чтобы способствовать развитию цивилизации, но вполне достаточны, чтобы «исказить все честное и национальное в человеке и породить недовольство народной жизнью и ненависть к ней». Именно в конце 1820-х гг. А. С. Пушкин тоже делает неутешительный вывод, что Россия слишком еще мало известна самим русским. Это заключение стало поворотным пунктом, отделившим романтический период в творчестве поэта от периода обращения в своих произведениях к значимым темам и сюжетам из русской истории. Сам Уваров после отставки с поста попечителя С.-Петербургского учебного округа несколько раз отправлялся в длительные путешествия по России, которые позволили Сергею Семеновичу лучше узнать свою страну. В 1833 г. Уваров дает окончательную формулировку своей идеологической триады, представив ее во всеподданнейшем докладе Императору Николаю I «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения» от 19 ноября 1833 г.: «По вступлению моему с Высочайшего Вашего Императорского величества повеления в должность министра народного просвещения употребил я, так сказать, *заглавным местом, лозунгом*[1] моего управления следующие выражения: “Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и

[1] Курсив С. С. Уварова.

Народности". Вместе с тем с сим считаю себя обязанным представить Вашему Величеству краткий, но чистосердечный отчет в моих понятиях о важном начале, мною принимаемом в руководство: посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастию, сохранила доселе теплую веру к некоторым *религиозным, моральным* и *политическим*[1] понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности находится и весь залог будущего ее жребия. Правительству, конечно, в особенности Высочайше вверенному мне Министерству, принадлежит собрать их в одно целое и связать ими якорь нашего спасения...»[2]. Уваров опередил современников, осознав, что национальная идея особенно необходима образованному слою русского общества, который по исторически сложившимся причинам отделился от русской культуры, от Православия, беда которого и заключается в отсутствии национального самосознания.

Развитие цивилизации, общественный прогресс, как было сказано выше, были для Уварова неразрывно связаны с прогрессом человеческого духа, а не с материальным прогрессом, который постепенно обращает человека в животное. Воссоединение с национальной религией – Православием – Уваров считал первым, решающим шагом на пути к прогрессу человеческого духа, поэтому оно стало первым слагаемым в идеологической формуле Уварова. По мысли Сергея Семеновича, только вера может спасти отдельного человека и все общество от материализма, скептицизма и в итоге –

[1] Курсив С. С. Уварова.

[2] Цит. по: Река времени. Сборник истории и культуры: Альманах. – М., 1995. – С. 70.

от крайнего цинизма, абсолютной безнравственности и вседозволенности. Уваров говорил: «Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть; ослабить в них Веру – то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце». По убеждению Уварова, Православие как общенациональная вера русского народа была способна объединить русский народ, утвердив в нем начала общности, которые подразумевают единство этических норм поведения, единство убеждений, которые бы объединяли отдельного человека, народ, самодержавного царя. Православие в отличие от католичества не испытывало наступления Реформации, сохранив чистоту и незыблемость своих основ. Русская культура и государственность обладают огромным потенциалом духовной силы.

Второе слагаемое триады Уварова – Самодержавие. Самодержавная форма правления была для него основным условием существования России. В Самодержавии Уваров видел особую форму государственного бытия русского народа. В выработке слагаемого Самодержавие, возможно, сыграло свою роль влияние знаменитого немецкого философа-романтика Фридриха Шлегеля, который после Французской революции резко отказался от республиканских идей и сознательно перешел на службу к князю Меттерниху, создав свой консервативно-романтический идеал «истинной империи», олицетворяемой австрийской сословной монархией. Самодержавие было не только принято русским народом в течение веков, но выстрадано им. Вся русская история показывает, что сильная самодержавная власть соединяет обширную Российскую Империю. Уваров признавал необходимость реформ в Империи, однако успешно провести реформы в разных сферах способна только сильная самодержавная власть.

Уваров был убежден, что Самодержавие «составляет центральное условие политического существования России». Царь-самодержец стоит выше классовых интересов, правит ради всеобщего блага, обеспечивая единство и прочность общества в трудные времена перемен. С Уваровым был полностью согласен «националист-романтик» Степан Шевырев, который писал: «Конечно, нет страны в Европе, которая могла бы гордиться такою гармониею своего политического бытия, как наше Отечество. На Западе почти всюду раздор начал признан законом жизни, и в тяжкой борьбе совершается все существование народов. У нас только царь и народ составляют одно неразрывное целое, не терпящее никакой между ними преграды: эта связь утверждена на взаимном чувстве любви и веры и на бесконечной преданности народа царю своему». Либерал, профессор истории Московского университета Т. Н. Грановский, которого Уваров очень высоко ценил и с которым на склоне лет даже поддерживал дружеские отношения, утверждал: «Монархическое начало лежит в основании всех великих явлений русской истории; оно есть корень, из которого выросла наша государственная жизнь, наше политическое значение в Европе»[1]. Примат самодержавия в общественном устройстве России признавали и другие писатели и общественные деятели, которые отмечали, что «одно только правительство, имеющее во всех своих действиях конечною целию общественное благо, трудится единственно на пользу всего народа и руководит общественными преобразованиями, опираясь при этом на патриархальные традиции»[2].

---

[1] Цит. по: *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – С. 114.

[2] Цит. по: Там же.

Управление столь обширной и разнообразной Российской Империей, по мнению Уварова, было подвластно только сильной центральной власти. Если центральная власть ослабевает, то сразу же возникают промедления и путаница во всем, которые ведут в итоге к хаосу. Побывав с инспекционной поездкой в Нижегородской губернии в 1829 г., Уваров поражается величием и разнообразием России, называя ее страной «одновременно столь юной и столь старой, столь богатой и столь бедной, столь слабой и столь сильной, столь дикой и столь цивилизованной». Уваров не идеализировал местное управление страною, видя продажность провинциальных чиновников. Сергея Семеновича очень беспокоила «глубокая разочарованность», угнетающая «дух общества, пребывающий в таком небрежении, но уже столь сильный». Уваров был убежден, что управление Империей должно опираться на «полную доверенность между монархом и его подданными, доверенность к исполнителям его воли, к его органам правосудия, веру в собственные силы страны, в ее возможности, веру в будущее»[1].

В отличие от Европы самодержавное правление способно защитить Россию от кризисов, которые сопутствовали процессу индустриализации в Западной Европе, потому что, по мнению Уварова, промышленность в государстве должна развиваться под государственным контролем. Развитие промышленности и постепенный экономический рост под государственным контролем постепенно сможет облегчить жизнь народа, улучшить его благосостояние и эволюционно отменить крепостное право. Ослабление самодержавия приведет к ослаблению могущества России, подорвет исконные духовные основы нации и спокойствие

[1] Цит. по: *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – С. 114.

государства. Уваров был убежден, что «русский колосс упирается на Самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный. Эту истину чувствует неисчислимое большинство между Русскими; они чувствуют в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении, и в образе мыслей, и в отношениях к Правительству. Эта истина должна присутствовать и развиваться в народном воспитании».

Народность как следующее слагаемое триады не получила таких четких толкований, как Православие и Самодержавие. Поэтому во времена Уварова и в наше время предлагались различные трактовки Народности. Можно вполне согласиться с точкой зрения одного из главных исследователей политического наследия Уварова – М. М. Шевченко, который уверен, что Уваров изначально не ставил перед собой цель дать однозначное толкование Народности. Сергей Семенович полагал, что по мере становления в России собственной национальной системы образования и формирования поколений европейски образованных русских людей именно эти представители русской образованности сформулируют значение Народности на основе трудов всей своей жизни. Основой Народности Уваров считал «соотношение древних и новых понятий… Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Безумно было бы противиться сему периодическому ходу вещей…». Однако нельзя забывать себя, свою народность, бросившись вслед за «мечтательными призраками» европейской культуры, «следуя коим, нетрудно, наконец, утратить все остат-

ки Народности, не достигнувши мнимой цели европейского образования».

С восшествием на престол Императора Николая I Уваров вновь был призван к государственной службе в области народного просвещения, с каждым шагом укрепляя свой авторитет в глазах монарха. Сначала Уваров принимал участие в заседаниях Комитета об устройстве учебных заведений. Уваров вполне обоснованно полагал, что он находится в списке тех людей, кто будет призван Николаем I для создания той группы людей, которая станет основой, на которую падет центр тяжести управления Империей. В 1833 г. Уварова назначают на пост министра народного просвещения. Историки установили, что назначению Сергея Семеновича на пост главы Министерства народного просвещения предшествовал вопрос Николая I Уварову, который царь передал через начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А. Х. Бенкендорфа: «Желает ли Уваров принять Министерство?». Было бы большим заблуждением думать, что Уваров, лелея честолюбивые надежды, тут же согласился с назначением. Он к тому времени успел узнать Россию и по поводу будущего своего Отечества отнюдь не испытывал романтических заблуждений и радужных надежд. Сергей Семенович не скрыл своих сомнений от Николая I. Во время доверительной беседы с Николаем I Уваров осмелился спросить Императора, не слишком ли поздно он назначен министром. Николай I обосновал свое решение: «Я убедился, что вы – единственное возможное орудие, которому я могу доверить эту попытку и которая будет последней… – затем Император прибавил: – Это вопрос совести, посоветуйтесь со своею совестью и рассчитывайте на

меня»[1]. Уваров принял положительное решение. Через несколько месяцев Сергей Семенович был назначен сначала товарищем министра – князя К. А. Ливена. После отставки Ливена Уваров стал управляющим Министерством, и только в 1834 г. Сергей Семенович официально утвержден Николаем I на посту министра народного просвещения.

Пессимистические настроения и беспокоящие Уварова сомнения, которые он высказал с глазу на глаз с Николаем I, вовсе не были наигранными. В кругу доверенных сотрудников министр тоже не скрывал своей тревоги. Уваров опасался, что XIX век принес с собой небывалые политические бури. Народы Европы стремительно изменяются, идут вперед, сами обновляются. Нет единых законов. Но Россия в этом цивилизационном процессе еще не участвует, являясь еще юной державой, ей не по силам перенести эти кровавые тревоги. Уваров был убежден, что надо продлить юность России и воспитать ее. Именно в решении этой задачи Уваров видел суть своей политической системы.

Деятельность Уварова на посту министра народного просвещения стала ярким примером воплощения его триады «Православие, Самодержавие, Народность». Спустя 10 лет после обнародования своей идеологической триады Сергей Семенович подготовил к десятилетнему юбилею деятельности Министерства народного просвещения доклад, который вместе с текстом всеподданнейшего доклада министра народного просвещения от 19 ноября 1833 г. являются основными источниками, на основании которых современные историки могут составить свое представление о планах самого Уварова в области образовательной политики Министерства

[1] Цит. по: *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 67–68.

народного просвещения и стратегии Императорского правительства в области народного образования. Можно с уверенностью сказать, что смена курса в области народного образования, связанная с реформами Уварова, помогла удержать Россию от гибельного движения в сторону революций и кровавых междоусобиц, которые вспыхивали в это время в Западной Европе. Высоко ставя уровень европейской образованности, Уваров старался сохранить русскую систему образования от неоправданного увлечения европейскими идеями, входящими в противоречие с традиционными ценностями русского общества и в итоге разрушающими исконно присущие России начала.

Главной целью Уварова как министра народного просвещения было воспитать в молодом поколении европейски образованных людей тесную связь национального самосознания с православной верой и ощущением долга верноподданного перед самодержцем. В достижении этой цели Уварову как министру предстояло выяснить, какие модные идеи времени являлись лишь следствием роста и развития русского общества, а какие из них в самом деле были опасны и свидетельствовали о разрушительных тенденциях. По верному замечанию М. М. Шевченко, по душевному складу Уваров принадлежал к Александровской эпохе, которую Г. В. Флоровский назвал «высшей точкой русского западничества... когда и самая душа точно отходит в принадлежность Европе…». Лучшие люди Александровской эпохи были романтиками, которые художественно воспринимали действительность, романтически ее осмысливали, не подвергая глубокому критическому анализу. М. М. Шевченко и все исследователи политического наследия Уварова признают, что Уварову не была присуща живая, неразрывная связь со святоотеческой традицией Пра-

вославия. Он был светским человеком, воспитанным в европейской традиции, духовно и интеллектуально ему были ближе европейские романтики Ф. Р. де Шатобриан, братья Шлегели, А. фон Гакстгаузен. Все это предопределило долгий путь Уварова к осознанию и истолкованию слагаемого Народность, к которому он приближался на всем протяжении своей деятельности. Очень интересен факт, отмеченный современным историком М. М. Шевченко в связи с пониманием Уваровым Народности. М. М. Шевченко обращает внимание, что «в черновом наброске на французском языке доклада 19 ноября он вместо "Православия" написал "Народная вера" (Religionnationale). Представляется, что это свойственное романтическому восприятию отсутствие четких разграничений между порядками явлений, четкого построения и соблюдения иерархии ценностей, что и объясняет некоторую туманность его рассуждений о задачах Министерства»[1].

Осознавая свою оторванность от национальных традиций, Уваров хотел сделать подлинную Народность фундаментом системы образования и отечественной журналистики. В направлении культурной самостоятельности по отношению к Европе действовали не только Уваров, Карамзин, но и А. С. Пушкин, который в это же время написал свою известную записку Императору «О народном образовании» (1830 г.), где признал низкий уровень господствующего в России частного образования и преобладание в нем преподавателей-иностранцев. В записке Пушкин писал: «Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить Отечеству верой и правдой». В 1832 г. во время инспекции Московского учебного округа Ува-

[1] *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 71.

ров решил обсудить с профессорами Московского университета идею создания историко-литературного журнала, чтобы побудить юношество заниматься изучением отечественной истории, чтобы узнать «нашу народность во всех ее различных видах»[1]. По мысли Уварова, утверждение принципа Народности в русском образовании было не в последнюю очередь связано с соединением современного ему классического образования со святоотеческой традицией, с возможностью в подлиннике читать православные богослужебные тексты, которые позволят выявить основы русской культуры. В отчете «Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843» Уваров писал: «Стараясь привлечь к изучению греческого языка и словесности, Министерство руководствовалось убеждением… в необходимости основать новейшее русское образование тверже и глубже в древней образованности той нации, от которой Россия получила святое учение Веры и первые начатки своего просвещения»[2].

Народность для Уварова была тем принципом, который мог неразрывно соединить всю Империю, сделаться синонимом верного служения Православию, государству и самодержцу. В одном из первых номеров «Журнала Министерства народного просвещения» Уваров опубликовал речь П. А. Плетнева, который представлял свое понимание Народности, близкое Уварову: «Где самая верная и самая поучительная история государства, как не в критике постепенного развития сил, воли и действий правительства в отношении к нации? <…> Здесь, в этой совокупности наших законов,

[1] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. I. – СПб., 1875. – Стб. 517.

[2] Десятилетие Министерства народного просвещения. – СПб., 1864. – С. 20.

где каждый день, каждый час запечатлен идеею того, кто движет все пружины и напрягает все нравственные силы нации, здесь вполне будет постигнута наша история, а с нею и самая народность»[1].

Русское образованное общество 1830–1840-х гг., осознавая свою национальную идентичность, стремилось разобраться в том, что есть Народность, какова ее суть и роль в прошлом и настоящем России. Помимо движения общественного мнения в стремлении выяснить содержание понятия «Народность», сформировалось ее официальное, утрированное, неглубокое и оттого отвергаемое понимание, которое как раз и ассоциировалось с реакционным. К этому пониманию Уваров не был причастен. Официальное понимание Народности было представлено «династическими националистами», близкими к Императору и двору деятелями. Воплощением их точки зрения стали выступления журналиста Фаддея Булгарина, филолога Николая Греча и книгопродавца и библиофила Осипа Сенковского. Они понимали Народность и патриотизм и упрочение великодержавного статуса Российской Империи крайне упрощенно, исключительно как охранительную доктрину верноподданности самодержцу. Правящая династия признавалась единственным источником национальной культуры и самосознания. Греча уважали в обществе за его научные заслуги в области изучения русской словесности. Резкое отторжение у представителей русского образованного, патриотически настроенного общества вызывали журналистские и писательские выступления Ф. Булгарина. Другая точка зрения принадлежала группе романтических националистов, которые и были наиболее мировоззренчески близки Уварову.

[1] *Виттекер Ц. Х.* Указ соч. – С. 128.

Наиболее яркими представителями романтических националистов были историк М. П. Погодин и писатель С. П. Шевырев, которые с профессорской кафедры и на страницах первого русского славянофильского журнала «Москвитянин», основанного при покровительстве Уварова, пропагандировали и разъясняли свои идеи, стараясь объединить в обществе своих единомышленников. Профессора Погодин и Шевырев признавали свойственное династическим националистам преклонение перед Самодержавием как единственной политической системой, которая необходима и возможна в России. Погодин и Шевырев глубоко изучали национальную неповторимость России и великороссов и видели в русских славянах избранный Богом народ; они были убеждены, что России необходимо выполнить свою миссию спасения славянских народов, противодействовать Западу, указать человечеству иной путь развития по сравнению с западным путем развития.

Третья точка зрения принадлежала собственно славянофилам, которые видели суть подлинной Народности в Православии и Русской Православной Церкви – церковности, а не в государстве. Славянофилы проводили глубокие изыскания в области русского фольклора и истории. К московским славянофилам принадлежали Константин и Иван Аксаковы, Алексей Хомяков, Иван и Петр Киреевские, Юрий Самарин. Славянофилы видели в Самодержавии и самодержавном государе символ единства великорусской нации, который требовал вдумчивого почтения и преклонения, а не бездумного повиновения. Культивирующимся в Западной Европе индивидуализму, легализму и превосходству большинства А. Хомяков противопоставил обоснованную им соборность. По мнению Хомякова, общество должно уподобиться церковному собору, в споре при-

ходить к одному решению. Славянофилы признавали необходимость возрождения земского собора как особого представительного политического органа, указывающего мнение народа самодержцу. Соборность была основой религиозной, общественной и политической сфер жизни в России. Однако и русским западникам было свойственно своеобразное понимание Народности. Очень разнородная группа западников, собравшая как опасных политических радикалов, так и весьма умеренных, предлагала свое видение решения основных вопросов русской жизни. Вся палитра их весьма противоречивых взглядов отражалась двумя самыми популярными «толстыми журналами» первой половины XIX в. – «Отечественными записками» и «Современником». Среди западников Уваров с уважением и благосклонностью относился к профессору Московского университета Тимофею Грановскому – постоянному оппоненту М. П. Погодина. Грановский тоже придавал большое значение Народности, которую понимал по-своему. Он мог быть одновременно русским и европейцем, по свидетельству современников, не переносил пренебрежения ко всему русскому, русским обычаям, истории: «Во взгляде на русскую национальность и по многим другим вопросам я сочувствую гораздо более славянофилам, чем Белинскому, “Отечественным запискам” и западникам»[1]. Уваров ценил в Грановском душевное благородство, умеренность и возвышенность взглядов. Славянофилы, романтические националисты и западники сближались во мнении о необходимости решения крестьянского вопроса и постепенной отмены крепостного права, допущения некоторой степени свободы печати и проведения ряда законодательных реформ.

[1] Цит. по: *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – С. 128.

Уваров со вниманием относился к различным точкам зрения в понимании Народности. Однозначно отрицал Сергей Семенович только воззрения крайних западников, которых презирал и ненавидел, и П. Я. Чаадаева, который, будучи апологетом римско-католической религии, фактически отказал России и русским в политическом и культурном будущем, сравнив их с пасынками Провидения, не содействующими прогрессу. Уваров не только покровительствовал Погодину и Шевыреву, по-товарищески к ним относился, но и очень хвалил перед Николаем I Хомякова и братьев Киреевских за их понимание Православия как главного слагаемого в идеологической триаде и объединяющей русское общество национальной религии. По мысли Уварова, Народность как суть национальной идеи была необходима титульной великорусской нации в целом и особенно образованному слою русского общества, в котором в 1830–1840-х гг. XIX в. национальное самосознание было еще очень мало развито.

Назначение Уварова главой Министерства народного просвещения было поддержано представителями научного сообщества Европы, среди которых был и знаменитый Александр фон Гумбольдт, приславший Уварову письмо с поздравлениями и изъявлениями радости и полной поддержки. Однако заявленное Уваровым понимание целей отечественного народного образования вызвало у европейских политиков недоумение. Например, баварский посланник в России Отто де Брэ не без едкой иронии замечал: «Уваров сделался горячим поклонником узкого славянофильства. Это тем более удивительно, что министр – большой поклонник иностранной литературы и с успехом печатал свои статьи в немецких и французских журналах, но по-русски писал очень мало»[1].

[1] Цит. по: *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 72.

В области народного просвещения, тесно связанной с книгоизданием, периодической печатью и цензурным ведомством, к началу царствования Николая I тоже стали осуществляться серьезные реформы, которые в дальнейшем и суждено было возглавить С. С. Уварову. Прежде всего, правительство во главе с Николаем I со справедливым неодобрением относилось к процветанию в России частной формы образования для дворянского сословия. По Уставу о средних учебных заведениях 1828 г. университетам позволялось закрывать существующие при них и подчиненные им частные учебные заведения (училища и пансионы). Еще А. С. Пушкин в упоминавшейся выше записке «О народном воспитании», адресованной Николаю I, подвергал критике домашнее образование и обучение в частных пансионах, предлагая самодержцу ограничить частное образование в пользу общественного.

Николай I понимал необходимость развития общественного образования и воспитания, способных оградить молодежь из привилегированного сословия от вредных иностранных влияний, которые в дальнейшем могли вызывать противогосударственные выступления. Поэтому 18 февраля 1831 г. от имени самодержавного монарха был обнародован указ Сенату «О воспитании российского юношества в отечественных учебных заведениях», в котором говорилось, что получившие образование за границей юноши-аристократы возвращаются в Россию с самыми искаженными представлениями о своей родине. «Не зная ее истинных потребностей, законов, нравов, порядка, а нередко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественного»[1]. Чтобы русские молодые люди из привилегированного слоя воспитывались и образовывались в националь-

[1] Цит. по: Там же. – С. 50.

ном духе, Император запретил юношам-аристократам до достижения 18-летнего возраста покидать Россию для обучения за границей. Нарушившие этот запрет не имели больше права поступать на гражданскую и военную государственную службу в России. В дальнейшем министр народного просвещения князь К. А. Ливен приказал, чтобы в С.-Петербургском учебном округе частные пансионы открывались только с его собственного разрешения.

В начале царствования Николая I при поступлении на государственную службу предпочтение отдавалось образованным молодым людям, получившим государственное высшее или среднее образование. По Уставу 1828 г. все выпускники гимназий получали право на сокращенные сроки производства в первый классный чин. А выпускники гимназий, знавшие древнегреческий язык, обладали правом начинать службу сразу в 14-м классе. По Университетскому уставу 1835 г. выпускники университетов, получившие степень магистра, могли получать сразу 9-й классный чин, а докторам давалось право на 8-й классный чин. Большие привилегии при поступлении на государственную службу давались выпускникам Царскосельского лицея и Училища правоведения[1].

Побуждая юношество из привилегированного класса получать образование в государственных пансионах, гимназиях и университетах и предоставляя им большие льготы при поступлении на государственную службу, правительство Николая I стремилось преобразовать облик русского чиновничества, формировать государственный аппарат из образованных людей, получивших национальное образование. В Уставе о службе ускоренное продвижение по служебной лестнице и в

[1] *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 51.

итоге получение чина действительного статского советника (чина статского генерала) непосредственно связывалось с получением образования более высокой ступени. Подготовкой Устава о службе гражданской занимался М. М. Сперанский, бывший в то время членом Департамента законов Государственного Совета. Устав о государственной службе разделял всех чиновников на три разряда. К первому разряду относились чиновники, получившие высшее образование, ко второму причислялись лица, закончившие средние учебные заведения, а к третьему – лица, окончившие училища низшей ступени или вообще не имеющие никакого аттестата. За чиновниками второго и третьего разрядов сохранялось право сдавать экзамены и переходить в более высокий разряд.

Преобразования Уварова по привлечению детей дворян в гимназии и университеты постепенно увенчались успехом. В первой четверти XIX в. дворяне избегали отдавать своих детей в гимназии, потому что туда допускались дети всех сословий. Дворяне предпочитали специальные дворянские учебные заведения. Но введение экзаменов на чин привело к тому, что в гимназиях преобладали дети дворян и чиновников. Так, в 1833 г. их насчитывалось 78,9% общего количества учащихся гимназий, а в 1843 г. – 78,7%. Введение экзаменов на чин пополнило дворянской молодежью и русские университеты, куда допускались юноши из всех сословий, за исключением крепостных крестьян. Дети дворян и чиновников среди общего числа русских студентов составляли в 1836 г. 67%, а в 1844 г. – 61,7%[1].

Следовательно, реформируя государственную систему образования, правительство Николая I намеревалось искоренить в России частное образование,

[1] *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 74.

постепенно уменьшив его значение в образовании дворянского сословия. Одной из мер по преобразованию частного образования в государственное было привлечение в казенные учебные заведения юношества дворянского сословия. Но дворянство все еще не спешило отказываться от домашнего и частного образования, пополняя казенные гимназии и университеты. Поэтому правительству пришлось допустить в гимназии и университеты и представителей других сословий, кроме крепостных крестьян.

Одной из главных задач Уварова на посту министра народного просвещения было придание отечественному образованию и воспитанию национального характера. Для этого необходимо было свести к минимуму присутствие в России иностранного образования и воспитания, которое проявлялось через преобладание частных училищ, учрежденных иностранцами, где преподавателями тоже большею частью были иностранцы. Это означало, что в России дворяне предпочитали учить детей либо дома, либо в частных учебных заведениях, игнорируя государственные образовательные заведения, за исключением высших привилегированных слоев, которые вообще часто отправляли своих детей на обучение за границу или могли позволить себе определить детей в наиболее привилегированные Царскосельский лицей и Пажеский корпус. Поэтому в 1833 г. Уваров выступил с постановлением «О мерах против умножения пансионов и частных учебных заведений», которое было принято. По этому постановлению Уварова открытие новых частных пансионов и институтов в С.-Петербурге и Москве было приостановлено, а в других городах нужно было заручиться позволением министра народного просвещения, чтобы в исключительных случаях открыть новый частный пансион.

Кроме того, постановление 1833 г. устанавливало, что хозяевами частных учебных заведений и преподавателями могли быть только русские подданные. Особое положение 1834 г. позволяло штрафовать преподавателей, которые не оформляли специального разрешения на право преподавания от училищных начальств. А в 1835 г. по распоряжению Уварова была учреждена специальная инспекция, в обязанности которой входил надзор за частными пансионами и училищами. В семьях провинциального дворянства по-прежнему предпочитались учителя и гувернеры-иностранцы и иностранки, т. к. считалось, что найти толкового русского домашнего учителя очень трудно, а по установившемуся обычаю в гувернантки по различным предметам предпочитали брать только иностранок, пренебрегая русскими учительницами. Уваров видел, что прекрасно ему знакомое положение, сложившееся в образовании и воспитании детей столичной высшей аристократии, теперь повторялось в обучении детей провинциальных дворян-помещиков. Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, Уваров распорядился принять «Положение о домашних наставниках и учителях», по которому домашние учителя приравнивались к служащим на действительной службе в Министерстве народного просвещения. Отсюда высшей контролирующей инстанцией для домашних наставников и учителей становилось Министерство народного просвещения.

В 1832 г. Уваров обратился к Николаю I с всеподданнейшим предложением об устройстве особых благородных пансионов, которые бы являлись сословными учебными заведениями и содержались на счет дворянства. Предложение Уварова было принято Николаем I, и в этом году было создано шесть благородных дворянских пансионов, а в последующие годы число их стало

неуклонно расти. В 1838 г. насчитывалось 36 благородных пансионов, а в 1842 г. – 42 пансиона[1].

Уваров как министр просвещения уделял много внимания состоянию русских университетов. Всемерно поддерживая университеты, Уваров добился притока на государственную службу чиновников, обладающих самой лучшей подготовкой. Именно Уваров «возвысил университетское учение до рациональной формы, поставив его на степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному», чтобы «воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному вступлению в службу молодежи еще не зрелой»[2]. Уваров всеми силами боролся за повышение качества образования чиновников в высшем правительственном аппарате. Но в этом вопросе Министерству народного просвещения уже требовалась поддержка Императорского правительства и самого Николая I. Нужно было на правительственном уровне определить устанавливаемые законом преимущества по службе для лиц, имеющих высшее образование. Однако правительство долго не могло прийти по этому вопросу к единому мнению, постоянно подвергало сомнению необходимость установленного указом 1834 г. деления чиновников на разряды в зависимости от их уровня образования, считая преимущества по продвижению по службе для образованных чиновников несправедливым. Уваров как глава Министерства народного просвещения должен был доказать правомерность этих преимуществ, понимая, что в дворянском сословии престиж государственного гимназического и университетского образования рос еще очень медленно и для повышения престижа образования нужно

1 *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 73–74.

2 *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. – С. 18.

обязательно сохранить существующие привилегии для выпускников государственных учебных заведений. Министерство народного просвещения стояло на страже интересов выпускников своих учебных заведений и старалось сразу же отразить все попытки уменьшить или нивелировать их привилегии. «Так, в 1837 г. был издан указ, обязывающий дворян и тех, кто по образованию имел право на классный чин, в начале карьеры прослужить три года “в местах губернских или им равных в столицах или вне оных”. В числе исключений были лица, имевшие право на 8 и 9 классы. Это могли быть выпускники с отличием Царскосельского лицея, Училища правоведения, магистры и доктора наук. Первоначально в Комитете министров, где обсуждался проект указа, было предположение, что изъятие из него будет для всех выпускников обоих аристократических училищ. Министр С. С. Уваров обратился к Императору с возражениями: “… если все ограничения и обязанности нового Узаконения должны исключительно падать из высших учебных заведений на одни университеты, то можно опасаться, что прилив в оные молодых людей, особенно высших сословий, с таким трудом устроенный, впредь мог бы прекратиться…”»[1]. В споре о привилегиях для образованных чиновников Император Николай I поддержал Уварова. Однако для выпускников самых привилегированных учебных заведений все же были сделаны особые исключения: «Выпускников двух особых заведений с правом на 8-й и 9-й класс было предписано брать в избираемые ими ведомства даже без открытия вакансий»[2].

Придание системе образования государственного характера позволяло высшей власти кардинально

[1] Цит. по: *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 76.

[2] Цит. по: Там же.

обновить русское чиновничество, привлечь к государственной службе как можно больше образованных людей, таким образом повысив качество государственной службы. Принятие Устава о службе государственной установило систему разрядов чиновничества в зависимости от уровня образования, которая позволила собрать в правительственном аппарате достаточно образованных людей, составивших чиновничество новой формации. Придание государственному образованию национального характера заключалось не только в привлечении в государственные учебные заведения дворянских детей и молодежи, но и в распространении и укоренении русского языка, культуры и государственного русского образования в западных губерниях Российской Империи, которые совсем недавно еще отошли к России от Польши. В среде польского и полонизированного дворянства светское образование традиционно очень ценилось, что было связано со средневековыми традициями Речи Посполитой. Но ко времени вступления на престол Николая I стало ясно, что местное дворянство придерживается антиправительственных и антирусских взглядов и что школа Западного края, получившая развитие еще в правление Александра I, является источником антигосударственных тенденций и настроений. Повсеместное участие польской учащейся молодежи в мятеже 1830–1831 гг. предрешило полную ликвидацию существовавшей системы образования в Царстве Польском после подавления мятежа. Правительство приняло решение прекратить преподавание в Виленском учебном округе, последовали указы о закрытии Варшавского и Виленского университетов, а также университетов всего учебного округа с Кременецким лицеем и другими учебными заведениями. Русской администрации при-

шлось всю систему образования в западных губерниях, отделенных от Польши, организовывать заново, отстраняя профессоров и преподавателей, скомпрометировавших себя участием в мятеже. Центральным событием в устроении в Западном крае русской системы образования стало учреждение в 1834 г. в Киеве Университета Св. Владимира. Уваров представлял задачу вновь созданного Киевского университета в юбилейном докладе Императору «Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 гг.»: «Новый университет должен был по возможности сглаживать те особенные характеристические черты, которыми польское юношество отличается от русского, и в особенности подавлять в нем мысль о частной народности <…> сближать его с русскими нравами <…> передавать ему общий дух русского народа и поселять в нем чувство признательности к Государю… Соединение польского юношества с русским в Киеве, в этом некогда первопрестольном граде России, основательное изучение русского языка и словесности, знакомство с учреждениями и установлениями русскими: вот главные средства, которые были в виду для достижения этой цели <…> Слияние *политическое* не может иметь другого начала, кроме слияния *морального* и *умственного*»[1]. Чтобы сразу не отталкивать от Киевского университета польских дворян, Уваров принял на службу в Университет Св. Владимира преподавателей из Волынского лицея. Постепенно ревизии учебных заведений западных губерний показывали, что все преподавание, кроме католического богословия, ведется на русском языке. Николай I решил сохранить Университет Св. Владимира даже после раскрытия в

[1] Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 гг. – СПб., 1864. – С. 124, 142.

1839 г. в университете польского политического заговора 35 студентов. Киевский университет закрылся лишь на год. Но преподавание польского языка после его открытия было прекращено, и главное внимание было уделено освоению студентами русского языка. Благодаря этим и другим мерам к 1838 г. Уваров мог с удовлетворением констатировать, что преобразование учебной системы западных губерний в основном завершено. «Приток польской и полонизированной молодежи в казенные учебные заведения края не ослабевал. Среди киевских студентов в течение Николаевского времени католиков и униатов в среднем было не менее половины, после 1841 г. их доля стабильно держалась на уровне не менее 51%»[1]. По инициативе Императора в Западном крае было реформировано и женское образование. В начале 1840-х гг. в Западном крае закрыли все учебные заведения при женских католических монастырях, однако частные пансионы, содержавшиеся польскими хозяйками, в западных губерниях продолжали существовать под контролем учебной администрации, что, по мнению Уварова, было лучше домашнего образования, которое могло быть проникнуто антиправительственным духом. В целом Николай I остался доволен реформами системы образования в Западном крае, которые были осуществлены Министерством народного просвещения. Опыт этих реформ царь намеревался использовать для решения польского вопроса и в Царстве Польском. Николай I в отличие от брата Александра I видел в Западном крае Империи не сферу влияния польской культуры и общественности, а, как исконно, исторически русские земли со времен Киевской Руси. В 1839 г. произошло воссоединение с Православной Церковью униатов западных губерний.

[1] См.: *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 101.

В период министерской деятельности Уварова были успешно сформированы учебные программы, основанные на классическом образовании. Именно Уваров создал строго централизованную систему управления учебными округами Российской Империи, в которой была предусмотрена ограниченная автономия университетов. Другой немаловажной заслугой Уварова являлось введение обязательных, оплачиваемых из средств казны заграничных стажировок для выпускников университетов и высших учебных заведений, которых собирались оставлять при кафедрах как будущих преподавателей высших учебных заведений. Благодаря этим командировкам существенно увеличилось количество молодых ученых, стажировавшихся за границей и по возвращении получивших профессорские кафедры (общее число новых профессоров, заведующих кафедрами, – 113 чел.). В период управления Уваровым Министерством народного просвещения, с принятием в 1835 г. нового университетского устава жалованье профессорско-преподавательского состава увеличилось в два с половиной раза[1]. Повышение уровня университетского преподавания было тесно связано с деятельностью Императорской академии наук. В годы президентства Уварова в Академии были реализованы фундаментальные исследовательские проекты в области русской истории и филологии. Если говорить о деятельности Академии наук в целом, то президентство Уварова ознаменовало период ее быстрого и плодотворного развития. Вот что писал В. И. Вернадский о заслугах Уварова перед Академией наук: «Только с назначением президентом Сергея Семеновича Уварова Академия наук окончательно вошла в рамки государственных учреждений России и получила в них то

[1] Там же. – С. 74.

высокое положение “первенствующего ученого сословия”, которое являлось для нее идеалом и необходимостью. Счастливым случаем было в истории Академии, что Уваров <…> неизменно оставался в ней до нового царствования – до эпохи Великих реформ… Состояния, в котором он нашел Академию в 1818 г. и в каком она была в 1849 г., были несравнимы, и в этом огромном росте Академии роль Уварова была первостепенной. Отнюдь не преувеличением и не искажением истины в официальных юбилейных речах и некрологах были те указания, какие делались в заседаниях Академии наук в 1843 г. – в 25-летие его президентства, и в 1855 г. – в поминание его после смерти. Президентство Уварова действительно составило эпоху в истории Академии…»[1].

Как высокообразованный человек Уваров поддерживал ученых и профессоров университетов, стараясь по мере возможности показать сановникам из высшей бюрократии необходимость и полезность новых достижений науки и образования для проведения политики правительства. С этой целью Уваров приглашал на лекции знаменитых профессоров С.-Петербургского университета – членов Государственного Совета генерал-адъютантов графа В. В. Левашова и князя И. В. Васильчикова, которые посещали лекции профессора русской истории Н. Г. Устрялова. Также Уваров лично приглашал к себе Н. Г. Устрялова, чтобы тот прочел отдельные лекции своего курса в присутствии графа Н. А. Протасова [1], который в то время являлся товарищем министра народного просвещения, а в дальнейшем занял пост обер-прокурора Святейшего Синода. Устрялов вспоминал: «Оба они делали замечания, но вообще были в восторге, особенно граф Протасов; для него очень важно было тогда Литовское княжество

1 Цит. по: *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 75.

по политическим соображениям; дело представлялось как-то смутно. Теперь же все стало ясно»[1].

В области научных исследований Уваров считал нужным ограничивать изучение некоторых тем, которые в то время считались особенно актуальными и дискуссионными. Например, историк Н. И. Костомаров в 1842 г. опубликовал магистерскую диссертацию «О причинах упадка и характере унии в Западной России». Костомарова пригласил к себе епископ Харьковский Иннокентий (Борисов), чтобы обсудить некоторые положения диссертации, которые показались преосвященному недостаточно обоснованными. Между Костомаровым и епископом Иннокентием состоялся научный диспут. Проблема заключалась в том, что диссертация Костомарова могла стать поводом для антиправительственной полемики, которая в то время велась на Западе. По воспоминаниям Костомарова, Иннокентий посоветовал ему после защиты диссертации поехать в С.-Петербург и заняться более тщательной и детальной разработкой проблемы унии. Видя недостаточную разработанность проблемы унии в Западном крае в диссертации Костомарова, епископ Иннокентий посоветовал руководству учебного округа отложить защиту диссертации, чтобы выяснить мнение Уварова. Уваров поручил профессору Н. Г. Устрялову экспертный разбор диссертации Костомарова, который дал резко отрицательный категоричный отзыв. По заключению Устрялова Уваров распорядился отменить защиту, уничтожить тираж диссертации, а Костомарову настоятельно предложил выбрать иную тему для исследования. По новой теме в 1844 г. Костомаров успешно защитил диссертацию.

В 1846 г. Император Николай I инициировал учредить из всех товарищей министров Комитет по пере-

---

1 Цит. по: Там же. – С. 77.

смотру Устава о службе гражданской, который должен был подготовить постепенное упразднение в России гражданских чинов. Уваров резко возражал против этой инициативы монарха, представив Николаю I всеподданнейшую записку от 7 ноября 1848 г. «О системе чинов в России», в которой подчеркивал, что если система гражданских чинов и устарела по форме, то по своей главной сути система вовсе не устарела. Уваров доказывал, что в руках правительства система чинов является ничем не заменимым средством воспитания в народе духа служения Русскому государству. Упразднение системы чинов неизбежно приведет к моральной деградации чиновничества и в конечном счете – к катастрофическому снижению профессионализма и дееспособности всего государственного аппарата. Вот как оценивал российскую систему чинов Уваров: «Мысль общая за полвека, что каждый Русский подданный должен служить Престолу, мысль, которая благоговейно руководит целыми поколениями, с уничтожением Табели о рангах, несомненно, ослабеет… образуется новый разряд людей … менее привязанных к Правительству, а более занятых своими выгодами… людей без прошедшего и будущего… совершенно похожих на класс пролетариев, единственных в России представителей неизлечимой язвы нынешнего европейского образования»[1].

Еще более сложной, чем сфера образования, оказалась сфера цензуры, которую Уваров тоже подверг преобразованию, сочетая разумную строгость национального деятеля, отстаивающего интересы государства, с некоторыми послаблениями. К сожалению, все осуществленные меры и замыслы Уварова, касающиеся русской цензуры, не были по достоинству оценены Ни-

[1] Цит. по: *Уваров С. С.* О системе чинов в России // *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 242.

колаем I. Еще цензурный устав 1804 г. и преобразования эпохи царствования Александра I, по сути, создали в России периодическую печать и книгоиздание. В царствование Николая I положение стало заметно меняться, особенно после выступления 14 декабря: правительство все более сомневалось в возможности участия частных лиц без правительственной опеки в обсуждении важнейших общественно-государственных вопросов, среди которых – необходимость уничтожения «зол, веками укоренившихся». Эти сомнения правительства привели к тому, что любое умственное движение, цели которого вызывали сомнения и были неясны для правительства, бралось под пристальный контроль и подозревалось в политической неблагонадежности. Эта перемена во внутренней политике имела серьезные основания. Во времена правления Императора Александра I казалось, что по воле Императора Россия тотчас превратится в просвещенную страну, где сама собой явится гражданская и политическая свобода, воплотится гармония сословий. Однако под влиянием революционного брожения в Западной Европе, выступления 14 декабря 1825 г. и польского восстания 1830 г. идеологические основания конституционных реформ Александра I, укоренившиеся в среде европейски образованной русской молодежи из аристократии, показали свои опасные стороны. Отказ от прежних политических устремлений привел государственных деятелей в первые годы царствования Николая I к дезориентации. Первые годы правления Николая I были и для Уварова очень тяжелым периодом неопределенности, разочарований и потрясений. В его воспоминаниях отчетливо проявляются отголоски душевных мучений, пережитых им в 1825–1831 гг. Престолы монархов вновь стали рушиться, революционная идеология 1789 г. снова начала разрушительное дей-

ствие «от одного конца Европы до другого, невзирая на историю и особенности жизни народов…»[1].

Надзором за печатью в Николаевскую эпоху занялось III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. К сожалению, после слишком расширительного и либерального толкования идейных течений в русском образованном обществе в период царствования Александра I русское общество в Николаевскую эпоху столкнулось с противоположным, слишком упрощенным пониманием умственных течений со стороны Николая I, который в стремлении искоренить «дух 14 декабря» чрезмерную роль отводил исключительно административно-полицейским средствам.

Верой исключительно в административный ресурс и силовое подавление всех неблагонамеренных или подозреваемых в неблагонамеренности общественных настроений и течений со стороны Николая I объяснялось нежелание видеть в периодической печати и в книгоиздании комментарии частных лиц о политических событиях, рассуждения и намеки на действия правительства, которые могли вызвать в русской публике далекие от благонадежности толки. Из-за стремления пресечь ненужные толки в обществе по поводу важных политических вопросов и действий правительства в печати не дозволялась публикация материалов, рассказывающих о радикальных политических учениях.

Показательно, что в 1827 г. приближенный к Императору политический деятель граф Д. Н. Блудов очень определенно выразил суть опасений правительства в письме к своему бывшему товарищу по литературному обществу «Арзамас» П. А. Вяземскому: «В век, духовно больной, как тот, в котором мы живем, порою мысль, невинная сама по себе, но выраженная

---

1 Цит. по: *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 65.

так, что подсказывает разные заключения, может произвести пагубное воздействие на читательскую чернь, а ведь именно на эту чернь распространяется влияние журналов; необходимо избегать этого как ради самого себя, так и ради правительства»[1]. Граф Блудов имел в виду издателя «Московского телеграфа» Н. А. Полевого. Блудов подробно объяснил, что в публикациях «Московского телеграфа» могло привить неблагонамеренные мысли читающей публике: «Дело заключается в некотором духе едкости и суждения, в известном стремлении высказывать и напоминать ложные положения, превозносить людей, широко известных по их неистовой оппозиции, почти враждебной их правительствам… преувеличенные похвалы Жан-Жаку Руссо, политическим вопросам и вопросам политической экономии, определенным как темные вопросы, разрешение которых волнует всех людей»[2].

Уже в начале царствования Николая I Уваров способствовал смягчению тех основополагающих представлений о значении печати, которые являлись основой создания нового устава о цензуре. В январе 1826 г. министру народного просвещения А. С. Шишкову было передано Николаем I распоряжение «о скорейшем приведении к окончанию дела об устройстве цензуры»[3]. Проект бывшего министра просвещения, либерала М. Л. Магницкого, был переработан под руководством директора канцелярии Министерства народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова. Новый Устав о цензуре был утвержден Императором 10 июня 1826 г. Устав о цензуре 1826 г. повелевал цензорам «произведениям словесности, науки и искусств… дать полезное

[1] Цит по: Там же. – С. 46.

[2] Цит. по: Там же. – С. 46–47.

[3] Цит. по: Там же. – С. 42.

или, по крайней мере, безвредное направление», заботиться «о направлении общественного мнения согласно с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства». Разработчики Устава о цензуре 1826 г. намеревались предусмотреть любые, какие только можно было вообразить, уловки неблагонадежных авторов и дать цензорам решения на все случаи в их трудном ремесле[1].

Новый Устав вызвал ропот русского общества. Управляющий III отделением М. Я. фон Фок докладывал своему шефу, графу А. Х. Бенкендорфу, что новый Устав о цензуре привел литераторов в отчаянье. Писатели и журналисты во всех кружках произносят негодующие речи о новом Уставе. Это не могло быть на руку правительству, т. к. известные писатели и журналисты обладали немалыми связями и имели знакомства в придворных кругах. Они формировали в общественном мнении отрицательное отношение к новому Уставу о цензуре. Показательно, что С. Н. Глинка, бывший многолетний издатель журнала «Русский вестник», не причислявший себя к либералам, из-за материальных проблем вынужденный просить о месте цензора, ознакомившись с текстом нового Устава о цензуре, возвратил его Ширинскому-Шихматову со словами: «В силу такого чугунного устава не могу быть цензором»[2]. Эту непростую ситуацию удалось разрешить Д. В. Дашкову и С. С. Уварову, которые добились пересмотра Устава 1826 г. Николай I согласился на разработку нового свода правил о цензуре, которые основывались на представлении, что цензурное ведомство «уподобляется таможне, воспрещающей ввоз запрещенных товаров, а не

[1] *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 43.

[2] *Уваров С. С .* О системе чинов в России // *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 43.

есть фабрика, где делают товары хорошие»[1]. Отметим, что С. С. Уваров в то время исполнял должность попечителя С.-Петербургского учебного округа, Д. В. Дашков стал через несколько лет министром юстиции, а в юности Д. В. Дашков был товарищем С. С. Уварова по литературному обществу «Арзамас».

В новом Уставе о цензуре, принятом 22 апреля 1828 г., разработчики постарались сгладить крайности устава А. С. Шишкова. Цензорам было запрещено «входить в разбор справедливости или несправедливости частных мнений и суждений писателя, если только оные не противны общим цензурным правилам», «входить в суждение о том, полезно или бесполезно рассматриваемое сочинение, буде только оно не вредно». Цензоров побуждали обращать внимание на явный смысл высказывания автора, не позволяя себе произвольно интерпретировать речь автора в положительном или отрицательном значении. Цензурное ведомство было организовано по-новому. В С.-Петербурге, Москве, Риге, Вильно, Киеве, Одессе, Тифлисе были учреждены цензурные комитеты, а в Дерпте, Ревеле и Казани цензурой ведали отдельные цензоры. Ввозимые в Россию зарубежные издания рассматривались в Комитете иностранной цензуры. Главное управление цензуры было той высшей инстанцией, куда могли обращаться с жалобами авторы и издатели. В Главное управление цензуры входили товарищ министра народного просвещения, представители Ведомства православного исповедания, Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел, президенты Академии наук и Академии художеств, управляющий III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, попечитель С.-Петербургского учебного округа. Показательно, что правительство по-

[1] Цит. по: Там же.

шло на уступку и разрешило отменить в Уставе о цензуре пункт о запрещении цензорам занимать другие должности. Из этого разрешения следовало, что цензорами, как и ранее, могли быть профессора университетов, ученые, чиновники, т. е. наиболее образованные люди своего времени. Но радость, с которой русская публика встретила новый Устав о цензуре, быстро сменилась разочарованием из-за последовавших за его принятием многочисленных дополнительных циркуляров, предписаний, разъяснений, которые снова существенно стесняли печать. Особенно новые ограничительные меры давали простор к проявлению предвзятости цензоров по отношению к литераторам на основе личной неприязни. Например, объективный и снисходительный цензор, сам писатель-славянофил С. Т. Аксаков отрицательно относился к журналисту Н. А. Полевому, который, зная о таком отношении к себе, пытался в обход Аксакова добиться в петербургских высоких сферах разрешения на публикацию материалов в своем журнале «Московский телеграф». В дальнейшем ему удалось заручиться поддержкой всесильного шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа. В то же время из-за излишней мягкости был наказан и отстранен от должности цензор С. Н. Глинка. Дополнительные циркуляры и предписания к Уставу о цензуре создавали двоякое толкование положений Устава и вполне могли способствовать проявлению административного произвола в отношении авторов и издателей. К счастью, А. С. Пушкин, как и в предыдущее царствование Н. М. Карамзин, нашел себе цензора в лице Императора Николая I. Конечно, отношения монарха и гениального поэта были далеки от идеальных, но все же признано, что Император начинал осознавать масштаб дарования Пушкина и цензорство Николая I принесло пользу литературной деятельности Пушкина.

Историки с уверенностью утверждают, что Уваров как просвещенный человек понимал, что русская общественная мысль развивается и требует своей трибуны в периодической печати. Еще исполняя должность попечителя Московского учебного округа, Уваров выступал за сотрудничество высшей администрации с представителями литературной общественности, «пишущего класса». Уваров часто говорил о необходимости свободы мысли. Цензор А. В. Никитенко, доверенное лицо Уварова, считал наиболее характерной чертой министерского периода Уварова то, что «в десять лет ни один человек не был по его воле преследуем за идеи»[1]. В университетах и литературных кружках бытовали различные общественные теории, но в русской печати это разнообразие умственной жизни не проявлялось. Уваров сразу же четко определил: «В правах русского гражданина нет права обращаться письменно к публике. Это привилегия, которую правительство может дать и отнять, когда хочет», чтобы защититься от пропаганды «разрушительных понятий»[2]. Однако в Николаевскую эпоху образованные слои общества не ставили под сомнение необходимость государственного контроля за печатью и книгоизданием. Приверженцы свободы печати из стана славянофилов признавали, что контроль за печатью нужен для защиты личности от произвола мнений и оскорблений. Необходимость цензуры признавал даже А. С. Пушкин, говоря, что цензура и неограниченное самодержавие следуют рука об руку, поэтому ко времени вступления Уварова на пост министра просвещения проблема заключалась не в том, нужна ли цензура, а в том, каковы ее полномочия и насколько строгой она должна быть. Строгость применения цензурных правил

[1] Цит. по: *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. – С. 128.

[2] Проект цензурного устава. – СПб., 1849.

зависела от того, кто стоял во главе Министерства народного просвещения, к которому была отнесена цензура. Уваров занимал в отношении ведомства цензуры умеренную позицию. По мнению Уварова, в трудном деле цензуры министр народного просвещения старался найти середину между усердием цензоров, необдуманным применением с их стороны власти и отсутствием внимательного надзора, который неизбежно приводил к большим бедам. Отсюда Уваров рекомендовал цензорам проявлять бдительность, но осуществлять свою работу так, чтобы «публика не имела повода заключать, будто правительство угнетает просвещение». Получая жалобы, Уваров в 1835 г. предупредил Московский цензурный комитет, что строгость не должна превращаться в притеснение безобидной литературной деятельности и ожесточать писателей. Но в то же время он поставил четкую задачу перед цензорами Московского цензурного комитета: «Политическая религия имеет свои догматы неприкосновенные, подобно христианской религии; у нас они – самодержавие и крепостное право; зачем же их касаться, когда они, к счастию России, утверждены сильной и крепкой рукой»[1]. В «Обзоре деятельности Московского университета от 4 декабря 1832 г.» Уваров заявлял: «При вступлении в должность думал я, что, укротив в журналистах порыв заниматься предметами, до государственного управления или вообще до правительства относящимися, можно бы было предоставить им полную свободу рассуждать о предметах литературных, невзирая на площадные брани, на небрежный слог, на совершенный недостаток вкуса и пристойности; но, вникнув ближе в сей предмет, усмотрел я, что влияние журналов на публику, особенно университетскую молодежь, не безвредно и с литературной стороны. Разврат

[1] Цит. по: *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 79.

нравов приуготовляется развратом вкуса…»[1]. Поэтому для предотвращения проникновения в печать опасных, приносимых из Европы «политических понятий» нужно внимательно смотреть за рассуждениями о «предметах литературных», следует защищаться от них, где только можно, «умственными плотинами»[2].

За весь период своей работы в Министерстве народного просвещения Уваров закрыл только два журнала, среди которых были «Московский телеграф» и «Телескоп». К закрытию «Московского телеграфа» привело личное неприязненное отношение Уварова к его издателю Н. А. Полевому, ошибкой которого Уваров сумел воспользоваться. А закрытие в 1836 г. «Телескопа» было связано с публикацией в нем «Философического письма» П. Я. Чаадаева, которое противоречило представлениям Уварова о развитии культуры, утверждающего не прогресс, а разрушение. Уваров верно отметил, что письмо Чаадаева «дышит нелепою ненавистию к Отечеству и наполнено ложными и оскорбительными понятиями как насчет прошедшего, так и насчет настоящего и будущего существования государства»[3]

В то же время в 1830-х гг. в литературном сообществе отчетливо проявилось встречное стремление взаимодействовать с высшей властью. Это стремление нельзя было назвать заискиванием и низкопоклонством.

Стремление к сотрудничеству проявлялось у тех, кто был способен критически переосмыслить либеральные стереотипы царствования Александра I, сложившиеся из-за повсеместного увлечения идеями эпохи Просвещения. Примером подобной переоценки стала известная

---

[1] Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.) // *Уваров С. С.* Избранные труды. – М., 2010. – С. 302.

[2] *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 79.

[3] Цит. по: *Виттакер Ц. Х.* – С. 132.

«Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина и изменения во взглядах на взаимоотношения поэта и власти со стороны А. С. Пушкина, который признавал настоятельной потребностью для России правление неограниченного в правах монарха, стоящего выше самого закона. Пушкин признавал моральные основания необходимости контроля печатного слова со стороны самодержавного монарха: «Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографского снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно… Законы против злоупотреблений книгопечатания не достигают цели закона, не предупреждают зла, редко его пресекая, одна цензура может исполнить то и другое»[1].

Уваров гневался на Пушкина за его сомнения в способности и праве министра контролировать направление литературы и периодики. Кроме того, Александр Сергеевич занимал привилегированное положение, т. к. его цензором являлся сам Николай I. Возможно, Уваров не хотел допустить, чтобы Пушкин перехватил инициативу в установлении связей между русской литературой и властью, создав журнал «Современник», с помощью которого хотел приблизить к правительству талантливых литераторов. Значение власти печати и писателей понимал и Император Николай I. В свете событий 14 декабря 1825 г. царь не хотел допустить проникновения в печать даже лояльного к власти самостоятельного общественного мнения, поэтому уклонялся от предложений В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, которые хотели создать под эгидой правительства благона-

[1] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VII. – С. 207.

меренный частный литературно-политический журнал. Монарх не считал нужным через периодику искать поддержки своих законов и распоряжений. К сожалению, в области цензуры высшая власть делала ставку только на запретительные меры, видя в цензуре исключительно средство, препятствующее отражению в печати общественного мнения.

Противоречивость цензурных правил ставила авторов и цензоров в прямую зависимость от изменений настроения властей. Министр Уваров понимал явную недостаточность только репрессивных мер и привлекал в цензурные комитеты ученых и писателей, но все же туда шли без большого желания. Цензурный гнет в Николаевскую эпоху усиливался еще и потому, что функции контроля за печатью выходили за пределы Министерства народного просвещения и продолжали все больше распыляться. За печатью следило не одно только III отделение, но и различные министерства (внутренних дел, финансов, военное, иностранных дел, Императорского двора), что еще более осложняло дело цензуры. Даже Почтовый департамент и III Отделение Его Императорского Величества канцелярии, а также некоторые временные учреждения имели право вмешиваться в дела цензуры Министерства народного просвещения. Уваров не раз защищал своих цензоров от нападок жандармов.

Начавший выходить с 1834 г. «Журнал Министерства народного просвещения» под редакцией А. В. Никитенко не пользовался успехом у публики, поэтому бóльшую часть тиража приходилось распространять по учреждениям ведомства. Уваров старался поддержать частную издательскую инициативу благонамеренных литераторов «в духе правительства». Однако частные периодические издания вызывали у высшей власти не-

доверие. С 1835 г. для издания нового журнала необходимо было личное разрешение Николая I. В 1837 г. Уварову удалось получить разрешение издавать журнал «Москвитянин» для М. П. Погодина. Николай I настороженно относился к подобным просьбам и на докладе Уварова сделал резолюцию: «Согласен, но со строгим должным надзором»[1]. Журнал «Москвитянин» Уваров мыслил как некий образец для русской журналистики[2]. Сергей Семенович по мере своих ограниченных возможностей старался ограждать «Москвитянин» от необоснованных претензий жандармского ведомства, в частности спасти журнал от нападок А. Х. Бенкендорфа, которому показались недопустимыми опубликованные на страницах журнала два анекдота о чиновниках. В 1844 г. Уваров просил Императора разрешить профессору Т. Н. Грановскому издание журнала «Московское обозрение». Карьера Грановского складывалась во время министерского управления Уварова, который хорошо знал профессора, симпатизировал ему и не предполагал у него мятежного «духа 14 декабря». Однако Николай I в просьбе решительно отказал с характерной резолюцией: «И без нового довольно»[3].

Уваров понимал, что авторская мысль всегда будет идти впереди любых цензурных инструкций и уставов, создавая все новые непредвиденные случаи. Он видел, что судьба каждого отдельного произведения, в первую очередь, зависит от цензора, чем от предписанного цензурного устава и инструкций. Уваров объяснял своему доверенному лицу А. В. Никитенко, что ему следует действовать «…по системе, которую вы должны пости-

1 Цензура в царствование Николая I // Русская старина. – 1903. – № 3. – С. 590.

2 *Шевченко М. М.* Указ. соч. – С. 81.

3 См.: Там же. – С. 82.

гать не из одного цензурного устава, но из самых обстоятельств и хода вещей»[1]. Уваров в 1843 г. предложил в докладе Николаю I разделить ответственность в периодических изданиях между цензором и издателем, чтобы цензоры могли быть одновременно и ответственными издателями того журнала, который они цензурируют. Так, в 1846 г. цензор А. В. Никитенко совмещал обязанность издателя журнала «Современник». Таким образом, как главе цензурного ведомства Уварову приходилось создавать «умственные плотины», но в то же время министр осознавал, что жесткий цензурный гнет по отношению к печати может нанести вред авторитету правительства в глазах формирующегося общественного мнения. Уваров старался сделать цензуру более гибким инструментом, пользуясь хотя и ограниченной, но все же немалой властью министра народного просвещения.

Наступил 1848 г. – русское правительство было встревожено европейскими революционными событиями. А на следующий год смута дошла и до России: в 1849 г. был раскрыт заговор кружка М. В. Буташевича-Петрашевского. Эти годы стали самыми трудными в жизни Уварова, т. к. Николай I почти утратил доверие к министру народного просвещения и подверг ревизии всю его деятельность за 17 лет. Уварову были поставлены в вину многочисленные упущения и недосмотры его ведомства. Шеф жандармов граф А. Ф. Орлов доложил Императору об упущениях цензуры Министерства народного просвещения, среди которых упомянул о двух журналах «сомнительного направления». Одним из этих журналов был «Современник», издателем и цензором в котором был А. В. Никитенко – соратник Уварова. Барон М. А. Корф, давний недоброжелатель Уварова, воспользовался этим фактом и заявил, что за

[1] Цит. по: Там же.

либеральным Никитенко скрывались подлинные руководители «Современника» – Панаев, Некрасов и Белинский, а разрушительное влияние критического таланта Белинского на общественное мнение III Отделение уже успело оценить. Прочитав доклад шефа жандармов, Николай I приказал составить особый комитет под председательством морского министра князя А. С. Меншикова для выявления «упущения цензуры и ее начальства» и «которые журналы в чем вышли из своей программы». В этот комитет вошли бывший министр внутренних дел, генерал-адъютант А. Г. Строганов, член Государственного Совета Д. П. Бутурлин, статс-секретарь П. И. Дегай, Л. В. Дубельт и барон М. А. Корф. Все перечисленные сановники, кроме М. А. Корфа – давнего врага Уварова, тонкостями дела цензуры и литературой не интересовались. Меншиков, по воспоминаниям современников, с большой неохотой принял предложение возглавить Комитет и поспешил предупредить Уварова об интриге против него, просил Сергея Семеновича представить все доказательства в свое оправдание. Если в деле народного образования Уваров, имея открытых недоброжелателей, все же не терял доверия Императора, показывая наглядные результаты своей деятельности, то в неоднозначном деле цензуры, где все основывалось на личных симпатиях-антипатиях и покровительстве, все ошибки и упущения Уварова были особенно заметны; более того, они тщательно учитывались его противниками и в итоге не могли не подорвать репутации Сергея Семеновича в глазах Николая I, отличавшегося природным прямодушием и не компетентного в вопросах печати и цензуры.

По итогам работы Меншиковского комитета Министерство народного просвещения признавалось виновным в «послаблении и неосторожности» в сфере цензур-

ного ведомства. Одной из причин этого было признано несовершенство цензурных правил, поэтому Министерству предлагалось немедленно приступить к пересмотру законодательства о цензуре; особым пунктом цензорам запрещалось редактировать периодические издания и занимать иные должности. Защищаясь, Уваров 24 марта 1849 г. подал Николаю I всеподданнейший доклад «О цензуре», где, насколько это было возможно, старался показать всю сложность цензурной политики, которая требует вдумчивого подхода, щепетильности, поскольку она адресуется к общественному мнению молодой русской читающей и пишущей публики, образованной, учившейся в 1830–1840 гг.

Уваров напоминал, что цензура делилась на внешнюю и внутреннюю, по разделению читающей публики: на тех, кто прекрасно знал европейские языки и читал новинки литературы в подлиннике, и представителей русского читающего класса, которые читали русских писателей, находившихся под влиянием европейских литератур. Эта сложное соотношение в цензуре требовало гибкого подхода. Уваров вновь возвращался к своим рекомендациям Императору, сделанным еще в 1843 г., повторяя, что находит их «нужными и поныне». Но Николай I отверг все рекомендации Уварова и велел ему передать свой доклад Меншиковской комиссии. Несомненно, что упрощенные выводы шефа жандармов А. Ф. Орлова и барона М. А. Корфа больше понравились Императору. 2 апреля 1848 г. был учрежден Секретный комитет по надзору за печатью под председательством Д. П. Бутурлина. С началом работы Секретного комитета 2 апреля министр народного просвещения превращался в простого исполнителя распоряжений этого комитета и фактически терял возможность лично влиять на цензурную политику. В связи с революционными

событиями в Западной Европе было решено сократить прием в университеты студентов, находящихся на собственном обеспечении, таким образом уменьшив прием; в обществе ходили даже слухи о возможном закрытии университетов.

Все эти меры наносили моральный урон Уварову, разрушая созданное им за долгие 17 лет. Выполняя утвержденное Николаем I постановление Меншиковского комитета, Уваров был вынужден образовать 3 апреля 1849 г. Комитет по пересмотру цензурного устава. Проект цензурного устава Уварова (1849 г.) был отвергнут Императором. Вместо него был утвержден новый проект, представлявший собой образец заурядного бюрократического формализма. В это время Уваров, пережив смерть жены, тяжело заболел, был частично парализован, с трудом возвращался к жизни. За время болезни Уварова Николай I учредил еще один Секретный комитет, деятельность которого ставила под сомнение деятельность Министерства народного просвещения. Это был Комитет для пересмотра «постановлений и распоряжений по части Министерства народного просвещения» и «по пересмотру учебных уставов», куда не вошел ни один чиновник Министерства. Немного оправившись от болезни, Уваров принял решение об отставке. После отставки за ним было сохранено членство в Государственном Совете. Вскоре Уварову был пожалован орден Св. Андрея Первозванного. Эту награду сопровождал милостивый рескрипт Николая I.

Действия секретных комитетов подорвали только что установившуюся благодаря деятельности Уварова хрупкую взаимосвязь между властью и литературой. В целом признано, что действия Комитета привели к хаотическому характеру деятельности цензуры. Именно это стало причиной возникновения цензурного террора

1848–1849 гг., т. е. русская печать не могла ответить на запросы читателей, получивших гимназическое и университетское образование. По словам барона Корфа, одной рукой правительство культивировало просвещение, другой – отнимало данное.

В конце 1840-х гг. положение Уварова при дворе стало стремительно ухудшаться: недоброжелателям Сергея Семеновича удалось опорочить его в глазах Императора. Только Императрица Александра Федоровна неизменно относилась к графу милостиво и доверительно. Традиционные утренние визиты в императорский дворец стали для графа Уварова тяжелым испытанием.

Вслед за неприятностями по службе Уваров пережил трагедию в личной жизни – в 1849 г. скончалась его супрга. Сергей Семенович очень тяжело переживал утрату, перенес несколько инсультов, из-за чего был вынужден подать в отставку. Последние шесть лет жизни Сергей Семенович проживал в Москве и в своем любимом имении Поречье. Это имение он заботливо обустраивал, превратив в настоящий художественный музей, который современники называли русскими Афинами. Поречье стало подлинным оазисом просвещения, где «снова засиял блеск его просвещенного ума и необыкновенной даровитости»[1], что побуждало его современников вспоминать стихи, обращенные к Уварову его соавтором в деле изучения греческой филологии, знаменитым русским поэтом-романтиком К.Д. Батюшковым:

Среди трудов и важных Муз,
Среди учености всемирной
Он не утратил нежный вкус,

[1] Об Украино-славянском обществе. (Граф С. С. Уваров и граф С. Г. Строганов). 1847-й год (Из бумаг Д. П. Голохвастова) // Русский архив. – М., 1892. – № 7. – Год 30-й. – С. 359.

Еще он любит голос лирный…
Под сумрачным родился небом,
Как будто в Аттике рожден.

В московском доме Уварова собирались известные профессора, Т. Н. Грановский пользовался особой благосклонностью Сергея Семеновича. Уваров говорил Грановскому, что «… в свое министерство он постоянно сторонился лютого зверя»[1]. Профессор Грановский, в свою очередь, тоже проникся к Уварову дружескими чувствами в этот последний период жизни бывшего министра. В русских Афинах – Поречье – Уваров находился в центре дружеского научно-художесственного кружка лучших людей эпохи: «… а знаменитое Поречье становилось русскими Афинами: там Перевощиков определял астрономическую широту и долготу места, профессор Симонов – положение магнитной стрелки, Леонтьев описывал Альтемпскую урну, граф Д. А. Толстой (тогда юноша, впоследствии министр) составлял перечневую опись обширной библиотеки; в великолепном саду воздвигнут памятник Жуковскому, Давыдов, Погодин читали лекции. Историческое беспристрастие не должно умолчать о том, что граф С. С. Уваров образованностью и дарованиями был много выше графа С. Г. Строганова (статья его на французском языке и до сих пор принадлежит к произведениям образцовым), но в личной доблести между ними не могдо быть и сравнения»[2].

Как личность Уваров сформировался в Александровскую эпоху, будучи политическим романтиком, образованнейшим человеком своего времени, как и выдающийся русский историк-романтик Н. М. Карам-

---

1 Там же.

2 Об Украино-славянском обществе. – С. 359.

зин. Графа Уварова с полным правом можно отнести не только к самым выдающимся деятелям Александровской и Николаевской эпох, представителям высшей политической и интеллектуальной элиты этих противоречивых эпох. Создав свою знаменитую триаду, Уваров опередил свое время, сформулировав главные вневременные ценностные константы Государства Российского. Став министром, он представил свою концепцию просвещения, основой которой являлось гармоничное единение европейской образованности и утверждения исключительной ценности самобытных национальных слагаемых, складывавшихся в России, что и определило главные вехи развития государственности России, ее культуры и просвещения.

В. Б. Трофимова

I. ВСЕПОДДАНЕЙШИЕ ДОКЛАДЫ И ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРУ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭССЕ

ДОКЛАД ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I О СЛАВЯНСТВЕ

Из сведений и бумаг, сообщенных мне конфиденциально графом Орловым [1], явствует, что несколько людей разного звания и происхождения осмелились под видом будто бы славянства приступить к преступной мысли посягнуть на правительство и на общее спокойствие Отечества [2].

Нет никакого сомнения, что для охранения духа народного от заразы возмутительных идей необходимо было раскрыть в самом зародыше замышляемое преступление и что с надлежащей строгостью виновные понесут справедливое наказание по мере степени вины каждого.

Не дозволяя себе, в частности, никакого преждевременного заключения насчет окончательного вывода, впрочем, как кажется, довольно близкого, я приемлю смелость обратиться к некоторым общим видам, коим

это дело дает особую важность и которые состоят в ближайшей связи с Министерством, Высочайше вверенном моему управлению.

По внимательном соображении особых обстоятельств сего дела, сколько оные сделались мне известными, осмеливаюсь думать, что, наказывая в лице сих людей нарушителей закона, посягнув на общественный порядок, следовало бы, по многим уважениям, избегать всякого прямого упоминания на то, что корень сих заблуждений мог, хотя косвенно, находиться в пределах славянских понятий, не разрешив предварительно следующих важных вопросов:

1) Что такое славянство в отношении России?

2) В какой мере можно отнести подобные заблуждения к влиянию славянства?

3) Не служит ли слово «славянство» только предлогом и завесою замыслам этого рода?

Постараюсь в кратких словах изложить главный вопрос, представив несколько данных к разрешению следующих.

Мысль, что все народы славянского происхождения, рассеянные по Европе и ныне принадлежащие разным государствам, должны когда-нибудь, слившись в одно целое, возродиться в виде чисто славянского государства, родилась в Богемии [3], за полвека, и мало-помалу овладела всеми ветвями славянского населения в Европе сперва в литературном, потом в политическом смысле сего определения [4].

От этого движения усилилось повсюду стремление к языкам, истории, древностям – словом, ко всем остаткам славянской самобытности, взоры всех заграничных славян, естественно, обратились на единственное славянское государство, величие, могущество и процветание коего, как говорит один из чехов, преданных

России, «утешают и как будто вознаграждают прочих славян в раздробленном их угнетении».

Итак, не Россия пошла навстречу заграничным славянским идеям, эти понятия, пробудившись в других народах, приближались силою вещей к России как к центру, в коем живет и бодрствует начало, давно умершее между прочими славянскими народами и которое они стараются воскресить и поставить во главе своих учреждений.

Но это стройное развитие соединенных ветвей одного обширного племени не могло долго оставаться в мирных пределах науки и чистого братства. Не касаясь изложения перемен и постепенного искажения этого благородного порыва, можно ограничиться фактом, что в настоящее время частью от влияния общих тревожных идей, частью от возбужденных религиозных предрассудков, частью от собственных своих недоразумений европейское понятие о славянстве раздробилось на столько же отдельных ветвей, сколько состоит отдельных земель, в коих обитают славяне.

Еще до́лжно заметить, что с тех пор как начало колебаться и дробиться между западными славянами понятие о единстве главного вопроса, они более и более отделяются от русского начала, основанного на торжестве Православия и Самодержавия. Чехи частью хотят невозможное слияние славянства с западной Церковью, и орган одной главной между ними партии – граф Лев Тун [5] – утверждает на этом основании, что чехи, сделавшиеся славянами, должны искать подпору не в русском начале, а в германском. Иллирийцы [6], далматы [7], венгерские славяне блуждают без ясной цели в тесном кругу туземных понятий и взаимных противодействий. Доказательством сему может служить прилагаемая при сем выписка из письма одного славянского литератора из венгров, в недавнем времени писанного.

От слишком тесных сношений со славянами, подвластными Австрийской империи, я неослабно предостерегал тех, на коих по долгу моего звания могу иметь прямое влияние. В бытность мою в Праге я откровенно говорил корифеям туземного славянства, что, доколе их труды и разыскания ограничены областью языка и словесности, мы не можем не принимать живого в них участия, но что всякое присовокупление политических видов к этому делу не найдет в России ни отголоска, ни сочувствия, прибавя к тому, что, по моему убеждению, они вредили бы общему делу славянской образованности примесью политических начинаний и расчетов. Я имел случай слышать себе в Вене похвалу за добрые советы, данные представителям славянства, видимое охлаждение коих к моему образу мыслей было непосредственным последствием наших совещаний.

Что касается до славян, находящихся под владычеством или покровительством Оттоманской Порты, то они составляют как будто особое звено, близкое нам по родству духовному и умственному, но коего судьбы не имеют прямой связи с прочими западными славянами, увлеченными движением европейских идей более, нежели мирным развитием славянского образования.

Некто Cyprien Robert [8], путешествовавший по всем славянским землям для исследования славянского вопроса, написал книгу, в которой заметны недоброжелательство к России и множество ошибок всякого рода, между тем каким-то чутьем непонятным он выводит следующее заключение: «Из всего, что я видел, я заключаю, что есть два панславизма: один русский, другой антирусский, но первый, имея своей центр в понятии о самодержавном государстве и все относя к нему, должен, если не помешает европейская полити-

ка, поглотить противный дух другого славянства, не имеющего ни единства, ни центра».

И действительно, эти два славянства существуют совокупно: русское, другое – нам неприязненное. Отбросив слово *славянство* – что найдем мы под этой оболочкой? – Не что иное, как русский дух, источник нашего государственного начала, тот краеугольный камень, на коем твердою пятою стоят трон и алтарь.

Еще в 1842 г. по поводу некоторых внушений австрийского правительства я писал к графу Нессельроду [9] с ведома Вашего Величества, что славянский вопрос представляет в отношении к нам две стороны: одну, которую можно употребить на возбуждение умов и к распространению опасной пропаганды, заслуживающей всю кару правительства, другая же сторона сего вопроса содержит святыню наших верований, нашей самобытности, нашего народного духа, имеющую в пределах законного развития неоспоримое право на ближайшую попечительность правительства.

И ныне осмеливаюсь повторить то же самое определение. Ясно, что вопрос славянский представляет для нас некоторую сложность, но потому и требует особой предусмотрительности. В истинном, чистом своем значении русское славянство одушевлено приверженностью к Православию и самодержавию; все, что выходит из этой черты, не принадлежит к этому славянству: оно – или примесь чужих понятий, или игра фантазии, или, наконец, личина, под коей злоумышленники стараются уловить незрелых юношей и увлечь мечтателей неопытных. С сей точки зрения можно бы положительно заключить, что в замыслах, кои теперь обнаружены перед правительством, слово *славянство* служило только недобросовестною завесою, под коею скрывались иные мысли, готовые принять и всякую другую форму,

но избравшие славянскую как сильнее действующую на сокровеннейшую струну русского сердца.

Доказательством сего могла бы служить не только печать украинского воззрения на всех перехваченных *бумагах*, в числе их и наизамечательнейший «Закон Божий» [10], но преимущественно, что наперекор господствующему славянскому направлению мы видим здесь следы какого-то слепого стремления провинциального духа к *разъединению*, когда, напротив, славянство, не ставя в счет ни географические, ни политические препятствия, неуклонно хочет *соединения* всех частей в одно, уничтожения всякого провинциального духа, слияния всех местных патриотизмов в один общий патриотизм, сосредоточения всех сил в руках одного вождя и в недрах одной Церкви. Ничего подобного не находим мы в перехваченных бумагах, и я осмелюсь утверждать, что ни один восторженный, добродушный московский *славянофил*, кроме нравственного отвращения <к ним не проявил бы и> не согласился бы по своим понятиям вступить в тайный союз, целью которого было бы *раздробление* России или отделение *одной* или *нескольких* ветвей от корня обожаемого им *всеславянского единства*.

Да будет засим мне позволено изложить в немногих чертах меру участия, принимаемого Министерством народного просвещения в развитии русского славянства.

Когда за 14 лет Вашему Императорскому Величеству благоугодно было возложить на меня управление Министерством народного просвещения, Вы, Всемилостивейший Государь, изволили при самом приступе к делу поставить мне на вид недостаток в общих началах народного образования, нахождение воспитания высших классов общества в руках иноземцев, незнание всего русского в возрастающих поколениях, отсутствие твердой системы в учреждении разных степеней публич-

ного воспитания и повелели мне избрать меры к достижению цели, Вашею мудростью указанной. Я не дерзаю безумно утверждать, что эта высокая цель вполне достигнута, но для собственного успокоения, памятуя о суждениях Вашего Величества, о доверенности Вашей, не изменившейся в течение 14 лет, посреди борьбы жаркой и почти беспрерывной, я имею смелость заключать, что несколько успехов увенчали перед Вами ревность и старание деятелей, подвизавшихся на поприще, Вашим Величеством определенном.

Если мое заключение не ошибочно, то позволю себе одно только замечание: к какому прибегнули мы средству и какое орудие оказало более услуг, как не возбуждение духа отечественного в тройственной формуле «Православие. Самодержавие. Народность»? Если наши сыновья лучше нас знают родной язык, если они ближе знакомы с нашей историей, с нашими преданиями и народным бытом, то не произошло ли все это оттого, что образованию их дано повсюду русское направление? Если до берегов Немана и далее все заговорило по-русски, все учится по образцу русскому, если даже в Остзейском крае усиливается ежедневно владычество отечественного образования, то не русский ли язык и не русский ли дух произвели и продолжают производить этот благодатный результат? Если, наконец, *публичное* воспитание, без содействия запретительных мер, совершенно уничтожило *частное*, то не следует ли приписать это добровольное всех отцов семейств отчуждение иностранных воспитателей от образования их детей влиянию духа Русского, проявившегося во всех распоряжениях наших?

Для усиления и укрепления этого духа Министерство необходимо обязано было обратиться к источнику оного – к основательному изучению церковнославянского языка и сродных славянских наречий, и потому, с

разрешения Вашего Величества, учреждены в русских университетах кафедры славянского языка и занятие оным поставлено обязанностью и в средних учебных заведениях. Главнейшие памятники нашей древней славяно-русской литературы вышли из забвения, множество актов и документов, служащих к узаконению истории, обнародованы иждивением правительства, между тем беспрерывное наблюдение Министерства было устремлено на охранение, по мере возможности, этого стройного движения в пределах законной свободы и благоустройства.

С другой стороны, одно из главнейших моих стараний от самого начала состояло в том, чтобы помирить с нашими гражданскими учебными заведениями духовные власти, дотоле смотревшие не только с недоверием, но, можно сказать, с отвращением на учреждения, сближенные с духом западного просвещения. И тут цель была достигнута не иначе как посредством убеждения, мало-помалу распространившегося между высшим духовенством, что Министерство народного просвещения действует в духе русском, с твердым направлением к Православию и самодержавию. Ныне Министерство не встречает ни малейшего противодействия со стороны духовной власти, напротив, находит везде участие и доброжелательное к нему расположение.

Имеющиеся в настоящем деле сведения и показания достаточно, смею думать, утверждают, что если несколько лиц заразились вредными мечтами, то эту заразу они не почерпнули в университетском преподавании. Уповательно, что сведения, ожидаемые от генерал-адъютанта Бибикова [11], вполне подкрепят эту истину. Тут по справедливости оканчивается область, к ответственности Министерства народного просвещения принадлежащая. Что могло происходить и проис-

ходит между частными людьми в сокровенных беседах, в тайных обществах, в излиянии чувств и мыслей наедине – все это падает в удел гражданских и полицейских властей и подлежит судебному или административному взысканию. Вообще я льщусь надеждою, что окончательный вывод всего дела положит резкую черту между славянством, столь истинно *русским*, что не следовало бы называть его славянством, и между безумными покушениями горсти заблудших, скрывающих под личиною славянства побуждения, ему и чуждые, и неприязненные, ибо осмеливаюсь повторить, что мысль о Славянстве даже в своих заблуждениях не имеет ничего общего с мелкими провинциальными мечтами нескольких лиц, тем более достойных наказания, что своим коварным безумием бросают тень на начало, в столь многих отношениях необходимое и священное.

Упоминая о провинциальном духе, нельзя не сказать открыто, что в брожениях, обнаруженных перед правительством, господствует не дух славянский, а какой-то отголосок украинских предрассудков. С полным чистосердечием приемлю смелость объяснить на сей счет мою мысль: Малороссия, верная престолу, непоколебимая в вере, питает действительно, в своих воспоминаниях, мысль о прошедшем, она на досуге жалеет о минувшей самобытности, о своем гетмане, о разгульном казачестве, об обращении в крепостное право вольных ее жителей, об утрате местных привилегий, может быть, об утрате вольной продажи горилки, но нельзя украинскому духу ставить в вину преступные замыслы нескольких безумцев, с коими, без сомнения, ни высшее сословие, ни туземное духовенство, еще менее неисчислимое большинство мирных и покорных жителей не имеют ничего общего. Дух Малороссии не причастен никакому коварному замыслу; если он дорожит своей

минувшей историей, то разделяет это чувство со всеми известными племенами, кои, по ходу вещей слившись с сильным племенем, потеряли свое отдельное значение и были принуждены признать над собою владычество другого, могущественнейшего начала. Легко молодым, неопытным умам плениться поэтическим этим воззрением и увлечь себя и других далее черты благоразумия, но тщетно было бы, без сомнения, усилие поколебать основную верность жителей края, столь часто являвшего опыты преданности и самоотвержения. Виновны те, которые, прямо или косвенно раздражая эту сокровенную струну, употребляют во зло тайные мечты, неразлучные с утратою гражданской самобытности.

По соображении всех вышеприведенных обстоятельств, не отвергая, что в нынешнем положении вещей следует усугубить все меры предосторожности и, так сказать, воспользоваться этими печальными явлениями, дабы отделить от *плевел доброе семя*, я считаю долгом всеподданейше представить Вашему Императорскому Величеству, не благоугодно ли будет утвердить следующие меры в кругу Министерства народного просвещения:

1) разрешить мне составить секретный циркуляр к начальникам учебных округов, в коем в подтверждение прежних наставлений будут им поставлены на вид меры предосторожности, коими они имеют руководствоваться при наблюдении по предмету Славянства, определив границы, в коих должно это дело оставаться для достижения полезной своей цели и устранения неудобств и недоразумений, могущих овладеть умами как учащих, так и учащихся, этот циркуляр предоставив в проекте на просмотр Вашего Величества;

2) дозволить мне по временам представлять Вашему Величеству особые донесения о ходе сего дела не только в наших пределах, но и за границею, когда оно

будет являть новые стороны, не без важности для нас; это наблюдение довольно трудно, но, по имеющимся источникам, я полагаю, что и движение заграничных славян достаточно мне известно;

3) когда настоящее дело будет приведено к концу и перестанет быть предметом некоторого беспокойства в общем мнении, повелеть мне, если б открылась в том нужда, употребить вторую половину лета на осмотр (в виде обыкновенной ревизии) Московского, Харьковского и Киевского университетов и учебных заведений, дабы впоследствии можно было иметь верный вывод, и дополнить в случае надобности нынешние распоряжения другими мерами, на местах соображенными.

8 мая 1847

Примечание. В этом злонамеренном и опасном произведении следует заметить, что первая половина, в коей говорится о европейских народах, почти буквально взята из Ламине [12], Мицкевича [13] и других писателей этого рода, соединивших революционные идеи с мистическим бредом; вторая же, главная часть, посвящена Украине; тут трепещет, так сказать, сердце сочинителя, слог оживляется, и вся сила бешеного негодования обнаруживается на страницах, в коих он описывает родимый край в его мнимом угнетении.

О СИСТЕМЕ ЧИНОВ В РОССИИ

от 7 ноября 1848 [года]

Система чинов, исходящая из Табели о рангах Петра I [1], обращалась в укоризну и насмешку не только иностранцами, писавшими о России, но и многими

из русских, не постигавших смысла сего учреждения. Между тем никакая иная мера, никакое иное государственное постановление не свидетельствует столь явно о глубоком разуме Великого Преобразователя России, коему обязаны потомственные венценосцы новою силою, небывалою в руках других Государей и составляющую твердую опору их власти.

И поистине, отбросив все то, что с первого взгляда может в учреждении чинов казаться странным и соответствующим нынешним понятиям, мы убедимся в высоком назначении этого законоположения, давшего Самодержавию орудие столь могущественное, что, доколе оно останется в руках властителей, едва ли что-либо может поколебать Самодержавную власть в ее основах.

Не останавливаясь на мертвой букве, на готических формах, сопровождающих *Положение о чинах* [2], для всякого беспристрастного наблюдателя поразительны дух и последствия этой великой государственной меры в прямом, хотя и сокровенном ее значении.

В гражданской жизни всех европейских народов отличие определяется или достигается или *родом*, или *богатством*, или *дарованиями*. Там под всеми формами правительств только эти три пути ведут к высшим слоям общества или, лучше сказать, они-то и составляют сей высший слой. Но как приобретаются отличия в России и что вкоренено так глубоко в общем сознании неисчислимого большинства?

Известно, что у нас независимо от рода, от богатства и даже от дарований гражданское значение всех и каждого зависит от степени, которая определяется по усмотрению высшей власти, и что без этой степени никто не пользуется вполне выгодами, представляемыми или знатностью рода, или огромным состоянием, или даже дарами ума и талантами. При таком положении

потомок Пожарского и потомок Минина должны наравне искать благоволения правительства, заслуживать офицерский чин. Граф Шереметев, вступая во владение обширным поместьем, обязан прежде воздать правительству по мере сил дань личной службы. Карамзин оставался бы скромным писателем, если бы взор Монарший не поставил его в общественном мнении в неравную степень с вельможами.

Что же укрепило в течение 120 лет в общем мнении учреждение Петра I и отчего, невзирая на возгласы некоторых легкомысленных и недальновидных, так пристрастились к этому порядку, что изменение его считали бы не приобретением, а ущербом?

Россия не пристрастилась, как иные думают, ни к титулам, с немецкого довольно неудачно переведенным, ни к званиям, льстящим самолюбию, но потерявшим бо́льшую часть их приманки: причина желания чинов лежит глубже. Россия любит в Табели о рангах торжественное выражение начала, славянским народам драгоценного, – *равенства перед законом*; дорожит знаменем мысли, что каждый, в свою очередь, может проложить себе путь к высшим достоинствам службы. Сын знатного вельможи или богатейшего откупщика, вступая на поприще государственной службы, не имеет в законах оной никакого другого преимущества, кроме преимущества постоянного *усердия*, и оно может быть у него благородно оспариваемо сыном бедного и неизвестного заслугами отца.

Итак, с одной стороны, Россия смотрит на *Табель о рангах* не как на игрушку мелкого ребяческого тщеславия, а как на залог одного из важнейших своих начал в быту народном; с другой – правительство держит в своих руках орудие, как будто общим согласием ему представляемое, орудие, по силе которого к политическому

смыслу самодержавия прибавляется еще и нравственное достоинство.

Законоположение о чинах может измениться двумя способами: совершенным *уничтожением* оного или ограничением. Замечательно, что один из записных недоброжелателей существующего порядка вещей в России, Николай Тургенев [3], в сочинении своем о России говорит, что едва ли возможно будет побудить правительство отказаться вполне от этого учреждения и что на первый случай можно довольствоваться *ограничением*, состоящим в том, чтобы чины были предоставляемы одним *служебным местам*. Ясно, что несоразмерность сих последних с первыми должна мало-помалу положить конец самому учреждению и ввести новый порядок гражданского быта в России. Рассмотрим последствия такого изменения.

Первое действие не только совершенного учреждения, но и одного ограничения закона о чинах произведет в общем мнении несомненное потрясение, отчасти похожее на смятение, и даст повод к толкам и предположениям о дальнейших мнимых видах правительства. Это сильный удар поразит множество предубеждений, скажем, предрассудков; но вместе с тем он возбудит множество тайных надежд и мечтаний. В России ум слишком деятелен, слишком сметлив и не может оставаться долго под бременем слепого оцепенения; в скором времени умы воспрянут к новым соображениям, проникнув в изгибы всех могущих быть следствий и найдут себе пути, более или менее благонамеренные, к цели, вдали открываемой.

В России трудно делать решительный вывод касательно общего мнения; потому что оно лишено возможности открыто высказываться и обнаруживаться. При всем том: кто пристально и вблизи наблюдает за его хо-

дом, тому последствия нового положения о службе представляются в чертах, самых определенных.

Ближайшим следствием подобного переворота, прежде всего, был переворот в понятиях о службе, которые и без того мало-помалу подвергаются изменениям. Мысль общая за полвека, что каждый русский подданный *должен служить Престолу*, мысль, которая благоговейно руководит целыми поколениями, с уничтожением Табели о рангах, несомненно, ослабеет. Может быть, на первый случай останется привычка посвящать несколько лет юношеской жизни государственной службе; но когда счастливый случай не откроет желаемого поприща, когда при малом чине *мест* встретится безнадежность получить выгодное для честолюбия назначение, когда число неслужащих или переставших служить будет ежедневно возрастать, тогда едва ли молодой человек решится долго оставаться в таком сомнительном служебном положении. Без сомнения, кто имеет наследственное достояние, тот выйдет в отставку, потому что для него служба потеряет всю нравственную силу, нравственное могущественное привлечение. В то же время быстро образуется новый разряд людей с особенными понятиями, с особенными предрассудками и мечтами, менее привязанных к правительству, а более занятых своими выгодами. Решительно можно наперед сказать, что общие между ними начала произведут и новый дух общей – частию *поместной*, частию денежной аристократии, если только можно этим именем назвать преимущество, какое дают поместья и деньги независимо от знатности породы или личных заслуг.

Таким образом, государственная служба вся перейдет в руки так называемых *чиновников*, составляющих у нас уже многочисленное *сословие людей без прошедшего и будущего*, имеющих свое особое направление и

совершенно похожих на класс *пролетариев*, единственных в России представителей неизлечимой язвы нынешнего европейского образования. В скором времени этот класс при уклонении от служения Престолу высшего и незрелости низшего возникает с непреоборимой силою и тем ознаменуется переход политической деятельности в руки *среднего* класса, что в прочих европейских государствах называется: Tier-Etat, или Bourgeoise[1].

Кроме сего важного обстоятельства нельзя не остановиться на мысли: чем правительство заменит приманку чинов, и если бы успело найти какую-нибудь иную меру, что оно выиграет от нового порядка вещей и понятий?

Очевидно, что по разрушении мысли, столь щедро и искусно к России приложенной Великим ее Преобразователем, остается в виду одно лишь заменительное средство: *умножение денежных окладов*. Но и этого мало. Человеку врождена еще нравственная потребность, которую также нужно удовлетворять: потребность возвышения. С одной стороны, какую неисчерпаемую руду следовало бы вновь открыть, чтобы удовольствовать требования, неудержимо возрастать долженствующие? С другой стороны, не родятся ли новые покушения к приобретению вместо чинов славы, власти, чего на Западе с такою алчностью добиваются? Разумеется, никаких сокровищ не будет достаточно для замены чинов новыми окладами. Не подлежит также сомнению, что, дав им однажды такое направление государственной службе, правительство не в состоянии будет остановить поток произвольного самовознаграждения. Что же касается до последствий властолюбия, разрушительных и ужасных в наших глазах,

1 Третье сословие, или буржуазия (фр.) – *В. Т.*

об этом нельзя и думать без страха за будущее России. Единственная преграда всему этому находится доселе в *идее о службе*; по уничтожению этой идеи корыстолюбивые и властолюбивые наклонности, обыкновенно довольные одним настоящим, не знающие ни прошедшего, ни будущего, будут в полном смысле двигателями нового порядка служения и единственным мерилом новой служебной иерархии.

В рассуждении пользы, какой может правительство ожидать от такого перелома, из всего вышесказанного с достоверностью следует заключить, что посягательство на глубокомысленное учреждение Петра I не представляет ничего другого, кроме жертвы и добровольного уничтожения сильнейшего орудия высшей власти; с этим уничтожением ясно сопряжен некоторый ущерб и самой власти. Нетерпеливость, с какою юное поколение ожидает этой меры, указывает достаточно, сколько она способна к возрождению всякой неосновательности и опасной мечты. Теперь каждый юноша воображает, что это сближение с настоящими европейскими понятиями откроет ему новое, обширное поприще и что, освободившись от тягостного, более или менее медленного ига чинопроизводства, он шагнет на высшие места и займет важнейшие должности в государстве. Конечно, это во всяком случае останется мечтою; но мечты этого рода предвещают опасное волнение в умах. А какое время более настоящего доказывает необходимость удерживать всякое тревожное движение и оставаться на незыблемых началах своего родного быта, тысячелетием скрепленного и верою освященного?

Вопрос, коего лишь главнейшие черты изложены в этой краткой записке, есть вопрос первой важности, стоящий ныне наряду с коренными вопросами, от которых зависит будущность России, ее долголетие и благоден-

ствие. Нетрудно было бы, распространив объем этой записки, подкрепить выводы прямыми доказательствами, взятыми из существа нашего государственного права и отечественной истории; но и краткого указания едва ли недостаточно, чтобы обратить на этот столько же важный, сколько и сложный вопрос внимание каждого благомыслящего, одушевленного чувством своих обязанностей к Государю и Отечеству.

О ЦЕНЗУРЕ

<от 24 марта 1848 г.>

По Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению я не только сообщил генерал-адъютанту князю Меншикову [1] все бумаги и сведения касательно цензуры повременных изданий, которые требовались для исполнения Высочайшей воли, но и открыл ему весь архив цензуры и моей канцелярии по части цензуры.

При всех особенных обстоятельствах, в каких находится теперь цензурное дело, я не исполнил бы священного долга, если б не изложил перед Вашим Императорским Величеством настоящего устройства цензуры и положения цензоров у нас в отношении к литературной деятельности вообще и к повременным изданиям в особенности.

Цензура при Министерстве народного просвещения разделяется на внутреннюю – для книг, в России печатаемых, и на иностранную – для изданий, из чужих краев привозимых [2]. В этом разделении некоторым образом отражается разделение читающей публики у нас, которую, очевидно, составляют два слоя: один высший, образованный литературами европейскими; другой –

низший, умственно обращающийся преимущественно в пределах словесности отечественной.

Отношения цензуры к сему последнему более важны по своим последствиям и обратили на себя теперь особенное внимание: потому я коснусь слегка цензуры иностранной. Так как иноземные периодические сочинения на основании § 81 п. I Устава о цензуре подлежат рассмотрению отдельной цензуры, учрежденной при почтовом ведомстве (от Министерства иностранных дел), то цензуре Министерства народного просвещения принадлежат только книги, входящие в Империю посредством книжной торговли. Цензура их производится неослабно и осмотрительно; но и тут влияние и ответственность Министерства, выражаясь самыми словами Устава, ограничены только «правильностью рассмотрения представляемых в цензуру книг». Самая же продажа и надзор за книжной торговлей по силе § 96 Устава отнесены к обязанностям местной полиции.

Касательно прекращения продажи запрещенных иностранных книг имеется в виду одно только *существенное* средство: открытие ящиков в присутствии цензурного начальства и поверка книг с коносаментами [3], представленными книгопродавцами. К исполнению сего нужно усилить штат цензурного ведомства до 5000 руб. серебра для умножения числа чиновников и особенно для найма помещения или магазинов, в которых ящики с книгами должны быть хранимы до выдачи оных книготорговцам, которых следует, по крайней мере в этом отношении, поставить в полную зависимость от Министерства народного просвещения.

Существующий у нас Устав о цензуре, начертанный по указанию прежних опытов после предшествовавших ему двух Уставов (1804 и 1826 гг.), признан всеми благомыслящими людьми за законоположение благотворное

и удовлетворительное [4]. Предупреждая всякое преступное покушение на злоупотребление книгопечатания, Устав не менее заботливо и правосудно охраняет права сочинителей и издателей. Но тут же встречается первое важное затруднение, всегда неразлучное с цензурным делом. Закон, по существу своему, содержит в себе одни общие положения, а вся сила его, вся действительность является в применениях к частным случаям, которые никому и никак определить наперед невозможно. Избрание цензоров не только благонамеренных, но и вполне способных очень затруднительно для Министерства, особенно при скудости цензурных штатов (в С.-Петербурге цензорам положено жалования от 754 руб. до 857 руб. серебром); состояние же цензоров, самых опытных и способных, всегда неверное и опасное [5]. В нашей литературе затруднительное положение цензоров становится еще тягостнее от разделения нашей образованности, на которое я указал выше. Русские писатели более или менее пишут под влиянием европейских литератур, которыми они образованы; сочинения же их обращаются преимущественно в руках собственно русского читающего класса. На этой шаткой почве соприкосновения иноземного с отечественным поставлен цензор. Пропущенное им судят и обвиняют, указывая то на сходство с европейскими, то, напротив, на применимость к нашему положению. Обязанность цензоров можно сравнить с обязанностью таможенных досмотрщиков: те и другие не должны пропускать в общественный оборот того, что воспрещает закон. Но таможня имеет дело с вещами осязательными; цензура – с идеями и образом мыслей.

При существовании цензуры, вверенной людям благонамеренным и разумно преданным правительству, преступное и явное злоупотребление книгопечатания у

нас положительно невозможно. Подобный случай может быть только редким исключением из общего правила. Поэтому Устав о цензуре мог только возложить на цензоров обязанность обращать внимание на дух и направление сочинений – обязанность трудную и опасную. По словам и разуму Цензурного устава, они должны смотреть «на видимую цель и намерения сочинителя, в суждениях своих всегда принимать за основание явный смысл речи и не дозволять себе произвольного толкования». Следить дух сочинителя, применяясь к различным событиям и обстоятельствам, чрезвычайно затруднительно. Требовать от цензора робкой во всем подозрительности – значит открыть путь несправедливому преследованию и боязливому стеснению писателей. Но, с другой стороны, мы видим, что святой личиной прикрываются иногда гибельные мудрования. Ламене и подобные ему умели облечь текстами Св. Писания разрушительное учение, противное общественному порядку. Иностранные писатели нынешнего времени гораздо искусней уловляют в свои сети слабые умы, нежели писатели истекшего столетия. Софисты XVIII в. дерзкими и явно ложными умствованиями своими, прямым нападением на все священное и высокое едва ли были в состоянии убедить и склонить на свою сторону читателей благонамеренных. Не так действуют писатели современные; они вливают в общество свои учения медленно, со сладкой приправой под видом романов, повестей, сценических представлений. В сочинениях их трудно указать черту, отделяющую общие изображения пороков и слабостей от посягательства на поколебание нравственности. Столь же затруднительно обнаружить в сочинениях, особенно в повременных изданиях, на нашем языке печатаемых, покушения оскорбить чью-либо личность предосудительным оклеветанием того, что

касается до домашней жизни и чести, под личиной вымышленных лиц, обставленных также вымышленными обстоятельствами. Чтобы здесь проникнуть в намерения сочинителя, цензору нужно быть одарену всезнанием: можно ли требовать от него, требовать с справедливостью, чтоб он умел всегда угадывать каким-то чутьем, кого именно и какое событие разумеет автор; чтобы он отличал безошибочно общие типы слабостей и пороков людских от неблагородных, косвенных и скрытых намеков на всевозможные личности?

В последнее время к прежним опасениям цензоров присоединились новые: кроме охранения литературы от Запада Европы открылся вред с другой стороны, которая, как близкая, современная нам казалась совершенно безопасной. Иностранные славянские писатели избрали идею о Славянстве лозунгом для превратных мечтаний. Увлеченные чувством народности, отечественные писатели не могли не принять участия в разработке вопросов, тесно связанных с нашим народным бытием. Что может быть, по-видимому, безвреднее народной песни, повести, воззвания к соплеменникам о поддержании и совершенствовании языков и литератур славянских? А между тем и под литературными изображениями старины и преданий славянских скрывались иногда намерения бурные [6]. Дошло до того, что описание Руси допетровской в сравнении и в противоположности с Россией, преобразованной Великим Императором, и прославление принятого государством с его царствования направления стали приниматься за опасное намерение изменить настоящее. Очевидно, в какой степени трудной сделалась в таких обстоятельствах обязанность цензоров.

Самую затруднительную задачу для них составляют повременные издания – политические и литературные. Характер нашего века – повсеместное брожение

умов, недовольных настоящим, и стремление к непрестанным изменениям. Этот характер во всей силе обнаружился на Западе; у нас появились было слабые отражения его в некоторых наших повременных изданиях и повлекли за собой запрещение их; такая судьба постигла *«Телеграф»*[7], *«Европеец»*[8], *«Телескоп»*[9]. В нынешних периодических изданиях цензура беспрерывно обращала внимание на статьи сомнительные. Доказательств этой бдительности до́лжно, по справедливости, искать не столько в том, что напечатано, всем видно и всяким толкуется, сколько в том, что не допущено в печати, немногим ведомо и не всеми оценивается. Но и тут положение цензора – самого благонамеренного и умного – очень щекотливо. Одно лишь счастие, одна удача, руководствующие цензора в действиях, которых нельзя ни на минуту отложить, охраняют его безопасность. Как определит он черту между излишним и потому раздражающим недоверием к писателю и чрезмерною доверчивостью к его чистосердечию? Иное толкование, подкрепляемое позднейшими событиями, – не за год только, но за месяц, за неделю, показалось бы пустой придиркой и не имело бы смысла. В деле цензуры все зависит гораздо более от навыка и, повторяю, от удачи, чем от соблюдения преподанных предписаний. Чтоб быть беспрестанно справедливым в цензуре, до́лжно обратить внимание на то, что цензор никогда или очень, очень редко дозволит в печать что-либо явно вредное и опасное. Наибольший вред возникает от последующих толкований. Либо сочинитель скрыл свое дурное намерение так, что его не мог заметить цензор, а с ним и бо́льшая часть читателей: тогда шум и огласка распространяют этот вред; либо вредных намерений совсем не было, и они приданы произвольными толкованиями: тогда сии последние производят зло, дотоле небывалое.

Итак, если к затруднениям цензуры присовокупить различные предубеждения и толки публики, не различающей ни времени появления сочинения, ни обстоятельств, при каких издавались книги, то до́лжно сознаться, что эти затруднения и опасения простираются не на одних цензоров, но и на начальства, которые обязаны разрешать недоразумения цензоров и жалобы писателей. Такими объяснениями и запрещенными рукописями наполнены цензурные архивы, и с ними совершается преимущественно работа Главного управления цензуры. Такие недоразумения вызывали немало подробнейших пояснений Устава и частных постановлений для руководства цензоров.

Таковы общие трудности, представляющиеся цензуре периодических изданий, но есть еще и другие, так сказать, местные, проистекающие от состояния журналистики у нас. Еще в 1843 г. я предлагал усилить власть цензурного начальства некоторыми временными мерами. В отношении моем к графу Бенкендорфу [10], объявившему мне, что не воспоследовало Высочайшего соизволения на всеподданнейшую мою докладную записку, в коей я предлагал разделить в периодических изданиях ответственность между авторами и цензорами, я изъяснял тогда, что в одиннадцатилетнее мое управление Министерством цензуру печатаемых книг, особенно журналов и газет, я считал одной из самых тягостных, но вместе и самых важных обязанностей моего звания. Наблюдая за ходом периодической литературы, я не мог не заметить систематического ее уклонения от начал, ей предназначенных. В этой вседневной, непрерывной борьбе цензоров, обремененных трудами суетливыми и подлежащими нападениям со всех сторон и взысканиям всякого рода, с журналистами, считающими ненаказанность свою прямым след-

ствием ответственности цензора, ими же вовлеченного в ошибку, являлись, с одной стороны, иногда слабости и недосмотры, а с другой – обнаруживалось, более или менее, если не открытое сопротивление, то, по крайней мере, беспрерывное стремление уловить всеми средствами цензора и избегнуть точного исполнения неоднократных предписаний начальства.

Для обуздания издателей журналов большей ответственностью я обращал внимание на необходимость не только не ослаблять, но еще подкрепить, хотя временными мерами, власть цензурного начальства, недостаточно обеспеченную и находившуюся по силе вещей в оборонительном уже положении. Я и ныне нахожу эту меру единственным средством заставить издателей быть внимательными и более осторожными в выборе статей для своих журналов и положить конец беспрерывным их усилиям напасть, так сказать, врасплох на усталое внимание цензора. Эти предположения не удостоились одобрения; но я счел долгом заявить тогда же, «что, по моему убеждению, орудие периодической литературы находится у нас большей частию в руках людей, не заслуживающих доверия правительства».

Согласившись, чтобы двое из цензоров приняли на себя редакции двух периодических изданий, я соображал, что люди благонамеренные, которым в точности известны требования правительства и дух, в каком должна действовать журнальная литература, будут и благонадежными издателями повременных сочинений. Смею сказать, что от этого распоряжения не произошло никакого вреда. Оба цензора (Очкин [11] и Никитенко [12]) усердно исполняли свои обязанности. Впрочем, это распоряжение принадлежит к числу опытов, которые при усмотрении малейшего неудобства изменяются простыми домашними мерами. Ныне объявлено, что

цензоры не должны быть впредь редакторами периодических сочинений, время покажет пользу, которую можно ожидать от этого последнего распоряжения [13].

Не могу не упомянуть еще об одном источнике неудобств для цензуры. § 10 и 12 Устава о цензуре представляют полной ее власти рассмотрение и одобрение всего, что касается истории, географии, статистики России – все, что относится к наукам, словесности, искусствам, публичным зрелищам, общественным зданиям, просвещению, земледелию, фабрикам… Позднейшими частными распоряжениями большое число таких предметов изъято от окончательного разрешения цензуры и подчинено предварительному простору <просмотру?> различных ведомств, как видно из прилагаемого исчисления этих изъятий. Иногда ведомства сии простирают свое участие в действиях цензуры далее, чем первоначально оно определено; иногда цензура полагает, что это постороннее участие заключено в пределы, более тесные, нежели как думают эти ведомства. Столкновения с ними, раздробляя единство действий и сил цензуры, навлекают в то же время на цензоров нарекания и ответственность, которыми они, действуя по своему убеждению, не должны подлежать.

С ответственностью верноподданного я представил Вашему Императорскому Величеству тягостное состояние цензуры, осмеливаюсь думать, что Ваше Величество, удостоив трудности цензурного дела снисходительного внимания, изволите признать, что если иногда встречались ошибки цензоров, то это были ошибки неумышленные, неизбежные, потому что, с одной стороны, ошибаться свойственно людям, с другой – постановления, людьми сделанные, всегда имеют свои несовершенства. Неудовлетворительность нынешнего устройства цензуры у нас, конечно, требует исправле-

ний, и она, по моему мнению, заключается, главнейшим образом, в скудости штатов цензурных, от которой происходит недостаточность средств цензуры для ее действия; в неответственности издателей периодических сочинений перед правительством и в столкновении разных ведомств при цензурном деле.

Признавая необходимость некоторых дополнений к цензурным узаконениям, я обязываюсь, однако, сказать откровенно, что прямое прикосновение к целому Уставу о цензуре не принесет никакой пользы. По моему искреннему убеждению, Устав должен оставаться в своей силе, ибо вообще частое изменение узаконений основных сопряжено со значительной невыгодой для силы законодательства, в которое оно вносит какую-то шаткость; да и самые обстоятельства настоящего времени делают неудобным коренное преобразование цензуры. В этой уверенности, всеподданнейше представляя на Высочайшее усмотрение вновь те меры [14], которые предлагал в 1843 г. и которые считаю нужными, и иные, осмеливаюсь присовокупить, что они могут явиться как временное дополнение к Уставу о цензуре, в виде отдельного Указа или рескрипта.

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ НАЧАЛАХ, МОГУЩИХ СЛУЖИТЬ РУКОВОДСТВОМ ПРИ УПРАВЛЕНИИ МИНИСТЕРСТВОМ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

от 19 ноября 1833 г.

По вступлению моему с Высочайшего Вашего Императорского Величества повелению в должность ми-

нистра народного просвещения употребил я, так сказать, *заглавным местом, лозунгом* моего управления следующие выражения: «Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности».

Вместе с сим считаю себя обязанным представить Вашему Величеству краткий, но чистосердечный отчет в моих понятиях о важном начале, мною принимаемом в руководство.

Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастию, сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности находится и весь залог будущего ее жребия. Правительству, конечно, в особенности Высочайше вверенному мне Министерству, принадлежит собрать их в одно целое и связать ими якорь нашего спасения, но сии начала, рассеянные преждевременным и поверхностным просвещением, мечтательными, неудачными опытами, сии начала без единодушия, без общего средоточия, и коим в течение последних 30 лет предстояла беспрерывная борьба, продолжительная и упрямая, как согласить их с настоящим расположением умов? Успеем ли мы включить их в систему общего образования, которая соединяла бы выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и надеждами будущего? Как учредить у нас народное воспитание, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое европейского духа? По какому правилу следует действовать в отношении к европейскому просвещению, к европейским идеям, без коих мы не можем уже обойтись, но которые без искусного обуздания их

грозят нам неминуемой гибелью? Чья рука – и сильная и опытная, может удержать стремление умов в границах порядка и тишины и откинуть все, что могло бы нарушить общее устройство?

Тут представляется во всем объеме Государственная задача, которую мы принуждены решить без отлагательства, задача, от коей зависит судьба Отечества, – задача столь трудная, что одно простое изложение оной приводит в изумление всякого здравомыслящего.

Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить, – имеем мы три главных:

1) Православная Вера
2) Самодержавие
3) Народность.

Без любви к Вере предков народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру – то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении. Это была бы измена в пространном смысле. Довольно одной народной гордости, чтобы почувствовать негодование при такой мысли. Человек, преданный Государю и Отечеству, столько же мало согласится на утрату одного из догматов нашей Церкви, сколько и на похищение одного перла из венца Мономаха.

Самодержавие представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде. Пусть мечтатели обманывают себя самих и видят в туманных выражениях какой-то порядок вещей, соответствующий их теориям, их предрассудкам; можно

их уверить, что они не знают России, не знают ее положения, ее нужд, ее желаний. Можно сказать им, что от сего смешного пристрастия к европейским формам мы вредим собственным учреждениям нашим; что страсть к нововведениям расстраивает естественные сношения всех членов государства между собою и препятствует мирному, постепенному развитию его сил. Русский Колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав государственный. Эту истину чувствуют неисчислимое большинство между русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении, и в образе мыслей, и в отношениях к правительству. Эта истина должна присутствовать и развиваться в народном воспитании. Правительство не нуждается, конечно, в похвальных себе словах, но может ли оно не пещись о том, чтобы спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется спасительным духом Самодержавия – сильного, человеколюбивого, просвещенного, обращалось в неоспоримый *факт*, долженствующий одушевлять всех и каждого в дни спокойствия, как и в минуты бури?

Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное – Народность. Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, дóлжно поддерживать и чувство Народности, их связующее. Вопрос о Народности не имеет того единства, какое представляет вопрос о Самодержавии; но тот и другой проистекают из одного источника и совокупляются на каждой странице истории Русского народа. Относительно Народности все затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но Народность не состоит в том, чтобы идти назад или

останавливаться; она не требует *неподвижности* в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Безумно было бы противиться сему периодическому ходу вещей; довольно того, если мы не будем добровольно скрывать лицо под искусственной и нам не сродной личиной, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий, если мы примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к народному воспитанию. Между обветшалыми предрассудками, восхищающимися единственно тому, что было у нас за полвека, и новейшими предрассудками, которые без жалости стремятся к разрушению существующего, посреди сих двух крайностей находится обширное поле, на коем здание нашего благосостояния – твердо и невредимо укрепиться может.

Время, обстоятельства, любовь к Отечеству, преданность Монарху – все должно нас уверить в том, что пора нам, особенно касательно народного воспитания, обратиться к духу Монархических учреждений и в них искать той силы, того единства, той прочности, коих мы слишком часто думали открыть в мечтательных призраках, равно для нас чуждых и бесполезных, следуя коим нетрудно было бы, наконец, утратить все остатки Народности, не достигнув мнимой цели европейского образования.

К составу общей системы народного просвещения принадлежит много других предметов, как-то: направление, данное отечественной литературе, периодическим сочинениям, театральным произведениям; влияние иностранных книг; покровительство, оказываемое художествам; но разбор всех сил отдельных частей повлек бы за собою довольно обширное изложение

и мог бы легко обратить сию краткую записку в пространную книгу.

Конечно, принятие такой системы требовало бы более, нежели жизнь и силы одного или нескольких человек. Не тому, кто посеет сии семена, определено Промыслом пожинать плоды оных; но что значит жизнь и силы одного, когда дело идет о благе всех? Два или три поколения быстро исчезают с лица земли, но государства долговечны, пока в них сохраняется священная искра Веры, Любви и Надежды.

Дано ли нам посреди бури, волнующей Европу, посреди быстрого падения всех подпор гражданского общества, посреди печальных явлений, окружающих нас со всех сторон, укрепить слабыми руками любезное Отечество на верном якоре, на твердых основаниях спасительного начала? Разум, испуганный при виде общих бедствий народов, при виде обломков прошедшего, падающих вокруг нас, и не прозревая будущего сквозь мрачную завесу событий, невольно предается унынию и колеблется в своих заключениях. Но если Отечеству нашему – нам, русским, и сомневаться в том нельзя, – охраняемому Промыслом, даровавшим нам в лице великодушного, просвещенного, истинно Русского Монарха – залог невредимой силы государства, дóлжно устоять против порывов бури, ежеминутно нам грозящей, то образование настоящего и будущих поколений в соединенном духе *Православия*, *Самодержавия* и *Народности* составляет, бессомненно, одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени и вместе одно из труднейших поручений, коим доверенность Монарха могла бы почтить верноподданного, постигающего и важность оного, и цену каждого мгновения, и несоразмерность своих сил, и ответственность свою перед Богом, Государем и Отечеством.

ОБОЗРЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВОМ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. 1849 [ГОД]

Когда Его Императорскому Величеству в марте 1833 г. угодно было поручать моему управлению Министерство народного просвещения, положение общественного воспитания было следующее.

Воспитание детей высших классов находилось без исключения в руках иностранных воспитателей; средние классы пользовались частными пансионами; в губерниях, от Польши возвращенных, воспитание детей принадлежало все католическому духовенству; в Остзейском крае дети помещиков искали воспитания в чужих краях, не посещая даже Дерптского университета. Публичные заведения были в небрежении; университеты наполнялись одними семинаристами и мещанами. Гимназии, лишенные доверия публики, существовали по имени и были большею частию пусты; не было ни постепенности, ни связи в общественном воспитании. Это важное орудие не лежало в руках правительства.

Главнейшие указания Его Императорского Величества при приступе к делу заключались в следующих видах:

1) все разбросанные части общественного воспитания привести к одному знаменателю, составя из оных полную систему публичных учебных учреждений;

2) поставить эти заведения на такую степень устройства, чтобы, заслужив общее доверие родителей, побудить сих последних, особенно в высших классах, без гласного изъявления Высочайшей воли, к решимости отдавать сыновей в публичные заведения; и тем мало-

помалу уничтожить *частное* воспитание и удалить иноземных воспитателей;

3) ввести в преподавание публичных заведений дух Русский под тройственным влиянием Православия, Самодержавия и Народности, возбуждая в молодых людях уважение к Отечественной истории, Отечественному языку, к Отечественным учреждениям. В губерниях, от Польши возвращенных, куда не проникал Русский язык, водворить изучение оного, равно как и в Остзейском крае;

4) недостаточное число учащихся и преподавателей дополнить посредством образования нового поколения молодых людей, к сему званию способных, приуготовляя их к исполнению в полном смысле видов правительства.

Ныне, по истечении 16 лет, при трудах, руководимых Его Величеством и которые производились беспрерывно под Собственным наблюдением Государя Императора, достигнуты следующие результаты:

1) образование молодого поколения все без исключения перешло в руки правительства; все, что готовится к гражданской или учебной службе, поступает в средние и высшие учебные заведения, так что в настоящем году в числе 3822 студентов университетских 2784 принадлежат к дворянскому сословию. Частное воспитание исчезло; доказательством сему служит, что *частные* пансионы постепенно закрылись без всякого прямого распоряжения Министерства, иноземные воспитатели, не находя более ожидаемой у нас деятельности, перестали являться [1]. В губерниях, от Польши возвращенных, учреждена полная система школ, вмещающих молодое поколение того края, влияние *ксендзов* на них значительно уменьшилось. Русский язык, дотоле им малоизвестный и ненавистный, совершенно

водворен, и этот вопрос можно считать решительно конченным. Равно и в остзейских губерниях, невзирая на предрассудки и противодействия, язык Русский пустил глубокие корни. В Дерпте особенно все учащиеся более или менее с ним ознакомились, правильно и основательно. При сем следует заметить, что и в обычаях, и в жизни студентов дерптских, дотоле необузданных, проявилась совершенная перемена; где недавно владычествовали неустройства всякого рода, особенно страсть к поединкам, там царствуют ныне тишина и полный порядок;

2) преподавание повсюду приноровлено к Отечественному началу. Изучение Русского языка и Русской истории, уважение к Русскому началу противопоставляется влиянию иностранного духа. К сему немало содействовали предпринятые по Высочайшему повелению огромные издания Археографической комиссии и Полного русского словаря – этот важный труд Академии наук. Можно без преувеличения сказать, что новое поколение лучше знает *Русское* и по-Русски, чем поколение наше;

3) совокупные действия Главного педагогического института с университетами представляют обильный запас молодых учителей, во всех отношениях лучше прежних. Главный педагогический институт снабжает учителями, более или менее способными, не только многочисленные заведения Министерства, но еще, по мере возможности, и женские, и военные учебные заведения.

Сверх того, нельзя не упомянуть хоть мимоходом о многих отдельных трудах, с соизволения Его Величества предпринятых и с успехом оконченных, как-то: преобразование общего медицинского преподавания; учреждение клиник университетских на новых началах; учреждение Главной Пулковской обсерватории; ученые

экспедиции астрономов и естествоиспытателей; распространение учения восточных языков преимущественно в Казани; издание множества полезных учебных книг; учреждение ветеринарных училищ и т. д.

К сим отдельным трудам можно присоединить образование Варшавского учебного округа посредством поступления училищ Царства Польского в ведомство Министерства народного просвещения. Если временные обстоятельства доселе не совсем благоприятствовали развитию принятых мер, то можно уповать, что постановленные начала при лучших обстоятельствах произведут и более плодов. Трудности в исполнении высокой мысли Его Величества очевидны и не подлежат дальнейшему объяснению.

Вот в кратчайших очерках плоды 17-летней деятельности Министерства народного просвещения, стремящегося под руководством Его Величества исполнить план, коего всего главные основания принадлежат Петру Великому, Екатерине II, Императору Александру, особенно же благополучно Царствующему Государю Императору, довершающему великие предначертания предков к славе и благоденствию России.

Печальные и ужасные события, в недавнем времени поколебавшие в Европе все основы общественного порядка, могли, бессомненно, внушить мысль о необходимости удерживать в ближайших границах умы юного поколения с некоторым изменением в объеме преподавания, в числе учащихся и особенно в разборе состояний, допускаемых до высших ступеней образования. Эти важные вопросы в течение многих лет занимали Министерство народного просвещения и были неоднократным предметом наставлений, даваемых Его Величеством Министерству просвещения, и мер, оным принимаемым. В числе сих мер следует указать

на постановление, воспрещающее молодым людям свободных состояний поступать в училища без предварительного освобождения со стороны общества, коему они принадлежат; усиление строгости в выборе учебных книг и в экзаменах университетских; запрещение, чтобы студент оставался более двух лет в одном курсе; вновь последовавшее распределение гимназического преподавания на два параллельные курса, из коих один окончательный, а другой – приготовительный. Все эти меры, в совокупности ведущие к цели постепенного ограничения, свидетельствуют, что Министерство в исполнение Высочайших указаний никогда не теряло из виду ни удержания развития юного поколения в надлежащих пределах, ни брожения умов вне Империи, всегда наблюдая, чтобы дух учебных заведений был по возможности огражден от заразы мнимого европейского просвещения, не совместного ни с нашими учреждениями, ни с благоденствием Отечества. Справедливость требует объяснить, что подобные меры предосторожности были принимаемы Министерством гораздо прежде пагубного 1848 г. [2] Осмеливаюсь, наконец, прибавить, что в течение оного и в настоящий 1849 г. учебные заведения Министерства выдержали довольно счастливо тяжкое испытание времени и обстоятельств и что если несколько незрелых юношей посреди многочисленной молодежи, как потерянный процент на хранимый огромный капитал[1], сделались отдельною жертвою заразы нравственной, то в числе одержимых оною не оказалось доселе ни одного университетского преподавателя и ни одного чиновника Министерства народного просвещения.

[1] Число учащихся в публичных учебных заведениях составляет в Империи 1 118 784, в Царстве [Польском] – 85 002, в еврейских училищах – 58 083; итого 261 833 чел. – *Примеч. С. С. Уварова* [3].

О СРЕДСТВАХ СДЕЛАТЬ НАРОДНОЕ ВОСПИТАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫМ, НЕ ОТСТУПАЯ ОТ ОБЩИХ ВИДОВ ОНОГО

от 27 декабря 1836 г.

I

Тридцатилетнее существование Министерства народного просвещения представляет странное смешение понятий и опытов всякого рода. Неоспоримо, что просвещение, сделавшись одним из главных начал государственных, входит в число тех потребностей, кои правительство обязано доставлять подданным; но зная, с другой стороны, что сие самое просвещение, если не удержится в границах своих, в границах умственных и не всегда ясно обозначенных, должно, наконец, готовить гибель государственному составу, мы ищем в истории Министерства народного просвещения плана единственного, твердого, плана, соединяющего выгоды просвещения европейского с преимуществами народности, ищем его – и не находим. И если в свое время были покушения, может быть, довольно удачные к достижению сей цели, то и следы оных исчезли. От призраков германской филантропии до туманов мистики Министерство народного просвещения пробежало все степени, не остановившись на ни одной и всегда разрушая последнее свое творение. Общие политические обстоятельства изменялись между тем во всех видах, и влечение оных становилось более и более неблагоприятным и затруднительным для всех правительств в Европе. Таким об-

разом, Министерство народного просвещения произвело у нас что-то имеющее наружность просвещения, но лишенное жизни, основания и не пустившее ни одного корня на почве Русской земли. Из сего следует, что главные учебные заведения – как вновь устроенные, так и прежде бывшие – не только не развивались и не усовершенствовались, но упадали и упадают постепенно. Университеты существуют только по имени; Московский – некогда глава наших учебных заведений – недавно доходил до упадка. С.-Петербургский в настоящем виде едва ли не уступает хорошо устроенной гимназии. Харьковский и Казанский, не дозрев, дряхлеют. Дерптский обязан своим преимуществом тому, что он более соответствует потребностям края, в коем он учрежден. Это немецкий университет посреди немецких губерний; но сие самое обстоятельство ограничивает пользу, которую может ожидать от него государство вообще.

Сие положение университетов весьма легко объясняется положением средних и низших училищ; без приведения сих последних в надлежащее устройство мы никогда не будем иметь университетов; но устройство гимназий, особенно устройство народных училищ, превышает трудностию исправление университетов; оно требует не только опытной и счастливой руки, оно требует плана и цели, о коей мы доселе мало заботились, утверждая, что гимназии должны приуготовлять к университетам, а низшие училища – к гимназиям; но сие определение весьма односторонно; конечно, средние и низшие училища должны *приготовлять*, но кого? Из каких классов общества? И к чему? Истинная цель сих заведений есть двоякая: для иных они служат *переходом* к высшим, но для других, и несравненно бóльших числом, учение, преподанное в гимназии и даже в народном училище, есть *окончательное*. Нетрудно чертить теории и предлагать

такой ход вещей, который не оправдывается опытом; народное воспитание не может нигде, особливо в России, быть подчинено одной неподвижной форме. Оно должно соображаться с гражданским порядком, а не мечтать, что оно повлечет оный за собою. Не все классы, составляющие народ вообще, имеют равные умственные потребности: иные обязаны идти вдаль; другие принуждены останавливаться посреди пути; несравненно большее число достигает полной своей цели, достигнув первых начал образования. Все классы гражданского общества стремятся к целому, но стремятся разными путями: что одному классу необходимо, то бесполезно и вредно другому. Словом, народное воспитание должно быть *специальное*, особенно у нас, где черты, отделяющие одно сословие от другого, еще столь резки. Искать однообразия тут, где сила вещей учредила совершеннейшую разнообразность, составлять общее для государства, не представляющего ничего общего, есть опыт тщетный и даже опасный. И тщетность, и опасность оного ясно изложены в истории Министерства народного просвещения.

Главные обязанности оного, исполнение коих сопряжено, впрочем, с затруднениями необыкновенными, состоят, без сомнения, в искусном расположении сих разнородных начал, в определении *своего каждому*, в беспрерывном наблюдении за исполнением предпринятых мер, в выборе людей, коих так мало оказалось способными орудиями по сей части, в точном узнании всех *местных* обстоятельств, от коих зависит и знание нужды, и возможности исполнения; в приобретении повсеместного доверия к намерениям правительства; в распространении общей мысли, что правительство *желает просвещения для всех по мере надобности каждого* для вящего утверждения народного духа в верности к Религии предков и преданности к Трону и Царю.

Прилагая вышеизложенные соображения к самому делу, можно определить несколько главных начал.

О народных училищах. Касательно народных училищ можно без вреда усилить во всех промышленных русских губерниях преподавание чтения и письма между низшим классом с начальными правилами арифметики и несколько географических сведений. К сему классу принадлежат крестьяне, мещане, вольноотпущенные, купечество 3-й гильдии. Само собою разумеется, что преподавание Закона Божия должно совокупляться с вышесказанными предметами. Таковыми училищами открывалось и заключалось бы воспитание низшего класса. В промышленных и богатых губерниях наших по течению Волги и Камы каждый простолюдин убежден в необходимости учиться чтению и письму. Доставление сего орудия имеет, может быть, свои опасности, но кто мог бы остановить естественный ход умов и с какой целью сопряжен столь отважный опыт? Орудие, в коем будет отказано правительством, рано или поздно сделается добычею тех, которые чувствуют необходимость оным владеть. Лучше предупредить таковое предприятие, дабы сие орудие осталось орудием мира и порядка. Тут и вся задача нынешнего времени в отношении к просвещению. Довольно и того, если мы успеем удержать каждый класс в пределах ему свойственного образования.

Но умножение народных училищ не может быть без разбора распространено по всей Империи; в иных местах оно необходимо; в других – едва ли полезно. Здесь следует принять в руководство положение каждой губернии порознь, дух жителей, степень их благосостояния и образованности, занятия их торговые и промышленность; в губерниях, составляющих центральный пояс России, таковое содействие было бы полезно и благоразумно. В иных, например северных

и южных, – преждевременно; в других, как-то в пограничных с Польшею, даже вредно, если учение не примет новых начал, ибо, например, в Белоруссии народ говорит по-русски, владельцы – по-польски; народ не имеет русских школ или <их количество> весьма мало, не учится русскому языку и, к стыду нашему, начинает забывать оный; тут нужно принять быстрые и решительные меры и преобразовать медленно все учение. Здесь утрата каждого дня невозвратна.

О гимназиях. К сему разряду принадлежат все заведения, составляющие середину между низшими и высшими. В них должны образоваться:

a) дети низшего и среднего дворянства, особенно в губерниях;

b) дети чиновников, служащих и неслужащих;

c) дети высшего купечества.

И здесь надобно заметить, что для большого числа сии заведения не должны и не могут быть *приготовительными* к высшему образованию, но поистине – *окончательными*. Таким образом, определяется *вторая степень специальности* – специальности, сообразной с гражданским бытом тех классов, для коих преимущественно предназначаются сии заведения; а дабы дать оным всевозможную пользу, нужно присоединить к каждой гимназии в губернском городе *пансион*, где бы за умеренную плату имели общее воспитание те, коих родители будут в состоянии платить оную плату. В образовании сих пансионов следует соображаться также с местными обстоятельствами и желанием большинства родителей. Какой живущий в губернии дворянин не предпочтет воспитывать своих сыновей, так сказать, под своими глазами, не посылая их в С.-Петербург или Москву? И может ли быть сомнительным, что дворянство, постигшее благие намерения правительства, усердно со-

действовать будет ему в таковом предприятии? Тот мало знает Россию, кто бы не уверился в возможности образовать постепенно таковые учебные заведения почти во всех губернских городах, начиная с тех, которые живее чувствуют недостаток в средствах воспитания, имея более средств к отвращению оного. Сей предмет поставить можно в число важнейших.

Сим способом: a) утвердится специальность в плане народного образования; b) уничтожится со временем всеобщее пагубное стремление к центру всего, т. е. к столицам, служащее первым поводом к расстройству частного благосостояния и даже к отчуждению от любви к Отечеству, всегда сопряженных с незнанием оного.

Об университетах. Университеты как высшие рассадники наук должны довершить систему нашего образования; но подчинять их одной, повсюду единообразной форме, не сходствует с положением России и всегда будет препятствием в их успехах. Неужели можно сравнить умственные потребности жителей столиц с жителями Заволжскими и Закамскими? Льзя ли для южных губерний определить ту меру образования, которая полезна для остзейских? Москва и Казань, Дерпт и Харьков, С.-Петербург и польские губернии не представляют ли бесконечный ряд противоположностей, и может ли один оселок, одно мерило равно удовлетворять их требованиям? Может ли один Учебный устав обнять государство, столь разнообразное, что едва ли не содержит в себе все степени образования, все оттенки гражданской жизни, все начала морального мира, как они содержат все климаты и все произведения физического?

От сего невнимания к местным обстоятельствам, к духу народному, к свойству и к силе вещей происходит то, что наши университеты повсюду чужды, повсюду ослабевают; они составлены, будучи по единой

для всех форме, по образцу иностранных по ровной выкройке, еще не принесли желаемой пользы и увядали везде, как растения иноземные, не пустившие корней и не обещающие плодов.

В образовании университетов представляются две *специальности*: 1) местная, проистекающая от того края, в коем они учреждены; 2) *общая между ними*, т. е. специальность цели, ограниченной тем, чтобы давать всем высшим классам средства к совершенному своему образованию. Говоря здесь о высших классах, мы не мечтаем о каком-нибудь *феодальном* отклонении прочих. Под словом *высшего класса* разумеем всех, коих природа наделила высшими умственными способностями и коим гражданское состояние не препятствует достигать полного своего развития. Это определение всегда и везде совершается само собою.

Преобразование университетов должно быть полное в отношении к преподаванию и к духу, коими они наполнены. Красивые здания, просторное помещение, конечно, имеют свою пользу; но когда внутренность моральная и умственная колеблется на своих основаниях; когда преподающие должны довольствоваться скудным жалованием в 2 тыс. руб.; когда начальство не находит средства, удалив недостойных, заменить их достойными, тогда университеты должны упадать более и более и благие намерения правительства оставаться навсегда без исполнения и без последствий.

Если определение в одно время однообразных штатов для университетов: Московского, С.-Петербургского, Харьковского и Казанского – было бы сопряжено с издержками, могущими казаться чрезмерными, то можно бы дело сие начать следующим образом:

1) приступить немедленно к совершенному и необходимому по обстоятельствам преобразованию уни-

верситетов, С.-Петербургского и Московского, испросив оным штаты[1] по размеру Дерптского, буде можно с 1 января 1834 г.;

2) прочим университетам, т. е. Харьковскому и Казанскому (преобразование коих имеет быть отложено до некоторого времени), определить штаты, имеющие вступить в расписание государственных расходов при первом удобном случае.

Таким образом, Министерство народного просвещения будет иметь достаточно времени исправить сперва главнейшие учебные заведения, а потом заняться и прочими; по крайней мере, камень основания положен будет и бездействие прекратится.

Самое же преобразование столичных университетов состоит гораздо менее в написании уставов, нежели в разборе людей. Архивы сего Министерства завалены грудою написанных параграфов, но к чему они служат или, лучше сказать, что из них исполняется?

Осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества сей краткий обзор, составленный при первом взгляде на поприще, которое Вам благоугодно было Всемилостивейше открыть предо мною. Чем более я проникнут благоговением к оказываемому мне Монаршему доверию, тем более чувствую важность затруднений и препятствий, меня ожидающих. Записка сия не может почитаться планом; разве только очерком общих видов и главных соображений, из коих мог бы быть со временем составлен *план* по части Министерства

[1] Штат С.-Петербургского университета заключается в 171 тыс. руб., предполагаемый в 320 650 руб., следовательно, недостает 149 650 руб. Штат Московского университета составляет ныне 221 699 руб.; в новом определяется всего: 517 950 руб., прибавочно: 296 251 руб. По тому и другому университету *итог* прибавочных сумм заключается в 445 901 руб. Может быть, откроется возможность и сей итог уменьшится. – *Примеч. С. С. Уварова.*

народного просвещения, буде оные удостоятся Высочайшего Вашего Императорского Величества одобрения.

II [1]

Ваше Императорское Величество изволили повелеть, чтоб окончившие в высших учебных заведениях курс учения и получившие степень, соответствующую чину 9-го класса, получали бы впредь дозволение вступать в гражданскую службу независимо от действий закона о прослужении трех лет в губерниях.

По словесному объяснению председателю Комитета министров, до́лжно было заключить, что Ваше Величество изволили впоследствии определить, что вышеписанное новое Узаконение не будет вовсе простираться на воспитанников Царскосельского лицея с Пансионом и на Училище правоведения [2].

По строгому смыслу моей обязанности быть во всех случаях ходатаем за университеты следовало бы мне, конечно, представить тут же Комитету, что объяснение председателя не согласуется вполне, смею сказать, с правилом, собственноручно поставленным Вашим Величеством; что если все ограничения и обязанности нового узаконения должны исключительно падать из высших учебных заведений на одни университеты, то можно опасаться, что прилив в оные молодых людей, особенно высших сословий, с таким трудом устроенный, впредь мог бы прекратиться; что эти молодые люди весьма естественно обратились все к Лицею, и к Пансиону Лицея, и к Училищу правоведения, кои пользуются сим исключительным, обширным правом, займут, несомненно, и в общем мнении высшее место; наконец, что, по моему разумению, мысль Вашего Величества состояла в том, чтобы те, кои в высших учебных

заведениях вообще и без всякого исключения получат право на 9-й класс, пользовались бы дозволением вступать по-прежнему в службу. Таким образом, уравнивает сие начало для всех учебных заведений; тем более что Лицей и Училище правоведения дают воспитанникам не один только чин 9-го класса, но и низшие; из чего явствует, что, следуя буквально объяснению председателя, воспитанник Лицея, получивший чин 14-го класса, пользовался бы правом, в коем будет отказано университетскому студенту, приобретшему чин 10-го класса.

Может быть, следовало бы мне объяснить сие в присутствии Комитета, но смею всеподданейше доложить, что весьма сильные убеждения удержали меня от возбуждения подобного вопроса и побудили принять смелость довести о моем недоумении до сведения Вашего Величества.

Осмеливаюсь уповать, что сие прямое, с делом согласное изложение вопроса, в коем заключается некоторым образом будущность русских университетов, удостоится и благосклонного, отеческого воззрения Вашего Императорского Величества.

О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ В РОССИИ

Около середины XVIII столетия возникла под именем *экономистов* секта писателей, принявших за основание в политической экономии особую теорию касательно народонаселения. Главная аксиома их состояла в том, чтобы всеми средствами способствовать всевозможному приумножению человеческого рода как вернейшему залогу благосостояния и силы государственных. Сие правило согласовалось с общей системою сих

писателей; они во всех предметах искали неограниченного усиления *производства* (production), предполагая, что число *потребителей* всегда равняется с числом *производителей* и что всякое новое *производство* находит *потребителей* новых. Сие начало распространилось столь быстро в Европе и столь сильно овладело умами, что никто не смел сомневаться в безошибочности оного. Тщетно несколько голосов скромно изъявляли свои сомнения; никто им не внимал. Министры, философы, писатели – все руководствовались одними умозрениями и, начиная с ткания шерстяных и бумажных изделий постепенно и до воспитательных домов – все подчинилось одному правилу: «неограниченное производство всех предметов»; в сих словах заключалась общая мудрость государственных людей, и ни одно догматическое учение не находило никогда поборников столь непреклонных и столь упрямых.

Ныне, по пространному обороту в общем мнении, вопрос о *народонаселении* принял неожиданно вид новый и прежнему во всем противный. Теперь уже не ускоряют быстрое распространение оного; напротив, ищут все средства сему воспрепятствовать. Бесчисленные бедствия открыли, наконец, глаза и тем, кои наиболее ослеплялись теориею экономистов. По возвышении *политической экономии* на степень положительных наук теперь до́лжно признаться, что она нуждается в твердых основаниях и доселе более способствовала мечтательной игре воображения, чем узнанию истинных источников государственного богатства. Известнейшие и опытнейшие в науке политической объявляют, что она не существует. Г-н Сей[1] сознается, что доныне она весьма мало известна. Г-н Сисмонди [2] ясно говорит, что она давно уже потеряла свое направление. Г-н Мальтус [3] уничтожил все, что почитали основными определениями в

экономии политической, и даже сам г-н Рикардо [4], хотя по наружности принадлежащий к прежней школе, развивает понятия совершенно новые о началах, кои казались доселе не подлежащими сомнению.

Сие сотрясение во всем пространстве науки государственного благосостояния коснулось и теории *народонаселения*, и по обыкновенному ходу человеческих мнений умы, устрашенные вредными последствиями прежнего учения, быстро устремились к противоположной крайности – равно исключительной, равно чрезвычайной. За полвека и более Ф. Кене (Quesnay) [5] и его школа проповедовали, что ни один зародыш не должен пропадать во всем пространстве мира, нимало не заботясь о том, что с ним станется, когда он получит существование. В нынешнее время предлагают правительствам самые странные и даже некоторым образом смешные средства[1] для приостановления избытков народонаселения. Сии разительные крайности достаточно показывают, сколь политическая экономия заблуждалась относительно одного сего предмета и сколь мало известны еще истинные границы ее исследований.

В настоящем положении сей науки ничто не поражает удивлением так, как видимая несоразмерность способов к цели. Глубокомысленнейшие из государственных людей и политических писателей ежедневно это испытывают. Одаренные живым, проницательным взором, необыкновенным искусством разлагать зло, от коего страдает гражданское общество, те, кои наилучше знают неудобства настоящего порядка вещей, сами предлагают средства недостаточные, неудобоисполнимые; предлагают их без жару, без убеждения и как бы для того только, чтобы угодить нетерпеливым требованиям

[1] См. между прочими: Weinhold, von der Uberbevolkerung von Mittel-Europa. – 1828.

раздраженного воображения. Человек, составленный из двух противоположных начал, человек, истинный представитель и отпечаток общества, едва ли может весь подлежать одному закону, одному истолкованию. Если, смотря на него как на математическую единицу, мы подчиняем его началам положительным, непреложным, отвлеченным, то другая его половина – вся чувственная, вся умственная – расстраивает лучшие расчеты и улетает из-под ножа *политических прозекторов.* Если, с другой стороны, мы увлекаемся теми утонченными, мистическими понятиями, кои не обращают внимания ни на состав общества, ни на его практические нужды и существенные недуги, то не только не приносим чрез сие никакой пользы обществу, но умножаем еще его бедствия, требуя от оного то, что выше его сил и не согласно с его многосложным естеством.

Таким образом, в числе затруднительных задач, принадлежащих к науке государственного устройства, находится и вопрос о *народонаселении.* Нужно было кратко изложить исторический ход оного, дабы дать основу тем замечаниям, которые составляют предмет сего рассуждения. Кто с настоящей точки зрения увидит, как ныне в Европе смотрят на сей важный вопрос и в теории, и в практическом отношении, тот убедится в том, что, с одной стороны, предлагаемые средства для приостановления излишнего народонаселения тщетны и неудовлетворительны, с другой же стороны, что для большой части Европы предстоят неисчислимые бедствия от несоразмерного умножения жителей. Истина сего предложения признана всеми правительствами. В России государственные люди особенно обязаны обращать внимание на сей важный вопрос, обняв его со всех сторон. Тогда почувствуют они, сколь отечество наше должно почитаться счастливым, что оно не под-

лежит еще бедствию, грозящему древним государствам Европы. Тогда узнают, с каким тщанием они обязаны, сколько могут, сохранять Россию в том благоприятном положении, в коем земля и народ состоят во взаимном уравнении, в коем довольно земли для рук и довольно рук для потребностей государственных. Тогда увидят они, с какою предосторожностью до́лжно избегать всех тех преждевременных мер, коими может нарушиться сие положение вещей, очевидное благодеяние Промысла и верный залог могущества и независимости России.

Число жителей ни в одном государстве не определяется безошибочно. Г-н Сей заметил, что лучшие для сего средства не полны и лучшие исчисления не совсем верны. Я не буду говорить об арифметическом числе жителей в России; я постараюсь изложить отношение числа жителей к пространству земли, как я имел случай наблюдать за оным почти во всех краях любезного отечества нашего; я хочу обозреть сей вопрос со стороны философической, не касаясь до цифр и не заботясь о разногласных показаниях статистики.

Всякий раз, когда надобно обнять Россию одним взглядом, ум затрудняется выводить одно общее положение, и в подобных случаях общие положения делаются почти всегда неправильными и несправедливыми. Тысяча голосов твердят, что в России недостает жителей, и я не знаю ничего неосновательнее сего. Если б зависело от правительства рассаживать жителей по столько-то на квадратную версту, то, конечно, значительное количество земли в России оставалось бы необработанным; но если, глядя на сей предмет с высшей точки зрения, привести в известность сложное количество всех плодов земледелия, то увидим, что не только они достаточны для изобильного продовольствия жителей Империи, но еще, что умножение оных про-

дуктов было бы совершенно в тягость для государства и вне всякой соразмерности с требованиями остальных держав европейских. Определять силу какой-либо страны по числу жителей или богатство народное по сложности всех *возможных* продуктов и произведений есть остаток устарелого предрассудка *экономистов,* который не могли искоренить доселе ни опыт, ни время. Достойно замечания, что особенно в политических науках рождается между ложными понятиями какая-то искусственная связь, в коей посредственные умы едва в состоянии дать себе отчет, тем более когда сия связь принимает в их глазах виды новых идей, новых соображений. Чем менее они в состоянии расширять свою умственную сферу, тем более дорожат понятиями, которые им кажутся плодами собственного усилия, и если иногда, следуя примеру людей, отлично просвещенных, решаются оставить битый путь, коим дотоле шествовали, то всегда находятся в опасности тщетно кружиться в тесных своих пределах, не узнавая под новыми именами тех же обветшалых понятий, владычества коих они едва ли когда избегнуть могут.

Одно из главнейших заблуждений по части политической экономии состоит в том, чтобы ограничиться настоящим временем и не помышлять о будущем. Рассматривая карту Российского государства, если видят в отдаленных его краях большое пространство земель, не обработанных плугом, то спешат заключить, что избыток жителей, поселенный на сих так называемых *степях*, должен умножить в геометрической пропорции силу и богатство Империи, не заботясь, впрочем, о том, найдут ли сии новые поселяне и новый сбыт для своих произведений или должны ли сии продукты стекаться к известным уже местам и обременять собою отяготительный сбыт ныне производимых продуктов земледелия? Разви-

тие народонаселения тогда только полезно и желательно, когда *требование* превосходит *производство,* т. е. когда имеется более *потребителей,* нежели *производителей*; но когда сия соразмерность исчезла, то всякое умножение числа жителей есть не что иное, как общее, неотвратимое бедствие. Ясно, что Россия имеет и ныне достаточное число рук, способных к земледелию и к военному ремеслу и что у нас народонаселение идет столь же быстрыми шагами (а может быть, и быстрее), чем в прочих европейских государствах. Должны ли мы ускорять ту эпоху, когда избыток жителей сам собою перенесется в те богатые *степи,* которые природою как будто оставлены в запасе и кои образуют со временем земледельческий пояс Империи, когда губернии, лежащие ближе к центру, достигнут той степени *мануфактурной промышленности,* на коей настанет для них необходимость сократить полевые работы и предоставить другим краям *промышленность земледельческую.*

Россия разделена природою на несколько обширных поясов, из коих каждый имеет свои особенные выгоды, свою отличительную печать. С одной стороны, губернии, составляющие центр Империи, стремятся уже всеми силами к торговле и промышленности; с другой стороны, губернии юго-восточные, обогащенные плодородием земли и большими судоходными реками, посвятили себя земледелию на неимоверном пространстве. Волга – Нил России – как будто связывает между собою сии два пояса, и, следуя течению оной, находим мы на волжских берегах высокое развитие благосостояния народного, развитие, неизвестное иностранцам и для многих русских непонятное. В окрестностях Волги население достигло уже высшей своей степени, по крайней мере от Тверской губернии до двух третей Саратовской. Во многих особенно плодородных местах

число жителей дошло даже до излишества в сравнении с удобною к возделыванию землею. Где земля обилует в благословенном *черноземе*, там стекаются и толпятся люди. На нагорной стороне Волги цены на землю чрезмерно высоки; недавно в Симбирской губернии платили за годовой наем одной десятины от 20 до 30 руб. Какое сильное доказательство благосостояния народного и развития его умственных и телесных сил!

Между тем страны, окружающие Черное море, считая в числе их и Украину, достаточны бы были для составления сильного государства и, как мне кажется, могут в одно время стремиться и к промышленности торговой, и к промышленности земледельческой. Свободное плавание по Черному морю будет лучшим венком наших блистательных побед над Портой Оттоманской [6]. Надеяться дóлжно, что, открыв постоянный сбыт для своих продуктов, сей край Империи почувствует новое движение и жизнь; одна пшеница, которую можно бы вывозить из портов Черного моря, достаточна для продовольствия всей Европы. Вероятно, что английские законы о торговле хлебом должны скоро подлежать значительному изменению, и сие обстоятельство, присоединившись к свободному плаванию по Черному морю, откроет южному краю России необъятное поприще и много новых источников обогащения. Само собою разумеется, что для приведения внутренней торговли в твердое и совершенное устройство надобно ожидать эпохи, когда система водяных коммуникаций, доведенная до окончания, сблизит отдаленнейшие края России и способствовать будет их взаимному действию и беспрерывным сношениям.

Если принять в соображение войны, перенесенные отечеством с начала сего столетия, 1812 год и содержание под ружьем огромной армии, то, объезжая Россию,

до́лжно удивляться, видя ее населенною сильными и многочисленными племенами. Опустошения, произведенные в сем году холерою, не должны быть поставляемы в счет; во всяком случае сие гибельное явление есть явление неожиданное, мгновенное и при попечении правительства будет, уповательно, последнее сего рода. Между тем ничто в России не означает недостатка в жителях. Сделавшись торговою и мануфактурною в такое время, когда система механических сил приняла уже совершенное развитие, Россия не отрывает от плуга работников для устроения фабрик и не будет впоследствии находиться в необходимости возвращать земледелию огромное число фабричных людей, сделавшихся ненужными от введения машин. Промышленности нашей не угрожает опасный переворот, от коего страдают просвещеннейшие государства в Европе. Промышленность явилась между нами в сопровождении тех механических изобретений, от коих сила человеческая приводится почти в ничтожество и которым она уступать должна. Мы не знали промышленности мануфактурной в первобытном ее виде; мы узнали ее вместе с системою машин; в глазах русского она не отдельна от них. Нам нет нужды приносить в жертву одному классу народа другой класс, не менее достойный внимания правительства; потому-то у нас фабричные люди и не разбивают машин, ибо они не лишили их последнего куска хлеба. В России машины благотворны и необходимы и не только не возбуждают ненависти народа, но еще сильно и верно содействуют его благосостоянию и согласуются с числом людей, коих без вреда для земледелия можно отделить на фабрики. Последние происшествия во Франции, в Нидерландах, в Германии [7] ясно доказывают, что борьба механического производства с умножающимися нуждами низшего класса содержит в

себе зародыш величайших политических бедствий и самых непреоборимых затруднений. И в сем отношении Промысел благословил Россию, призвав ее последнею в сонм просвещенных Государств!

Итак, в то время, когда одна часть Империи, отличающаяся преимуществом познаний и капиталов, ближайшим сношением с Европою, посвятит себя торговой и мануфактурной промышленности, другая часть, пользуясь благоприятным небом и богатыми нивами, тем более устремится к земледелию, что найдет менее состязания в производстве, более сбыту для продуктов хлебопашества. Мы имеем полное право надеяться, что правительство под десницею великодушного монарха будет покровительствовать сему одновременному развитию двух различных сил государственных узаконениями простыми, твердыми, согласными с духом нашего народа и с обстоятельствами. Тогда Россия, в коей все ново, которая представляет в одно время отпечаток всех веков, Россия, о коей нельзя судить ни по принятым правилам, ни по европейским теориям, Россия, сама себя обогащающая и сама потребляющая посредством обмена бóльшую часть своих продуктов, укрепится на прочной степени благосостояния и решит одну из затруднительнейших задач политической экономии.

Но для достижения сей возвышенной цели должны мы не только ожидать благотворных мер со стороны правительства, но еще сами обязаны всеми силами содействовать оному. Государственный человек у кормила правительства, писатель в тишине кабинета, помещик посреди своих поселян, торговец, фабрикант, крестьянин – все должны стремиться к возможному соединению пользы каждого с пользою всех. И здесь, как и во всем пространстве Государственного хозяйства и сельского домоводства, необходимы *Русская система*

и Европейское образование; система Русская – ибо то только полезно и плодовито, что согласно с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическим правом; образование Европейское – ибо больше как когда-нибудь мы обязаны вглядываться в то, что происходит вне пределов отечества, вглядываться не для слепого подражания или безрассудной зависти, но для исцеления собственных предрассудков и для узнания лучшего, – и если нам не дано видеть полного успеха всех таковых предприятий, внушенных и любовию к отечеству, и даже гордостью народной, то, по крайней мере, поколение, которое нас скоро заменит, соберет плоды наших трудов. Оно будет достойно высокого своего предназначения.

II. НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ, ЦЕНЗУРА

ДЕСЯТИЛЕТИЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. 1833–1843 [1]

Напечатано по распоряжению Министерства народного просвещения

Его Императорскому Величеству Всеподданейше поднес министр народного просвещения

Вступление

При истечении десятилетия моих занятий по заведованию Министерством народного просвещения я считаю себя обязанным и чувствую необходимость пройти внимательным взглядом все, что в продолжение этого периода сделано по учебному ведомству, волею Вашего Величества мне вверенному. В образовании народном, в этой многосложной ветви государственного управления, где цель, к которой стремиться дóлжно, поставлена так высоко и отдаленно, где все на-

чинания и действия, по самому свойству вещей, созревают медленно и требуют терпеливости неизменной, было бы неосторожно стремиться вперед, не обращая взора назад и не соображая прошедшего с будущим. Чем позднее достигаются последние и окончательные результаты, тем необходимее беспристрастным исследованием приобретенных выгод, равно как и встреченных неудач, убеждаться в правильности избранного пути и подкреплять надежды на приближение к мечте далекой, почти невидимой.

Всеподданнейше представляя Вашему Императорскому Величеству обзор последнего десятилетия Министерства народного просвещения, я не решаюсь или, лучше сказать, я не считаю себя вправе вступительно изобразить положение Министерства в то время, когда Вашему Величеству благоугодно было возложить на меня это важное и трудное управление. Да будет мне позволено начать это изложение тем днем, в который, осмотрев все части, мне вверенные, и обдумав все средства, мне открытые, я удостоился получить от Вашего Величества в главных началах наставление, которому беспрерывно следовало Министерство с тех пор и доныне. Этот день, незабвенный для Министерства и для меня, есть 19 ноября 1833 г.

Начертание главных начал. Углубляясь в рассмотрение задачи, которую предлежало решить без отлагательства, – задачи, тесно связанной с самою судьбою Отечества, независимо от внутренних и местных трудностей этого дела, разум невольно почти предавался унынию и колебался в своих заключениях при виде общественной бури, и в то время потрясавшей Европу и которой отголосок, слабее или сильнее, достигал и до нас, угрожая опасностью. Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при

повсеместном распространении разрушительных понятий, ввиду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить Отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить. Искренно и глубоко привязанный к Церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастия общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего *Православия*, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова [2]. *Самодержавие* составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Эту истину чувствует неисчислимое большинство подданных Вашего Величества: они чувствуют ее в полной мере, хотя и поставлены на разных степенях гражданской жизни и различествуют в просвещении и в отношениях к правительству. Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать народное воспитание и с ним развиваться. Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное – *народность*. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории Русского Царства. Относительно

народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий, но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует *неподвижности* в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших родных понятий; если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию.

Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейского духа. Просвещение настоящего и будущего поколений в соединенном духе этих трех начал составляет, бессомненно, одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени и тот священный труд, который доверенность Вашего Величества возложила на мое усердие и рвение[1].

Следующий обзор должен показать, какими способами Министерство стремилось к осуществлению сих основных понятий. *В четырех отделах* я изложу сначала систему учебную в целой Империи, потом представлю видоизменения ее в практическом применении к некоторым отдельным краям, как-то: в губерниях западных, остзейских, в Царстве Польском. Затем последует взгляд на учреждения ученые, ход наук и словесности вообще; наконец, особое отделение вместит в себя выводы численные и статистические.

1 Всеподданнейший доклад 19 ноября 1833 г.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
Главные начала и развитие учебной системы в Империи с 1833 года

Приступ к делу. В первую обязанность вменил я себе передать мысли, изложенные выше, в руководство сотрудникам моим в деле народного просвещения, вразумить их в высоких видах Вашего Императорского Величества, в направлении и духе, в каком отныне, по Августейшей воле Вашей, должно совершаться образование юношества на всем пространстве обширного нашего Отечества, и призвать их к содействию единодушному и усердному. (Окружное предписание 21 марта 1833 г.)

Приступая к выполнению важного своего призвания, я желал основать дальнейшие свои действия на данных, сколько можно верных и подробных. Наперед нужно было собрать положительные сведения о всех учреждениях, принадлежащих к Ведомству народного просвещения, ознакомиться в подробности с теми материалами, которые еще можно было употребить в дело, и с теми, которые надлежало устранить как помеху бесполезную. Мерою приготовительною служило приглашение всех начальников учебных округов внимательно осмотреть подведомственные им учебные заведения во всех отношениях: как в отношении собственно учебном и нравственно-наблюдательном, так и в хозяйственном и административном. На сей конец попечители и помощники их были снабжены подробными инструкциями.

Разделение учебных округов. При введении в систему публичного воспитания желаемой стройности и правильности одною из самых настоятельных потребностей

было устранить несоразмерность в разделении и составе учебных округов и облегчить надзор за ними со стороны главных их начальств. Сообразно с географическим положением и местными удобствами сделано (30 мая 1833 г. и 26 марта 1839 г. [3]) новое разделение округов.

Управление средними и низшими заведениями. Прежний порядок управления средних и низших учебных заведений сопряжен был с несообразностями и неудобствами очевидными. Непосредственная зависимость их от университетов возлагала административные и хозяйственные дела на лиц ученого сословия, по большей части чуждых обязанностей этого рода, и без существенной пользы для успешности управления отвлекало профессоров от настоящих и главных их занятий науками и преподаванием. Чем быстрее распространялись средние учебные заведения, чем больше возрастало число их, тем заметнее и ощутительнее становились эти неудобства и вредные их последствия: медленность в распоряжениях, многосложность административных форм и затруднительность совещательного образа управления. 25 июня 1835 г. издано новое Положение об управлении учебными округами. Гимназии и прочие училища, изъятые от заведования университетского, поступили под непосредственное управление попечителей; прежние излишние инстанции управления уменьшены; польза совещательного порядка сохранена, но все неудобства оного устранены. Мера сия оказалась столь полезною, что на следующий год распространена и на Дерптский учебный округ.

Преобразование гимназий и уездных училищ. Изыскивая способы поставить гимназии и уездные училища на высшую степень значения в системе народного просвещения и в общественном мнении, Министерство не могло надеяться достигнуть этой цели прежде, чем

ему удастся возвысить звание начальников их, усилить обучение при возрастающем числе учеников, сделать эти заведения доступными одним знающим свое дело преподавателям и ограничить прием детей в оные только достаточно к тому приготовленных; учредить правильный и бдительный надзор за учащимися и, наконец, по возможности распространить попечительность свою даже на телесное здоровье учащихся и бедных. К осуществлению этих видов стремилось Министерство народного просвещения: учебные заведения расписаны по разрядам и должности ведомства Министерства по классам. Высшим и даже средним училищам предоставлены значительные преимущества относительно производства в чины по гражданской службе. В этой мере юношество приобрело важное поощрение искать образования себе в общественных заведениях. Из возвышения звания директоров и инспекторов гимназий в общем порядке государственной службы сама собою истекала возможность замещать эти должности только людьми способными и благонадежными, и потому предписаны правила строгого выбора в оные (8 марта 1834 г.). Число учащихся возрастало быстро и повсеместно; Министерство разрешило способы к удовлетворению новых, отсюда возникавших потребностей (27 апреля 1837 г. [4]). Правила для испытания детей, поступающих в гимназии и уездные училища (29 января 1837 г.), отвратили от учебных заведений прилив учеников, не способных извлечь всю пользу из даруемых им правительством средств к приобретению полезных знаний. Внутренний порядок в заведениях упрочен дозволением определять особых надзирателей за приходящими учениками (15 февраля 1838 г.). Разрешено также иметь при сих заведениях врачей на общем основании государственной службы и с правами медицинских чи-

новников (12 мая 1836 г.). Ныне оно расположено так, чтобы даже и недокончившие курса ученики выносили с собою из училища главнейшие познания в правилах веры и в Священной истории.

Различие потребностей разных сословий народа неминуемо ведет к надлежащему разграничению предметов учения между ними. Система общественного образования тогда только может называться правильно расположенною, когда оно всякому открывает способы получить такое воспитание, какое соответственно роду жизни его и будущему призванию в гражданском обществе.

Благородные пансионы для дворянства. Благородное юношество – лучший цвет возрастающего поколения, предназначаемое самим происхождением своим и способами жизни к занятию важнейших должностей в государстве, долженствовало, по возможности, иметь и воспитание отдельное [5]. Разделяя в уездных училищах, гимназиях и университетах выгоды публичного образования с юношеством других свободных сословий, оно получило еще и способы к воспитанию: в Москве в Дворянском институте, в С.-Петербурге и Киеве – в определенных на то гимназиях, в Вильне – в Дворянском институте [6]; в других же городах – в благородных пансионах, заводимых не только при гимназиях, но и при некоторых уездных училищах. С самого начала вступления моего в управление Министерством народного просвещения (11 мая 1833 г.) я обратил внимание попечителей учебных округов, гражданских губернаторов и предводителей дворянства на эти полезные учреждения. Я объяснил им в подробности прямую цель пансионов, которые по преимуществу должны сосредоточивать в себе благородное юношество, но при всем том не дают окончательного образования мо-

лодым людям, а только приготовительное к слушанию лекций университетских. Сии внушения не замедлили принести плоды самые утешительные. Дворянство с готовностью приняло на себя обязанность устроить и содержать своим иждивением благородные пансионы, и ныне число их возросло уже до 46. Министерство озаботилось составлением для них Положений, которые, сходствуя между собою в общих чертах, рознятся одно от другого в некоторых подробностях согласно с местными нуждами. Дворянский институт в Москве преобразован в основании и получил новое устройство. Питомцами Дворянского института в Вильне, образованного из гимназии, которая имела такое же назначение – обучение благородного юношества, даны преимущества университетских студентов при вступлении в военную службу. Воспитание, даруемое, таким образом, и недостаточным юношам, не оставлено бесплодным для тех губерний, в которых юношеству доставляется учение на счет казны или жертвуемых дворянским сословием сумм. Чтобы снабдить губернии и правительственные места в них чиновниками образованными, вменено (27 августа 1835 г.) всем воспитывающимся на счет казны молодым людям в обязанность оставаться на службе в тех же губерниях по *шести лет*, а воспитываемым на счет дворянства – по стольку же лет и после окончания ими курса в университетах, если там они будут довершать свое образование на счет тех же пожертвований.

При учебных заведениях западных губерний доставлено воспитание детям местных дворян и чиновников недостаточного состояния устройством пансионов на счет приказов общественного призрения; взамен того правительство налагает на них обязанность прослужить там 8 лет (2 декабря 1838 г.).

Меры к образованию прочих сословий. Сословию купеческому, мещанскому и, по мере возможности, самим поселянам открыты приличные способы к образованию, сообразному с их потребностями, образом жизни и положением в государстве. Им, особенно первым двум классам, представлено пользоваться учением в приходских, уездных училищах и гимназиях; детям почетных граждан открыт беспрепятственно, наравне с дворянскими, доступ к университетским курсам. Не принимая на себя обязанности учреждать на свой счет учебные заведения для мещан и поселян там, где в самих жителях еще не пробудилось стремление к образованию, правительство разрешает открывать приходские училища всюду, где это желание развивается успехами промышленности и другими местными причинами. Со своей стороны оно обеспечивает содержание 51 из них ежегодным назначением достаточных на то сумм. Но там, где успехи просвещения показали нужду в учреждении училищ уездных, Министерство само поспешило открыть их. В Казанском округе, где при многих уездных училищах не имелось приходских, заменены они приготовительными классами. В Москве учреждено особое училище для бедных купеческих и мещанских детей [7]. Для ближайшего попечения о благосостоянии приходских училищ в столицах определены почетные блюстители, преимущественно из людей купеческого сословия, пользующихся общим доверием (1 ноября 1839 г. и 23 апреля 1840 г.).

Лица крепостного состояния. Не исключая даже лиц крепостного состояния от участия в благотворных плодах знаний и просвещения, Министерство, однако, считало необходимою обязанностию для себя привести их в меру истинных нужд и прямой пользы умственной и нравственной людей этого сословия. Объем их обуче-

ния ограничен одними приходскими и уездными училищами. Переход из низших в средние учебные заведения, а из сих – в высшие везде и для всех сословий подчинен определенным правилам, всегда соблюдаемым в точности; в отношении же к людям крепостного состояния эта строгость еще более усилена: они не иначе допускаются в эти заведения, как когда по воле помещиков получат увольнение от сего состояния. Согласно с тем и частные заведения, в которых круг учения соответствует гимназиям, сделаны недоступными для лиц крепостного состояния, а в тех реальных училищах, в которые допускаются ученики всех состояний, круг наук словесных приведен в соразмерность с приходскими и уездными училищами и из них исключено все, что не относится прямо и непосредственно к техническим наукам. Сельские школы в остзейских губерниях поставлены под ближайший надзор лиц и мест, определенных для того Положением о лифляндских крестьянах [8], и Министерство ежегодно получает срочные сведения о положении и ходе сих школ. Для наблюдения за училищами Общества моравских братьев [9] начертаны особые положительные правила (13 апреля 1838 г.). Мещан, свободных поселян, вообще людей податного состояния разрешено допускать в высшие учебные заведения и даже в университеты, но не иначе как по предоставлении ими свидетельств об увольнении от тех обществ, к которым они принадлежат.

Воспитательные заведения в Сибири. Независимо от этих главных оснований, на которых утверждалось общественное воспитание в средних учебных заведениях, некоторые местные обстоятельства в отдаленных частях Империи породили необходимость особых распоряжений. Вблизи центра правительства и просвещения следовало сохранить в строгой опреде-

ленности и без всякого смешения отдельный характер каждого рода учебных заведений; но в отдаленности от средоточия необходимость указывает иногда отступать от строгости сих форм по уважению местных требований и потому, что, действуя на огромном пространстве Империи, тщетно было бы искать неподвижности учреждений посреди разнородных элементов и многоразличных степеней гражданской образованности. В таком положении были учебные заведения Сибири, рассеянные на пространстве, несоразмерном по обширности своей с прочими учебными округами, отдаленные и друг от друга, и от главнейших университетов.

Преобразовав все учебные заведения Сибири на основании нового Устава и расширив финансовые способы их содержания по новым штатам, Министерство народного просвещения подчинением оных главному ведению генерал-губернаторов пригласило их к постоянному участию во всех движениях учебной части и открыло себе возможность действовать совокупно с высшим местным начальством. В Томске открыта новая гимназия; гимназическое учение в других городах распространено добавочными курсами о некоторых предметах, указанных местными потребностями. Так, во всех сибирских гимназиях введено преподавание русского законоведения и судопроизводства; в Иркутской – учрежден класс бухгалтерии. Это расширение плана учебного простирается даже на некоторые уездные училища в Томской, Тобольской и Иркутской губерниях.

Для доставления служащим в сих отдаленных странах чиновникам способов к образованию детей своих изысканы средства к преимущественному помещению их в казенные учебные заведения. При каждой из трех сибирских гимназий сверх воспитанников, приготовляемых к учительскому званию, еще 20 учеников

из детей чиновников получают образование на казенном содержании; до открытия гимназии в Красноярске 10 детей чиновников Енисейской губернии обучаются в Иркутской гимназии; по окончании гимназического курса ежегодно отправляется по одному воспитаннику из каждой гимназии в Казанский университет. Выслушав там полный курс, они вступают потом в гражданскую службу в своей губернии.

В Закавказском крае. Еще теснее связует Россию с Азиею ее Закавказье; там отдаления от средоточия Империи и сопредельность с племенами полуобразованными и дикими породили меры, подобные принятым в Сибири. В 1835 г. все училища Закавказья получили новое Положение и штат, обширней прежнего.

Ставропольское высшее уездное училище преобразовано в гимназию со введением преподавания отечественного законоведения и судопроизводства. При нем учрежден пансион на 20 казенных воспитанников; при Тифлисском благородном пансионе увеличено число воспитанников из детей служащих там чиновников. Отличнейшие из них посылаются для довершения своего образования в Харьковский университет. Таким образом, служащие в этом крае чиновники обеспечены так же, как и в Сибири, в отношении к приличному образованию детей своих. Министерство народного просвещения, со своей стороны, принимало все меры к возведению учебной части в этой стране на равную степень совершенства, как в других округах, ему подведомственных. Но при отдаленности края, при особом положении оного оно не могло действовать непосредственно и прямо. Успех его мер зависел более или менее от участия главных местных начальств тамошних. К сожалению, некоторые послабления и вкравшиеся злоупотребления остановили успешный ход учебной части в закавказских областях

и сделали теперь необходимым новое, радикальное преобразование. Замешательства эти тем прискорбнее, что Министерство, употребив и время, и значительные капиталы, принуждено выжидать дальнейших благоприятных плодов, которые покуда еще не представляются явственно и определительно.

Воспитание домашнее и частное. Воспитание общественное в заведениях, правительством открываемых и под его постоянным надзором и руководством находящихся, составляет, конечно, главное орудие просвещения и нравственной жизни народа. Но рядом с ним идет воспитание домашнее или частное, которое также простирает свою силу на разные состояния в государстве, на разные возрасты и на оба пола. Министерство не должно было оставить без ближайшего и тщательного внимания, оно не могло упустить из виду великость вреда, который может производить учение, предоставленное произволу людей, которые или не обладают необходимыми познаниями и нравственными свойствами для дела столь великой важности, или не умеют и не хотят действовать в духе правительства и для целей, им указываемых. Эта ветвь народного образования тем больше заслуживала попечения, чем упорнее были предрассудки, издавна у нас укоренившиеся об этом предмете. Хотя сила их значительно уже ослаблена пробудившимся народным самосознанием, однако все еще обнаруживали они власть свою в некоторых слоях общества, и особенно высших, и отдавали в руки иноземцев воспитание немалой части русского юношества. Надлежало, невзирая на это, включить и эту ветвь народного образования в общую систему, распространить и на нее усугубленный надзор свой, привести ее в соответствие и связь с воспитанием общественным, доставив перевес отечественному образованию перед ино-

земным. Беспрерывное умножение частных заведений и прибывающих из чужих краев учителей и воспитателей сделали необходимым принять, наконец, особые меры осторожности. После того как отечественному юношеству открыты были обильные способы к приобретению всех нужных познаний, Министерство не поколебалось ограничить число вновь заводимых частных пансионов в столицах (4 ноября 1833 г. [10]). Назначив для постоянного надзора за ними особых инспекторов, оно снабдило их подробными наставлениями. Положение и число этих заведений приведено в совершенную известность. Достоинства каждого из них взвешены и оценены Министерством и согласно с тем одни из них, вовсе не достигавшие своей цели, закрыты, а другие улучшены. Чтобы более приспособить предлагаемое в них воспитание к воспитанию в казенных заведениях, все мужские пансионы разделены на три степени соответственно кругу познаний, приобретаемых в приходских, уездных училищах и гимназиях. Женские пансионы подведены также под разряды сообразно внутреннему достоинству их и степени образования, в них приобретаемому. Теперь содержатели частных пансионов могут и должны иметь постоянно в виду свои обязанности, а местные начальства – руководствоваться однообразными началами; для этого собраны и изданы правила, существующие для заведений этого рода. Против учреждения их без дозволения правительства установлены меры наказания, и училищные и гражданские начальства обязаны бдительно наблюдать, чтобы не вкрадывались никакие подобные злоупотребления.

Положение о домашних учителях. Еще неуловимее, еще недоступнее было для Министерства воспитание, совершаемое в домах и укрывающееся от непосредственного влияния правительства за святынею

семейного крова и родительской власти. Министерству оставались тут средства косвенные. Положение о домашних наставниках и учителях (1 июля 1834 г.), даровав им права и преимущества государственной службы, взамен того определило с точностью все их обязанности и ответственность за нарушение их. Правительство признало заслугою Отечеству и государству труды людей, в безвестности подвизающихся на этом скромном поприще, и приманкою сильною вызвало на это полезное служение природных русских, которые, по укоренившимся понятиям, привыкли предпочитать государственную службу всякой иной. Бессильная старость и беспомощность их сирот уже не устрашают их: для пенсий составлен особый капитал, беспрерывно возрастающий.

Испытание частных преподавателей. Даровав столько выгод всем посвящающих себя домашнему воспитанию, справедливо было допускать в это сословие лишь достойных и благонадежных. Право обучать в частных домах первоначальным сведениям предоставлено только тем, кто выдержит надлежащее испытание в местах, определенных для того правительства, и не прежде, как по совершенном удостоверении в его показаниях и нравственных качествах. Частное преподавание без законного дозволения подвергнуто ответственности, и от оного удалены все иностранцы, прибывающие в Россию без удовлетворительных свидетельств об их благонадежности. Время усилить в частных домах образование истинно отечественное и заменить им то, которое доселе приобреталось нередко в духе иноземном, от людей, чуждых нашим верованиям, законам и обычаям.

Постепенность учебных заведений. В такой постепенности развивалось устройство низших и средних учебных заведений Министерства народного просвещения. Между ними и университетами посредствующим

звеном в некоторых частях Империи служат отдельные заведения, обязанные своим учреждением щедрым пожертвованиям и рвению о благе просвещения некоторых частных лиц. Нежинский лицей [11] князя Безбородко [12] получил новый устав. При Лазаревском институте восточных языков в Москве [13], имеющем свое специальное назначение, открыто особое отделение для образования юношества духовного звания, и курс распространен двумя новыми классами (31 января 1841 г.). 2 августа 1833 г. преобразован Ярославский Демидовский лицей [14]. Ришельевский лицей в Одессе [15], служа средоточием учебной системы особого округа, постепенно возводился на высшую степень ученого значения и почти приблизился к полноте университета. Совершенное обновление его произошло со введением нового устава (29 мая 1837 г.).

Главные виды при преобразовании университетов. Предмет обширных и самых тщательных соображений представляло преобразование университетов как высших учебных заведений, в которых юношество разных состояний получает окончательное образование; откуда, обогащенное знаниями основательными, оно должно выходить готовое для выполнения обязанностей, возлагаемых на него государственною службою и жизнью общественною. Министерство имело при этом две главные цели: во-первых, возвысить университетское образование до рациональной формы и, поставив его на степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному вступлению в службу молодежи, еще не зрелой; во-вторых, привлечь в университеты детей высшего класса в Империи и положить конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами; уменьшить господство страсти к ино-

земному образованию, блестящему по наружности, но чуждому основательности и истинной учености, и, наконец, водворить как между молодыми людьми высших сословий, так и вообще в университетском юношестве стремление к образованию народному, самостоятельному. Высочайше утвержденным 26 июля 1835 г. Общим университетским уставом полное преподавание высших знаний вмещено в три факультета: философский, юридический и медицинский. Число кафедр по этим трем ветвям наук умножено и курсам дана надлежащая обширность. С началом 1836 г. новое образование введено в университеты С.-Петербургский и Московский; вслед за ними – через год – Харьковский и Казанский вступили в эпоху своего возрождения. Особые правила, начертанные для испытания желающих поступить в университеты (29 января 1837 г.), удалили от университетского учения молодых людей, еще не приготовленных к нему предварительным обучением [16]. Постановив 16-летний возраст необходимым условием для принятия в число студентов, эти правила определили в точности степень познаний, без которых посещение университета было бы для молодого человека бесполезною тратою времени, для самого заведения – невыгодным обременением. Продолжительность курсов определена: в медицинском факультете – 5-летняя; для прочих же положено 4 года. Воспрещение оставлять студентов долее 2 лет в одном курсе понуждает их пользоваться учебным временем с рачительностию и прилежанием. Положение об испытании на ученые степени в течение 5 лет поверялось опытами всех университетов, и можно с достоверностию утверждать, что оно составит в полной мере удовлетворительное постановление, соответствующее настоящему требованию наук и ходу общественного образования. Особыми

распоряжениями университетские курсы сделаны доступными как неслужащим, так и находящимся уже на службе чиновникам (23 января 1834 г.), также людям, которые пожелают совершенствоваться в медицинских науках (2 января 1834 г.).

По установлении таким образом единства в университетском преподавании в Империи оказалось возможным дозволить студентам переходить из одного университета в другой для пользы своего образования с зачетом времени, проведенного в прежнем; однако свободе этой особыми условиями для таких переходов постановлены должные границы (3 ноября 1837 г. и 27 января 1838 г. [17]). При неудобстве иметь за студентами надлежащий надзор инспекторам из профессоров положено определять в С.-Петербурге инспектора из посторонних чиновников (5 декабря 1833 г.); такие же инспекторы введены при университетах: Московском, Казанском, Харьковском и Св. Владимира; и им дана особая инструкция по образцу Высочайше утвержденной для первого из сих заведений.

Обучение специальное. Учебные заведения Министерства народного просвещения, по самому свойству своему, истекающему из особенности целого устройства учебной части по всем отраслям государственного управления, предназначены преимущественно для распространения образования общего, равно пригодного во всех положениях жизни, без прямого отношения к какому-либо частному призванию и роду занятий. Заведения *специальные*, будучи учреждаемы и содержимы, по большей части, теми ведомствами, к которым они непосредственно относятся как бы по необходимости, отделили от училищ Министерства народного просвещения все, что не относится особенно к образованию общему. Опыт многих веков и примеры просвещен-

нейших народов единогласно признают классическое учение самым превосходнейшим и действительным способом к такому умственному развитию. До того в заведениях Министерства народного просвещения при преобразовании учебного плана усилено, сколько того требовала и позволяла общая соразмерность, преподавание классических языков. Стараясь привлечь к изучению греческого языка и словесности, Министерство руководствовалось не только убеждением в дознанном превосходстве этого способа к умственному усовершенствованию, но и в необходимости основать новейшее русское образование тверже и глубже на древней образованности той нации, от которой Россия получила и святое учение веры, и первые начатки своего просвещения [18]. Основательное изучение древних классических языков утвердилось прочно не только в гимназиях, где юношество готовится к окончательному ученому образованию в университете, но введено во многие даже уездные училища. Однако Министерство не могло и не желало оставить без удовлетворения обнаружившееся повсеместно общее стремление к *промышленности*. Не отрекаясь от главного филологического характера обучения в его заведениях, оно не упорствовало в направлении одностороннем и исключительном. Для того в число задач, которых разрешение предлежало его попечительности, оно включило решение вопроса о приспособлении главнейших начал наук общих к техническим потребностям *ремесленной*, *фабричной* и *земледельческой* промышленности. К улучшению земледелия в России открываются, по мере приготовления преподавателей, кафедры агрономических наук в университетах; в значительных городах, где нет университетов, учреждаются публичные лекции об этих предметах. К усилению фабрик устроены при некоторых гимнази-

ях и уездных училищах реальные классы, а в университетах – публичные чтения технических наук. При С.-Петербургском университете введены лекции о сельском хозяйстве, лесоводстве и торговом счетоводстве; при Московском – курсы сельского хозяйства, агрономии и технической химии и курс построения машин, практической механики и начертательной геометрии. При Дерптском университете, кроме публичных чтений о практической химии, механике и о прочих частях технологии, учреждено практическое учебное заведение сельского хозяйства в Альткустгофе [19]. Такие же публичные лекции открыты при университете Св. Владимира, и предположено учредить образцовые хуторы, по крайней мере, при некоторых университетах. С преобразованием Ришельевского лицея учреждены при нем также кафедры сельского хозяйства и лесоводства. Открытие в Москве новой гимназии с реальным при ней отделением было первым приступом к распространению технического учения и на средние и низшие учебные заведения. Кроме того, для наставления промышленного сословия в полезных ему познаниях открыты реальные классы в Туле, Вильне и Курске, а в Риге и Керчи – при уездных училищах. При Митавской гимназии открыт курс лесоводства. Москва как центр русской промышленности требовала больших учебных пособий; потому при Втором уездном и Алексеевском приходском училищах учреждены воскресные классы технического рисования для всех сословий и преимущественно для ремесленных и мануфактурных промышленников. В Коломенском уездном училище преподается курс сокращенной технологии и бухгалтерии. В Екатеринбурге – одном из центральных пунктов горной промышленности и торговли с Сибирью – учреждены при уездном училище дополнительные курсы коммерческих наук,

бухгалтерии, минералогии и геогнозии [20]. Для доставления торговому сословию в Архангельске средств к приобретению нужных для него познаний учрежден еще реальный курс. В Таганрогской гимназии открыто преподавание коммерции и бухгалтерии. Не оставлены без внимания и дети женского пола, предназначаемые к ремесленному быту: при Главном немецком училище в С.-Петербурге [21] учрежден класс для безвозмездного обучения их.

После учреждения сих классов заботы Министерства обращены были на снабжение их надлежащими учебными пособиями: лучшие учебные руководства по реальным наукам на немецком языке рассмотрены в С.-Петербургском университете, и приступлено к переводу нужнейших на русский язык. В преподавании технических наук водворен порядок данным на сей конец особым наставлениям и приняты меры к снабжению реальных отделений собраниями моделей, машин и химических принадлежностей.

Восточные языки и словесность. К предметам обучения специального можно в некотором смысле причислить восточные языки и ориентальную филологию. Россия, господствующая над значительною частию Азии, сохраняя под державою своею многочисленные и различные письмена азиатские, избрана судьбою пред всеми другими просвещенными народами на изучение Востока, его наречий, литератур, памятников его истории и верований. Подробное и основательное знакомство с сею колыбелью рода человеческого и заветных его преданий было постоянным предметом усиленного внимания Министерства народного просвещения. Общим уставом университетов русских в 1835 г., Высочайше им дарованным, положены при них кафедры восточной словесности, в круг которых входят языки

арабский, турецкий и персидский; в Дерптском университете для слушателей богословия преподается еще язык сирийский; в С.-Петербурге читаются публичные лекции сравнительной филологии и санскритского языка. В Москве Лазаревский институт восточных языков получил особые права и старается о распространении познаний о Востоке, успешно образуя для армянского народа чиновников военных и гражданских, переводчиков и учителей. Географическое положение Казани – на рубеже Европы и Азии, в соседстве с народами, недоступными для прочих европейцев, – делало этот город самым удобным средоточием для ученых исследований наречий и племен Востока, для передачи Европе познаний о сей любопытной части света и постепенного сближения ее жителей с образованностию и науками европейцев. Между тем как в Европе ориентальная филология не может переступить за пределы кабинетного изучения наравне с мертвыми языками древности – там изучение разных наречий азиатских вступает в разряд практических занятий ими как языком живым, посредством обращения и сношения с народами, которые ими говорят. Восточное отделение в Казанском университете предоставляет самый полный объем наук для познания Востока. В состав его входит словесность арабская, персидская, турецкая, татарская, китайская, монгольская, санскритская и армянская. Между всеми университетами европейскими Казанский есть первый, в котором учреждена кафедра монгольского языка; сверх того, предположена кафедра тибетского. Для преподавания и практических упражнений определены коренные жители восточных стран; в сословии учащих Университет Казанский и гимназия считают уроженцев Мазандерана, Дербена, Адербиджана, турецких хаджи [22] и бурятских лам [23]. В

особенности обращено внимание на применение некоторых училищ Казанского учебного округа к умственным способностям восточных народов и уроженцев того края и к государственной надобности иметь людей, основательно знающих его языки, для определения их не только учителями по ведомству Министерства народного просвещения, но и в качестве должностных лиц по ведомству других министерств: Иностранных дел, Внутренних дел и Финансов. При университете в Казани значительное число воспитанников на казенном содержании изучают восточную словесность с обязанностию прослужить шесть лет по назначению начальства. Обучение восточным языкам начинается там с гимназий и средних учебных заведений. В Первую казанскую гимназию введено преподавание языков арабского, персидского, турецкого, татарского, монгольского и китайского. Из 80 казеннокоштных воспитанников 14 получают в ней это образование на казенном иждивении (2 января 1836 г.), и к оному допущены дети татар, бурят и других уроженцев Сибири. Полудикие сыны степей Монголии охотно воспринимают благотворные семена просвещения. Один из забайкальских бурят, окончив полный гимназический курс, перешел уже в университет [24]. По довершении образования своего, поступив в службу на родине, этот молодой бурят уповательно будет иметь самое полезное влияние на своих соплеменников; пример его не останется без подражания. Окончившие курс в заведениях Казанского округа с пользою занимают уже разные должности в столице, в Казани, Тобольске, Омске, Оренбурге, Астрахани, Одессе, Тифлисе, Иркутске, при посольствах и миссиях в Азии. В Астраханской гимназии открыты сверх классов татарского классы языков персидского и армянского. Сей последний язык препо-

дается там также в Агабабовском [25] училище, которое 21 мая 1838 г. получило коренное преобразование. В Одесском округе Ришельевский лицей имеет кафедры языков арабского, турецкого и персидского. Татарскому отделению Симферопольской гимназии дано новое положение (15 мая 1838 г.), и открыты татарские классы в уездных училищах: Бахчисарайском, Перекопском и Карасубазарском. В гимназии кавказской преподаются языки татарский и армянский; на преподавание первого обращено особенное внимание, и изучение его требуется непременно от всех вообще учеников; а за Кавказом, в Тифлисской гимназии, языки грузинский, татарский, армянский и персидский; то же и в тамошних уездных училищах, по усмотрению местных нужд, например в Кутаисском – татарский. В отдаленной Сибири, в Училище нерченском, введен монгольский язык по желанию торгового сословия этого города.

Для довершения общей картины всего, что доселе сделано для ученого исследования азиатских языков в России, я упомяну здесь же, мимоходом, о заслугах Императорской академии наук по этой ветви человеческих познаний. Как Казань служит средоточием для *обучения* восточным языкам, так Восточное отделение Академии есть первый рассадник *ученых трудов* над изъяснением Востока. Ее Азиатский музей, постепенно обогащавшийся значительными приобретениями то от щедрот правительства, то на счет собственных средств Академии, принадлежит уже к лучшим учреждениям этого рода, представляя самые обильные материалы для ученых изысканий о народах Востока. В сословии членов Академии литературы магометанская, монгольская и тибетская, санскритская, грузинская и армянская имеют достойных представителей, заслуживших справедливое уважение ученого мира. Трудами их

магометанская нумизматика в связи с отечественною историею поставлена на высокую степень совершенства; словесность грузинов и армян приобрела право гражданства в кругу ориентальной филологии; исследованы азиатские источники истории славяно-руссов и племен Средней Азии. Россия может с неоспоримым правом похвалиться водворением и пояснением языка и словесности монгольской, дотоле недоступной и неизвестной для остальной Европы. Учебные пособия, изданные Академиею для тибетского языка, который составляет священное наречие многочисленных обитателей Средней Азии, рассеивает уже густой мрак, который доселе скрывал исторические судьбы этих обширных стран от взоров исследователей. Иностранные ученые, еще недавно обвинявшие Россию и втайне, и гласно в недостатке основательных изысканий о Востоке, ей сопредельном и подвластном, теперь единогласно и с изумлением прославляют учреждения правительства русского и услуги, оказанные учеными России по этой части в такое короткое время и с таким несомненным успехом.

Приготовление учителей и профессоров. Быстрое развитие учебных заведений породило потребность особого рода, к удовлетворению которой Министерство народного просвещения должно было изыскивать средства новые и обширные. Я разумею наполнение всех заведений, начиная с низших до высших, наставниками, способными и достойными сего звания и доверия к ним. Правительство призывало все сословия русского народа к полезному образованию чрез училища, открываемые на пользу общую; постигнув благодатные следствия просвещения, все состояния убедились в необходимости познаний; училища умножаются, наполняются, приспособляются к общежитию. Увеличение

числа заведений требовало новых преподавателей, усовершенствование и возвышение достоинства училищ требовало преподавателей лучших. Заботы Министерства об этом предмете простирались равно на все роды учебных заведений. Одним из самых действительных средств к улучшению состава сословия учащих Министерство считало улучшение и обеспечение их положения. Прежнее, довольно ограниченное их содержание заменено на всех степенях училищной системы новым, освобождающим их от забот о безбедном существовании. Положением о производстве в чины, пенсиях и пособиях по учебной части (18 ноября 1836 г.) профессора, учителя и все служащие собственно по учебной части, обеспеченные в повышении в порядке государственной службы, этими выгодами удержаны надолго на учебном поприще. Преимущества 25-летней выслуги определены еще с большею точностью в особых Высочайших повелениях (13 апреля и 23 ноября 1837 г. [26]). Служащие в отдаленных краях Империи, на Кавказе, в Грузии и в Сибири нуждались и прежде в особенном ободрении за утрату тех важных удобств жизни, которые представляло им пребывание во внутренних областях государства. Они не забыты при общем возвышении выгод учебного звания и при новых правилах для производства в чины по гражданской части. Для них издано новое положение (12 февраля 1836 г.) и преимущества их распространены и на астраханскую дирекцию (указом 3 марта 1837 г.). Учители приходские исключаются из подушного оклада, и дозволено считать их в службе; скромная деятельность их поощряется производством, отличнейшим из них, и по смерти – их семействам единовременных пособий. Подробное наставление об испытании кандидатов на места уездных учителей (16 и 30 ноября 1835 г.) оградило учебные за-

ведения от преподавателей, не соответствующих обязанностям, на них возлагаемым [27]. Для усиления в Одесском округе способов к замещению учительских вакансий в уездных училищах (28 ноября 1838 г.) содержатся в пансионе при гимназии Ришельевского лицея казенные воспитанники, приготовляемые собственно на службу по учебному ведомству сверх находящихся уже в пансионах при гимназиях Кишиневской и Херсонской. При Архангельской гимназии воспитываются 10 казеннокоштных учеников для звания уездных учителей. В Сибири определение учителей в гимназии облегчено дозволением испытывать кандидатов на месте по вопросам, даваемым от Казанского университета, и представлять в оный на утверждение один лишь протокол испытания (21 августа 1833 г.). Впоследствии Высочайше одобрены еще действительнейшие меры (9 декабря 1835 г.): в сибирских гимназиях образуются воспитанники на казенном содержании для поступления в звание уездных учителей, а предназначенные из них в учителя гимназии доканчивают свое образование на иждивении от казны уже в Казанском университете. Для приготовления учителей агрономии послано было 8 чел. в Дерптский университет для предварительных занятий сими науками и довершения своего образования за границею. При С.-Петербургском университете приготовлялись 6 студентов для занятия потом мест учителей технических наук. Для приготовления преподавателей сельского хозяйства Высочайше повелено образовать в том же университете 3 студентов и послать потом в чужие края. Отделение Симферопольской гимназии для приготовления татарских учителей преобразовано; сверх 20 казенных воспитанников принимаются и своекоштные пансионеры из детей татар. Для возбуждения ученой деятельности между препода-

вателями гимназий поставлено им в обязанность представлять опыты их трудов. Университеты, подвергая сии опыты своему рассмотрению и оценке, лучшие из них издают в свет.

Главный педагогический институт. Между всеми отечественными учебными заведениями преимущественное назначение удовлетворять существенным требованиям распространяющегося у нас просвещения дано *Главному педагогическому институту* [28]. Ни одно учебное заведение не имеет в таком объеме столь положительной цели – приготовлять наставников чрез практическое упражнение в преподавании, создать и укоренить в Отечестве нашем самостоятельное ученое сословие, независимое в развитии умственной деятельности от влияний чуждых систем и примеров. Со времени учреждения своего институт совершил уже три полных курса. Первый, оконченный в 1835 г., доставил учебным заведениям 92 наставника, из которых 11 тогда же были отправлены в чужие края; возвратившись в Отечество обогащенные познаниями, они распределены адъюнктами в университеты наши. До окончания второго курса выпущены были некоторые из окончательного курса, из среднего, большею частию в Киевский, С.-Петербургский и Казанский округи. Все число приготовленных Главным педагогическим институтом в течение трех курсов преподавателей простирается уже до 230. Даже и те молодые люди, которые, не окончив курса, поступают в уездные и приходские училища, приносят туда, хотя не совершенно еще дозрелые, но при всем том лучшие методы, составляющие отличительную черту сего заведения. Издавна уже был ощутителен недостаток в заведении, предназначенном собственно для образования учителей начальных училищ. Еще в 1817 г., в бытность мою попечителем

С.-Петербургского учебного округа, сделан был мною первый опыт – и не без успеха – к удовлетворению этой существенной потребности; но учреждение это существовало недолго после моего увольнения от должности попечителя [29]. Время потеряно безвозвратно; но тем необходимее надлежало поспешить вознаградить его. В 1838 г. учреждено при Главном педагогическом институте под названием второго разряда особое отделение на 30 воспитанников, приготовляемых в учители уездных училищ. Заведение сие после четырехлетнего существования в виде опыта получило окончательное устройство, соответствующее ближайшей его цели. Оно уже приготовило 30 молодых людей, которые вскоре будут распределены по разным учебным заведениям и начнут свою полезную деятельность во многих отдаленных пунктах Империи. По особому распоряжению моему в институте всегда содержатся для изучения русского языка несколько воспитанников из окончивших курс в Дерптской учительской семинарии. Они определяются учителями русского языка в остзейские губернии, как скоро оказываются надлежащим образом к тому приготовленными, и заменяются новыми.

Высшие ученые учреждения наши, университеты, нередко находились в необходимости приглашать для занятия в оных кафедр разных наук преподавателей иностранных. Эта необходимость, если не устранена вполне, по крайней мере, значительно умалена учреждением при Дерптском университете профессорского института в виде временной меры [30]. Все университеты наши доставили для этого призвания самых отличных из своих воспитанников. Приготовив себя так для профессорского звания, они довершили свое образование в лучших иностранных университетах под руководством знаменитейших ученых Европы. Заняв по-

том кафедры профессорские, они с честию действуют во благо науки и просвещения, и многие из них учеными трудами своими уже снискали справедливую и заслуженную известность не только в Отечестве нашем, но и в ученом свете вообще. После двукратного выпуска из профессорского института Ваше Императорское Величество Высочайше соизволили на прекращение дальнейшего существования этого учреждения. Университеты, обновленные и преобразованные, уже сами приготовляют будущих своих преподавателей, которые по получении высших ученых степеней вступают на ученое свое поприще на несколько лет, по крайней мере, на два года. Испытав и доказав свои силы и способности для этих занятий, по приобретении надлежащей предварительной опытности, они после того в виде поощрения отправляются в такие заграничные места, где с наибольшею пользою могут основательно изучать науки, избранные ими предметом своей деятельности и жизни. Ученые путешествия сих молодых людей служат непрерывною и живою связью между образованностью отечественною и развитием наук в Европе и постоянно поддерживают русское ученое сословие и русские университеты на высоте знаний народов, опередивших нас некогда на стезе образования.

Общий взгляд на учебную часть. Представив в общем обзоре все действия Министерства народного просвещения в течение последнего десятилетия относительно заведений собственно учебных, мне остается еще в кратких чертах указать главные результаты, к достижению которых оно стремится. Первая задача, по воле Вашего Величества ему предлежавшая, состояла в следующем: «Преобразовать и согласить между собою все дотоле учрежденные учебные заведения и привести их, так сказать, к одному началу, поставляя это начало

в образовании учебной системы, которая, с одной стороны, возрастала бы из самых оснований нашего быта, а с другой – шла бы рядом с современным неизбежным развитием науки и просвещения в Европе; вместе с этим расположить все части публичного воспитания так, чтобы оно привлекало к себе не только юношество среднего сословия в государстве, но и юношество высшего, образование коего совершалось до тех пор наудачу, посредством иностранных воспитателей и в тесном кругу домашних предрассудков».

В отношении к этому вопросу без преувеличения и тщеславия можно сказать, что та и другая цель достигнута. Русские университеты, преобразованные в духе и в форме преподавания, составляют нечто целое, которое соответствует требованию времени и видам правительства. Я не скажу, чтобы университеты вполне уже приняли развитие, им принадлежащее, но смею думать, что всякий, кто беспристрастно уважит материалы, из коих надлежало почти вновь соорудить эти высшие учебные заведения, который внимательно рассмотрит нравственное их положение в сравнении с предыдущим, увидит все, что отличает их настоящий вид от прежнего. Он увидит на скамьях университетских детей высшего сословия, отцы коих находились на службе в тех летах, когда сынам предстоит еще подвергнуться экзамену, дабы получить право сделаться питомцами университетскими. Он увидит на кафедрах профессоров русских младшего поколения, не уступающих ни в чем лучшим иностранным преподавателям, с тем только различием, что природное чувство привязанности ко всему народному укрепляет между ними и слушателями благородную связь, дотоле небывалую, или, по крайности, не в этой мере утвержденную. Можно с гордостью сказать, что в течение деся-

тилетия ни один из сих молодых преподавателей не дал правительству ни малейшего повода к сомнению или недоверию; прибавим даже, что кто из них отличнее по таланту, тот и замечательнее по чувству русскому и по непорочности мнений.

В ближайшем отношении к сему предмету состояло преобразование и расширение всех *второстепенных* училищ в Империи. Не останавливаясь на том, что число их посредством губернских благородных пансионов удвоено в десять лет, я не затрудняюсь доложить Вашему Величеству, что в совокупности средние заведения, может быть, еще более явили успехов, чем высшие. Развитие их многосложное, разновидное, затруднительное по недостаточному числу учителей и учебных книг, по материальному недостатку помещения и пособий, это развитие совершилось как будто чудом, от одного приглашения Вашего Величества дворянству Империи Монаршая воля везде исполнена с радушием, с щедростью, с самоотвержением. Ныне едва ли не каждая губерния, кроме хорошо устроенной гимназии, имеет и свой благородный пансион, который освобождает родителей от необходимости посылать толпою детей своих в столицу для предварительного образования. Я дозволю себе прибавить, что по всем сим огромным пожертвованиям дворянства никогда не возникало в продолжение десяти лет никакого недоумения с той или с другой стороны и что все отношения Министерства к разным дворянским сословиям в Империи основаны на обоюдном доверии и согласии.

Между тем домашнее воспитание, приведенное в устройство и которое Министерство подчинило себе непосредственно во всех движениях, от размножения и укоренения средних воспитательных заведений, мало-помалу было поглощено воспитанием публичным. Ныне

частные училища, или пансионы, составляют малейшую частицу в средствах народного образования.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ
Отдельное преобразование некоторых частей учебного ведомства

А. По западным губерниям

Общий взгляд. Взаимные отношения России к Польше, продолжавшиеся более трех столетий, в равных, резко изменявшихся видах, общее их происхождение из одного корня и враждебное чувство, поселившееся между ними в этой непрерывной междусобной борьбе, произвели порядок вещей – беспримерный, можно сказать, в истории и неизвестный в ряду государственных соображений иных правительств [31]. Это веками приуготовленное положение связало судьбу сих двух народов столь твердыми узами, что каждая эпоха, каждое мгновение политической жизни того и другого носит на себе отпечаток этого совокупления тяжкого, неразрывного, может быть, нежеланного. События, давшие одному из сих государств решительный перевес перед другим и подчинив окончательно одно из этих племен владычеству другого, не могли совершиться без потрясений всякого рода. Это судорожное движение отразилось на каждой странице нашей прошедшей и современной истории, на каждой сокровеннейшей струне сердца, на каждом явлении ума и мышления. Оно сильнее всего выразилось в долговременной, взаимной ненависти одного языка к другому, римской Церкви к Православной, западной цивилизации к восточной. В мерах, принятых в последние 60 лет к исцелению этой глубокой язвы, заметны, к сожалению, также неопреде-

ленность, также шаткость, как и в прочих опытах сего рода. То быстро и смело в губерниях, от Польши отпадающих, водворяются начала единства умственного и законодательного; то, обращаясь к противоположности, эти учреждения забываются и, наоборот, туземный дух, торжествующий и усиливающийся, усвояет себе и приспособляет к своим тайным мечтам отступления от мудрых начинаний прежнего времени. Посреди сей борьбы двух начал, одного – сильного числительным могуществом, другого – ухитрившегося слабостию и угнетением своим и ловкого к уловлению собственных выгод посреди этой борьбы, сопровождаемой извне событиями кровавыми и бедствиями народными, после столь многих неудачных опытов приступ к сближению этих двух враждебных стихий казался едва ли возможным; но Ваше Величество, обдумав глубоко уроки прошедшего и проникая в будущность, изволили признать, что в пользу грядущих поколений умственное слияние сих начал с надлежащим перевесом русского должно считаться единственным путем к цели, столь тщетно искомой. Следуя великой мысли развить русскую национальность на истинных ее началах и тем поставить ее центром государственного быта и нравственной образованности, Вы повелели мне при вступлении в управление Министерством народного просвещения немедленно заняться соображением всех мер, ведущих к этой высокой, но отдаленной цели.

Приступ к преобразованию учебной части. Уничтожение Виленского университета и Волынского лицея, обманувших ожидания правительства и под руководством горсти злонамеренных, употребивших во зло доверие, им оказанное, было естественным последствием мятежа 1830 г. [32] При вступлении в управление Министерством на всем пространстве от Немана

до Днепра не только не было высшего учебного заведения в полном объеме, но и весь состав второстепенных учреждений училищных или находился в развалинах, или подлежал изменению в главных основаниях и даже в географическом распределении. Мысль основать высшего звания лицей или университет в *Орше* не представляла никакого ручательства в пользе или успехах оного. Везде воспитание и учение юношества следовало прежнему превратному направлению. Язык русский едва был слышен на этом огромном пространстве; даже в близкой, родственной Литве звуки его были чужды и незнакомы. Словом, образование юношества было устроено не в видах общей государственной пользы, но под влиянием местных страстей и предрассудков.

Таким образом, первою обязанностию Министерства явилось полное и коренное преобразование всего существующего в том крае по учебной части: необходимость коснуться в одно время всех степеней народного воспитания проистекала из самого положения вещей.

Белорусский учебный округ. Вследствие сего начиная с Белорусского учебного округа, заключающего в себе северную часть губерний, от Польши возвращенных [33], Министерство озаботилось приличным образованием средних и низших училищ по пространству шести губерний, именно: Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской и области Белостокской.

Так, утверждены штаты для сих заведений (3 января 1834 г. и 14 октября 1836 г.); в Гродне и Вильне открыты гимназии немедленно; при Виленской гимназии – благородный пансион, во многих местах – дворянские и приходские училища. Общий устав учебных заведений введен в училища Белорусского и Киевского округов (5 июня 1834 г.). Повсюду назначены новые начальники, новые преподаватели. Преподавание польского языка

прекращено в 1836 г. [34] Везде начертаны новые курсы; обновлены и очищены все средства образования, исправлены недостатки, и уже в 1837 г. Виленские училища удостоились посещения Вашего Императорского Величества и осчастливились Вашим одобрением. В 1838 г. по тщательном осмотре учебных заведений в Вильне, Гродне и Белостоке я мог донести Вашему Величеству, что водворение русского образования в литовских губерниях можно было считать решительно конченным.

Не останавливаясь на исчислении многочисленных разнородных распоряжений, наполняющих архивы Министерства, и на объяснении неослабно принятых мер, обращусь к одной из главных – к учреждению университета Св. Владимира в Киеве (последовавшему 8 ноября 1833 г.), который долженствовал служить центральным пунктом вновь образующейся учебной системы в западных губерниях. Дабы без предубеждения постигнуть виды Министерства, следует принять во внимание следующее.

Университет Св. Владимира в Киеве. Намерение правительства при учреждении этого высшего учебного заведения[1], заменившего собою бывший Виленский университет и лицей Волынский, состояло в том, чтобы в возвращенных от Польши губерниях дать образованию юношества направление, согласное с общим духом народного просвещения в России и соответствующее особенным потребностям того края. Новый университет должен был, по возможности, сглаживать те резкие характеристические черты, которыми польское юношество отличается от русского, и в особенности подавлять в нем мысль о частной народности, сближать его более и более с русскими понятиями и нравами, передавать ему общий дух русского народа.

[1] Всеподданнейший доклад 8 ноября 1837 г.

Избранные средства к преобразованию юношества. Соединение польского юношества с русским в первопрестольном городе России [35], основательное изучение русского языка и словесности, знакомство с учреждениями и установлениями русскими – вот главные средства, которые были в виду для достижения этой важной цели.

Но при самом приведении сего обширного плана в исполнение, естественно, должны были встретиться препятствия сильные и разнообразные. Страсти, возбужденные беспорядками в западных губерниях, еще не вполне утихли, волнение умов продолжалось. Бóльшая половина питомцев университета Св. Владимира должна была прийти с теми впечатлениями и чувствами, с тем расположением духа, какие почерпали они в домах своих родителей и родственников, из которых многие деятельно участвовали в мятеже и, разве с малым исключением, были враждебно расположены к России. Дворянство западных губерний, привыкшее к преподаванию в училищах всех предметов на польском языке и к духу отдельной национальности, желало того же и во вновь открытых училищах. Напротив, с другой стороны, требовали не только явного противодействия прежнему, но и беспрерывного, резкого выражения оного во всех отношениях, – требовали, забывая, что эти насильственные меры остановили бы надолго исполнение главной цели правительства, когда бы жители того края перестали отдавать своих детей в публичные заведения и тем сделали бы невозможным правильное образование возрастающего поколения. Посему заранее можно было ожидать и с той, и с другой стороны предубеждений и недоверчивости к действиям университетского начальства. Наконец, одним из главных препятствий было влияние римско-

католического духовенства, в руках коего находилось дотоле публичное и частное воспитание в губерниях, от Польши возвращенных [36].

Замешательства в губерниях, от Польши возвращенных. Эти рассуждения, почерпнутые из всеподданнейшего доклада 8 ноября 1837 г., ясно доказывают, что Министерство, действуя по начертанию и в духе Вашего Величества, не скрывало от себя ни затруднений сего предприятия, ни временных неудач, коим оно силою вещей могло быть подвергнуто. И действительно, эти опасения частию оправдывались событиями 1838 г. Когда из-за пределов России внесен был в западные губернии преступный и долго обдуманный замысел горсти отчаянных врагов порядка, когда всеобщее воспламенение умов овладело едва ли не всеми сопредельными губерниями, одна искра этого огня была заброшена и в возникающий университет[1]. Это печальное событие, побудившее правительство приостановить временно деятельность университета, не менее того представило тогда же Вашему Величеству неоспоримое доказательство, сколь метко и безошибочно было Вами обдумано и Министерством приведено в действие предприятие врачевать дух возрастающего в тех губерниях поколения и тем положить решительную преграду между сим поколением и предшествующим [37]. Захваченные у *Конарского* [38] бумаги вполне обнаружили, что все почти усилия революционного духа были устремлены на новые учебные заведения наши. «Пока народ дышит еще жизнию, – писал князь Чарторыйский [39] к эмиссарам от 20 июня 1836 г., – можно ручаться за стечение благоприятных обстоятельств; но когда жизнь народа оцепенеет, то напрасно будут представляться оные: к бездыханному телу никто не прострет руки. Это весьма

[1] Всеподданнейший доклад 23 сентября 1838 г.

хорошо понимают наши враги и потому завели жаркую борьбу против краеугольного начала нашей гражданской жизни; не столько было опасения о жизни народа, когда русские сражались с мечом в руках. Матери должны вливать в сердца детей это чувство вместе с чувством любви к Отечеству и к отечественному языку, к искоренению коего стремятся наши притеснители»[1].

Но буря, грозившая ниспровергнуть в Западном крае все начинания правительства касательно публичного воспитания, встретила недремлющими исполнителей Монаршей воли. К счастию, она пронеслась мимо учебных заведений в Литве, в Белорусских и южных губерниях, где число воспитанников простиралось от 15 000 до 20 000. В Университете Св. Владимира несколько незрелых юношей, зараженных извне политическими мечтаниями родителей и их сообщников, сделались жертвами этого отчаянного покушения революционного духа. Некоторые из сих студентов подверглись наказанию, от коего впоследствии многие получили помилование от щедрот Вашего Величества; это событие служило поводом к некоторому изменению в плане университета и в лицах, к оному принадлежащих. Указом 9 января 1839 г. повелено приостановить чтение лекций в университете. По совершении надлежащих перемен в Уставе университета и вследствие удостоверения и ходатайства главного местного начальства 26 апреля того же года было разрешено восстановить чтение лекций с 3 сентября.

---

[1] В инструкции, князем Чарторыйским же данной, в коей он упрекает жителей литовских губерний в том, что они далеко отстали в патриотизме от галициян, мазуров и жителей Царства Польского, строго предписывается собирать подробные сведения о состоянии училищ, ныне открытых, об образе мыслей учеников и учителей, о языке, на котором преподаются учебные предметы, о духе, в коем действует это преподавание, о закрытых правительством училищах и т. п.

Принятие мер по Университету Св. Владимира. Временные замешательства, обнаружившие сокрытое направление умов, послужили Министерству народного просвещения побуждением усугубить наблюдение свое за общественным воспитанием в том крае. Почерпая в современных обстоятельствах назидания и указания для дальнейших своих действий, оно увидело необходимость сделать новый шаг для того, чтобы еще решительнее и резче отделить поколение взрослое, вышедшее уже за черту его влияния, от юного возраста, который Министерство стремилось усвоить правительству и охранительному действию его распоряжений. Положением особого Комитета, Высочайше утвержденным 23 апреля 1840 г., дано постоянное образование закрытым учебным заведениям, в которых значительное число детей достаточного класса уже ограждается беспрерывным наблюдением учебного начальства от внешних неблагоприятных влияний. Министерство распространило это наблюдение и на вольноприходящих воспитанников учебных заведений. Живя дотоле в частных домах, у людей, большею частию бедного сословия, которые ни своими понятиями, ни мыслями, ни образом жизни не могли служить примером для детского возраста, ученики гимназий и уездных училищ все внеклассное время оставались без надзора и под влиянием всегда невыгодным для нравственного их усовершенствования. Министерство учредило для них общие квартиры под присмотром особых надзирателей. Заведения эти, разделенные на несколько разрядов, устроены по образцу благородных пансионов и учреждаются при всех гимназиях и уездных училищах западных губерний, где только окажется возможность, и уже 1-я и 2-я Киевская, Каменец-Подольская, Житомирская, Ровенская, Винницкая и Немировская гимназии,

Меджибожское и Златопольское дворянские уездные училища пользуются ими. По Белорусскому учебному округу также приступлено к учреждению сих заведений на том же основании, на каком они устроены в Киевском. Везде принимаются они большинством жителей с готовностью и убеждением в несомненной пользе, и Министерство считает себя вправе ожидать самых благоприятных последствий от этой меры, соединяющей материальные выгоды с нравственною пользою воспитывающегося юношества. Ежели местные обстоятельства не везде, может быть, и не вскоре приведут правительство к желаемой цели, по крайней мере, оно значительно приблизится к оной.

Женское воспитание. Министерство не оставило без внимания и женское воспитание в западных губерниях. Преобразование его встречало преграды особого рода: с давних пор жители того края привыкли видеть образование своих дочерей в руках некоторых женских монашеских орденов, которые в этом занятии полагали исполнение церковного обета и способы к существованию. Нелегко было преодолеть вместе и народные предубеждения, и чувства религиозные. По самому свойству вещей это дело могло совершаться медленно и трудно. Надеяться на успех можно было не прежде, как когда жители края удостоверятся собственным наблюдением в превосходстве заведений, учрежденных правительством, и в строгости нравственного в них надзора за воспитанием девиц. При всех сих затруднениях заведения Министерства наполнились вскоре воспитанницами и быстро достигли замечательного процветания; Благородный институт в Белостоке занял первую степень между учреждениями этого рода. Затем последовали такие же институты в Киеве и близ Могилева (на даче Пипенберг) и целый ряд образцовых частных пан-

сионов в Витебске, Полоцке, Минске, Гродно и Вильне. Подобные же пансионы возникают в Житомире, Виннице, Каменец-Подольске и проч. Во всех частных девичьих пансионах введено – и введено с успехом, превзошедшем ожидания, – преподавание русского языка. Содержимые при римско-католических девичьих монастырях пансионы, ныне уже упраздненные, подчинены были гражданскому училищному начальству.

Виленская медико-хирургическая академия. В начале 1840 г. подчинена Министерству народного просвещения существовавшая в Вильне Медико-хирургическая академия. Не принадлежа к учебной системе вверенного мне Министерства, она не могла в том виде, в каком поступила в ведомство учебного начальства, быть слита с прочими заведениями того края и общим их устройством. Министерство видело себя принужденным немедленно уничтожить это заведение, которое хотели сделать последним убежищем ложного патриотизма. Мера эта связана с общим преобразованием медицинского обучения, о котором с большою подробностью я буду говорить в своем месте; здесь ограничусь замечанием, что Медико-хирургическую академию заменил вновь образованный медицинский факультет при Университете Св. Владимира, который, когда достигнет окончательного и полного своего развития и станет на степень, ему принадлежащую, несомненно, будет оказывать столько же сильное, сколько благотворное влияние на умственное образование всего Западного края.

Общие выводы. В этом быстром обзоре деятельности Министерства народного просвещения при учреждении в западных губерниях учебной системы в видах правительства и в духе умственного примирения двух враждебных стихий помещены только главные действия и выведены одни общие результаты. В архивах

Министерства сосредоточены переписка, документы, материальная разработка этого обширного предприятия. Высшие соображения, разум избранных мер изложены частию в моих всеподданнейших докладных записках, частью почерпнуты из бесед моих с Вашим Величеством. В этом запасе фактов и наблюдений найдется довольно доказательств встреченных Министерством затруднений и противодействий, необходимости идти, так сказать, *средним путем* между двух крайних мнений, равно односторонних и опасных; принуждений согласоваться с обстоятельствами, иногда с людьми, уступая во всем, что не относится до самого начала; то изменять собственные соображения, то упорствовать собственных мер. Там же изображена в опытах беспрерывных обязанность – в деле новом и трудном искать новых и понятливых орудий. Смею думать, что окончательным выводам из беспристрастного уважения всего вышеизложенного будет ясное убеждение, что под неусыпным наблюдением Вашего Величества и при помощи Божией, всегда осеняющей Россию, вопрос о народном воспитании в губерниях, от Польши возвращенных, решен в видах государственной пользы.

К сему осмелюсь прибавить, что основания, Вашим Величеством с таким трудом положенные, должны ежедневно утверждаться, если только Министерство и впредь будет руководствоваться теми же началами. Тут, как и в некоторых других отвлеченных вопросах, обязанность Министерства народного просвещения состояла в том, чтоб идти во главе других частей высшей администрации, прокладывать путь для прочих, совершать для их наблюдений первые опыты над собою и тем облегчать прочим ветвям правительства постепенное их развитие и дружное приближение каждой к общей цели.

По прошествии 10 лет Ваше Величество имеет от Днепра до Немана полный ряд заведений для воспитания туземного юношества, кои общественным мнением причисляются к лучшим европейским училищам, хотя они и ожидают еще разных усовершенствований и нуждаются в особом наблюдении. В сих училищах с твердостью, но без угроз и без преследования, не высказывая даже без нужды направления, им данного, образование молодого поколения обеспечено, сколь дано человеческому уму предусмотреть будущее. Язык русский – этот великий двигатель русской народности – получил в том крае неоспоримое первенство. Там, где его звуки за 10 лет были чужды и ненавистны, он изучается с любовью, с радушием, с успехами необыкновенными. Из рук духовенства, закоснелого в политических заблуждениях, воспитание невидимо, нечувствительно перешло в руки наставников, избираемых правительством и действующих по его указаниям; даже частное воспитание почти исчезло от того только, что вновь учрежденные училища лучше прежних и что воспитание, в оных получаемое, превосходит воспитание в кругу домашнем. Неоцененным для меня выводом служит убеждение, что этот огромный перелом в мыслях, обычаях, чувствах, может быть, еще не окончательно довершенный, – не требовал в пределах Министерства народного просвещения ни одной жертвы; что если в роковую минуту пострадали несколько юношей, то никакое подозрение не пало на наставников, под руководством Министерства действующих, и что последние плевелы уже исторгнуты из почвы, столь долго для нас неприступной. Наконец, доверие самых жителей того края, кои незадолго перед сим возмущались одною мыслью видеть своих детей и судьбу грядущего поколения прямо от правительства, – это доверие дошло до

того, что западные губернии считают ныне учебные заведения, вновь правительством учрежденные, лучшим достоянием того края и вернейшим залогом отеческих забот Вашего Величества. Нельзя не прибавить, что в этом примиренном доверии общего духа к нашим учреждениям находится и главное ручательство дальнейших успехов по сей части.

Обязан будучи обозначать в быстрых чертах высшие политические виды преобразования учебной системы в западных губерниях, я не мог вместить тут же материальные выводы о числе преобразованных и вновь учрежденных учреждений, о числе воспитываемых, о зданиях, учебных пособиях и т. п. Ваше Величество изволите найти все эти данные под особою рубрикою, посвященною статистике Министерства в сравнительном его положении.

В. По остзейским губерниям [40]

Постоянно направляя все ветви учебного ведомства к единству и стройности системы общей, Министерство, однако, соразмеряло свои действия с местными и, так сказать, историческими особенностями государства и его жителей разноплеменных, удаленных друг от друга и происхождением, и степенями образованности. Всегда и везде цель его была одна: водворение образования отечественного, соответственного потребностям нашего века, образования, самобытного и русского по превосходству; но условия и способы к достижению этой цели разнообразились обстоятельствами и положением вещей; от них зависели и самый успех, и быстрота его.

В Западном крае, где ошибки прежнего времени и самая сила вещей требовали изменений безотлагательных, меры Министерства были обширны и решительны.

В другой части государства, которая также представляла свою особенную, отличную от прочего состава его физиономию, в губерниях остзейских, учебная система, по необходимости, должна была принять ход, совершенно отличный от соседственных губерний бывшей Литвы. В сих последних политические обстоятельства дали все средства действовать верно, смело и с самого начала открыть план правительства во всем его объеме, объявив, что русский язык признается единственным языком публичного воспитания и что все предметы будут на оном преподаваться.

Различие немецких губерний от польских. В немецких губерниях, напротив, необходима большая осмотрительность, некоторое даже снисхождение к предрассудкам, вкоренившимся с давних лет в том крае. В губерниях, от Польши возвращенных, мы видим пред собою племя, неоднократно покоренное силою меча, племя, которое в недавних еще случаях не сохранило святости присяги и нарушило свои верноподданнические обязанности. Всякое изъявление власти, когда оно сопровождается некоторым вниманием к настоящему благу края, является этому племени не только естественным последствием хода вещей, но еще знаком великодушия. Победители, которые взамен вероломства несут с собою моральное усовершенствование грядущих поколений и предписывают побежденным иметь попечение о судьбе своих детей и об их нравственном и умственном обогащении, – такие победители могут беспрепятственно оглашать свою волю, и эта воля с некоторою твердостью и уменьем обращается в действие и быстро осуществляется на деле. Но там, где политическая верность сопутствует политическим предрассудкам, где чувство преданности законному государю большею частию покрывает, так сказать,

странности обветшалых понятий; там, где врожденная недоверчивость пополам с природною гордостью и расчетливостью ищет и находит в нашей истории несколько поводов думать, что просвещением и талантами жители балтийский берегов, некогда превышая нас, имели прямое влияние на судьбу Империи, – там вопрос принимает совершенно другой оборот.

Прежнее влияние немецких губерний на государственное управление. Истинное и главное заблуждение немецких губерний состоит в том, что они до сих пор не постигают, «что Россия возмужала»; они видели в пеленах наш государственный быт; весьма часто были призываны пестуны к его колыбели и в свидетели всех недоумений, всех ошибок, всех колебаний нашего внутреннего образования. В течение прошедшего и в начале настоящего столетия влияние этих губерний видимо отражается на каждой странице нашей политической истории [41]. Нет сомнения, что эта горсть людей другого происхождения, но людей умных, предприимчивых, образованных много способствовала к нашему развитию, не щадя, впрочем, в иных случаях ни крови, ни чести России. В общем смысле их государственные люди расширили пределы Империи; их воины проливали кровь за Дом Романовых; их художники и ученые сообщали нам сведения о европейском образовании. Все это неоспоримо и все это заслуживает нашу признательность; но тем и оканчивается всякое справедливое с их стороны притязание на наше уважение, всякое чистосердечное сочувствие между ими и нами. Оттого, что они угнетали Россию Императрицы Анны [42]; оттого, что они вблизи видели Россию Елизаветы [43] и Екатерины II, они упорно заключают, что Россия – тот же младенец, к охранению коего и они платили дань усердия, не всегда беспристрастного, не всегда бес-

корыстного. Словом, *они не постигают России Николая I*; и этот обман, почти оптический, эта суеверная неподвижность в понятиях, это тайное отрицание всего существующего теперь у нас, этот холодный, мелкий дух протестантизма в приложении к делам государственным – вот что отличает и некоторым образом отталкивает от нас это поколение людей, одаренных душевными доблестями и некоторым прямодушием; но то же самое отталкивает их и от Европы или, лучше сказать, от Германии, из которой они выводят беспрестанно свое прямое происхождение.

Отношение остзейских губерний к Германии и России. С одной стороны, Германия изменилась, с другой – Россия возмужала. Тщетно дух остзейских губерний считает себя представителем немецкого просвещения в России; мы это просвещение понимаем и ценим вернее их. Тщетно ищут они отголоска в Германии, где все столь же быстро изменилось, сколько и у нас. В чистосердечном с ними совещании, в благонамеренных беседах наедине можно довольно легко достичь этого сознания; можно даже найти в них нераскрытое убеждение, что собственное их благо требует ныне, чтоб они ближе и теснее слились с Россиею, по крайней мере духом и связями общего образования; но все это для них еще сомнительно, еще темно; они, без сомнения, преданы государям, но умственное равенство едва ли соглашаются признать в русских, коих видели в возрастах столь различных, не всегда достойных уважения, и коих они целое столетие снабжали своими административными идеями, своими формами и преданиями. Оттого-то и самое знакомство с русским языком им столь тягостно; для того только и медлят они решиться на изучение оного. Здравый рассудок давно уверяет их, что вместе с Россиею выросли и возмужали язык

и словесность отечественные; они это чувствуют, знают, даже тому радуются; но надменность и природная упругость заставляет их как будто бороться в сем отношении против распоряжений правительства. Мысль, что их мнимая национальность есть национальность германская, сильно укоренилась между ними, и хотя эта мысль не имеет ныне поистине никакого значения, но и теперь нельзя и не нужно открыто спорить с нею. Пусть добрые жители балтийских берегов мечтают, что они – германцы Арминия [44] или Карла Великого [45]; эта мечта не вредит ходу и успеху наших мер. Если б содействие местных начальств в смысле правительства, с совершенным сознанием нашего направления, равнялось с хорошим намерением главнейших учебных начальств, то юношество в тех местах было бы давно, все без исключения, в руках правительства. И теперь не останавливаюсь сказать: юношество, очевидно, склонилось к нашим началам и сближается с нашим образом мыслей. Но и тут встречается опять резкая черта между жителями литовских и немецких губерний: там, невзирая на все неприязненное и ненавистное, одна и та же живость славянской крови, та же быстрота в понятиях, та же раздражительность в соображении; там можно уловить толпу – не знаю, надолго ли, одним ловким движением, несколькими заветными словами; немцев налету схватить невозможно; против них надобно вести, так сказать, осаду. Они сдадутся, но не вдруг[1].

Таков был мой отзыв, когда, осмотрев положение учебных заведений в прибалтийских губерниях, я доносил Вашему Величеству о своих наблюдениях; но сверх тех затруднений, о коих упоминается выше, надобно для полного обзора действий правительства присоединить к этой картине несколько важных обстоятельств.

[1] Всеподданнейший доклад 9 октября 1838 г.

Два рода неустройств. В губерниях остзейских, кроме провинциального духа, имеющего свои резкие черты, являются еще два замечательных источника внутренних несогласий: разъединение Церкви на чистых *протестантов* и *пиетистов* [46] и противоборство среднего и низшего классов с туземным дворянством. Эти две язвы живо обнаруживаются в недавних событиях; здесь было бы неуместно входить в исследование оных. Между тем, это положение вещей имело и продолжает иметь столь тесную связь с распоряжениями Министерства народного просвещения, что нельзя умолчать о сих обстоятельствах.

Неустройство политическое. Первое основано на отношении, в коем состоит дворянство тех губерний к прочим состояниям. Это отношение неприязненно: дворянство, усиливаясь удержать за собою несколько прав, обветшалых и притеснительных, исключительно ему приносящих некоторые выгоды, вооружило против себя и *низший класс*, бедствующий в полном смысле слова, и *средний*, притянувший между тем к себе бóльшую часть богатства, познаний и промышленности того края. Эти привилегии, проистекающие первоначально из прав рыцарства германского, уничтожены везде в Германии и, без сомнения, не существовали бы уже давно, если б остзейские губернии вместо русской державы были подвластны, например, прусскому правительству [47]. Здесь не предстоит нужды входить в рассмотрение сих прав; скажем только, что эти привилегии противоречат нынешнему положению дворянства в Германии и не согласны с духом русского законодательства. Сверх того, дóлжно заметить, что эти привилегии далее тесного круга пользующегося ими малочисленного сословия возбуждают ненависть во всех прочих состояниях. Из сего довольно сложного положения происходит, что та-

мошнее дворянство считает себя обязанным защищать свои так называемые права:

1) от влияния иностранных соседних понятий;

2) от влияния русских начал и русского духа и, наконец,

3) от противодействия всех средних и низших сословий, составляющих большинство жителей в губерниях остзейских.

Неустройство религиозное. Второе начало несогласия в порядке религиозном состоит в шатком положении протестантской Церкви и в быстром распространении некоторых религиозных сект, из коих сильнейшая и деятельнейшая является под именем *Моравских Братьев*. В иных государствах, именно у нас, отношение господствующей Церкви к расколам разрешается, по крайней мере в теории, весьма ясно: ибо, имея в виду твердый состав Церкви, можно заключить, что всякое от нее явное отступление составляет раскол; в протестантизме это наоборот: там Церковь не вмещает в себя правоверия протестантского, ибо главное протестантское начало «*что каждый судит по совести о предметах верования своего*» поставляет Церковь как будто в вечное брожение. Тщетно искала бы она себе якоря посреди этого бесконечного волнения; этот якорь переломлен в первый день плавания. Нельзя не признавать, что дерзость умствования о предметах веры достигла, особенно с начала XIX столетия, до невероятия. *Рационализм*, т. е. отрицание всего сверхъестественного, произвел и продолжает производить самые отвратительные явления. От этих явлений родился целый разряд сект, испуганных заблуждением протестантского духовенства и которые, по естественному порядку вещей, бросились в противоположную крайность. Из общего отрицания или, по крайней мере, из сомнения всеобщего мы иска-

ли убежища и успокоения в таинственной недоступности *мистицизма*, иногда довольно чувственного и грубого. Моравские Братья, как и все прочие отщепенцы, провозглашают себя восстановителями протестантской веры, и нет сомнения, что во многих отношениях их образ мыслей ближе подходит к христианским догмам. С другой стороны, хотя не вся евангелическая Церковь была причастна заблуждениям рационализма, но вся она понесла наказание за оный; и это пятно, как будто неизгладимое, обессилив Церковь, лишает оную всех средств справедливой обороны. В этом странном положении трудно правительству найти опору для своих соображений. Правоверие протестантское поистине не существует нигде. Обязанность правительства – защищать господствующую Церковь – может принять свое действие там, где Церковь сама защищает себя. Здесь, напротив, две крайности: истощенная Церковь, которая не считает себя даже за правоверную, в своем смысле, и фантастические секты, которые стремятся занять ее место. Определить между ними *справедливую середину* есть ближайшее понятие, особенно для правительства, не принадлежащего ни к той, ни к другой стороне; но этот опыт оказывается тщеславным. По мере как Моравские братья там усиливаются, ослабевает протестантская официальная Церковь. В одной партии заметно фантастическое стремление к обладанию умами; в другой – вялость, охлаждение и как будто собственное предчувствие своего близкого падения.

Православие. К сим двум началам присоединилось с некоторых пор новое, не вполне разгаданное явление: сильное влечение простого народа к Православию русскому. Это неоспоримое влечение, несомненное для беспристрастных, родилось, вероятно, более от глубокого чувства неудовольствия к существующему порядку, чем

от убеждения в превосходстве Церкви, которая известна туземному простолюдину единственно по внешним обрядам; во всяком случае, это факт важный, многосторонний, последствия коего неисчислимы. Смотря на оный только с гражданской стороны, открывается, что *низшее* и большею частию *среднее сословие*, побуждаясь различными видами, расположены ближе соединиться с государством, войти в теснейший союз с нашею верою, с нашими понятиями, с нашим бытом; тогда как *высшее сословие* упорствует в своем разъединении и опасается умственного движения, могущего увлечь за собою тщетные преграды и бессильную его оппозицию.

Посреди сего волнения умов, колеблемых предрассудками разного рода и большею частию еще не пришедших к сознанию своих собственных выгод, надлежало соорудить новое и прочное здание общественного воспитания.

Действия Министерства. В двукратный личный мой осмотр Дерптского университета и других заведений Дерптского округа, узнав и поверив на месте положение учебной части в остзейских губерниях и существенные потребности их, я принял эти опыты и наблюдения в постоянное руководство в дальнейших действиях Министерства, мне Высочайше вверенного. При всех затруднениях, которые представились тут для успешности новых распоряжений, последствия их увенчали труды Министерства замечательным успехом. Не исчисляя в подробности всех событий по Дерптскому учебному округу, я ограничусь взглядом на принятые меры в двух отношениях. Во-первых, в отношении к устранению некоторых застарелых предрассудков края, которые были издавна источником разного рода беспорядков в учебных заведениях, и в особенности в университете Дерптском, и, во-вторых, к сближению

тамошней учебной системы с общим образованием в Империи и к распространению русского языка и словесности отечественной.

Преобразование Дерптского университета. С самого начала для водворения порядка между учащимися в Дерптском университете составлены были Высочайше утвержденные правила (в 1834 г.), которыми сокращены излишние права университета и течение судебных дел приведено ближе к общему устройству; определены с точностию обязанности студентов и отношения их к университетскому начальству и к профессорам и мера их ответственности за нарушение благочиния и общественной тишины. Правила сии поверены предварительно трехлетними опытами и потом уже, дополненные и измененные, окончательно удостоены в 1838 г. Высочайшего утверждения и приведены в действо. Для прекращения поединков между студентами Дерптского университета (28 июня 1837 г.) подчинены военному суду при Рижском ордонанс-гаузе все, которые окажутся виновными в сих проступках. Производству исследований по оным положены в основание общие российские, а не местные лифляндские узаконения. Тайные поводы и как бы приготовления к оным предупреждены уничтожением между воспитанниками дерптских гимназий собраний для упражнения в фехтованье и запрещением жителям г. Дерпта открывать у себя партикулярные для того залы без дозволения учебного начальства. Этими мерами, строгими и решительными, пресеклись прежние своевольство и буйства студентов, и хотя перелом не обошелся без некоторого противодействия, которое, может быть, еще таится, но уже ослабленное и бесплодное, однако дерптская молодежь вообще подчинила себя требованиям дисциплины и доброго порядка. Не видать столпления празд-

ных юношей, не слыхать их шумных песен и криков; все тихо, благопристойно. Нельзя сказать, чтоб в числе 600 студентов не было шалостей или даже иногда тайного разгула; по крайней мере, безнравственность не торжествует и общее спокойствие не нарушается.

Преобразование прочих учебных заведений. Преобразование учебных заведений Дерптского округа и сближение их с русскими училищами равномерно подвинулось вперед значительно. В Дерпте учреждено русское начальное училище для детей тамошних обывателей русского происхождения; такие же заведения возникли потом в Якобштадте для детей русского и польского происхождения и в Митаве. При первом осмотре учебных заведений Дерптского округа, заметив недостаток преподавания Закона Божия православного вероисповедания для обучающегося в оных русского юношества, я испросил Высочайшее повеление о назначении для тамошнего университета и других учебных заведений православных законоучителей. Обучение русскому языку начинается с низших училищ и, постепенно переходя в гимназии, достигает до университета. Не ограничиваясь учителями собственно для этого предмета, определяются учителя и для других наук из русских, преимущественно из воспитанников Главного педагогического института, и по мере того вводится постепенно преподавание на русском языке. Для определения учителем в гимназию или в училище поставлена условием способность преподавать свой предмет по-русски; мало-помалу вводится и производство училищных дел на русском языке. Способы к его изучению в 1839 г. еще более усилены назначением вновь учителей дополнительных классов в гимназиях округа, в ревельском Домском и в некоторых уездных училищах с определением достаточной суммы на при-

обретение учебных пособий по части русского языка. В следующем году к десяти воспитанникам начальной учительской семинарии в Дерпте присоединены еще четыре, предназначаемые в учителя русского языка, с тем чтобы по окончании курса семинарского они поступили на два года в Главный педагогический институт для окончательного образования. При сей семинарии определен особый учитель русского языка. Эстляндское дворянство учредило на свой счет стипендию для приготовления в Дерптском и потом в одном из великороссийских университетов в учителя русского языка одного из воспитанников Домского дворянского училища в Ревеле. Для неослабного наблюдения за введением и исполнением мер, принимаемых правительством, и для направления учебных заведений к цели, оным указываемой, Министерство народного просвещения приняло за правило впредь на свободные места директоров гимназий, их помощников и начальников училищ определять чиновников преимущественно из русских, с исключением только в пользу тех уроженцев остзейских губерний, которые при требуемых для того качествах и способностях хорошо знают русский язык.

Истекут еще три года – и все вступающие в учебные заведения Дерптского округа и все приобретающие в университете ученые степени будут уже являться к сему с необходимыми отныне и в достаточной степени приобретенными познаниями в русском языке.

Русский язык. Будучи по утвержденному мною плану университетского обучения во всех факультетах необходимым предметом занятий всех учащихся, русский язык изучается ими с любовью и прилежанием. Уже и ныне он составляет непреходящую только необходимость для полноты курса, но предмет изучения добровольного и основательного. Несколько лет тому

назад, по приглашению профессора русской словесности, студенты университета составили по лучшим иностранным источникам курс древней истории на русском языке, который печатается и вскоре появится в свет. В конце прошлого года философский факультет предложил на разрешение один из самых трудных грамматических вопросов русского языка, и задача эта, на которую доселе не находили удовлетворительного ответа и в лучших грамматиках отечественного слова, решена с необыкновенною отчетливостью и с основательным знанием предмета двумя студентами Дерптского университета.

Процветание университета и училищ. Попечение о распространении русского образования, которое Министерство считало одною из существенных потребностей остзейских губерний и своею неотклонимою обязанностию не ограничивало его действий исключительно и односторонне. Это была та часть его трудов, которая представляла наиболее затруднений, препятствий и борьбы. Как древнестроители Иерусалима, оно принуждено было, созидая одною рукою, отражать другою нападения врагов. Но Министерство не отделяло сих трудов от постоянной заботливости о возведении всей учебной части вообще на высшую степень развития и возможного совершенства. Прежняя затруднительность внутреннего управления или устранена изъятием гимназий и других училищ от непосредственного влияния университета и поручением их заведованию попечителя, по примеру русских средних учебных заведений. С сею целию распространено на Дерптский учебный округ Высочайше утвержденное в 1835 г. Положение об учебных округах великороссийских и упразднена состоявшая при университете училищная комиссия, взамен которой придан

попечителю особый совет. Учреждением при гимназиях почетных попечителей по выбору дворянства призвано сие последнее к участию и содействию в пользах и материальном состоянии этих заведений. Все гимназии Дерптского учебного округа более или менее преобразованы в важнейших частях своих; во всех введен новый учебный план, исправленный по назиданиям опытов нескольких лет. По требованиям местных обстоятельств допущены в курсах необходимые изменения. С возрастанием наружного благочиния в университете Дерптском возросло и его благоденствие: число студентов постепенно умножается; отличные профессора, вызванные из чужих краев, приняли охотно сделанное им предложение и с честию занимают свои кафедры. В прошлом году Высочайше утвержденным дополнительным штатом Дерптского университета расширен до той полноты, какой только можно желать, объем факультетов: медицинского, философского и юридического. Щедрость истинно царская Вашего Императорского Величества поставила его в ряд первых учреждений в этом роде, с которым немногие из существующих в Германии могут сравниться. Самые упорные противники Министерства народного просвещения в остзейских губерниях невольно принуждены сознаться, что настоящее устройство и процветание учебных заведений в том крае не допускают никакого сравнения с положением их в прежнее время.

С. По Царству Польскому

Присоединение учебной части в Царстве к ведомству Министерства народного просвещения. Высочайшим указом 20 ноября 1839 г. повелено: из находящихся в Царстве Польском учебных и ученых заведений образовать Варшавский округ и причислить оный к Ми-

нистерству народного просвещения на главных началах, в Империи по сей части существующих.

Взгляд на положение оной. Беглый взгляд на прежний ход народного образования в Царстве покажет, что Министерство могло ожидать найти там и какие предстояли ему обязанности.

Не подлежит сомнению, что одна из коренных причин всех неустройств в Польше находилась и находится в небрежении отечественного воспитания. Долго иезуиты [48] заведовали всеми училищами в духе одностороннем и пристрастном, но с уменьем и не без успеха. Когда *пиары* [49] под влиянием новых идей сменили иезуитов и когда *Игнатий Потоцкий* [50] с *аббатом Колонтаем* [51] внесли в эти училища зародыш вольнодумства религиозного и политического, то старое, во многом еще твердое, рушилось и ничем не было заменено. Король Станислав Август [52], постигая этот вред по совету своего брата – примаса королевства [53], – учредил в 1773 г. Комиссию народного просвещения. Эта Комиссия начертала превосходный план, который на беду Польши остался без исполнения. В таких обстоятельствах настигли Польшу сперва французская, потом польская революции [54]; с 1794 до 1815 г. переходила она из рук в руки посреди различных происшествий, беспокойных и бурных, не являвших возможности твердого основания [55]. С 1815 до 1820 г. училищная часть в Царстве была поручена Станиславу Потоцкому [56] – известному главе всех тайных обществ и представителю всех разрушительных политических понятий в том крае. Потоцкий был сменен Станиславом Грабовским [57], но и этот промежуток времени не означен действиями успешными. В событиях 1830 г. вновь учрежденный Варшавский университет [58] нашел и должен был найти свой конец. Впоследствии при

всех усилиях благонамеренного начальства училища не соответствовали, до́лжно сказать, ни потребностям края, ни обеспечению правительства.

Приступ к делу. При исполнении Высочайшей воли, на меня возложенной, три главные предмета обратили на себя внимание Министерства:

1) управление округом;

2) устройство общих учебных заведений;

3) частное домашнее воспитание.

Для управления округом назначен попечитель, учреждено при Департаменте народного просвещения особое Отделение (18 декабря 1839 г.), издано Положение о Варшавском округе, определяющее права и пределы власти: попечителя, Совета народного просвещения и Правления округа (19 июня 1840 г.), и, наконец, составлено новое, внутреннее образование Совета, соответствующее порядку делопроизводства в Империи (31 марта 1840 г.). Учебная система Царства требовала коренного преобразования. Объем наук в уездных училищах не соответствовал цели оных; в гимназиях общее филологическое образование смешано было с учением специальным, техническим; для высшего образования учреждены были дополнительные курсы с экзаменационным комитетом, заменявшие некоторым образом упраздненный Варшавский университет, и снабжение учителями и наставниками общие и частные заведения Царства.

Распоряжения. Для устранения сих неудобств и с целью устроения учебной системы в виде приготовительного перехода в русские университеты изданы:

1) Устав гимназий, уездных и первоначальных училищ Варшавского округа применительно к Уставу учебных заведений Империи с допущением только самых необходимых, по местным обстоятельствам, изменений (31 августа 1840 г.);

2) Положение о реальной гимназии, сосредоточивающей обучение техническим предметам для доставления детям среднего сословия средств приобретать познания в практическом приложении наук к ремеслам и промышленности (28 ноября 1840 г.);

3) Положение о Педагогических курсах, ограничивающее прежние дополнительные курсы повторением гимназических наук и практическим педагогическим успособлением учителей для уездных училищ и соответствующих оным частных учебных заведений (2 апреля 1840 г.).

Для точного определения в сих заведениях как объема наук, так и направления, коему обучение должно следовать, утверждены Министерством программы и инструкции для гимназий и уездных училищ (2 марта 1842 г.) и для педагогических курсов (31 ноября 1842 г.).

В учебных заведениях обновлен состав преподавателей; причем только отличнейшие и благонадежнейшие оставлены на своих местах, а несколько начальников заменены людьми способнейшими (распоряжение в бытность в Варшаве).

Озабочиваясь приисканием способов к теснейшему соединению учебных заведений того и другого края, равно как и к облегчению воспитанникам Царства перехода в университеты Империи, Министерство приняло следующие меры: 1) вслед за изданием Устава учебных заведений округа предложено составить в Варшаве особый комитет для рассмотрения, какие из учебных книг Империи могут быть введены в учебные заведения Царства без изменений и какие – с переменами по недостаточному знанию русского языка учениками низших классов, с тем чтобы последняя мера была только временная, впредь до открытия возможности усвоить тем заведениям все учебные книги Империи;

вследствие чего некоторые учебные русские книги введены уже в употребление, а иные вводятся постепенно (14 ноября 1841 г.); 2) усилено преподавание славянского языка с распоряжением: а) чтобы впредь учителями русского языка в гимназии и уездные училища определять только таких кандидатов, которые могут обучать с пользою и славянскому языку; b) вменено в непременную обязанность пансионерам Царства, обучающимся в университетах Империи, слушать лекции славянского языка и подвергаться в сем предмете испытанию (18 января 1841 г.); 3) предписано наблюдать неукоснительно за успехами русского языка пансионеров Царства, воспитывающихся в университетах Империи, подвергая их в сем случае особому строжайшему испытанию (16 января 1842 г.)[1].

С другой стороны, для ободрения пансионеров Царства, приготовляющихся в сих университетах к учительскому званию, кроме общих прав университетских воспитанников, предоставлено еще тем из них, кои посещали дополнительные курсы в Варшаве, поступать по испытании во 2-й и даже 3-й курсы университета (14 марта 1840 г.), выпускаемых же из университетов кандидатскими званиями положено определять в гимназии Царства – прямо на высшие оклады, или, в случае неимения вакансии, переводить на оные при первой возможности (26 ноября 1841 г.). Для отвращения недостатка в хороших учителях, согласно Высочайшей воле, имеются всегда в запасе в Варшаве 5 русских сверхкомплектных учителей, отправляемых туда из Империи, по мере поступления прежних на учительские места; в гимназии же определяются учителями пансионеры Царства, кончившие курс наук в университетах Империи. Из универ-

[1] Сим воспитанникам поставлено в обязанность преподавать учебные предметы в Царстве на русском языке.

ситетов выпущено доселе в учебные заведения Царства 40 учителей и обучаются в них еще 48. По истечении в 1841 г. четырехлетнего срока, назначенного по Высочайшему повелению на присылку пансионеров в университеты Империи для приготовления к учительскому званию, положено продолжать такое отправление по 15 воспитанников ежегодно еще на 4 года (15 июля 1842 г.).

Между тем, сообразно с местными потребностями Польского края, изданы еще другие для специальных заведений положения, а именно:

1) для юридического образования юношества при Варшавской губернской гимназии открыты юридические классы, из коих молодые люди, желающие приспособить себя к высшим судебным должностям, могут переходить в университеты Московский и С.-Петербургский, где для окончательного образования их учреждены по две отдельные кафедры законов Царства. Положение о сем, составленное совместно с министром статс-секретарем Царства Польского, удостоилось Высочайшего утверждения 10 (22) апреля 1840 г.;

2) для приготовления хороших хозяев и лесоводов преобразован существовавший прежде Маримонтский институт сельского хозяйства и лесоводства (31 августа 1840 г.) [59], для внутреннего управления коим по учебной и хозяйственной частям издано впоследствии особое наставление на один полный курс (5 июня 1840 г.). В дополнение к сим преобразованиям необходимо было озаботиться доставлением округу важного учебного пособия – книг как русских, так и на иностранных языках, в чем замечен был ощутительный недостаток. Вследствие того с Высочайшего соизволения отобрано из дублетов Публичной библиотеки по разным отраслям наук и литературы в 1840 г. до 13 <тыс.> и в 1842 г. до 12<тыс.> томов иностранных книг.

Не менее предметом забот Министерства было преобразование частного и домашнего воспитания, которое оставалось без надлежащего надзора и не только находилось в руках людей, не подчиненных учебному ведомству, но по обширному объему наук в некоторых пансионах делало излишним посещение казенных учебных заведений. Эти неудобства отстранены изданием положения о частных учебных заведениях, домашних наставниках и учителях в Царстве Польском (18 января 1841 г.), основанного на точных началах узаконений, введенных по сей части в Империи.

Общее наблюдение за учебными заведениями Царства и осмотр оных возложен был на трех генеральных визитаторов училищ, которые оставлены и по новому Положению о Варшавском округе при своих должностях. Но для руководства их при исполнении обязанностей не было постоянных правил. По распоряжению Министерства собраны все изданные по сей части в разное время постановления и по соображении с существующими правилами в Империи составлен общий наказ визитаторам (в кон. 1842 г.).

Оставалось устроить важную часть народного просвещения – первоначальное обучение низших классов народа. С этою целью Министерство обратило внимание на существующий в Ловиче институт первоначальных учителей, который, не имея ни определенного положения, ни даже приличного помещения и внутреннего устройства, не соответствовал своему назначению. Проект положения об институте уже утвержден.

В этом кратком начертании мер, приведенных к концу в Царстве Польском в течение 3 лет, Ваше Величество изволите усмотреть главные основания начатого перерождения учебной части в Царстве. Сверх собственных наблюдений Министерства можно заключить

из достоверных мнений посторонних лиц, что перемены, последовавшие по сей части в Царстве, удовлетворили желаниям благомыслящих, успокоили ожидания родителей и в самом крае произвели вообще благоприятное впечатление. Я могу, по крайней мере, свидетельствовать, что в Царстве Польском Министерство встретило менее противодействий, чем в иных частях Империи. Нет нужды исчислять здесь все затруднения, коими должно было сопровождаться исполнение Высочайшей воли, когда Ваше Величество рассудили за благо распространить на Царство Польское влияние Министерства народного просвещения и учебную систему, принятую в губерниях, от Польши возвращенных. Уже и оттого должны были удвоиться сии затруднения, что эту систему невозможно было приложить к Царству без некоторых значительных изменений. Так, например, по важному вопросу о способе введения русского языка я при самом вступлении моем в управление учебною частию в Царстве доводил до сведения Вашего Величества (29 декабря 1839 г.), что, по моему убеждению, меры, которые дотоле принимались, мало соответствовали цели, потому что слишком резко и слишком преждевременно обнаруживали виды правительства. В политическом смысле язык можно уподобить оружию, которое должно нанести рану руке, неопытно им владеющей. В бывших польских и даже остзейских губерниях можно, не запинаясь, сказать *русским* подданным: «*Учитесь по-русски*». В Царстве введение языка русского требует других условий. Самый ход публичного образования должен во многом представлять отличительные черты и разниться от мер, принятых в западных и остзейских губерниях. Чем определительнее мысль указа 20 ноября 1839 г., присоединившего учебную часть Царства к ведомству Министерства народного просвещения, тем

осторожнее и беспристрастнее должны были быть первый приступ к делу и самый выбор пути. Этот путь лежит между двумя крайностями: между ультрарусским, понятным, но бесплодным и бесполезным чувством явного презрения к народу, имевшему доселе мало прав на наше сочувствие, и между ультраевропейскою наклонностию сделаться в глазах этого народа предметом его слепого энтузиазма. Тут, как и во всех почти действиях государственных, средняя стезя одна являла твердость и обеспечивала успехи.

Русский язык. Такой взгляд на эти предметы, удостоившись Высочайшего одобрения Вашего Императорского Величества, руководил Министерство в его действиях в отношении к Царству: вместо притеснительного, безусловного повеления о введении русского языка я старался, удовлетворяя справедливым требованиям местности, поселить в умах уважение к русскому образованию, доверие к видам правительства; эти распоряжения остались не без плодов; все публичные заведения, как прежде бывшие, так и вновь устроенные, сделали уже несколько значительных шагов вперед; и когда в герцогстве Познанском [60] было провозглашено от имени прусского правительства, что оно дарует жителям право беспрепятственно заниматься обрабатыванием природного их языка и литературы, отголосок этих слов не произвел действия в Царстве, ибо жители оного пользовались еще до возгласа прусского правительства выгодами, сопряженными со свободным употреблением того и другого наречия, и сами уже убеждены были в необходимости изучения русского языка, имеющего кроме политического значения общий источник и близкое сродство с польским.

Допущение студентов Царства в русские университеты. Другое распоряжение Министерства, по-

веленное Вашим Величеством, обратило на себя особое внимание и возбудило в иных благонамеренных между русскими некоторую степень опасения: я говорю об открытии русских университетов студентам из Польского Царства. По упразднении университетов Варшавского и Виленского и при явной невозможности приступить к их возобновлению (по крайней мере, на несколько десятков лет) правительство не имело в руках другого средства, кроме допущения польских студентов к окончательному образованию в университетах Империи. Против сей меры нетрудно было возражать с разных сторон, указывать на опасности этого приобщения польской молодежи к русской и в будущем предугадывать последствия неблагоприятные; но Ваше Величество, не смущаясь подобными мнениями и убедившись в том, что чем решительнее эта мера, тем ближе она может привести к желаемому слиянию двух противоположных доселе стихий, разрешили меня идти осмотрительно и твердо определенным путем[1]. К счастию, предвещанные опасения не сбываются; студенты, поступающие в наши университеты как из западных губерний, так и из Царства, ведут себя благовидно, скромно; прилежно занимаются учением и не подают доселе никакого повода к сомнению; надзор за ними устроен бдительный и строгий; но вместе с этим не выказывается начальством никакого особого опасения на счет сих молодых людей. Успехи каждого из них по своей части уважаются преподавателями. Русский язык изучается ими в совершенстве. В заключение прибавлю, что лучшие из них по мере окончания курсов изъявляют наперерыв желание оставаться в Империи и единогласно предпочитают службу в оной службе в Царстве. Но говоря о других побудительных причинах, достаточно указать

[1] Журнал Комитета по делам западных губерний 22 сентября 1842 г.

на то, что, будучи воспитаны в ненависти и презрении к России, вид ее могущества, ее устройства, ее образования непосредственно действует на умы юношества и поселяет в них нечувствительно какое-то уважение к ее первенству между славянскими племенами, которое должно непринужденно и мало-помалу переменить до корня все их понятия. Спешу прибавить, что это замечание относится до лучших; здесь, как и во всех других опытах государственных, теряется несколько *процентов*; счастливым можно назвать то правительство, которое обеспечивает *капитал*.

D. Части, вновь поступившие в ведомство Министерства

Одновременно с введением учебной части по Царству Польского в ведомство Министерства народного просвещения расширился круг его занятий присоединением к оному некоторых учреждений, находившихся в управлении других ведомств. Я имел счастие изложить пред сим действия Министерства по устройству учебной части в Царстве Польском; здесь я осмелюсь обратить внимание Вашего Императорского Величества на медицинскую часть, на близкие к ней – фармацевтическую и ветеринарную – и на образование евреев.

Новое устройство медицинского учения. 1840 г. (27 апреля) ознаменован поступлением в ведомство Министерства народного просвещения Московской и Виленской медико-хирургических академий [61]; причем состоялась Высочайшая воля о приведении в ближайшую связь и постепенное слияние Московской медико-хирургической академии с тамошним университетом и о присоединении Виленской по преобразовании в медицинский факультет к университету Св. Владимира.

Передавая в управление министра народного просвещения медико-хирургические академии Московскую и Виленскую, Ваше Императорское Величество изволили указать на необходимость дать целой медицинской учебной части направление, согласное с совершенным состоянием врачебных наук в Европе. При приведении в исполнение этой Высочайшей воли Министерство народного просвещения встретило множество вопросов, разрешение которых могло быть поручено лишь лицам, занимающимся разнородными частями медицинских наук. На сей конец, с Высочайшего соизволения, учрежден при Министерстве Временный медицинский комитет как учено-совещательное место, в котором обслуживаются разные вопросы, возникающие в Министерстве по ученой и учебной медицинской части. Комитет, открыв свои заседания 8 февраля 1841 г., продолжает и ныне усердно заниматься под руководством Министерства и по его указаниям.

В 1841 г. в учреждении при Университете Св. Владимира взамен Виленской медико-хирургической академии на медицинском факультете открыт первый медицинский курс.

Из числа мер, принятых по этой части в течение 1842 г., достойны внимания следующие.

Устройство медицинского факультета при Университете Св. Владимира. Устройство этого факультета, вполне удовлетворяющее всем требованиям современного состояния врачебных наук, вошло в состав Высочайше утвержденного 9 июня Устава и штата Университета Св. Владимира [62].

Удостоившееся Высочайшего соизволения 14 октября предположение об учреждении при Московском университете образцового клинического заведения из трех отделений: терапевтического, хирургического и аку-

шерского. Для помещения этой огромной клиники предназначается здание, занимаемое Московскою медико-хирургическою академиею.

Расширение Дерптского медицинского факультета и образование при Дерптском университете Фармацевтического института (Высочайше утвержденного 19 октября).

Сверх того, начертаны правила испытания врачей, фармацевтов, ветеринаров, зубных врачей и повивальных бабок и составлены положения о предоставлении врачам, фармацевтам и ветеринарам преимуществ гражданских и служебных. Этот труд со следующими к нему приложениями, окончательно рассмотренный и одобренный Медицинским советом при Министерстве внутренних дел, в непродолжительном времени получит дальнейший законный ход.

Наконец, изготовлен проект о преобразовании учебных ветеринарных заведений и всей вообще ветеринарной части в России.

1 августа истекшего года упразднена Виленская медико-хирургическая академия, взамен которой учрежден медицинский факультет при Университете Св. Владимира.

В Московской медико-хирургической академии закрыты 1-й и 2-й медицинские курсы, а в конце истекшего года упразднены находившиеся при ней ветеринарное и фармацевтическое отделения. Таким образом, и сия академия постепенно приближается в будущем ее значении к слиянию с Московским университетом.

Образование евреев. От сих соображений я обращаюсь к действиям Министерства народного просвещения относительно преобразования евреев и их нравственного и гражданского возрождения. При общем порыве к образованности высшей это стремление пробудилось

в еврейском населении. Учреждение Еврейского училища в Риге в 1839 г. вместе с некоторыми подобными заведениями в Одессе и Кишиневе было первым шагом к водворению между евреями правильной системы обучения. Впоследствии открыты в Вильне и Гольдингене два частных еврейских училища; другие два заведения предположены в Вильне. Мысль сделать евреев причастными благ просвещения издавна уже была источником различных мер, которые, однако, не приводили к желаемой цели, частию по недостатку общих постановлений о воспитании евреев, частию по неизвестности средств к учреждению еврейских учебных заведений в видах правительства. В январе 1841 г. начертаны Министерством народного просвещения общие начала устройства училищ для еврейского юношества; по одобрению этих начал приступлено к составлению проекта устава для еврейских училищ. Между тем по распоряжению моему собраны на месте определенные сведения о настоящем положении евреев, о способах к образованию, ныне ими употребляемых и представляющих верный источник для содержания предполагаемых правительством заведений. Высочайшим повелением, последовавшим в 22-й день июня 1842 г., распространен надзор Министерства народного просвещения на все еврейские ученые и учебные заведения и учреждена здесь, в С.-Петербурге, Комиссия для положения главных оснований дальнейшим действиям по устройству образования евреев и начертания правил для всех занимающихся частным обучением еврейского юношества. Необходимые для успешного выполнения сей Высочайшей воли данные собраны вторично в губерниях, населенных евреями. Министерство приобрело достоверные сведения о нынешнем воспитании евреев и о лицах, которых правительство может с пользою употребить в деле образования этого народа, о

денежных способах, которыми располагать оно получит возможность. Более 35 еврейских обществ письменно вызвались содействовать предложениям Министерства народного просвещения. Благотворные лучи просвещения кроткого, сопровождаемого сознанием истинных начал нравственной и гражданской жизни, должны проникнуть во все сословия этого племени, над которым доселе тяготеет время векового угнетения. Затруднения, противопоставляющиеся сему обширному предприятию, конечно, многочисленны и велики; но благодетельные виды Вашего Величества постигаются всеми благонамереннейшими из евреев, и при восприимчивости этого народа, при усердии избираемых на выполнение великодушной мысли Вашего Величества можно надеяться, что все препятствия будут преодолены и усилия Министерства увенчаются желанным успехом.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
Взгляд на успехи ученых учреждений, на ход науки и словесности

Представив действия Министерства народного просвещения за истекшее десятилетие по части *учебной*, обращаюсь теперь к успехам наук и знаний, к деятельности собственно *ученой*, в продолжение того же времени. Там Министерство в некотором смысле лишь поверяло грядущему времени семена, которые должны взойти и разрастись впоследствии; будущность, от нас еще закрытая, увидит и пожнет плоды настоящих его начинаний; она же произнесет им и последний приговор, когда дозреют и разовьются молодые поколения, которые в заведениях Министерства получали свое образование и готовились на всю жизнь в службу государственную. Но здесь в ходе

и развитии наук и умственного бытия народа оно может ныне же указать на успехи положительные, очевидные, на участие, прямое и неоспоримое. Как там, так и здесь Министерство руководилось одною главною мыслью: усилия его направлены были к той же цели, к которой оно старалось привести общественное образование. Сохраняя все выгоды европейского просвещения, подвергнув умственную жизнь России вровень с прочими нациями, оно желало дать ей самобытность народную, основать ее на началах собственных и привести в соответственность с потребностями народа и государства.

Академия наук. В ряду действователей в этой области первое место, бесспорно, принадлежит Императорской академии наук [63], которая со времени учреждения своего, по мысли великого преобразователя России, в продолжение с лишком столетнего существования принесла уже столь великую пользу Отечеству и наукам. Устав и штат, на основании которых действовала дотоле Академия, были вновь пересмотрены. Высочайше утвержденный 8 января 1836 г. Устав расширил значительно круг занятий сего ученого сословия и усилил самые способы его деятельности. Музеи и академические ученые собрания, приведенные в отличное устройство, обогащенные новыми приобретениями и расположенные в систематическом порядке, представляют превосходнейшие пособия для отечественных ученых, посвящающих себя обрабатыванию отдельных ветвей наук. Сокровища восточной нумизматики и письменности, собрание европейских монет древних и новейших обогатились еще приобретением превосходного нумизматического кабинета, принадлежавшего графу Сухтелену [64]. Ваше Императорское Величество даровали Академии полное собрание русских медалей, выбитых из серебра. Азиатский музей [65] приобрел

любопытную коллекцию искусственных произведений Китая и мануфактурной промышленности этой страны, составленную в Пекине полковником Лодыженским [66]. Кабинет естественной истории, кроме богатых даров, полученных от щедрот Вашего Величества, увеличен значительными покупками [67]. Так, Академии достались знаменитые гербарии графа Разумовского, Гофмана, Зибера, богатое ученое наследие маршала Биберштейна [68] и этнологический кабинет Гуммеля. Школа препараторов, учрежденная при Зоологическом музее, обеспечивает успехи этого заведения. Плодом ее до́лжно считать обширное зоологическое собрание, составляющее одну из замечательнейших частей Музеума академии. Физический кабинет, который в течение 30 лет нисколько не преумножался, извлечен из своего неподвижного состояния; заведена химическая лаборатория и учреждена механическая мастерская. Из-под станков типографии Академии, неоднократно обогащавшейся новыми шрифтами, выходят книги на всех почти главнейших языках азиатских – даже на таких, на которых в состоянии печатать весьма немногие заведения этого рода в Европе. Я осмелился остановить внимание Вашего Величества на настоящем цветущем положении этих учреждений потому, что они составляют не бесплодное только украшение и роскошь Академии, но орудие для ее ученой деятельности. При помощи сих обширных средств Академия постепенно сделалась учреждением вполне национальным. Немало способствовало к такому сближению учреждение Демидовской премии [69]. Трудная обязанность возложена была на Академию этим учреждением; но она вознаграждена была за то влияние, которое доставило ей поручение обсуживать произведения отечественных ученых и назначать им цену и награды.

Присоединение Академии наук к Академии Российской. В 19-й день октября 1841 г. бывшая Императорская Российская академия после пятидесяти осьмилетнего существования своего присоединена к Императорской академии наук в виде особого Отделения русского языка и словесности. Ваше Императорское Величество повелели привести в единство и совокупность занятия двух высших ученых учреждений в Империи. Составляя как бы среднее звено двух частей Академии наук, Отделение русского языка и словесности приобрело назначение, совершенно сообразное с целью ученого сословия, занимающегося обрабатыванием языка. Отныне объем деятельности его на пользу отечественного слова расширяется, включая в круг исследований своих и все ветви славянских наречий, возникавших из одного корня с языком русским. Отделению русского языка и словесности предстоят занятия важные, и оно уже приступило с ревностию к выполнению одного из главнейших трудов своих – к изданию полного словаря, который соответствовал бы требованиям времени и степени нашего образования.

Ученые путешествия от Академии наук. Мы можем с основательностью сказать, что деятельностью Академия наук не уступит никакому другому сословию и что ученый свет отдает справедливость ее трудам.

Уже Великий Петр, начертывая первые основания Устава для этого ученого учреждения, указал ему высокое назначение заботиться об основательном исследовании самых отдаленных и наименее известных краев государства. Ученые экспедиции, предпринятые Академиею или совершенные под ее руководством, пролили новый свет на географию, физическое строение и естественные произведения, на историю, древности и на производительные силы нашего Отечества и

других стран. Те части Империи, которые менее других известны, составляли главнейший предмет изысканий; но не менее тщательные и подробные исследования посвящаются и другим, прежде уже посещенным странам внутри России.

Еще *Клапрот* [70] заметил тождество нынешних осетинцев с ассами и аланами [71] Средних веков. Академик *Шегрен* [72], посвятивший постоянное внимание на изучение столь важных для древней истории России и для сравнительной лингвистики наречий финского племени, предпринимал путешествие на Крымский полуостров, в Грузию и на Кавказ. Изучив языки, народный быт и предания тамошних горных племен, и в особенности осетинцев, он собрал доводы в подкрепление этой гипотезы о происхождении скандинавских языков и преданий из сей колыбели народов и о связи с древним скандинавским наречия осетинского – важнейшего из всех кавказских по его решительному сродству с главными европейскими и азиатскими языками. Результаты сих исследований будут содержаться в дальнейших трудах академика Шегрена, а между тем мы уже обязаны ему грамматикою и словарем осетинского языка.

Вопрос о соотношении уровней Черного и Каспийского морей сделался предметом живого любопытства европейских ученых, особенно по разногласию всех результатов произведенных дотоле наблюдений. Барон Гумбольт [73] вызвал русских ученых на решение этой геодезической задачи. С Высочайшего соизволения снаряжена была от Академии наук экспедиция для измерения разности высот морей Черного и Каспийского. Молодые астрономы *Фус* [74], *Савич* [75] *и Заблер* [76] определили посредством тригонометрического нивелирования страны между обоими морями настоящую их высоту. Эта затруднительная геодезическая операция показала, что по-

верхность Каспийского моря действительно ниже Черного моря 101,2 русскими или 94,9 парижскими футами.

Геология обогатилась достоверными открытиями на твердой земле Старого Света площади, которой поверхность ниже уровня океана. На целом земном шаре, по всей вероятности, не встречается другого подобного факта. В географическом отношении особую важность придает экспедиции произведенное ею нивелирование между Азовским и Каспийским морями на пространстве 800 верст, где значительное число пунктов, и особенно главные вершины Кавказских гор, астрономически определены в отношении к географическому положению и к возвышению их над океаном.

На Крайнем Севере Империи исследование берегов Лапландии и Новой Земли было предметом усугубленных усилий моряков и ученых. В мае 1836 г. Академия наук отправила в эти столь мало еще разведанные в ученом отношении страны экспедицию под управлением академика Бэра [77]. Она проникла до 74° северной широты, пробыв целые полтора месяца на Новой Земле. Усилия ее увенчались таким успехом, что эту экспедицию можно считать одною из самых удачных, какие только были предприняты в тот суровый край. Значительность привезенных Бером естественных предметов дает нам полное право считать природу Новой Земли столь же основательно исследованною, как и другие страны отдаленного Севера, многократно уже посещенные учеными. В 1840 г. академик Бер предпринял вторичную поездку в Новую Землю и к северному берегу русской Лапландии для исследования естественных произведений Ледовитого моря близ этого берега и сравнения их с теми, которые он собрал на берегах Новой Земли. Хотя сильный и продолжительный ураган заставил экспедицию отказаться от предположения

проникнуть вновь до Новой Земли, зато она привезла с собою собрание естественных предметов и произвела наблюдения, обильнее и важнее тех, которые были плодом первой поездки в 1837 г. Географический результат этой экспедиции состоит в достоверном исправлении прежних карт Лапландии, на которых течение рек Туломы и Колы показывалось ошибочно.

В 1838 г. по побуждению и на счет Академии наук исследована флора в окрестностях Иртыша и Зайсанг-Нора. Эти исследования доставили около 330 пород растений, в том числе 18 совершенно новых.

Весною 1839 г. поощряемый участием Академии наук молодой путешественник Вильгельм Бетлинг [78] предпринимал странствие на Север. Он совершил до Торнео и Колы путешествие, которому мы обязаны любопытными сведениями относительно к горным формациям и новейшему периоду истории земной поверхности.

В том же году Академия наук воспользовалась отправлением корабля Российско-американской кампании, чтобы послать в Америку препаратора Зологического музеума *Вознесенского* [79] для собирания естественных произведений в пользу академических музеев. Вознесенский представил Академии обильные собрания естественных предметов Южной Америки, равно как и из российско-американских колоний.

Академик *Кеппен* [80] предпринял в 1840 г. статистическое путешествие по С.-Петербургской, Новгородской, Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской и Московской губерниям и при ревностном содействии местных начальств собрал многочисленные материалы для статистики этих частей Империи. Предполагаемый к изданию в свет сборник статистических сведений о России доставил новые материалы для познания Отечества нашего.

Показав главнейшие ученые предприятия, совершенные членами Академии наук, наиболее замечательные по последствиям своим, я только в кратких словах упомяну о геологических исследованиях, произведенных академиком *Парротом* [81] в окрестностях Вуртнекского озера в Лифляндии и Финляндии, близ реки Вуоксы; о геогностическом путешествии *Пандера* [82] в полуденные губернии России, о путешествии *Рупрехта* [83] и *Савельева* [84] на Канинском полуострове; о второй геогностической поездке в Финляндию *Бетлинга*, столь рано похищенного у наук смертию; о путешествии академика *Купфера* [85] в Сибирь до Нерчинска.

Нельзя также оставить без внимания астрономически-географическую экспедицию, совершенную в прошлом году для наблюдения над полным солнечным затмением 26 июня. По распоряжению моему в этой экспедиции участвовали кроме Академии университеты Московский, Казанский, Киевский и Виленская обсерватория; от них посланы были астрономы в разные места, где затмение видимо было полное, именно: в Липецк, Дубно, Чернигов, Курск и Пензу. Сверх определения широты и долготы в Москве, Новгороде, Рязани, Липецке, Воронеже, Туле, Чернигове и других пунктах мы обязаны им точным описанием редко возобновляющегося небесного явления.

Путешествие от университетов. В полезных ученых предприятиях соревновались с Академиею наук и все высшие наши учебные учреждения. Кандидат Дерптского университета *Федоров* (ныне профессор астрономии в Университете Св. Владимира) [86] послан был для определения в Юго-Западной Сибири географического положения разных пунктов между 50 и 60° широты, между Уральским хребтом и Енисеем. Путешествие Федорова продолжалось пять лет с половиною и доставило

непрерывный ряд замечательных астрономических и магнетических наблюдений. В 1833 г. исследован Крым профессором *Ратке* [87] в отношении к анатомии и развитию животных; в следующем году другой ученый Дерптского университета – профессор *Гебель* [88] – совершил поездку по степям южной России. Профессор *Шмальц* [89] предпринимал путешествие по средним губерниям европейской России и обозревал колонии по Волге и в Крыму в отношении к сельскому хозяйству. Сверх геогностических исследований профессора *Гофмана* [90] на Гохланде и других островах Финского залива также в южной Финляндии, сверх ученого путешествия профессора *Паррота* [91] к Нордкапу для наблюдения над магнетизмом земли и астрономического определения мест надлежит упомянуть в особенности об археологических путешествиях, предпринятых вследствие Высочайшей воли Вашего Величества профессором *Крузе* [92] по остзейским губерниям для открытия древнеисторических памятников и для обозрения древностей Пскова и Изборска. Плоды этих исследований, весьма любопытные и важные для объяснения вопроса о варягах, сообщены уже профессором Крузе ученому свету в особом сочинении.

Университеты Московский и Харьковский со своей стороны принесли также дань усилий к познанию России; *Щуровский* [93] – профессор первого – обозрел Уральский хребет на всем его протяжении. Следствия его наблюдений изложены в книге, которую он издал в 1841 г. [94] Адъюнкт Харьковского университета *Гордеенко* [95] химически исследовал соляные озера в Изюмском уезде близ Славянска; профессор *Черняев* [96] и адъюнкт *Калениченко* [97] описали Курскую губернию в зоологическом, ботаническом и минералогическом отношениях. Новгородская, Тверская, Московская, Туль-

ская и Калужская губернии исследованы геогностом *Борисяком* [98]. Особенно замечательно путешествие профессора *Криницкого* [99] в 1837 г. в Крым и на Кавказ для обозрения берегов Таврического полуострова, преимущественно местностей около Анапы. Укажу еще на геогностические изыскания профессора Университета Св. Владимира *Гофмана* [100] в губерниях Киевской, Подольской и Таврической; на двукратное путешествие профессора Ришельевского лицея *Нордмана* [101] в 1833 г. в Крым и в Бессарабию для исследования по части естественной истории и в 1837 г. в страны по восточному берегу Черного моря, в Абхазию, Гуриель, Мингрелию и Имеретию. Другой преподаватель Ришельевского лицея *Мурзакевич* [102] совершил поездку для статистического описания Бессарабской области.

Не исчисляя всех путешествий, предпринятых преподавателями разных университетов для усовершенствования познаний своих в тех науках, обрабатыванием коих они занимаются, мне остается еще обратить внимание на ученые предприятия Казанского университета. Он принимал также участие в ученом исследовании отдельных стран России. Профессора *Эверсман* [103] *и Бунге* [104] посетили Саратовскую и Астраханскую губернии для зоологических и ботанических изысканий. Адъюнкт *Клаус* [105] подвергал ученому разложению Сергиевские минеральные воды, а профессор *Горлов* [106] объехал для статистических исследований губернии Пермскую, Оренбургскую, Астраханскую, Нижегородскую, Пензенскую, Тамбовскую, землю Войска Донского и область Кавказскую. Но важнее всех были путешествия, которые имели целью познание Востока и его наречий и племен. Двое молодых ученых – *Ковалевский* [107] *и Попов* [108] – отправлены были для изучения монгольского языка в Иркутск; первый из них совершил потом

путешествие в Пекин, а второй – в Угру – главный город Китайской Монголии для довершения там своего образования. В 1838 г. профессор *Попов* послан был в калмыцкие улусы в Астраханской и Саратовской губерниях для собрания материалов к сравнительной грамматике и словарю монгольского и калмыцкого языков. Я не войду здесь в подробное рассмотрение ученых трудов, которые были следствием этих предварительных занятий обоих ученых; довольно указать на важные пособия к познанию монгольского языка, которыми мы обязаны им. Отправленный с духовною миссиею в Пекин магистр *Васильев* [109] для изучения тибетского и санскритского языков с замечательным успехом приготовляет себя к занятию впоследствии профессорского звания сих языков. Для такого же назначения по части языков магометанских двое других молодых ученых – магистры *Березин* [110] и *Диттель* [111] – посланы на три года в европейскую Турцию, Малую Азию, Персию, Сирию и Египет и прилежно изучают сии страны и языки их.

Не могу обойти молчанием еще одного рода ученых путешествий, важных для России, ее истории и в особенности для дальнейшего развития отечественного языка и словесности; я говорю о путешествиях молодых славянистов, отправляемых нашими университетами в славянские земли для основательнейшего изучения на месте тамошних наречий и литератур. В 1838 г. Харьковский университет отправил адъюнкта своего – *Срезневского* [112] – на несколько лет в Австрию, Германию, Италию и Турцию для собирания материалов по части истории и литературы славян. С тою же целью путешествовали по южнославянским землям магистр Московского университета *Бодянский* [113] и готовившийся для занятия кафедры при С.-Петербургском университете *Прейс* [114]. Все эти молодые ученые возвратились в

Отечество обогащенные познаниями основательными и с пользою передают их своим слушателям при университетах, где они назначены действовать. Эти прямые, личные сношения русских ученых со славянами укрепляют нашу умственную связь с народами, нам соплеменными, родственными по единству происхождения и речи, нередко даже по вероисповеданию.

Метеорологические наблюдения. Еще следует упомянуть о метеорологических наблюдениях, которыми постоянно занимаются на всем пространстве Империи преподаватели учебных заведений Министерства народного просвещения. Будучи производимы по общему плану, с возможною верностию и единообразием, по наставлениям, начертанным Академиею наук, – эти наблюдения готовят обильные материалы для теории науки, доселе еще столь неопределительной и малообработанной. В этот же разряд до́лжно включить наблюдения, произведенные в Якутске над глубиною подземных льдов, – наблюдения, которые обогатили наши познания о природе новыми фактами, возбудив внимание и соревнование Европы. Окончательного решения всех вопросов, которым дало бытие это открытие, надлежит ожидать после приведения в действо ученой экспедиции, отправленной уже от Академии наук в самые северные страны Сибири.

Комиссия приложения электромагнетической силы. Науки обязаны России и другими, в высшей степени важными опытами, которых дальнейшее развитие и пользу теперь даже определить в точности невозможно. Задача об употреблении электромагнитности как силы двигательной, открытой лишь в очень недавнее время, требовала для разрешения своего усилий самых напряженных. Щедрые средства, дарованные Вашим Величеством, доставили возможность к произведению опытов над этою механическою силою в обширном объеме. Еже-

ли ученые труды Комиссии, учрежденной с Высочайшего соизволения, не увенчались совершенным успехом, ежели сокровенная сущность этой наразгаданной силы природы еще не подчиняется полной власти ума человеческого, по крайней мере, мы опередили другие государства важностью произведенных исследований и приблизились к решительным выводам, которые не только могут быть положены в основание будущих практических работ, но и существенно подвинули прежние познания о магнетизме и электричестве.

Гальванопластика. Слава прекрасного открытия *гальванопластики* [115] принадлежит России исключительно; быстрое усовершенствование сего искусства, получающего с каждым годом все новые приложения к различным родам ремесел и художеств, не оставляют ни малейшего сомнения в неисчислимой пользе этого изобретения и в важности последствий от дальнейшего его развития.

Главная обсерватория. Ваше Императорское Величество повелели соорудить под ведением Академии наук обсерваторию, снабженную лучшими инструментами. Новая обсерватория, по Высочайшему указанию сооруженная в окрестностях столицы на горе Пулковой [116], получила наименование главной и назначена быть средоточием астрономических знаний по всему государству. По живительному призыву Вашего Величества необыкновенная деятельность пробудилась в первых мастерах Европы, и самые знаменитые художники наперерыв старались довести свои работы до беспримерной степени совершенства. Приготовление инструментов для Пулковской обсерватории составило эпоху в летописях механического и оптического искусства. Замечательные плоды, которые это заведение уже принесло науке в недавнее еще существование свое, вполне соответствует

тем необыкновенным средствам, которыми наделила его щедрость царская. Вековая задача о быстроте движения света разрешена на Пулковской обсерватории с точностью, которая допускает только возможность самого незначительного исправления. Новейшая проблема о движении солнечной системы и направлении оного доведена до определенности факта несомненного, подведенного под математические исчисления. Рефрактор Пулковский необычайно ускорил новый обзор северного небесного полушария в отношении к числу неподвижных звезд, которых каталог заключает ныне в себе 17 тыс. светил. Сведения наши о двойных звездах, о сложных системах светил получили определительность, которая превзошла ожидания. Гершелем-отцом [117] открыто было только 183; Дерптский рефрактор прибавил к этому числу еще 471. Кратковременные наблюдения на Пулковской обсерватории умножили это число еще 461 новою двойною звездою. Из тех групп звездных, в которых эти светила так близки друг к другу, что отделенными представляются только в самых совершенных телескопах, Гершелю было известно 9; Дерптский каталог прибавил к тому 38; труды же Пулковской обсерватории доставили еще 168 новых систем. Таким образом, мы можем сказать, что знаменитый Гершель сделал только первый шаг в познании этих замечательных групп звездных; обсерватория в Дерпте упятерила его открытия, а новые труды главной обсерватории в пять раз превзошли и эти успехи, так что открытия Гершеля составляют самую малую часть, хотя все еще драгоценную, наших познаний в сей ветви астрономии.

Ученые и литературные общества. Полезная деятельность умственная и стремление к образованию, разливаясь по всем пределам государства и по разным степеням жителей оного, находит некоторого рода сре-

доточие своих усилий в учебных и литературных обществах, существующих в разных городах и для разнообразных целей. Простираясь числом до 12, они усердно продолжают свои занятия, частию действуя собственными, более или менее значительными средствами, частию будучи поддерживаемы ежегодными пособиями правительства. Учрежденные в губернских городах губернские библиотеки открывают безвозмездные способы к удовлетворению живой любознательности и к приобретению общеполезных сведений по всем ветвям наук и искусств. Число подобных учреждений, заводимых и поддерживаемых добровольными приношениями всех сословий, простирается уже до 41 – не только в губернских городах, но и в некоторых уездных. Многие из них успели стать на замечательную степень процветания. Так, библиотека тамбовская одна вмещает в себя до 13 тыс. томов; вообще же в публичных библиотеках можно полагать до 100 тыс. томов. Первенство между всеми заведениями этого рода принадлежит, бесспорно, Императорской публичной библиотеке, которая лишь немногим из замечательнейших книгохранилищ уступает в числе и достоинстве книг и рукописей.

Принужден будучи втеснить в пределы краткого очерка изобилие фактов, относящихся к успехам ученой части в последнее десятилетие, я не могу перейти молчанием важнейший из всех, по крайней мере для России: открытие и обнародование документов и актов касательно ее истории. Это предприятие можно без преувеличения назвать обновлением народной нашей истории в ее источниках.

Археографическая комиссия. До начала XVIII столетия никто не думал об издании исторических материалов в России. Указ Петра I о приведении в известность летописей в монастырских библиотеках едва ли был ис-

полнен. Императрица Екатерина II два раза повторяла изъявление воли своей о собирании древних государственных бумаг и актов. Первым издателем исторических материалов был Мюллер [118]. Со времени трудов его, Шлецера [119] и Башилова [120] начался ряд издания летописей; но о печатании государственных актов еще никто не помышлял. Материалы исторические до Карамзина были не только не обнародованы, но даже не приведены в известность; он принужден был сам и отыскивать, и обрабатывать источники для своего обширного труда. По предложению моему Академия наук отправила археографическую экспедицию для приведения в известность всех письменных памятников отечественной истории и для извлечения из них важнейших выписок. С 1829 по 1834 г. экспедиция осмотрела 14 губерний, которые составляли некогда коренную Русь. Приобретением экспедиции было около 300 снимков в 10 томах infolio, грамот, наказов, отписок и проч. с XIV по XVIII в. и каталоги рукописей, хранящихся в монастырских библиотеках. По всеподданнейшему докладу моему Ваше Императорское Величество в 24-й день декабря 1834 г. повелели для издания в свет собранных актов учредить комиссию при Департаменте народного просвещения. Умножив приобретение экспедиции новыми выписками из С.-Петербургских библиотек, комиссия издала в свет в 1836 г. четыре тома infolio. Вскоре затем ей указано было новое поприще с расширением круга ее деятельности, на нее возложено издание систематического собрания источников отечественной истории. Обозревая действия комиссии по обрабатыванию этих разнородных материалов, прежде всего надлежит упомянуть об издании летописей. Всех рукописных летописей поступило в нее 160. Комиссия составила конспект издания полного собрания русских

летописей. В первых трех томах заключаются: временник Нестора [121], сличенный по 50 спискам, летописи Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская. Все издание составит с лишком 20 томов. Собранные комиссиею памятники делопроизводства русских удельных княжеств и Московского Царства от XIV до XVIII в. составили пять томов, независимо от изданных в 1836 г. Первые три вышли в 1841 г., остальные две окончены.

Сверх того, комиссия, имея в виду продолжающуюся присылку актов из великороссийских губерний, предположила издать несколько томов дополнений к актам историческим и составит особое издание под заглавием «*Акты, относящиеся к истории Западной России*». Из собранных Археографическою комиссиею юридических документов и форм старинного делопроизводства комиссия, дополнив оные многими недостававшими формами, напечатала в 1838 г. том *актов юридических*. Они составляют ключ к познанию обрядов, форм и слога древнего русского судопроизводства.

В 1837 г. с Высочайшего разрешения отправлен был для археографических поисков в Швецию корреспондент комиссии *Соловьев* [122]. Плодом троекратных его поездок было приобретение столбцов, принадлежавших некогда Смоленскому военному приказу, Сапеге [123] и тушинскому Самозванцу [124], и списков с грамот, ввезенных Делагардием [125] в начале XVII в. и отысканных в Стокгольмском архиве. Найденная в библиотеке Уппсальского университета и напечатанная комиссиею в 1840 г. рукопись о России в царствование Алексея Михайловича [126], которая сочинена подьячим Посольского приказа *Кошихиным* [127] в 1666 г., пролила совершенно неожиданный свет на внутренний состав и управление государства, на дипломатические и судебные обряды, на публичные и частные обычаи России.

В 1839 г. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть передать в Археографическую комиссию представленные тайным советником *Тургеневым* [128] выписки из Ватиканского тайного архива с XI по XVIII в., выписки Альбертрандиевы и извлечения из Туринской, французской и английских библиотек и архивов. Первый том этого собрания, наполненный любопытными актами об отношениях римского двора к России, Литве, Польше и Ливонии, издан в 1841 г., второй также окончен печатанием. Находящийся в Москве член комиссии *Строев* [129] по распоряжению ее печатает там *выходные книги царей* и выписки из *расходных*. Он осмотрел Государственный архив старых дел при Московском Сенате, в котором хранится до 17 тыс. грамот. Сверх того, он составил свод Судебника царя Иоанна Васильевича по трем манускриптам XVI и XVII вв. [130] Сличенный в комиссии с 15 рукописными списками, Судебник вошел в состав первого тома актов исторических, изданных в 1841 г.

Комиссии было вменено в обязанность для усовершенствования отечественной нумизматики издавать снимки и составить описание русских монет и медалей. Исполняя эту обязанность, комиссия уже издала в 1840 и 1841 гг. три первых выпуска, относящихся к царствованиям от Петра I до Императора Павла I; четвертый выпуск уже отпечатан, а последний, который будет состоять из медалей, выбитых в честь достопамятных людей русских, приготовляется к изданию. К этому надобно прибавить, что для издания сего рода Министерство отправило в Англию особого художника, который на месте изучил изобретенный *Колласом* и усовершенствованный *Бетом* способ гравирования и потом усвоил это искусство России [131].

До археографической экспедиции объем источников отечественной истории был неизвестен. Осмотрев

библиотеки и составив каталоги рукописей, экспедиция окончательно решила вопрос о количестве и свойстве уцелевших до нашего времени летописей; она указала ученым, *где* и *чего* до́лжно искать. Обнародование огромной историко-юридической письменности, таившейся в московских архивах, в монастырях и городах, раскрыло будущим историкам внутреннюю жизнь государства в различные эпохи его существования. Доселе у нас не было издания Несторовой летописи по древнему Лаврентьевскому списку, кроме начала, напечатанного *Тимковским* [132]. Приготовляемое Археографическою комиссиею издание должно восстановить, сколько возможно, подлинник единственного нашего летописца, открыть способ к объяснению первого периода нашей истории и решить вопрос о древности этого памятника русского бытописания. То же до́лжно разуметь об отдельных временниках и летописных сборниках, относящихся к XIV–XVII столетиям. Археографическая комиссия по приведении к концу полного собрания летописей по лучшим спискам утвердит достоверность временников и укажет путь, по которому должна впредь идти историческая критика в своих разысканиях.

Подобные издания хронографов, сказаний и других рукописей, в непосредственной связи с историею состоящих, принесут не менее счастливые результаты, что доказывает издание рукописи Кошихина, которую можно назвать превосходным комментарием на грамоты и акты XVI–XVII столетий и указателем достоверным государственного быта до Петра Великого.

Таким образом, можно со справедливостью сказать, что в течение последних 10 лет все виды отечественной истории изменились. Акты и документы, изданные Министерством, поставляют отныне будущего историка России в необходимость расширить круг наблюдений и

проникнуть далее в пределы, недоступные Карамзину. Вся слава последней эпохи нашего бытописания принадлежит, несомненно, этому знаменитому писателю. Ныне русская история ожидает нового делателя, с новым взглядом на предметы и готовит ему обильный запас сведений, коими Карамзин не мог воспользоваться и от соображения коих история нашего Отечества во многом должна переродиться и стать наряду с памятниками прочих европейских государств.

Здесь прилично упомянуть о предпринятом в Париже, с соизволения Вашего Императорского Величества, издании одного из древнейших памятников славянской письменности – реймского славянского Евангелия, на котором французские короли присягали в прежние время [133] и которого язык, составлявший для французов неразрешимую загадку, лишь Императором Петром I признан славянским. Это Евангелие считали утраченным во Французской революции; открытие оного в недавнее время и описание корреспондентом Археографической комиссии Строевым обратило на него живейшее любопытство всего славянского мира.

Мне остается заключить это отделение взглядом на успехи отечественной словесности, в которой отражались все изменчивые черты современного развития умов. Споспешествуя входящим в круг влияния Министерства способами полезному направлению литературы, оно поистине могло лишь наблюдать над обширным ходом ее, исправлять и предупреждать ее временные уклонения. Не будучи в состоянии прямо действовать на процветание словесности, неразрывно связанное с появлением отличных талантов, правительство открыло способы к деятельности литературной везде, где успехи ума обещали ее развитие. При Цензурном комитете в С.-Петербурге по причине увеличивающегося количества печатаемых

книг и периодических изданий число цензоров увеличено двумя сторонними цензорами; в Киеве учрежден новый комитет. В Тифлисе для рассматривания книг на восточных языках, печатаемых в том крае, учреждена особая цензура под наблюдением тамошнего главного местного начальства. Десятилетие с 1833 по 1843 г. к итогу книг отечественной словесности прибавило 8246 названий. Вместе с журналами они составляют в одном экземпляре 142 973 печатных листа. Если положить круглым числом каждый том в 20 листов и полный завод каждого издания в 1000 экземпляров, то следует, что в этот период типографии русские произвели 7 149 000 томов. Книжная производительность возрастала в постепенности по 1838, 1839 и 1840 гг. В эти три года было самое большое число изданий и объем книг самый значительный. Вместе с сим надлежит заметить, что периодические издания неизменно получали с каждым годом все бóльшую и бóльшую обширность.

Рассматривая умственную деятельность России в явлениях отечественной словесности, не дóлжно терять из вида и книжную торговлю произведениями литературы иностранной. Наша образованность и наша словесность суть плод ума народного и иноземного просвещения, нас предупредившего. Едва ли в какой другой земле занимаются столько, как в России, языками и словесностью чужих стран. Ввоз иностранных книг возрастал постоянно с каждым годом, и от 280 000 томов, ввезенных в 1833 г., возрос к 1843 г. до 600 000. Несмотря на то, в общем итоге количество ввезенных книг в целое десятилетие менее вполовину числа томов, напечатанных в России: они составляют около 4 470 000.

Наблюдая 10 лет за трудным и сложным делом цензуры, я старался определить середину между изысканною строгостью цензоров, могущей нечувствительно

сделаться стеснительною, и легковерною их беспечностью, которую не замедлили бы обратить во зло. В этот промежуток времени Министерство не избегнуло, конечно, всех нареканий как в том, так и в другом смысле. Между тем мы видим на опыте, что по цензурной части не оказалось в это время никаких особенно замечательных случаев или затруднительных явлений. Обуздав единожды твердыми мерами врожденную строптивость периодических изданий, наблюдая постоянно за их духом и направлением, Министерство редко встречало необходимость подвергать гласному взысканию эту ветвь литературной промышленности, которая, к сожалению, более прочих действует на массу читателей. Заметить можно, что оказавшиеся в прежнее время уклонения периодической литературы от правильного смысла могут быть большею частию приписаны вредному влиянию тогдашних политических идей, извне к нам перешедших. С тех пор как в кругу наших писателей возродилась мысль о народности даже в литературе, бóльшая часть иноземных идей в политическом смысле лишилась своей приманки. Мысль об умственной самостоятельности сильно распространилась в течение последних 10 лет; и если эта мысль подлежит, может быть, некоторому преувеличению в умах незрелых и пристрастных, то, по крайней мере, она исцеляет их, и не без успеха, от чрезмерного предубеждения в пользу других понятий, более опасных и противных существующему порядку в государстве. Это изменение в направлении умов доказывается даже цифрою *переведенных* и *оригинальных* сочинений. Число первых уменьшалось по мере того, как умножалось количество других; и теперь на 757 оригинальных произведений переведенных приходится только 36, между тем как в 1832 г. было первых 672, а последних – 134.

Говоря о движении литературном и ученом, укажу мимоходом на значительное число учебных книг, явившихся в этот промежуток времени, в коих недостаток был столь ощутителен. Многие части обработаны с особым тщанием и успехом: математическая, физическая, историческая науки являют несколько отличных учебников, из коих назову только «*Русскую историю*» *Устрялова* [134]. За 10 лет преподавание сего важного предмета было столь же сухо и неудовлетворительно, сколько и взгляд на предмет был односторонний и запоздалый. Повсюду требовался учебник, который мог бы, с одной стороны, приманить к науке внимание юношей; с другой – привести их стройно и безопасно к главным результатам отечественной истории. Министерство поставило во главе своих попечений эту задачу, которую решила, по возможности, книга Устрялова. По ней преподается повсюду, даже вне пределов Министерства, отечественная история; эту книгу нельзя не почесть весьма значительным орудием Министерства при образовании училищ в западных губерниях: там особенно приняла она отличительное достоинство от местных обстоятельств и содействовала к сближению умов и к распространению в юношестве основательных сведений о России и о ее истории, раскрывая на непреложном ряду фактов, что Западная Русь, в особенности Литва, составляла интересную часть Российского государства.

ОТДЕЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
Развитие материальных средств и капиталов. Здания. Число учащихся

Вступив в управление Министерством народного просвещения, я обязан был при попечении об умствен-

ном образовании юношества одновременно заботиться и о материальных способах к достижению указанной Вами, Всемилостивейший Государь, цели.

Постройка, починка и приобретение зданий. С постепенным умножением числа училищ и учащихся необходимо было умножение числа училищных зданий и перестройка существовавших до того ветхих уже домов. Способы к тому представляли: Государственное казначейство, которое, по соизволению Вашего Величества, ежегодно ассигнует по 200 000 руб. асс. или *57 142 руб. 85 коп. сер.*; часть общего экономического капитала гражданских учебных заведений, проценты с коего исключительно предназначены на постройки, и добровольные приношения лиц разных сословий, преимущественно дворянства. Таким образом, в течение 10 лет приобретено домов покупкою, на счет показанных источников, на 2 422 463 руб. асс. (*сер. 692 132 руб. 41 коп.*); построено вновь разного рода зданий на 8 695 726 руб. 44 коп. асс. (*сер. 2 484 493 руб. 27 коп.*); перестроено домов по ветхости и неудобству помещений на 4 623 806 руб. 32 коп. асс. (*сер. 1 321 087 руб. 52 коп.*); принесено разными лицами в дар 80 домов по оценке на 1 481 358 руб. 97 коп. асс. (*сер. 423 245 руб. 42 коп.*). Главнейшие постройки были: созданные Вашим Величеством Университет Св. Владимира и главная обсерватория на Пулковской горе, разные постройки в Казанском университете, в бывшем здании 12 коллегий, отданном под С.-Петербургский университет и Главный педагогический институт, и в купленном для Московского дворянского института доме. Вся строительная операция простирается до 17 223 353 руб. 87 коп. асс. (*сер. 4 920 958 руб. 25 коп.*).

Приношения дворянства на благородные пансионы. Благородное дворянство явило и в деле обра-

зования юношества новые доказательства всегдашней готовности содействовать пользе общей. Уразумев необходимость учреждения благородных при гимназиях пансионов, оно сделало значительные приношения как для устройства, так и для самого содержания сих заведений. Сумма сих пожертвований в течение 10 лет составляет: ежегодных до 120 445 руб. асс. (*321 824 руб. сер.*) и срочных, из которых некоторые не вполне еще внесены по ненаступлению для того определенных сроков, 9 094 204 руб. асс. (*2 598 344 руб. сер.*); все же вообще приношения дворянства проистекают до 10 341 033 руб. асс. (*2 954 581 руб. сер.*). Приведя ежегодный доход от пожертвований 34 413 руб. в соответствующий оному капитал 860 330 руб. и присоединив к нему капиталы срочные и единовременно взнесенные, вся пожертвованная дворянством на благородные пансионы сумма составит капитал в 13 231 743 руб. асс. или в *3 780 498 руб. сер.*

По мере расширения круга действия Министерства распространялись и финансовые средства.

Годовые сметы расходов. В 1833 г. оно имело по государственной росписи только 1 633 516 руб. 3 коп. сер.; с тех пор бюджет оного возрастал постепенно, по мере умножения числа учебных заведений. В 1834 г. ассигновано было 1 822 287 руб. сер.; чрез 5 лет, в 1838 г. эта сумма составила 2 489 519 руб. сер., а в 1842 г. – 2 765 380 руб. сер. Итак, смета Министерства в течение десятилетия возросла на 3 961 564 руб. асс. (*1 131 864 руб. сер.*).

Главнейшие капиталы. Но одних вышепоказанных способов государственного казначейства было бы недостаточно на покрытие всех необходимых расходов. Надобно было употребить собственные средства Министерства, и средства эти указаны Высочайшим пове-

лением 1836 г., по которому все экономические суммы университетов, лицеев, гимназий и уездных училищ соединены в один капитал, названный *общим экономическим капиталом учебных гражданских заведений*. По повелению 1837 г. находившиеся в кредитных установлениях суммы включены в состав неприкосновенного капитала, а проценты с оного обращаются в особую массу процентов. Из процентов сих удовлетворяются отчасти расходы на покупку, постройку и починки строений учебного ведомства, а также на приобретение кабинетов, библиотек и на другие чрезвычайные издержки. При образовании сего капитала в 1837 г. он составлял 11 529 962 руб. 50 коп. асс. (*сер. 3 294 275 руб.*); к 1843 г. капитал с процентами простирается до 3 946 096 руб. асс. (*сер. 1 127 456 руб.*).

К вспомогательным средствам Министерства следует отнести также капиталы, в прежнее время пожертвованные купцами Лариным [135] и Судиенковым на учебные заведения; первый из них, составлявший в 1833 г. 1 096 427 руб. 50 коп. асс. (*313 265 руб. сер.*) и в следующие за тем годы усилившийся до 1 183 677 руб. асс. (*338 193 руб. сер.*), был употреблен на устройство в С.-Петербурге Ларинской гимназии [136], на пристройку к Публичной библиотеке, на переделку Музеума Академии наук и проч., а другой, составляя 157 132 руб. 50 коп. асс. *(44 895 руб. сер.)*, предназначался на надобности учебных заведений Полтавской и Черниговской губерний, для которых и был первоначально жертвуем.

При заботливости правительства о возможном обеспечении судьбы преподавателей пенсиями за выслугу установленных лет невозможно было подвести под общие по учебной части пенсионные правила учителей приходских училищ, и потому (25 апреля 1834 г.) Высочайше повелено продолжать производившийся до того

вычет из их жалованья для составления пенсионного капитала, и капитал сей хранить впредь до издания Положительных правил *о пенсиях учителям приходских училищ*. Этот капитал к началу 1843 г. простирался уже до 262 965 руб. 50 коп. асс. (*75 133 руб. сер.*). Другой подобный капитал образовался на основании Положения 1 июля 1834 г. *для призрения домашних наставников и учителей* от взимания определенного количества денег за выдаваемые им на то свидетельства. При издании вышеупомянутого Положения капитал сей составлял только 49 532 руб. асс. (*14 152 руб. сер.*), к 1843 г. оный простирался уже до 122 790 руб. 50 коп. асс. (*35 083 руб. сер.*).

Счетоводство и отчетность. К сему считаю нужным присовокупить, что хотя для правильного употребления ассигнуемых на Министерство сумм и отчетности оных еще в 1831 г. были Высочайше утверждены правила и формы, но правила сии слишком общие, не определяли всех подробностей принятия и расходования разного рода сумм. От этого происходили многосложное производство и разного рода затруднения, замеченные вскоре по вступлении моем в управление Министерства.

Для устранения сего в сентябре 1834 г. даны мною единообразные, точные правила и формы для наблюдения по приходу и расходу сумм и счетоводству по всем местам ведомства Министерства народного просвещения, и с того времени счетная часть упрощена и приведена в такое положение, что генеральные отчеты вносятся в государственный контроль постоянно в определенный законом срок.

Число учебных заведений. Сообразно со средствами возрастало и число учебных заведений, как видно из следующей таблицы.

Годы / заведения	1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842
Университетов	5	5	6	6	6	6	6	6	6	6	6
Главный педагогический институт	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Медико-хирургических академий	--	--	--	--	--	--	--	--	2	2	1
Лицеев	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Гимназий	64	65	65	68	69	70	72	74	75	76	76
Благородных при гимназиях пансионов	6	12	21	25	28	31	36	42	43	45	46
Уездных училищ	393	406	410	418	422	427	430	435	439	442	445
Приходских	552	583	661	756	799	839	873	911	983	1021	1067
Частных пансионов и школ	358	400	398	430	444	462	485	485	486	481	521
Всего	1382	1475	1565	1707	1772	1839	1906	1957	2038	2077	2166

Таким образом, с начала 1833 г. прибыло в Империи учебных заведений 784, т. е. 1 университет, 1 академия, 12 гимназий, 40 благородных пансионов, 52 уездных, 515 приходских и 163 частных училища.

Число учащих и других должностных лиц. В соразмерности с тем должно было увеличиться и число лиц, которым правительство вверило образование и воспитание юношества. В 1833 г. учащих и других должностных лиц было 4836; чрез 5 лет после того цифра восходила уже до 6767.

Получившие ученые степени. Число получивших ученые степени и звания, бывшее в 1833 г. – 477, в 1842 г. составляло 742. Общий итог с 1833 по 1843 г. получивших ученые степени и звания, – 5723.

Со времени издания в 1834 г. Положения о домашних наставниках и учителях выдано свидетельств 4483.

В заключение следует обратить внимание на число учащихся, постепенно возраставшее с умножением числа учебных заведений. Следующая таблица показывает эту постепенность.

Годы / число учащихся	В университетах, академиях и лицеях	В гимназиях и низших учебных заведениях	Всего
1832	2153	69 246	71 399
1833	2725	69 555	72 280
1834	2648	75 448	77 096
1835	2649	83058	85 707
1836	2641	89 159	91 800
1837	2900	92 666	95 566
1838	2843	95 069	97 910
1839	2764	95 119	97 883

1840	3809	97 561	101 370
1841	3464	97 490	100 954
1842	3488	99 755	203 243

Следовательно, с 1833 г. в числе учащихся прибыль составляет около 32 000. Но это количество принадлежит только Империи и единственно учебным заведениям ведомства Министерства народного просвещения и не заключает в себе огромного числа учащихся в военных, духовных и других училищах. Впрочем, к показанному в таблице числу следует отнести число учащихся в Варшавском учебном округе. Там в 1839 г. при включении округа в состав Министерства учащихся было 64 350; в 1840 г. – 62 080; в 1841 г. – 60 865 и в 1842 г. – 66 708. Итак, вся масса учащихся составляла к 1843 г. 169 951.

Общие выводы. Таким образом, развитие Министерства народного просвещения в течение 10 лет представляет следующие главные цифры:

Вновь учреждено учебных заведений	784
Число учащихся увеличилось	32 000
Число учащихся без малого	2 000
На строительную часть употреблено	17 000 000 руб. асс.
Дворянством пожертвовано свыше	13 000 000 руб. асс.
Бюджет Министерства возвысился почти на	4 000 000 руб. асс.
Напечатано русских книг в Империи	более 7 000 000 т.
Ввезено иностранных книг	до 4 500 000 т.
Ученых экспедиций совершено	40.

Заключение

Изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими: ис-

целить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в юных умах радушное уважение к отечественному и полное убеждение, что только приноровление общего, всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему духу может принести истинные плоды всем и каждому; потом обнять верным взглядом огромное поприще, открытое пред любезным отечеством, оценить с точностью все противоположные элементы нашего гражданского образования, все исторические данные, которые стекаются в обширный состав Империи, обратить сии развивающиеся элементы и пробужденные силы, по мере возможности, к одному знаменателю; наконец, искать этого знаменателя в тройственном понятии *Православия, Самодержавия и Народности*[1] – такова была цель, к коей Министерство народного просвещения приближалось 10 лет; таков план, коему я следовал во всех моих распоряжениях.

Естественно, что направление, данное Вашим Величеством Министерству, и его тройственная формула должны были восстановить некоторым образом против него все, что носило еще отпечаток *либеральных и мистических* идей: либеральных – ибо Министерство, провозглашая *Самодержавие*, заявило твердое намерение возвращаться прямым путем к русскому монархическому началу во всем его объеме; мистических – потому, что выражение «*Православие*» довольно ясно обнаружило стремление Министерства ко всему положительному в отношении к предметам христианского верования и удаление от всех мечтательных призраков, слишком часто помрачавших чистоту священных преданий Церкви. Наконец, и слово «*Народность*» возбуждало в недоброжелателях чувство неприязненное за смелое утвержде-

[1] Общий отчет Министерства народного просвещения за 1837 г.

ние, что Министерство считало Россию возмужалою и достойною идти не *позади*, а, по крайней мере, *рядом* с прочими европейскими национальностями. Если б нужно было еще ближе увериться в справедливости избранных начал, то это удостоверение можно было бы найти и в порицании их противниками величия России, и в общем, радостном сочувствии, с коим эти заветные слова были приняты в Отечестве всеми приверженцами существующего порядка. В царствование Вашего Величества главная задача по Министерству народного просвещения состояла в том, чтобы собрать и соединить в руках правительства все умственные силы, дотоле раздробленные, все средства общего и частного образования, оставшиеся без уважения и частию без надзора, все элементы, принявшие направление неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитие умов потребностям государства, обеспечить, сколько дано человеческому размышлению, будущее в настоящем. После десятилетнего периода можно безошибочно сказать, что начала, избранные Вашим Величеством и управлявшие беспрерывно под моим руководством Министерством народного просвещения, выдержали опыт времени и обстоятельств, явили в себе залог безопасности, оплот порядка и верное врачевание случайных недугов.

Представляя Вашему Императорскому Величеству этот очерк истории вверенного мне Министерства в течение 10 лет, я имел преимущественно в виду утвердиться в мысли, что это десятилетие протекло не без заметных следов и что усердием лиц, принадлежащих к Министерству, достигнуто несколько результатов, утешительных для всех и каждого и оправдывающих неусыпное попечение Вашего Величества о сей важной ветви государственного управления. Сверх того, нахожу себя обязанным оставить на будущее время неоспо-

римое свидетельство, что лица, коим Ваше Величество поручили под Вашим наблюдением распоряжение этою частию управления, руководствовались не слепым подражанием иноземному, не изменчивым проявлением той или другой мысли, еще менее прихотливою оценкою случайных событий, но рационально, твердо и неотступно покоряясь ежедневно ближе и ближе к цели, систематически определенной.

В заключение всеподданнейшее осмеливаюсь с умилением выразить пред Вашим Величеством, что я считаю себя в полном значении слова счастливым, что удостоился быть в продолжение 10 лет орудием Ваших высоких видов, исполнение коих не могло бы иметь успеха, если бы беспрерывное внимание Вашего Императорского Величества, Ваш опытный взгляд, Ваше драгоценное, никогда не изменяемое доверие не осеняли меня и Министерство на каждом шагу и во всех оборотах служебной деятельности.

ПРОЕКТ УСТАВА О ЦЕНЗУРЕ 1849 г.

ВВЕДЕНИЕ

Обязанности и главное разделение цензуры

1) Цензура имеет обязанностью рассматривать произведения словесности, наук и искусств, назначаемые к изданию в свет внутри государства посредством книгопечатания, гравирования или литографии, а равно и привозимые из-за границы, и дозволяет издание или продажу тех только из оных, кои в целом составе и

в частях своих не противны изложенным в следующей ст. 3 общим правилам.

2) Под названием произведений словесности, наук и искусств разумеются книги всякого рода и на всех языках, эстампы, рисунки, чертежи, планы, карты, а также и ноты с присовокуплением слов.

3) Произведения словесности, наук и искусств подвергаются запрещению цензуры:

а) когда в оных содержится что-либо клонящееся к поколебанию учения Православной Церкви, ее преданий и обрядов или вообще истин и догматов христианской веры;

б) когда в оных содержится что-либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти или уважение к Императорскому Дому и что-либо противное коренным государственным постановлениям;

в) когда в оных оскорбляются добрые нравы и благопристойность; и

г) когда в оных оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выражениями или предосудительным обнародованием того, что относится к его нравственности или домашней жизни, а тем более клеветою.

4) Цензура учреждается при Министерстве народного просвещения и разделяется на внутреннюю и иностранную. Первая рассматривает произведения словесности, наук и искусств, назначаемые к изданию внутри государства. Вторая дозволяет или запрещает продажу книг, эстампов и т. п., привозимых из-за границы.

5) Общий и частный надзор за действиями цензуры как внутренней, так и иностранной и наблюдение за точным исполнением всего, предписанного в сем Уставе, принадлежит министру народного просвещения и состоящему под непосредственным его ведением Цензурному департаменту.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
О цензуре внутренней

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
Общие правила

6) Руководствуясь в точности постановленными в ст. 5 правилами, цензура долженствует обращать особое внимание на дух рассматриваемой книги, на цель и намерение автора и в суждениях своих принимать за основание определительный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону. Объяснение автора на замеченные цензурою места допускаются, если только сии объяснения не противны определительному смыслу речи.

7) Следуя тем же правилам при рассматривании книг нравственного содержания, цензура не делает привязки к словам и отдельным выражениям, однако наблюдает, чтоб и в сих словах или выражениях о предметах важных и высоких упоминаемо было не без достаточной причины и всегда с должным уважением и приличием.

8) Цензура обязана отличать благонамеренные суждения и умозрения, основанные на познании Бога, человека и природы, от дерзких и буйственных мудрований, равно противных истинной вере и истинному любомудрию. Она должна притом различать творения, дидактические и ученые, назначаемые для употребления одних ученых, с книгами, издаваемыми для общенародного употребления и потому подлежащими особенной строгости.

9) В рассматривании сочинений исторических и политических цензура ограждает неприкосновенность

Верховной Власти, строго наблюдая, чтобы в оных не содержалось ничего оскорбительного как для Российского правительства, так и для правительств, состоящих в дружественных с Россиею сношениях.

10) Никакой чиновник не имеет права без дозволения начальства обнародовать дел и сведений, вверенных и известных ему по службе; но всякое общее описание или сведение касательно истории, географии, статистики России дозволяется цензурою, если только изложено с приличием и без нарушения цензурных правил.

11) В сочинениях исторических, а также и в издаваемых частными лицами актах, документах, записках (mémoires), анекдотах и т. п. не подвергаются запрещению ни описания происшествий и дел, ни собственные рассуждения автора, если только сии описания и рассуждения не противны общим ее правилам.

12) Всякие суждения о предметах, относящихся к наукам, словесности и искусствам, как-то: о вновь выходящих книгах (не исключая из того и издаваемых от казенных мест сочинений и статей, когда оные, собственно, касаются наук, словесности или художеств), о представлениях и публичных театрах и о других зрелищах, о новых общественных зданиях, об улучшениях по части народного просвещения, земледелия, фабрик и т. п. – дозволяются цензурою, если только сии суждения не противны общим ее правилам.

13) Цензура в произведениях изящной словесности должна отличать безвредные шутки от злонамеренного искажения истины и от существенного оскорбления нравственного приличия и не требовать в вымыслах той строгой точности, какая свойственна описанию предметов высоких и сочинениям важным.

14) Охраняя личную честь каждого от оскорблений и подробности домашней жизни от нескромного и пре-

досудительного обнародования, цензура не препятствует, однако ж, печатанию сочинений, в коих под общими чертами осмеиваются пороки и слабости, свойственные людям в разных возрастах, званиях и обстоятельствах жизни. В подобных сочинениях не следует, однако, без надобности и не к месту выставлять с невыгодной стороны общественное звание или чин описываемого лица.

15) Цензура не обязана входить в разбор справедливости или неосновательности частных мнений и суждений писателя, если только оные не противны общим правилам цензуры и когда рассматриваемое сочинение не вредно. Она не должна поправлять слог или замечать ошибки автора в литературном отношении, если только определительный смысл речи не подлежит запрещению.

16) Издаваемые ныне в России периодические сочинения на разных языках как политические, так и относящиеся к словесности, наукам и искусствам продолжают пользоваться данным на издание их дозволением.

17) На издание новых журналов и всяких повременных листков по части словесности, наук и искусств испрашивается всякий раз Высочайшее соизволение. Желающие издавать таковые журналы обращаются с просьбами о том: в С.-Петербурге – в Цензурный департамент, а в других городах – в местные Цензурные комитеты с представлением программы предполагаемого издания.

18) Право издавания в свет всякого журнала или газеты может быть предоставлено только человеку, известному на поприще словесности, показавшему сочинениями хороший образ мыслей и благонамеренность.

19) Дозволение дается одному только лицу на издание одного периодического сочинения, и передача его другому не может иметь места без согласия министра народного просвещения.

20) Намеревающийся приступить к изданию журнала должен представить удостоверение, что в случае болезни или смерти его, также других обстоятельств, могущих воспрепятствовать ему продолжать издание до окончания года, на который он собрал подписку, обязанность его готов принять на себя другой писатель, долженствующий также иметь качества, требуемые от первого издателя.

21) Новым признается и то повременное издание, которое, быв за год прекращено самим издателем, опять возобновляется; почему и на подобное предприятие дозволение должно быть испрашиваемо тем же самым порядком, как и на издание совершенно новых журналов и газет.

22) Казенные места могут издавать повременные сочинения не иначе, как испросив на то Высочайшее соизволение, по предварительном сношении с министром народного просвещения.

23) Запрещение существующего уже издания, какого бы содержания оно ни было, может последовать не иначе как по Высочайшему повелению.

24) Статьи периодических изданий рассматриваются цензурою преимущественно пред всякими другими книгами и с особенным вниманием как сочинения, наиболее читаемые людьми всякого звания.

25) Статьи, назначаемые для повременного издания, подвергаются общей внутренней цензуре независимо от предварительного рассмотрения теми ведомствами, к которым они относятся по специальности своего содержания, как о том сказано будет ниже.

26) При помещении в периодических сочинениях, издаваемых частными людьми, разбора книг или журнальных статей наблюдается, чтоб рецензенты в суждениях своих не касались личных и нравствен-

ных качеств сочинителей и чтоб, рассматривая подлежащую критике книгу или статью, не дозволяли себе порицать других писателей, которых произведения не составляют прямо и непосредственно предмета разбора. Сочинитель, которого книга, по его мнению, будет разобрана неосновательно в одном из периодических изданий, имеет право поместить в том же самом издании возражение свое, буде оно не противно цензурным правилам.

27) Издатель журнала или газеты, поместивший в своем издании статью, которая, по рассмотрении в общем собрании Цензурного департамента и в Совете министра народного просвещения, будет признана неблагонамеренною, подвергается денежному взысканию в пользу Приказа общественного призрения: в первый раз – от 100 до 200 руб., во второй – от 300 до 500 руб. сер., а в третий – лишению права на издание журнала.

28) За вредное направление статей в периодических сочинениях, хотя бы то выражалось косвенными намеками, издатели подвергаются лично строгой ответственности.

29) В обоих сих случаях не слагается ответственность с цензора, пропустившего наблагонамеренную или вредную статью.

30) Цензура периодических изданий в пограничных губерниях, а именно: в остзейских, Виленской, Гродненской, Новороссийских и Закавказском крае – подчиняется ведению тамошних главных начальников губерний. Цензор рассматривает сии издания, одобряет их и доносит о том Цензурному департаменту по установленной форме; но все наставления и разрешения в случаях сомнительных получает от помянутого местного начальства.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ
О ведомстве внутренней цензуры

31) Рассмотрению внутренней цензуры подлежат все издающиеся как частными лицами, так и от казенных мест книги, сочинения и проч. со следующими исключениями:

а) официальные акты, законоположения и т. п., обнародываемые от Правительствующего сената, Главного и Морского штабов Его Императорского Величества [1], министерств и местных начальств, воинских и гражданских, печатаются под надзором и ответственностью сих мест;

б) на издание всякого сочинения, в коем описываются события, относящиеся до Его Императорского Величества и Особ Августейшей Фамилии, испрашивается Высочайшее соизволение чрез министра Императорского Двора, с наблюдением притом, чтобы, кроме статей, предполагаемых к помещению о сем, равно как о придворных торжественных и съездах, в газетах и журналах доставляемы были цензурою на рассмотрение Министерства Императорского Двора только выписки из книг тех мест, в коих описывается какое-либо событие или рассказывается анекдот, относящийся к Особе Царствующего Императора или Членов Августейшей Фамилии;

в) духовные и духовно-нравственного содержания книги на русском и славянском языках, т. е. заключающие в себе по учению Православной Церкви изложение догматов веры, толкования Священного Писания, проповеди, жития святых, рассуждения о книгах Священного Писания и т. п., рассматриваются и одобряются духовною цензурою, состоящею в ведении Святейшего Синода [2]. Таким же образом рассматриваются и одо-

бряются духовною цензурою предполагаемые к изданию в Империи на иностранных языках написанные книги о вышеозначенных предметах православного вероисповедания. В эту же цензуру препровождаются и изображения священные, касающиеся собственно сего исповедания; но изображения того же рода, относящиеся вообще к христианской религии и церковной истории, как произведения художественные могут быть дозволяемы к печатанию и светскою цензурою;

г) предварительное рассмотрение церковных, догматических, омилических и прочих духовного содержания книг римско-католического и армянского исповеданий поручается митрополитам и местным архиереям сих церквей. Духовные книги протестантского исповедания рассматриваются духовными членами консисторий протестантских. Но по таковом предварительном рассмотрении иноверческих книг в отношении духовном оные долженствуют быть вносимы в цензуру для одобрения к напечатанию на основании общих правил с обращением особенного внимания на то, чтобы в сочинениях сего рода не было рассуждений и выражений, могущих питать взаимное недоброжелательство между членами разных христианских исповеданий.

Примечание 1. Книги, относящиеся к нравственности вообще, даже и те, в коих таковые рассуждения будут подкрепляемы ссылкою на Священное Писание или приведением слов из оного как на русском языке, так и на иностранном, подлежат рассмотрению светской цензуры.

Примечание 2. Если в сочинении нравственном встретятся места совершенно духовного содержания, относящиеся к догматам Православной веры, к церковным правилам и обрядам, то гражданская цензура, по своему усмотрению, передает оные, отдельно от прочего, на

предварительное уважение духовной цензуры и принимает в соображение ее заключение;

д) учебные книги, издаваемые Духовно-учебным управлением и Департаментом народного просвещения [3] для употребления в подведомственных оным заведениях, печатаются под надзором и ответственностью сих мест;

е) акты, речи, рассуждения, программы, отчеты и другие сочинения, издающиеся от имени академий, университетов и Главного педагогического института, а не от лица кого-либо из их членов, печатаются под надзором и ответственностью оных;

ж) политическая часть «С.-Петербургских академических ведомостей» [4] на русском и немецком языках, равно как и других повременных изданий, также газета Министерства иностранных дел на французском языке предоставляются рассмотрению сего министерства. Помещаемые в прибавлениях к оным казенные известия печатаются по требованию каждого места по принадлежности, а частные известия – с одобрения полицейского начальства;

з) официальная часть газеты Tygodnik находится в непосредственном ведении статс-секретаря Царства Польского и III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии [5];

и) военные ведомости одобряются к напечатанию при Главном штабе Его Императорского Величества, кроме литературной части, которая подлежит общей цензуре; сенатские ведомости издаются под ответственностью Канцелярии Правительствующего сената. Официальная часть губернских ведомостей относится к ответственности вице-губернатора, а печатание неофициальных статей разрешает губернатор как цензор;

і) сочинения и известия о военных событиях начиная с царствования Императора Александра I пред-

варительно рассматриваются в Военно-цензурном комитете [6];

к) книги, издаваемые Морским ученым комитетом, печатаются по одобрению и на ответственности, определяемой общими цензурными постановлениями того из членов, на которого цензура возлагается соответственно специальности предметов и преимущественным занятиям каждого;

л) географические и топографические карты разрешаются к печатанию по предварительном рассмотрении их в Военно-топографическом депо;

м) все вообще планы, фасады, чертежи, рисунки и статьи по части строительной и путей сообщения дозволяются к печатанию по предварительном рассмотрении их в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий [7];

н) выписки и буквальные извлечения из Свода законов Российской Империи, равно как и Собрания узаконений по какому-либо предмету, извлеченных из Полного собрания законов, обращаются к рассмотрению III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии;

о) книги медицинские и ветеринарные, наравне к прочим наукам относящимся, рассматриваются общею цензурою. Те же из оных, кои содержат в себе объявления о косметических средствах, лечебные наставления или правила для составления лекарств с приложением к болезням и вообще лечебники, назначаемые для общественного употребления, предварительно рассматриваются в С.-Петербурге Медицинским советом, а в других университетских округах – медицинским факультетом для исключения из них всего, что бы могло быть вредно в употреблении без совета и пособия врачей;

п) драматические сочинения одобряются к представлению на театрах III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а к напечатанию – общею внутреннею цензурою; статьи же об Императорских театрах дозволяется печатать не иначе как по предварительном просмотре их в Министерстве Императорского Двора;

р) сочинения и статьи, касающиеся до государственного управления, не могут быть напечатаны без согласия того министерства или главного управления, о предметах коего в них рассуждается. При сем наблюдается, чтобы не были печатаемы рассуждения о потребностях и средствах к улучшению какой-либо отрасли государственного хозяйства Империи, когда под средствами разумеются меры, зависящие от правительства, и вообще суждения о современных правительственных мерах;

с) запрещается печать или литографирование в казенных или вольных типографиях и литографиях всякие записки частных лиц по тяжебным и уголовным делам;

т) рассмотрение всякого рода афиш и мелких объявлений возлагается на местные полицейские начальства, под главным надзором министра внутренних дел;

у) сему же правилу подлежат все вообще лубочные картины, с таким притом присовокуплением, что, если они касаются предметов духовных, в таком случае местные полицейские начальства передают их на рассмотрение духовной цензуры или епархиальных ведомств и руководствуются их заключением.

32) Все упомянутые в сих исключениях места и лица рассматривают подлежащие их ведению книги и проч. (кроме официальных актов) на основании общих правил сего Устава.

33) Всякое иное изъятие из общего цензурного ведомства может последовать не иначе как по Высочайшему повелению.

ГЛАВА ВТОРАЯ
О цензуре иностранной

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
Общие правила

34) Цензура иностранных книг долженствует вообще руководствоваться правилами, изложенными для цензуры внутренней в первой главе сего Устава. Но как круг и порядок действия их различествует между собою, то и постановляются здесь некоторые правила в дополнение к вышеупомянутым.

35) При рассмотрении книг иностранных так же, как и при одобрении к печатанию книг, издаваемых в России, надлежит обращать внимание на цель оных, на дух и намерение автора, не принимая, однако, всех его выражений в тесном смысле.

36) Книга не должна быть подвергаема запрещению, если в ней приведены из другой книги предосудительные мнения с изъявлением справедливого негодования или же с искренним намерением опровергнуть оные собственными рассуждениями и доводами автора; однако о выпуске таковой книги представляется высшему начальству, которое разрешает оный в таком только случае, если опровержения довольно сильны, чтоб не оставить в читателе вредного впечатления.

37) Из книг духовного содержания подвергаются запрещению все те, кои заключают в себе умствования и мнения, противные главным началам Христианской

веры, или опровергающие учение Православной Церкви, или же ведущие к безбожию, материализму, неуважению Священного Писания и т. п. Но учение всякой Христианской Церкви иного исповедания, изложенное с благонамеренностью и скромностью, не подвергается запрещению, если только в нем не заключается каких-либо опровержений догматов учения или преданий Православной Церкви.

38) Философские системы и исследования, не заключающие в себе ничего противного общим цензурным правилам, не подвергается запрещению.

39) Романы, повести, драматические сочинения и другие сего рода произведения иностранной словесности долженствуют быть рассматриваемы с большею против иных книг строгостию в отношении к нравственности их содержания.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ
О ведомстве цензуры иностранной

40) Рассмотрению иностранной цензуры подлежат все выписываемые из-за границы как казенными местами, так и книгопродавцами и частными лицами произведения наук, искусств и словесности; книги, находящиеся в лавках и в библиотеках для чтения; также книги, поступающие по различным случаям в продажу с аукционного торга.

41) Книги и рукописи на восточных языках: греческом, турецком, арабском, татарском, грузинском и армянском – также на еврейских языках, неизвестных цензорам, препровождаются для рассмотрения на общем основании в Императорскую академию наук, в университеты или в Азиатский департамент Министерства иностранных дел [8].

42) Книги и рукописи на еврейском языке и его наречиях рассматриваются окончательно в Виленском и Киевском цензурных комитетах.

43) Рассмотрению иностранной цензуры не подлежат:

а) иностранные периодические сочинения всякого содержания, привозимые из-за границы по почте, которые рассматриваются в отдельной цензуре, учрежденной при почтовом ведомстве.

Примечание. Ученые и литературные издания, выписываемые книгопродавцами и частными людьми не прямо чрез подписку в почтамтах, а чрез особых комиссионеров, сухим путем и морем, поступают на рассмотрение иностранной цензуры, как и все другие книги, привозимые из-за границы;

б) книги, привозимые Императорскими университетами и академиями или другими местами и лицами, получившими на то особенное Высочайшее дозволение;

в) книги, относящиеся в полном составе или большею частью своего содержания к догматам, учению, преданиям и истории Православной Церкви, которые рассматривает духовная цензура.

Примечание 1. Напечатанные в чужих краях книги Священного Писания на русском и славянском языках, равно как и богослужебные книги Православной Церкви, к привозу не допускаются вовсе, а изображения святых сей Церкви, действий богослужения и употребляемой при оном утвари, одежд и других священных предметов с русскими и славянскими надписями, передаются в духовную цензуру на окончательное рассмотрение.

Примечание 2. Книги, напечатанные в чужих краях с одобрения внутренней российской цензуры, по привозе оных в Россию, препровождаются из цензурных ведомств в те места, где рукопись одобрена к напечатанию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
О составе цензуры и порядке делопроизводства

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
Общие правила

44) Цензура возлагается на Цензурный департамент, Цензурные комитеты и отдельных цензоров.

45) Цензурные комитеты полагаются в Москве, Риге, Вильне, Киеве и Одессе.

46) Отдельные цензоры назначаются в Дерпте и Казани, а по мере открывающейся надобности – и в других местах.

Примечание. Где нет цензурных учреждений, рассмотрение привозимых из-за границы рисунков, картин, нот с присовокуплением слов и других произведений искусств, с надписями или без оных, возлагается окончательно на начальников губерний, которые о каждом данном ими в подобном случае разрешении уведомляют немедленно Цензурный департамент.

47) В Цензурном департаменте сосредоточивается управление внутреннею и иностранною цензурою. Сверх того, в обязанность его входит рассмотрение сочинений, предназначаемых к изданию в С.-Петербурге, а также книг и произведений искусств, привозимых сюда из-за границы.

48) В департамент поступают все представления цензурных комитетов и отдельных цензоров для разрешения их по установленному порядку или собственным его распоряжением, или властью министра и утвержденными им определениями своего совета.

49) Из сего изъемлется только отчетность в суммах, которая по всем учреждениям цензуры, не исключая и Цензурного департамента, подлежит ведению Департамента народного просвещения. Она учреждается на основании общих существующих на сей конец по Министерству народного просвещения правил и составляет предмет непосредственных сношений Цензурного департамента, председателей цензурных комитетов и отдельных цензоров с Департаментом народного просвещения.

50) Все дела по цензурной части производятся на простой бумаге.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ
О Цензурном департаменте

51) Цензурный департамент состоит из директора, определенного в штате числа цензоров для внутренней и иностранной цензуры и двух начальников отделений. К составу департамента принадлежат: библиотекарь, экзекутор (он же казначей) и канцелярские чиновники и служители.

52) Отношения Цензурного департамента к Министерству народного просвещения, к цензурным комитетам и отдельным цензорам определяются применительно к общему учреждению министерств.

53) На этом же основании производится определение и увольнение служащих в департаменте лиц с наблюдением правил, постановленных в § 7, 8 и 19 Образования Инспекторского департамента гражданского ведомства [9].

54) В Цензурный департамент дозволяется принимать на службу молодых людей, приобретших по месту их образования право на классные чины, не

требуя от них выслуги установленного срока в губернских местах.

55) Департамент по части делопроизводства разделяется на два отделения: первое, состоящее из двух столов, заведуется цензурою внутреннею, общими по всему цензурному ведомству распоряжениями и личным составом оного, а второе, из трех столов, – цензурою иностранною.

Примечание. Распределение занятий между столами утверждается министром народного просвещения.

56) Ежемесячное свидетельствование наличных сумм с поверкою приходо-расходных книг производится директором и начальниками отделений.

57) Для разрешения недоумений цензоров и Цензурных комитетов, также для рассмотрения рукописей и книг, подлежащих запрещению, и для принятия общих мер по цензуре внутренней или иностранной составляются в департаменте под председательством директора два общих присутствия: одно – из цензоров внутренней, а другое – из цензоров иностранной цензуры.

58) Начальники отделений, каждый по своей части, докладывают в общих присутствиях бумаги, приготовляют протоколы заседаний и скрепляют их своею подписью.

59) В тех немногих случаях, когда бы дело потребовало соображения и заключения вместе по цензуре внутренней и иностранной, все без изъятия цензоры департамента составляют под председательством директора соединенное общее присутствие.

60) Дела, подлежащие обсуждению в Совете министра, представляются от департамента не иначе как по рассмотрении их по принадлежности в общем присутствии и с присовокуплением его заключения.

61) Цензурный департамент составляет проекты частных и временных наказов цензорам в дополнение и пояснение к настоящему Уставу. Проекты сии по одобрении в Совете министра представляются на Высочайшее утверждение.

62) По истечении каждого месяца департамент получает от цензурных комитетов вместе с выписками из журналов заседаний ведомости о рассмотренных рукописях и книгах с отметкою, сколько оных и какие именно остались от прежнего месяца и по какой причине не рассмотрены окончательно. Такие же ведомости доставляют прямо от себя и отдельные цензоры. Заключающиеся в них сведения с присовокуплением собственных своих занятий и числа рассмотренных им рукописей, книг, фактур, каталогов и проч. департамент сводит в одну общую ведомость и представляет ее министру.

63) Департамент из дел своих, а также из частных отчетов цензурных комитетов и отдельных цензоров составляет годичный отчет по всему цензурному управлению с обращением внимания на ход и успехи словесности, наук и искусств в России. По рассмотрении в Совете министра этот отчет включается в общий всеподданнейший отчет Министерства народного просвещения.

64) В состав библиотеки Цензурного департамента входят:

а) по одному экземпляру всех печатаемых с одобрения внутренней цензуры книг;

б) экземпляры иностранных книг и произведений искусств, удерживаемые департаментом из числа запрещенных;

в) иностранные книги, поступающие в собственность Министерства народного просвещения по разным означенным всем в Уставе случаям.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
О цензурных комитетах

65) Каждый Цензурный комитет состоит из председателя, определенного в штате числа цензоров, секретаря и канцелярских служителей.

66) В Московском, Виленском, Киевском и Одесском цензурных комитетах место председателя занимает попечитель учебного округа, а в Рижском, состоящем в ведении попечителя Дерптского округа, председательствует один из цензоров по назначению министра.

67) Председательство в цензурных комитетах может с Высочайшего соизволения быть возлагаемо на помощников, попечителей в тех учебных округах, где сие окажется нужным для облегчения попечителей; но последние не освобождаются и в таком случае от наблюдения за действиями комитетов и имеют полное право по своему усмотрению лично председательствовать в оных во всякое время; причем помощники их, входя в число членов, занимают между ними первое место.

68) Если попечитель и не председательствует в Цензурном комитете, представления последнего восходят к министру чрез его посредство и с его заключением. Из сего правила исключаются только обыкновенные, не имеющие относительной важности дела и срочные сведения.

69) За болезнью или отсутствием попечителя как председателя Цензурного комитета временное председательствование в оном поручается его помощнику, а где нет помощника попечителя – старшему по чину цензору.

70) Канцелярии комитетов подчинены непосредственно председателям.

71) Рижский, Виленский, Киевский и Одесский цензурные комитеты заведуют внутреннею и иностранною цензурою, а Московский – только одною внутреннею.

72) В Виленском и Киевском цензурных комитетах полагаются особые цензоры для европейских книг – как издаваемых внутри Империи, так и привозимых из-за границы.

73) Определение цензоров и секретарей цензурных комитетов по избранию попечителей, равно как и увольнение сих лиц зависит от министра народного просвещения с соблюдением правил, означенных в ст. 55.

74) Определение и увольнение канцелярских служителей предоставляется председателям цензурных комитетов.

75) Каждый Цензурный комитет имеет свою печать.

ОТДЕЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
Об отдельных цензорах

76) Отдельные цензоры определяются и увольняются на том же основании, как цензоры комитетов (ст. 73).

77) Отдельный цензор в Казани избирается из профессоров восточного отделения и за сию обязанность получает прибавочное жалование.

78) Отдельный цензор в Дерпте заведует внутреннею цензурою, а находящийся в Казани рассматривает только книги, издаваемые в России на восточных языках.

79) Отдельные цензоры состоят под непосредственным начальством попечителей учебных округов и относятся в Цензурный департамент чрез их посредство, кроме случаев, означенных в ст. 68.

80) Отдельные цензоры обязаны о каждой книге или рукописи, подлежащей запрещению, представлять

заключение свое на утверждение Цензурного департамента с препровождением и самой книги или рукописи.

81) Отдельный цензор в Дерпте имеет при себе из учителей или из сторонних чиновников письмоводителя, утверждаемого в сей должности, по его представлению, попечителем.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЯТОЕ
О порядке производства дел по внутренней цензуре

82) При представлении в цензуру или вновь издаваемой печатной книги отмечается на заглавном листе, от какого именно казенного места или частного лица оная представлена.

83) Всякая вступающая в цензуру рукопись или книга вносится в общую опись, в коей по приложенной у сего форме под литерой *А* означаются номер, заглавие рукописи или книги, число страниц, название места или имя лица, от коего рукопись или книга представлена, время получения и время отдачи кому-либо из цензоров на рассмотрение.

84) При представлении рукописи или книги в цензуру не требуется от представляющего никаких прошений или записок. Имя сочинителя, переводчика или издателя может быть и не объявлено на книге, но оно должно быть известно издающим и цензуре. Во всяком случае издатели книги или журнала по первому требованию правительства обязаны объявлять имя и место жительства автора под опасением за неисполнение сего как ослушники Высочайшей воли строжайшего взыскания.

85) Рукописи, представляемые в цензуру, должны быть чисто и четко переписаны. Периодические листы,

сочинения, относящиеся к математике и другим наукам точным, также лексиконы, грамматики и т. п. дозволяется для облегчения составления и печатания оных представлять в последней корректуре, тиснутой на писчей бумаге.

86) Издатель, желающий представить на рассмотрение корректуру вместо рукописи, обязан непременно довести о том заблаговременно до сведения цензуры и получает позволительный билет следующего содержания: «Книгу под заглавием NN предварительно набирать позволяется с представлением корректурных листов в цензуру». Для периодических листов дается таковой билет при начале издания на все продолжение оного.

87) Вступившая таким образом рукопись или книга передается на рассмотрение цензору, который, прочитав и одобрив оную, выставляет дозволение печатать на обороте заглавного листа по приложенной при сем форме под литерой *Б*, скрепляет рукопись по листам, отмечает о сем своею рукою в помянутой общей описи, а рукопись передает начальнику отделения в департаменте или секретарю в комитете для выдачи представившему оную под расписку; то же самое наблюдается и в отношении к корректурным листам, о коих говорится выше, в ст. 86.

88) При рассматривании периодических изданий автор или издатель может доставлять оные прямо к назначенному цензору, который потом представляет в департамент или комитет записку о книжках или листах периодического издания, им одобренных, и о возвращении оных представившему.

89) На заглавном листе каждой печатаемой книги должны быть выставлены год, город, в котором книга напечатана, и наименование типографии; а на обороте заглавного листа – позволение цензора. При отдельных

книжках журналов сие дозволение может быть выставляемо вкратце на обертках, с тем, однако же, чтобы полная форма оного была напечатана на обороте заглавного листа в начале каждой части или тома. На периодических изданиях, состоящих из одного листа и менее, краткая форма выставляется непременно внизу каждого нумера.

90) По напечатании рукописи представляются из типографии в цензуру сверх экземпляров, рассылаемых в разные казенные места, на основании сего Устава, два экземпляра отпечатанного листа или книги со свидетельством директора, содержателя или фактора типографии, что оный лист или книга напечатаны во всем сходно с прилагаемою при том, одобренною в цензуре рукописью (или печатными листами, по силе ст. 85). Один из печатных экземпляров (с рукописью) передается цензору, рассматривавшему сочинение, который, сличив печатный экземпляр с одобренным, подписывает по установленной, при сем приложенной по литере *В* форме позволительный билет на выпуск книги в продажу. Сей билет прикрепляется печатью цензуры к одному из вышеупомянутых печатных экземпляров и выдается с оным типографии. Другой экземпляр листа или книги остается в цензуре, а рукопись возвращается издателю или же в типографию. Представление печатных книг и выдача билетов на выпуск оных в свет отмечаются в особом реестре установленным порядком по форме, при сем приложенной, под литерой *Г*.

91) Одобренные цензурою в рукописи или корректуре периодические сочинения, составляющие не более одного печатного листа и требующие поспешной выдачи, могут быть отпускаемы из типографии до получения позволительного билета со строжайшею ответственностью начальства или содержателя оной, что

листы сии в точности напечатаны по одобренной цензором рукописи или корректуре.

92) Если цензор найдет, что рассмотренная книга или целая статья в периодическом издании не может быть напечатана, то представляет о сем департаменту или комитету в общем присутствии, который дозволяет или запрещает печатание оной по большинству голосов. Но если директор первого или председатель последнего с разрешением большинства не согласен, то имеет право остановить исполнение до получения требуемого в таком случае разрешения от министра.

93) Всякая рукопись, запрещаемая цензурою, удерживается при делах департамента или комитета, а представившему ее выдается свидетельство, «что оная не одобрена к напечатанию на основании *такой-то* статьи Устава о цензуре». Когда автор или издатель, не убедясь сим решением, будет настоятельно требовать, чтоб его книга или статья была пропущена, то оная представляется на усмотрение министра народного просвещения.

94) Если министр по рассмотрении представляемой ему книги или статьи в общем присутствии Цензурного департамента или в своем Совете разрешит их печатание в противность мнения местной цензуры, то цензор подписывает надлежащее дозволение; но в общей описи отмечается, что оное дано по предписанию высшего начальства.

95) Ответственность за одобрение книги или статьи, противной общим правилам, или за произвольное запрещение того, что́ по сим правилам долженствовало быть одобрено, лежит на цензоре или на подписавших состоявшееся о том определение членах Цензурного департамента или комитета, по силе нижеследующих ст. 138 и 139. Несогласные с общим решением записывают свои мнения в журнале обыкновенным порядком.

96) Дабы запрещенное однажды сочинение не могло быть вновь представлено под иным заглавием в другое цензурное учреждение, сообщается о сем распоряжении по всему цензурному ведомству с означением заглавия рукописи, числа страниц, имени сочинителя или издателя, равно как и содержания сочинения, по крайней мере, в главных статьях.

97) Печатные книги, вновь издаваемые, представляются в цензуру таким же образом, как и рукописи, и одобряются ко второму, третьему и т. д. изданию по вышеустановленной форме, хотя бы при сем перепечатании и не было в них сделано никаких перемен.

98) Представляемые в цензуру рукописи и книги должны быть рассматриваемы без всякого отлагательства; а срочные издания – всех поспешнее. Вообще не дозволяется цензору задерживать рукописи или книги самой обширной долее трех месяцев, а статьи, назначаемой для периодических изданий, – долее того срока, в который положено программою выходить каждой книжке или листу оных. В продолжение сего времени всякая рукопись должна быть рассмотрена, одобрена или запрещена, или же возвращена предъявителю для исправления замеченных мест.

99) Равным образом предписывается департаменту, комитетам и цензорам не замедлять выдачею позволительных билетов на книги и сочинения, напечатанные по одобрению цензуры. Сии билеты должны быть выдаваемы на выпуск срочных изданий в 24 часа, на все прочие книги – не позже трех дней или, по крайней мере, недели.

100) Цензурные комитеты и отдельные цензоры, получая сверх означенных выше в ст. 90 двух – еще по четыре экземпляра каждой вновь отпечатанной книги, отправляют немедленно из оных: один – в Им-

ператорскую публичную библиотеку, один – в Гельзингфорсский Александровский университет, один – в Императорскую академию наук и один – в Цензурный департамент. Сверх того, по экземпляру всех сводов и собраний российских законов и составленных из них выписок и руководств, равно как и сочинений, относящихся к законоведению вообще и к отечественному в особенности, препровождается в библиотеку III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а в Военно-топографическое бюро сверх карт и планов – по два экземпляра сочинений по части топографии, статистики, географии, путешествий, военной истории и всех сочинений, к какому-либо предмету военного искусства принадлежащих.

101) Независимо от сего содержатели типографий обязаны доставлять в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии по одному экземпляру печатанных у них газет, журналов и альманахов.

ОТДЕЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
О порядке производства дел по цензуре иностранной

102) На рассмотрение цензуры иностранной поступают:

а) фактуры или рукописные реестры книг, получаемых книгопродавцами из-за границы;

б) каталоги книжных лавок и библиотек для чтения, представляемые для одобрения их к напечатанию;

в) книги, требуемые комитетом у книгопродавцев по представленным оному рукописным каталогам;

г) книги, получаемые книгопродавцами для одобрения их к продаже или выдаче подписавшимся;

д) реестры книгам, ввозимым частными лицами в пограничные или приморские губернии;

е) книги, выписываемые из-за границы казенными местами и частными лицами;

ж) книги, ввозимые в Россию путешественниками;

з) реестры и книги, поступающие от разных казенных ведомств;

и) реестры книг, обращаемых в продажу с публичного торга, и самые требуемые по оным книги.

Примечание. Все означенные в этой статье фактуры, каталоги и реестры представляются в цензуру в двух экземплярах.

103) В каждой фактуре книг, полученных из-за границы, по надлежащем рассмотрении отмечаются два рода книг: 1) те, кои подверглись уже запрещению, и 2) те, кои цензуре еще неизвестны и должны поступить на ее рассмотрение. Один экземпляр сей фактуры оставляется в цензуре, а другой выдается книгопродавцу, который обязан книги запрещенные отправить обратно за границу, а из отмеченных на рассмотрение оставить в цензуре по одному экземпляру.

104) Печатаемые вновь каталоги иностранных книг должны быть предварительно рассмотрены Цензурным департаментом. Для сего представляются в оный два рукописных экземпляра каждого каталога, из коих один остается в департаменте, а другой возвращается книгопродавцу с одобрением по исключении книг, запрещенных или неизвестных цензуре.

105) Книги, поступающие в цензуру от книгопродавцев, отдаются на рассмотрение цензору, который о них представляет письменное донесение. В случае одобрения книга возвращается представившему с дозволением поместить заглавие в своем каталоге и продавать ее. В случае же запрещения один экземпляр удерживается в

цензуре, а представивший обязывается все остальные экземпляры сей книги отправить обратно за границу.

106) Доставляемые как от пограничных, так и от других местных начальств реестры книг, ввезенных частными людьми, рассматриваются таким же образом, как постановлено выше о фактурах. В оных отмечаются книги, запрещенные или требуемые на рассмотрение цензуры, и представивший обязывается отослать первые обратно за границу, а последние доставить в цензуру надлежащим порядком.

107) Таким же порядком рассматриваются реестры книг частных лиц, поступающие от разных ведомств и аукционных камер. Найденные в них запрещенные книги передаются без платы в библиотеку Цензурного комитета.

108) Книги, выписываемые из-за границы для высших учебных заведений, как-то: академий, университетов и других мест, имеющих право получать оные без цензурного рассмотрения, – пропускаются таможнями без обязательства представить оные в цензуру, но с приложением печатей и пломб.

109) Книги, ввозимые в Россию для собственного употребления иностранными путешественниками, рассматриваются цензурою, как и все прочие. Если между ними найдутся запрещенные уже или подлежащие запрещению, то цензура предлагает путешественнику или оставить оные в ее хранении до обратного отъезда его из России, или выслать оные немедленно на его счет за границу; и как в том, так и в другом случае поступает сообразно с отзывом путешественника. Книги, оставляемые на этом основании в цензуре, за неявкою владельцев для получения оных в течение 12 месяцев обращаются в собственность Министерства народного просвещения.

110) Таким же порядком поступает цензура и в отношении путешественников, имеющих постоянное пребывание в России, с тем, что в случае несогласия на отправление запрещенной книги немедленно на свой счет за границу книга эта поступает без платы в библиотеку Цензурного департамента.

111) Для свободного ввоза или обращения всякой иностранной книги достаточно одобрения читавшего оную цензора; но запрещение или исключение ее из каталогов зависит от решения, постановленного в общем присутствии Цензурного департамента по большинству голосов, для чего мнения Цензурных комитетов о запрещении книг иностранных представляются предварительно в сей департамент. При встретившемся каком-либо важном сомнении испрашивается разрешение высшего начальства.

112) Цензурный департамент и комитеты ответствуют только за правильность рассмотрения представляемых им книг и за верность отметок в фактурах, реестрах и каталогах книг, дозволенных и запрещенных. Надзор за книжными лавками, библиотеками для чтения, мелочными торговцами и т. п. относится к обязанностям местной полиции, которой для действия такового надзора Цензурный департамент дает неукоснительно знать о каждой запрещенной книге. В С.-Петербурге сие сведение доставляются оберполицмейстеру.

113) Цензурному департаменту доставляются для надлежащего сообщения из цензуры, учрежденной при почтамтах, «Ведомости о журналах и листках» – коих обращение в народе запрещено оною.

114) Один экземпляр каждой запрещенной книги удерживается в цензуре для нужных на будущее время справок.

115) Картины, гравированные и литографированные, планы, ландкарты, ноты с присовокуплением слов и т. п. рассматриваются точно таким же порядком, как и книги.

116) В Цензурном департаменте содержатся для записывания поступающих в оный фактур, каталогов, книг и проч. следующие реестры:

а) для представляемых в департамент фактур книгопродавцев и реестров книгам, доставляемым от начальств пограничных и других губерний, аукционных камер и прочих казенных ведомств, а также реестров книг, выписываемых частными лицами. В нем означаются номер, время получения, от кого доставлены и кому выданы с распискою получившего или куда отосланы.

Примечание. Вторые экземпляры фактур и реестров, остающиеся в департаменте (ст. 102), переплетаются в одну общую годовую книгу;

б) для каталогов, вносимых по той же форме. Остающиеся в комитете каталоги переплетаются и хранятся при сем реестре;

в) для книг, выписываемых казенными местами и ввозимых путешественниками, а также для поступающих из почтамта и из таможен посылок, паков, тюков и других укладок с книгами, принадлежащими иностранным путешественникам;

г) общий реестр или журналы всех поступающих на рассмотрение иностранных книг, в коем означаются номер, время вступления книги, полное заглавие оной, время и место издания, формат, число томов и страниц, каким образом и откуда поступила в департамент (со сылкою на вышеупомянутые реестры), которому цензору и когда отдана на рассмотрение. Если книга одобрена, то записывается время обратной ее выдачи

и расписка получившего; если же оная запрещена и удержана в Департаменте, то в реестр вносится отметка библиотекаря с означением номера, под коим книга помещена в библиотеку;

д) алфавитные списки всем книгам, дозволенным и запрещенным цензурою в течение месяца. Списки сии печатаются ежемесячно и сообщаются как цензурным комитетам и гражданским начальствам, так и книгопродавцам.

Примечание. Из этих списков составляются по истечении года алфавитные списки по языкам книг, запрещенных и дозволенных;

е) общий алфавитный список книг, поступивших в цензуру, по языкам, в который вносятся все сочинения, как требуемые на рассмотрение цензуры, так и пропускаемые оною по фактурам и реестрам с означением последовавшего о них решения. Список этот в виде настольного реестра служит для справок и по истечении нескольких лет печатается для сведения и руководства мест и лиц, имеющих сношение с цензурою иностранных книг.

117) О каждой запрещенной книге Департамент доводит до сведения министра народного просвещения с представлением выписки, на основании коей состоялось запрещение.

118) Делопроизводство по иностранной цензуре в комитетах должно быть устроено применительно к порядку, принятому по сей части в Цензурном департаменте.

119) Руководствуясь напечатанными с его одобрения каталогами и списками книг, подвергшихся запрещению, цензурные комитеты при рассмотрении представляемых им от книгопродавцев и содержателей библиотек реестров и фактур исключают из них книги

запрещенные и разрешают продажу дозволенных. О неизвестных же цензуре книгах относятся в департамент с препровождением в двух экземплярах списков оных.

120) По оставлении одного экземпляра этих списков в департаменте и по возвращении другого с отметками сочинений, которые подлежат рассмотрению цензурных комитетов, последние представляют о них донесения на общем основании с приложением и самих книг, если они признаются вполне или только частию содержания своего подлежащими запрещению.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
О лицах, на коих возложено исполнение цензурного устава

I. О директоре Цензурного департамента

121) Директор наблюдает за точным исполнением Цензурного устава, за действиями каждого из подчиненных ему лиц по принадлежности, за правильным и успешным течением дел и вообще за порядком и благоустройством всех частей Цензурного департамента.

122) К обязанности его относятся по *внутренней цензуре*:

а) наблюдение за скорым возвращением рукописей предъявителем и за своевременною выдачею позволительных билетов;

б) принятие и разрешение жалоб авторов и издателей на цензоров со старанием соглашать их в случае разномыслия без упущения, однако в исполнении Устава и без стеснения прав лица частного.

По *цензуре иностранной*: наблюдение, чтобы фактуры, каталоги, книги и проч. были рассматриваемы

в департаменте и по рассмотрении были выдаваемы предъявителям без всякого замедления; чтобы в выпуске и разрешении продажи книг не было оказываемо пристрастия или предпочтения одним пред другими.

123) Директор доводит безотлагательно до сведения министра возникающие по делам сомнения, разрешение коих превышает власть Департамента, и все обстоятельства, важные по какому бы то ни было отношению.

124) Директор обращает особенное внимание на дух и направление повременных изданий в России. Он представляет министру по третям года надлежащие о сем отчеты с подкреплением замечаний своих выписками или указаниями; в случае же важного нарушения цензурных правил докладывает о том немедленно.

Примечание. От усмотрения министра зависит непосредственное по содержанию каждого такого отчета распоряжение или предварительное внесение замечаний директора по истребовании нужных от кого следует объяснений в Совет министра.

125) Директор может тех из штатных чиновников департамента, в которых заметит ревностное усердие и отличные способности, употреблять под руководством цензоров к рассматриванию рукописей и книг по правилам Устава для приготовления их к занятию впоследствии цензорских вакансий. Рассмотренные таким образом в виде опыта сочинения остаются, однако, на ответственности цензора.

II. О председателях цензурных департаментов

126) Обязанности председателей цензурных комитетов суть те же самые, которые означены в ст. 121 и 122, с принятием в уважение только большей или меньшей ограниченности круга действий самих комитетов.

127) Председатели учреждают внутренний канцелярский порядок в цензурных комитетах согласно с общими, существующими на сей конец правилами, не вводя ни под каким видом излишних форм и не распространяя письмоводства без особенной в том надобности.

128) Прием, хранение и выдача денежных средств комитета состоит в ведении председателя, равно как и ведение счетных книг, доставление куда следует отчетов и срочных сведений.

129) Председатели цензурных комитетов обращают и со своей стороны особенное внимание на дух и направление подлежащих их заведыванию повременных изданий, прилагая все возможное старание, чтобы они вполне соответствовали намерениям правительства.

Примечание. В местах, где нет цензурных комитетов, а только отдельные цензоры, обязанность сия относится к попечителю учебного округа.

III. О цензорах

130) В цензоры могут быть определены только чиновники, получившие образование в высших учебных заведениях или иным способом приобретшие основательные в науках сведения, если они притом достаточно ознакомлены с историческим развитием и современным движением отечественной или иностранной словесности, смотря по назначению каждого.

А. *По цензуре внутренней*

131) Цензоры по части внутренней цензуры не должны иметь никаких других служебных обязанностей; они не могут принимать постоянного участия и в редакции периодических изданий.

Примечание. Это же правило распространяется на всех цензоров комитетов, где вообще не существует по-

стоянного разделения обязанностей их по цензуре внутренней и иностранной.

132) Цензоры обязаны отправлять свою должность по словам и разуму Цензурного устава, не увлекаясь никакими другими видами, пристрастием или предубеждением, невзирая на лица и не потворствуя злоупотреблениям, кем бы оные замышляемы ни были.

133) Цензоры долженствуют главнейше обращать внимание свое на дух и направление книг, не останавливаясь на частных неисправностях, требующих только небольшой перемены в словах или отдельных выражениях, когда самая мысль непредосудительна и непротивна правилам Устава.

134) Цензор, не имея права переменять что-либо в представляемых на его рассмотрение рукописях и печатных книгах, тем еще менее может прибавлять к оным от себя какие-либо примечания или толкования. Заметив противное цензурным правилам место красными чернилами, цензор предоставляет сочинителю или издателю исключить или переменить оное и потом уже подписывает одобрение рукописи к печатанию. Впрочем, от воли издателя зависит вверить цензору исправление замеченных мест по его усмотрению.

135) Одобрив рукопись или книгу к печатанию своею подписью, цензор уже не имеет права требовать печатных или корректурных листов для вторичного пересмотра и обязан подписать позволительный на выдачу книг билет, когда только оная напечатана сходно с одобренным подлинником. Если же до выпуска одобренной книги в продажу он приметит, что по неосторожности и поспешности сделано им какое-либо важное в ней упущение, то может просить департамент или комитет о позволении исключить из печатаемой или напечатанной книги предосудительное место. По получе-

нии сего позволения листы книги перепечатываются на счет сего цензора; но о всяком таком случае доводится до сведения министра.

136) В случае сомнения цензора обо всем содержании или о некоторых местах рукописи или книги представляется ему полное право вносить их на рассмотрение общего присутствия департамента или комитета.

137) Когда сомнения цензора бывают разрешаемы предписанием начальства, то всякая ответственность с него снимается.

138) Цензор, оказавшийся не способным к отправлению сей должности, не по злоупотреблениям или упущениям умышленным, а по каким-либо другим причинам, увольняется от оной по определению Совета министра, Высочайшим приказом; но сие не имеет никакого влияния на свидетельство о беспорочной его службе и на продолжение оной по другим частям.

139) Цензор за умышленное нарушение своей обязанности и за употребление во зло доверенности правительства подвергается ответственности по ст. 1306–1309 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Б. *По цензуре иностранной*

140) Должность цензора Департамента по иностранной цензуре может быть соединяема с другою должностию по Министерству народного просвещения только в случае крайней необходимости и не иначе как по удостоверении в возможности и пользе такого соединения.

141) Общая обязанность всех цензоров иностранной цензуры состоит в рассматривании привозимых из-за границы произведений словесности, наук и искусств для одобрения или запрещения их к обращению в публике.

142) Если цензор в прочитанной им книге не находит ничего предосудительного или противного правилам цензуры, то представляет департаменту или коми-

тету краткое донесение. Если же найдет в ней что-либо предосудительное, то в донесении излагает свое о книге мнение и приводит места (или важнейшие из оных), по коим книга долженствует подвергнуться запрещению.

143) Независимо от сего на цензоров департамента возлагается обязанность рассматривать поступающие в цензуру реестры и фактуры для отметки книг, позволительных и требуемых на рассмотрение оной, досматривать укладки, принадлежащие иностранным пассажирам, и разрешать выдачу оных, а также содержать дежурство для наблюдения за безостановочным ходом дел.

Примечание. Разделение этих занятий между цензорами определяется в общем присутствии департамента с утверждения министра.

144) При рассмотрении фактур и реестров иностранных книг цензорам предоставляется пропуск под собственною ответственностию, такие книги, которые, хотя и не значатся в каталогах книг позволенных, но известны им как непротивные цензурные правилам. Каждая позволенная таким образом книга вносится в общий список книг, рассмотренных цензурою; причем цензор отмечает собственноручно, что позволил оную.

145) Ответственность членов цензуры иностранной заключается в тех же пределах, как и ответственность членов по цензуре внутренней, и виновные подвергаются оной по мере важности упущения, на основании правил, постановленных в ст. 138 и 139.

IV. О начальнике отделения по цензуре иностранной

146) Начальник отделения по цензуре иностранной иностранных книг заведует перепискою с местами и лицами, имеющими сношение с Цензурным департаментом

по этой части; производит предварительную поверку фактур и реестров с каталогами, находящимися в отделении для отметки в них книг, запрещенных и позволенных прежними разрешениям цензуры; поступающие в отделение ящики, тюки и другие укладки с книгами, кои выписаны книгопродавцами и частными лицами, вскрывает в присутствии хозяев или их уполномоченных под наблюдением дежурного цензора; ведет списки фактур и реестров, определенных ст. 116 сего Устава; наблюдает, все ли ввезенные в пределы России книги и другие предметы, подлежащие цензуре, представлены по принадлежности в постановленный срок, и одобряет с разрешения общего присутствия департамента к напечатанию каталоги иностранных книг для продажи.

V. О библиотекаре

147) Библиотекарь принимает на свое хранение все удерживаемые в департаменте и поступающие на основании сего Устава в собственность Министерства народного просвещения книги, ведет им систематический каталог, сочиняет алфавитные списки и обязан доставлять департаменту все нужные справки и сведения по своей части.

148) Сверх того, директор департамента, под непосредственным начальством коего стоит библиотекарь, может при распределении занятий поручать ему и рассматривание иностранных книг. В таком случае он имеет голос в общем присутствии департамента наравне с цензорами.

VI. О секретаре или письмоводителе

149) Секретарь комитета ведет описи вступающим в цензуру книгам, реестрам и фактурам; заго-

товляет позволительные на выпуск в продажу книг билеты, рассылает поступившие в комитет экземпляры по принадлежности и хранит те, кои долженствуют быть в оном оставляемы.

150) Секретарь исправляет все письменные дела канцелярии комитета как собственно по делам цензурным, так и по отчетам в суммах.

151) Письмоводитель при отдельном цензоре применительно к более ограниченному кругу действия отправляет ту же самую должность, как и секретарь при комитете.

ГЛАВА ПЯТАЯ
О Совете министра

152) К составу Совета министра народного просвещения (Свод законов. Т. 1, учрежденных Министерством, ст. 1401) собственно для рассмотрения дел по цензуре присовокупляется по одному члену от Министерств внутренних и иностранных дел, также от духовного православного ведомства. Они определяются в это звание Высочайшими указами.

153) Управляющий III отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии есть вместе и член Совета министра народного просвещения по делам цензурным.

154) В этом же Совете, согласно ст. 12 Свода законов, т. 1, учрежденных Министерством, присутствует директор Цензурного департамента.

155) Рассмотрению Совета министра народного просвещения по части цензуры подлежат:

1) предположения, требующие изменения или дополнения Устава о цензуре; 2) частные и временные

наказы цензорам; 3) программы новых повременных изданий; 4) встреченные по цензурному ведомству недоумения или важные сомнения, разрешение коих превосходит власть Цензурного департамента; 5) жалобы сочинителей, издателей и других лиц, кои почитают себя обиженными в приложении департаментом или комитетами общих цензурных правил; 6) упущения по службе и нарушение постановлений о цензуре, которые влекут за собою замечание, выговор, увольнение от места или предание суду по законам; 7) нарушение постановлений издателями повременных сочинений, за которые следует подвергнуть их денежным штрафам, воспрещению продолжать издание или личной ответственности по законам; 8) годичный отчет по всему цензурному ведомству.

156) Впрочем, от министра зависит назначить к слушанию в Совете и всякое другое дело по части цензуры, которое он признает заслуживающим того.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
О местах и лицах, имеющих сношение с цензурою

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
О местах, имеющих сношение с цензурою иностранною

157) Отдельная цензура, учрежденная при почтовом ведомстве, обязана ежемесячно уведомлять Цензурный департамент, какие номера иностранных журналов и газет ею удержаны. Все прочие книги, рисунки и т. п., привозимые по почте на имя казенных мест или

частных лиц, отправляются почтамтами прямо в цензуру с извещением о том получателей.

158) Академии, университеты, Главный педагогический институт и другие ведомства, имеющие право выписывать книги без рассмотрения оных цензурою, обязаны каждый раз уведомлять Цензурный департамент о том, какие именно книги, сколько числом, когда и каким путем ими выписаны.

159) Таможни и таможенные заставы содействуют исполнению Цензурного устава следующим образом: привозимые в Россию иностранные книги и другие предметы, цензурному рассмотрению подлежащие, по учинению оным узаконенного досмотра и по взыскании следующих пошлин укладываются в ящики, тюки или кипы с приложением таможенных печатей или пломб. В месте, где есть цензурные ведомства, таможни отправляют означенные ящики, тюки и кипы прямо в цензуру на счет хозяев или предоставляют им самим отправить оные туда под присмотром таможенных служителей.

160) В местах, где нет цензуры, таможни отбирают показание от предъявителей, куда должны быть представлены принадлежащие им ящики или другие укладки, и затем отдают оные хозяевам обратно, обязав их подпискою, не снимая пломб, представить те ящики и укладки:

а) если они принадлежат книгопродавцам и частным лицам, имеющим постоянное в том месте пребывание, – главному местному начальству в течение двух недель;

б) если они принадлежат книгопродавцам и вообще торгующему купечеству других губерний – ближайшим цензурным ведомствам не позже трех месяцев;

в) если они принадлежат путешественникам, имеющим постоянное пребывание в России, – в цензурные

ведомства или к главным губернским начальствам по их избранию не позже трех месяцев.

161) Укладки, принадлежащие путешественникам, не имеющим постоянного пребывания в России, отправляются из таможен по почте в цензурные ведомства или к главным начальствам по желанию хозяев. Пересылка этих укладок производится без платежа весовых денег.

Примечание 1. В подписках, выдаваемых таможням, должны быть означены как срок, в который предъявители обязывались представить свои ящики или укладки по принадлежности, так и ведомства, куда укладки должны быть представлены.

Примечание 2. Путешественникам, обязавшимся представить свои укладки в цензурные ведомства или к главным местным начальствам, не воспрещается представить оные на рассмотрение и к другим подобным же начальствам, но не иначе как в означенный в подписке срок и с уведомлением того места, куда путешественник обязался первоначально представить свои укладки.

162) Таможни о каждой выдаче книг обязываются уведомить с первою почтою те цензурные и губернские ведомства, куда оные представлены быть имеют, с означением числа книг и других предметов и описанием способа укладки оных и приложенных к ним пломб; а цензурные и губернские ведомства должны наблюдать за своевременным тех книг поступлением; в противном же случае принимать меры к отысканию лиц, давших подписки, и об отобрании от них книг и других предметов для доставления на их счет в цензуру.

163) Независимо от сего таможни уведомляют Цензурный департамент с первою же почтою о всех выпущенных ими укладках с означением, куда они представлены быть имеют, для общего с его стороны наблюдения.

164) С теми, кои, дав таможне подписку, не представят в означенный срок выданных им книг и прочих предметов в цензуру или к главным местным начальствам или хотя и представят, но за поврежденными пломбами и печатями, поступается на основании ст. 1316 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

165) Для путешественников, прибывающих к Одесскому порту, допускается выдача им с разрешения Одесского цензурного комитета по одному экземпляру книг мореходных, торговых, хозяйственных, ручных (manuels) для разного рода искусств и ремесел, топографических и морских описаний портов и берегов (portulans), дорожников и обыкновенных молитвенников под личною, однако ж, ответственностью цензоров, просматривавших оные, в том, что под сим видом не будут выданы книги другого содержания и что в них не заключается ничего противного правилам цензуры.

166) Главные местные начальства как в приморских и пограничных, так и в других губерниях (исключая города, в коих находятся цензурные учреждения), получив донесения от таможен и застав о привезенных иностранных книгах, наблюдают, чтобы оные были им немедленно представлены в пачках и тюках, запломбированных таможнею, снимают пломбы и, оставляя у себя самые книги, реестры оным посылают в Цензурный департамент и вследствие его отзыва препровождают в оный требуемые книги с возвращением прочих предъявителю, а в отношении к тем из них, кои окажутся запрещенными, поступают согласно со ст. 109 и 110.

167) Местные начальства могут выдавать предъявителям без запроса в цензуру те из ввезенных книг, коих употребление позволено прежними ее разрешениями; но обо всякой такой выдаче обязаны доводить без замедления до сведения Цензурного департамента.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ
О сочинителях и издателях книг и содержателях типографий

168) При представлении рукописи или печатной книги на рассмотрение цензуры издатель должен сообразовываться с изложенными в третьей главе сего Устава предписаниями и формами.

169) Если сочинитель или издатель книги недоволен решением Цензурного департамента или комитета, то может обратиться с жалобою к министру народного просвещения.

170) Содержатели типографий и литографий, граверы и проч. могут предавать тиснению только те произведения словесности и искусств, кои действительно были рассмотрены и одобрены цензурою.

171) Книги и рукописи, эстампы и проч., одобренные цензурою, могут быть предаваемы тиснению во всей Российской Империи, а не в том только округе или городе, где дано дозволение.

172) Издателями одобренных книг и эстампов дозволяется печатать оные и за границею. В сем случае одобрение цензуры должно быть напечатано на обороте заглавного листа и следующие по ст. 100 экземпляры долженствуют быть представлены в цензуру. Билет на выпуск сей книги выдается не иначе как по правилам, в ст. 90 изображенным; быв же выдан, служит свидетельством при ввозе оной из-за границы, и такая книга уже не входит в число подлежащих рассмотрению цензуры иностранной.

173) В ст. 85 дозволяется издателям представлять в цензуру некоторые поименованные в оной сочинения в последней корректуре на писчей бумаге. На основании

сего типографщик по получении упомянутого в ст. 86 билета может приступить к набору такой рукописи, еще не одобренной цензурою, но печатает оную в назначенном числе экземпляров не иначе как по подписании в цензуре помянутых корректурных листов, наблюдая, чтобы все замеченное цензурою было непременно в оных исключено или переменено.

174) Во время печатания дозволяется автору делать перемены и поправки в слоге и выражениях с тем, однако ж, чтобы смысл оных не был противен общим правилам цензуры. Важнейшие перемены, сделанные автором, должны быть отмечены в особой записке, подаваемой в цензуру при представлении печатного экземпляра.

175) По отпечатании книги содержатель типографии представляет в цензуру одобренную рукопись оной с узаконенным числом экземпляров книги при подписке, в которой свидетельствует, что книга напечатана сходно с одобренным цензурою подлинником.

176) Если цензор найдет, что сделанные во время печатания поправки предосудительны, то объявляет о том чрез канцелярию содержателю типографий, который обязан перепечатать замеченное место на счет автора, сделавшего ту непозволительную перемену, и представить исправленную книгу вновь для получения билета. Если во время печатания одобренной книги включено в оную что-либо противное общим правилам цензуры, то листы, в коих такие места заключаются, перепечатываются вновь на счет виновного, а листы, прежде напечатанные, уничтожаются при свидетеле, от цензуры доверенном; в важных же случаях содержатель типографии предается суду.

177) За напечатание неодобренной цензурою книги или сочинения, хотя бы оные не заключали в себе ничего

противного постановлениям цензуры, содержатель частной типографии или управляющий типографиею казенною предается суду. Мера вины их усугубляется, когда напечатанная без одобрения цензуры книга заключает в себе места, противные общим правилам цензуры.

178) Во время печатания книги, одобренной цензурою, содержатель типографии может выдавать отдельные листы оной издателю для заметки и исправления типографских ошибок. Но он не должен выдавать издателю более одного экземпляра листов так называемых беглых или чистых до получения позволительного билета.

179) Содержатель типографии, получив из цензуры билет на выпуск книги с представленным от него экземпляром, освобождается от всякой ответственности за сию книгу, если оная только во всем напечатана сходно с экземплярами, представленными в цензуру.

180) Управляющие казенными типографиями, директора, смотрители, факторы и т. п. обязаны при печатании книг во вверенных им типографиях наблюдать без всякого послабления правила и формы, предписываемые сим Уставом.

181) Содержатели типографий и литографий за нарушение постановлений о цензуре подвергаются взысканиям, определенным в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных ст. 1310–1313.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
О книгопродавцах

I. О книгопродавцах, торгующих русскими книгами

182) Торгующие книгами русскими и в России издающимися, также мелкие продавцы и коммерсанты

книжной продажи при казенных местах обязаны представлять в Цензурный департамент или в цензурные комитеты каталоги имеющихся у них книг. Каждый продающий заведомо напечатанные без дозволения цензуры книги, эстампы, рисунки, чертежи, планы, карты и ноты с присовокуплением слов подвергается взысканиям, определенным в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, ст. 1314, 1315.

183) Если правительство признает за нужное запретить напечатанную с одобрения цензуры книгу, то книгопродавцы обязываются чрез полицию подпискою не иметь и не продавать оной, подвергаясь за нарушение сего взысканию на основании тех же статей Уложения. Напечатавший же одобренную и потом запрещенную книгу получает от правительства удовлетворение за понесенный чрез то убыток.

II. О книгопродавцах, торгующих книгами иностранными

184) Книгопродавцы, содержатели библиотек для чтения и магазинов для продажи разных произведений словесности, наук и искусств не должны отнюдь продавать или же выпускать в обращение иным каким-либо образом книг, эстампов, нот (с присовокуплением слов) и т. п., не рассмотренных и не одобренных цензурою.

185) При получении книг, ящиков и проч. с иностранными книгами из-за границы и по очистке их пошлиною книгопродавцы обязаны представить в цензурные ведомства как означенные ящики и тюки с таможенными пломбами, так и самые фактуры и реестры книгам в двух экземплярах. Впрочем, эти фактуры и реестры могут быть представлены в цензуру и до привезения самых книг.

186) По поверке фактур и реестров с книгами в цензурных учреждениях книгопродавец получает обратно как книги, позволенные для продажи, так и неизвестные, для хранения впредь до разрешения за печатью цензуры; книги же запрещенные укладываются при чиновнике цензуры в особые ящики и тюки для отправления за границу в течение года, в чем и обязывается подпискою. По прошествии этого срока книги запрещенные, не высланные книгопродавцем за границу, подвергаются конфискации.

187) Содержатели библиотек для чтения обязаны иметь в оных для обращения в публике те только книги, которые поименованы в одобренных цензурою каталогах или в рассмотренных ею реестрах.

188) В случае неисполнения или нарушения которого-либо из вышеизложенных предписаний книгопродавец, содержатель библиотеки и т. п. подвергается ответственности по законам. Если б открылось что-либо предосудительное в книге, которая рассмотрена цензурою или одобрена ею в фактуре и каталоге, то книгопродавец за продажу или выдачу таковой книги не подвергается никакой ответственности.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
О преимуществах чиновников цензурного управления

189) Классы должностей, также разряды мундиров и пенсий по цензурному управлению вообще определены в штате.

190) Все цензоры (кроме употребленных к рассматриванию еврейских книг) причисляются к первому разряду учебных должностей Министерства народного

просвещения, означенных в ст. 746 Устава о служ<бе> по опр<еделению> от правит<ельства> (Свод законов, т. III) и дающих, по ст. 749 того же Устава, право на производство без перевода из одной должности в другую тремя чинами выше присвоенного должности класса.

191) Пенсии и единовременные пособия назначаются цензорам и семействам их на основании правил, постановленных по учебной части Министерства народного просвещения (Свод законов, т. III Устава о пенсиях, ст. 479–546), причем время служения в звании цензора слагается без различия с училищною службою, если цензор проходил ее прежде.

192) Цензоры, получающие ныне, по прежним узаконениям, пенсии на службе, продолжают пользоваться ими, доколе не приобретут права на высшую пенсию.

193) Означенные в ст. 191 пенсионные преимущества распространяются и на прежнюю службу цензоров, если они сохранят это звание при предстоящем преобразовании цензурного управления.

194) Библиотекою Цензурного департамента предоставляется одинаковое с цензорами право на пенсию и единовременное пособие согласно ст. 191, если начальство его свидетельствовать будет, что он в продолжение постановленного для пенсии или пособия срока постоянно занимался сверх прямой своей обязанности цензурным рассматриванием книг.

195) Прочие чиновники и канцелярские служители цензурного управления и семейства их пользуются пенсиями и единовременными пособиями на основании общих правил, существующих по гражданскому ведомству.

196) Пенсии и единовременные пособия по цензурному управлению производятся из Государственного казначейства.

197) Чиновники цензурного управления носят мундиры по общей форме, установленной для служащих в Министерстве народного просвещения.

198) Цензоры еврейских книг (в Виленском и Киевском комитетах) получают штатное жалованье, но не пользуются никакими служебными преимуществами. Они освобождаются лично от рекрутской повинности, доколе пребывают в должности, а при вступлении в оную приводятся, по своему вероисповеданию, к присяге на верность исполнения возложенной на них обязанности.

РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, ПОПЕЧИТЕЛЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА, В ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ ГЛАВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА 22 МАРТА 1818 ГОДА

Министерство духовных дел и народного просвещения [1], учредив в Главном педагогическом институте [2] две кафедры для преподавания восточных языков, по Высочайшему повелению призвало из Парижа господ Деманжа [3] и Шармуа [4], образовавшихся там наставлениями известных ориенталистов Сильвестра де Саси [5], Ланглеса, Шези [6] и др.

Приличным казалось ознаменовать открытие сих кафедр особенным торжеством вместе с возобновлением кафедры истории, порученной профессору Раупаху [7].

Президент Императорской академии наук, по должности попечителя С.-Петербургского учебного округа, нашел себя тем более обязанным участвовать в сем торжестве, что он давно желал преподавания восточных языков в России, основанного на твердых и прочных началах, а преподавание истории почитал всегда главным делом народного воспитания.

Рассуждая о предметах, равно важных для всех, президент Академии наук говорил, как мыслил. Слава монарху, благоприятствующему беспристрастным исследованиям всех истин и скромному излиянию каждого чувства души!

Государь Император, великодушный покровитель всех общеполезных знаний, ныне щедрою рукою открывает новое поприще, новые пути в святилище наук и просвещения. Да будет наша первая мысль, наше первое чувство – признательность к нему, к нашему великому монарху, который герой в порфире, гражданин на троне, миротворец на поле брани, законодатель и просветитель, блистает под эгидою святой веры и святого человеколюбия; к монарху, коего глава украшена первою диадемою в свете и который в Древнем Риме заслужил бы от равных скромный, но славный венок гражданской доблести [8].

Но как можем мы достойно изобразить наши чувства? Чем можете вы, юные питомцы, заплатить ему за столь великие милости? Чего требует он от нас в замену толиких щедрот? Он требует вашего собственного благополучия; он требует свободного стремления к добру, благородного порыва ко всему прекрасному и полезному. Он хочет вложить в ваши сердца глубокое чувство вашего будущего звания в обществе. Он желает, чтобы, приняв по мере ваших сил искру того дивного огня, коим горит Его высокий дух, вы с обновленною душою рассы-

лались по пределам отечества и чтобы, следуя данному вам направлению, сообщая другим поколениям здесь почерпнутое образование, вы всегда показывали вашим будущим писателям соединение всех лучей религии и наук в один благодетельный источник истины и света.

Я не почитаю нужным пространно излагать пред вами, милостивые государи, всю важность открываемого ныне курса восточных языков. Вы знаете, какое место Восток занимает в истории. Восток – первая колыбель, первое поприще лучшего бытия, первый свидетель падения рода человеческого. Из Азии проистекали все религии, все науки, вся философия. Она одна сохранила чудесный дар производить все большие явления морального мира; там находили мы истинный, единственный источник всеобщего просвещения, и кто мог бы не гореть желанием созерцать вблизи богатства сего неисчерпаемого рудника ума человеческого?

К сему имеем мы один способ: *восточные языки*. Вообще языки суть памятники времен, предшествовавших истории. Узнать язык народа – значит узнать весь ход его образования. В недрах сих дивных составов лежит, так сказать, печать, отличающая один народ от другого. Чем совершеннее язык, тем народ ближе к просвещению. Сличение языков может изъяснить происхождение и сродство народов между собой; и если б по непредвиденному случаю могли когда-либо исчезнуть с лица земли все памятники истории, тогда следы времен прошедших остались бы только в самых диалектах, в их взаимных сношениях, в их внутреннем образовании; и тогда б мы судили о политической судьбе народа по совершенству грамматических форм ему принадлежавшего языка.

Но знание языков остается без цели и без важности, если мы ограничиваемся сравнительною номен-

клатурою или собранием пустых звуков. В нынешнем состоянии общих познаний *слова* суть не что иное, как *знаки мыслей*; следовательно, языки – только средства к достижению новых познаний или, лучше сказать, путеводители к новым понятиям. Высшая филология стремится к единству. Только те языки заслуживают наше внимание, которые имеют свою собственную словесность. В большом количестве языков мира весьма немногие могут называться *коренными* не столько потому, что от них произошли другие языки, как потому, что они сильно действовали на просвещение всего мира. Языки без литературы – то же самое, что народ без истории. Не все люди в сложности составляют человечество; не все языки принадлежат к филологии. Один греческий язык с происходящим от него латинским дает нам ключ к познанию всего западного мира; таким же образом арабский язык в соединении с языком Персии – ключ всей западной Азии и был долго ключом к познанию всей восточной древности. С тех пор как мы обогатились знанием *санскрита* и всех диалектов Индии, средняя сфера азиатских языков, без сомнения, изо всех важнейшая, каждый день более и более привлекает любопытство и внимание. Если к сим коренным языкам мы прибавим, с одной стороны, еврейский, а с другой – наречия племени татарских и, наконец, языки Японии и Китая, то одним взглядом обнимем всю систему древних, поистине *коренных языков* Азии. Теперь окинем быстрым взором главные литературы, из них происшедшие.

Словесность еврейская ограничивается книгами Ветхого Завета. Она отличается от других словесностей Азии тем, что не обещает ни дальних открытий, ни дальних усовершенствований. Язык еврейский был первым поводом к изучению других восточных языков. Знание его процветало в Европе посредством богосло-

вия задолго перед другими. Творения Моисея могут в своем роде равняться с совершеннейшими памятниками древней поэзии. Язык евреев не богат ни выражениями, ни оборотами, но смел и силен. Их поэзия, о которой древние не ведали, имела великое влияние на все новейшие литературы Европы.

<Словесность> арабов, коей обозрение господин профессор Деманж ныне представит в особой речи, имеет свой отличительный характер. Их поэзия пылает, как их степь; она чудесна, как их история. Посреди империи персов и империи римлян лежит Аравия, коею ни Александр, ни римляне не могли овладеть. Жители ее были независимы и храбры; они любили поэзию, как свободу. Сама природа защищала их от внешних властителей. В VII столетии явился Магомет, полководец, законодатель и поэт, – и бóльшая половина Древнего мира повиновалась *Исламу*, когда он оставил с жизнью завет обращать народы посредством Корана и меча. Сто лет после смерти Магомета владение арабов простиралось от Ганга до Пиренейских гор. Константинополь трепетал, и трон Персии распался на части. *Гарун Аль-Рашид* [9] и сын его *Ал-Мамун* [10] покровительствовали наукам. Под их скипетром процветали Восток, Африка, Испания. «*Тысяча и одна ночь»* [11] сделала Гаруна славнее, чем его поход на Царьград. Творения греков, особенно философов и врачей, были переведены на арабский язык. В Багдаде, в Бассоре и во многих других городах халифы основали высшие училища. Арабы первые познакомили Европу с Аристотелем. Вместе с науками процветали художества и мануфактуры. Архитектура арабов, которую мы ошибочно называем готическою, носит печать их гения. В великолепных чертогах Багдада, под тенью лимонных дерев на берегах Тага и Гвадалквивира раздавался звук оружия вместе

со звуком лютен и гитар. Арабы не уступали ни одному народу в любви к турнирам, рыцарству, поэзии. Следы пребывания их в Испании произвели Ариосто [12] и рыцарскую литературу[1]. Весь их исторический ход чудесен; но мы узнаем те же черты характера в арабе и посреди знойных степей в сопровождении верного верблюда, и в вышних ристалищах царей гренадских. С Магометом исчезла поэзия арабов; слабые ее отголоски были едва слышны. Тогда арабы славно владычествовали над двумя третями просвещенного мира. С независимостью, с бедностью, с жизнью патриархов лишились они оригинальности в произведениях ума. Магомет – сын степи – заключает круг их поэтов.

Переходя к литературе Персии, я должен сказать, что господин профессор Шармуа представит в своей речи несколько подробностей о сем предмете. Я покажу только связь словесности персидской с другими словесностями Востока.

Происхождение языка Персии, равно как и происхождение империи персов, теряется во мраке веков. Он богат и приятен; не так выразителен и не так силен, как язык арабов, но звучнее и привлекательнее. Формы поэзии верно определены. Персы имеют во всех родах превосходных поэтов: *Фирдоуси* – их Гомер, *Хафиз* – их Пиндар и Анакреон; первый написал большую эпическую поэму под названием «Шахнаме»; другой прославился одами и легкими стихотворениями, которые дышат негою. Сверх того, принадлежат к первой сте-

[1] Поэзия Европы имеет, как кажется, два источника: *поэзию северных народов*, привыкших к войне и наслаждающихся одним только повествованием о ней, – и *поэзию Востока*, преданную нам частью Крестовыми походами, частью испанскими маврами. Ариосту удалось прекрасно слить сии два рода поэзии в своем блестящем творении; Боярдо [13] еще ближе подражает духу восточной поэзии; Тассо [14] более напитан древними.

пени: *Саади* [15], его подражатель *Джами* [16], *Джеaледин* [17] и несколько других. Литература Персии – самая приятная и самая обработанная. Ориенталисты сравнивают ее с литературою французскою – так же, как путешественники дают жителям Персии название французов Азии. Поэзия арабов и поэзия персов различны в духе и формах, но заслуживают равного внимания. Их отличительные черты особливо приметны в произведениях, предшествовавших Магомету. Он дал всем умам такой вид рабства и единообразия, что, присоединив к литературам Аравии и Персии бедную словесность турецкую, мы можем назвать словесностью магометанскою произведения народов, между собою совершенно различных, но угнетаемых игом одних законов и одной религии.

Но из всех литератур Востока первая, важнейшая, обширнейшая есть, без сомнения, литература Индии. Она до сих пор менее всех других известна и ни в чем с ними не сходствует. Если верить свидетельству знаменитого В. Джонса (основателя Азиатского общества в Бенгале), *санскрит* (древний коренной язык Индии) превосходит все известные языки света: «Санскритский язык, – говорит Джонс, – совершеннее греческого, изобильнее латинского и обработан лучше обоих; но санскрит имеет с греческим и латинским разительное сходство как в происхождении слов, так и в формах грамматики, которое не могло быть произведено единственно случаем; такое сходство, что ни один филолог не может рассматривать сих трех языков, не уверясь в том, что все три имеют один источник, которого следы, может быть, более не существуют». Положим, что энтузиазм увлек здесь слишком далеко почтенного Джонса; но и в сем случае какое достоинство должны мы предполагать в языке, родившем столь сильное предубеж-

дение в первом знатоке восточных и классических языков; в ученом, с которым никто в XVIII столетии не мог равняться в обширности знаний, в страстной любви к своему предмету, во вкусе и в фантазии и который разбирал языки как филолог, а чувствовал как поэт?

Мы можем даже положить, что сходство санскрита с греческим и латинским языком не так близко или, лучше сказать, не так разительно, как предполагал президент Калькуттского общества; не менее того, мы наверное знаем, что сие сходство действует существенно, и тем более удивительно, что санскрит в своем составе, в своем духе, в своих формах представляет совершенную противоположность с другими языками Азии. Ни одно грамматическое правило не сходствует с правилами других наречий. Поэзия (сколько мы знаем) носит печать какой-то изящной простоты, чуждой всему Востоку, и вместе совершенной зрелости ума и души. Кто, хотя в переводе, читал прелестную «Саконталу», тот, конечно, согласится со мною[1].

Можно ли не желать страстно распространения сих прекрасных познаний? Кто не захочет познакомиться с сим богатым рудником; вникнуть в философию, в законодательство, в поэзию, в науки народа, столь еще мало известного, но которому, может быть, принадлежит первое место в просвещенном мире; пройти сквозь

[1] Санскрит понятен ученому только жителю Индии; для народа он язык мертвый. Что он некогда был живым, то доказывается его литературою. Она образуется только тогда, когда язык в полном цвете жизни. Джонс полагал, что санскрит происходит от древнего потерянного языка Персии. Многие ему противоречили; но все сие исследование суетно: место рождения языка там, где он образовался. К санскриту восходит *пракрит*, который не что иное, как смягченный диалект санскрита (*Jonesworks.* T. VI. P. 206). Бхаша – также простонародное наречие того же языка, по свидетельству Кольбрука [18] (Asiat. Res. T. VII. P. 225).

сей безмолвный ряд веков; внести светильник в мрачное жилище давно излетевших племен и поколений; одним словом, привязать свой ничтожный, быстротечный век к сим неподвижным памятникам отцветшего просвещения и забытой, но чудесной славы?

Если б можно было во всем пространстве представить *влияние* образованнейшего народа Азии на весь мир, тогда, конечно, пролился бы неожиданный свет на всю историю человечества. Но сей народ, занятый единственно собою, тогда только вступал в сношения с другими, когда делался их жертвою; сам о себе оставил он немного сведений. В сем недостатке исторических преданий любопытство наше может воспользоваться еще одним только обстоятельством: сей народ существует до сих пор; он сохранил свой язык и с ним свою религию, свою мудрость, свою поэзию. Он существует, но более в прошедших веках, чем в настоящем. Для него эпоха, к которой мы принадлежим (а сия эпоха начинается для Индии вместе с нашими историческими временами), представляет в его глазах образ совершенного хаоса. Бармин смотрит на нас с презрением. Он ожидает обещанного возобновления мира; он единственно мечтает о прошедшем, о тех чудесных временах, когда великий *Вишну* [19] в виде *Рамы* сражается со злыми духами или в образе героя Кришны [20] водворял на земле мир и тишину. Напрасно будем мы ожидать от народа в таком расположении ума тех критических сведений, коих жаждет Европа. Остается нам только вопрошать его художественные памятники, его просвещение, его законы, его природу; делаться на берегах Ганга жителем Индии и вместе оставаться европейцем, дабы соединить в одно целое те отрывки познаний, которые жители Индии нам передавать будут посредством своего языка и своей литературы.

Древнейшее произведение индийской словесности, источник их понятий о религии, о философии и о законодательстве, суть их священные книги, так называемые *Веды*. Дух, содержание формы, слог – все указывает на глубокую древность. Веды составлены из небольших трактатов или отрывков, принадлежащих, вероятно, разным авторам. Мы почти ничего не знаем о сих достопамятных книгах. Они составили тайную религию священников. Религия народа имеет свое начало в больших эпических поэмах Индии так, как греческий простонародный политеизм весь проистекал из Гомера.

Собрание законов Ману [21] есть второй памятник индийской литературы. Сии законы приписывают Ману; но он более принадлежит баснословию, чем истории. Они в тесной связи с Ведами и на них основаны. Хотя законодательство Индии в иных частях имеет еще знаки душевного младенчества, оно во многих отношениях доказывает удивительное просвещение нации, для которой сии законы были составлены.

Торжество санскритского языка – поэзия. Все роды ее доведены до совершенства: эпопея, лирическая, дидактическая и нравоучительная поэзия; но первенство между ними, по мнению самой Индии, принадлежит эпопее. Большие их народные эпические творения уважаются наряду со священными книгами. Литература Индии изобильна в эпопеях; но как творения Гомера в Греции, – две поэмы занимают и здесь первое место – «Рамаяна» [22] и «Махабхарата» [23].

Предмет первой из сих поэм есть победа божественного героя *Рамы* над *Равуною*, вождем злых духов. «Махабхарата» изображает войну двух неприязненных племен – *курсов* и *пандосов*. Думают, что «Махабхарата» новее «Рамаяны»; по крайней мере,

он описывает происшествия, более принадлежащие к историческим временам.

Дух индийской эпопеи состоит особенно в том, что она не оживляется ни чувствами, ни деяниями человеческими. Греческая эпопея сводила с небес своих богов и уподобляла их человекам; эпопея Индии если исключительно представляет одних богов, то возвышает смертных к богам и сближает их чудесным жезлом своим. Греки влагали в душу бессмертных свои ощущения; индийцы делают из человека в эпопее какое-то отвлеченное существо, совершенно чуждое человечеству. Большая пружина их поэм – *явление богов в виде человеков*; но сие перерождение так свободно, что боги, действующие на земле как человеки, остаются богами в своих высоких жилищах. Греки придавали своим богам идеальную красоту человеков; индийцы и тут пренебрегают человеческое. Их синий *Вишну* со многими головами и руками в сравнении с *Аполлоном Бельведерским* [24] живо означает характер той и другой поэзии, но греческий Олимп пред блистательными жилищами, в коих покоятся *Индра* [25] и *Вишну.* Здесь чудесные чертоги, коих высокие стены, пылающие в огнях, теряются в высоте небес; божественная музыка раздается со всех сторон; воздух – благоухание, каждая капля росы – бриллиант, хор молодых нимф оживляет волшебные гроты, украшенные душистыми цветами голубого лотоса, перлами и пестрыми раковинами. Их блеск отражается на кристалле лазурных вод, тихо волнуемых стройным движением белоснежного лебедя. Какая картина! Какое чародейство! Какая пышная игра фантазии!

Желание представить быстрое, некоторым образом полное обозрение литературы Индии, к коей ныне стремятся все умы в Европе, увлекло меня, может

быть, за пределы сего рассуждения. Оно лишает меня возможности продолжить мое странствование по богатому полю литературы Востока. Я должен оставить без внимания словесность Китая, столь же странную, как все его политическое образование, которое и слишком хвалили, и слишком унижали и которое поистине не должно бы возбуждать ни энтузиазма, ни презрения. Я могу только наименовать малоизвестную, но, конечно, важную словесность Тибета и большое разнообразие семейств татарских диалектов, в коем иные отрасли имеют уже литературу, а другие еще нуждаются в письменах.

Остается мне теперь показать, какое участие Россия должна принимать в распространении восточных языков и какую пользу она из их источников извлечь себе может.

Если будем смотреть на сии занятия с политической стороны, то один взгляд на карту докажет уже ясно, сколько сии познания для нас важны и даже необходимы. Должна ли Россия, опирающаяся на Азию, повелевающая целою третью сего пространного края, Россия в непрерывных сношениях с Турциею, Китаем и Персиею овладеть, наконец, великим орудием восточных языков? Сей вопрос кажется излишним. Нет сомнения, что твердейшая, может быть, опора великобританского владычества в Индии состоит именно в том, что английское правительство образует жителей Индии посредством собственной их словесности; что оно предоставило им право быть судимыми своими законами на своем языке; что оно, соединив дух английского законодательства с остатками древних предписаний и обрядов Индии, мало-помалу возбуждает во всех умах стремление к национальной славе и к древнейшим памятникам наук и словесности и чрез сие прекрасное,

может быть, *хитрое* почтение Индии присваивает себе каждый день более прав на уважение и на признательность покоренного народа.

Времена завоеваний протекли. Можно нарушить мир; можно внести огонь и меч в пределы собственных государств: но основать или удержать свое владычество одною силою меча – сей ужасный подвиг не принадлежит нашему веку. Мы видели, с какою быстротою рушилось огромное здание, недавно воздвигнутое в Европе. Никакая сила человеческая не может более противоборствовать могущественному гению Европы. В общем просвещении находится залог общей независимости. Завоевание без уважения к человечеству, без содействия новых, лучших законов, без исправления состояния побежденных – тщетная, кровавая мечта; но побеждать просвещением, покорять умы кротким духом религии, распространением наук и художеств, образованием и благоденствием побежденных – вот единственный способ завоевания, от коего можно ныне ожидать прочности вековой и который может некоторым образом *освятить* право сильного и народное славолюбие.

Когда же мы будем смотреть на восточную литературу в отношении к нашей, то каждый беспристрастный судия постигнет, сколь благотворно может быть ее влияние на произведения ума и на образование вкуса. Наша словесность есть некоторым образом поздний цвет нового политического образования России. Везде корень народной словесности теряется в колыбели народной истории. У нас просвещение и законы были жертвой долговременного порабощения под игом варваров. Римляне сперва овладели миром и впоследствии уже начали думать о просвещении. Из сего следует, что их литература, как и наша, не отличается оригинально-

стью; но их литература имеет, по крайней мере, свой характер; и сей характер заимствован от греков. За 50 лет пред сим советовал нам славный Хейне взять в основание нашей словесности словесность греческую; и тогда успели ли бы мы, может быть, заменить недостаток собственного народного вкуса чистым вкусом древних, верными правилами классической литературы. Она не могла бы дать нам оригинальности; но она защитила бы нас от слабости к подражанию, от слепого пристрастия к той или к другой словесности новых времен. Мы не колебались бы в выборе между подлинниками, равно для нас чуждыми; мы не истощали бы своих сил в трудных, но неблагоприятных опытах без цели, в прихотливых играх бесплодного воображения. Если же с распространением классической литературы совокупить познание восточной, то мы и теперь в полном праве ожидать обновления нашей словесности в сих свежих, доныне неприкосновенных источниках[1].

Обратимся теперь к истории – к предмету, заслуживающему по своей важности первое место в народном воспитании; по своему пространству – долговременных и постоянных трудов.

Истинное просвещение, которое не что иное, как точное познание наших прав и наших обязанностей, т. е. обязанностей и прав человека и гражданина, – истинное просвещение ожидает от вас, юные питомцы, подвига жизни и жертвы всех сил душевных! Но одна история может нас образовать в сем двояком отношении к обществу. Первый из ораторов Рима, падший вместе с его свободою, называет сию науку «свидетельницею времен, светом истины, жизнью памяти, наставницею жизни, глаголом древности» [26]. История оставляет

---

[1] Juvat integros fontes atque haurire… (лат.). И приятно черпать незамутненные (букв. – «нетронутые») ключевые воды. – *В. Т.*

мечтательной метафизике изыскания о каком-то первоначальном состоянии человеческого рода прежде основания общества. Религия и философия согласны в том, что падение человека содержит в себе первое основание гражданской жизни. Дивное сочетание бессмертной души и бренного тела объясняет тайну политических обществ лучше всех умствований физиологов и метафизиков. История представляет нам человека в обществе; она принимает свое начало на равнинах Азии, под сенью патриархов, в мирном кругу семейственной жизни. Святая простота нравов, под влиянием которой власть отца представляла власть монарха, а *человек и гражданин* были еще неразлучны в одном лице!

Выступая за пределы младенчества, общества развивают постепенно свои силы и переходят от простого семейственного правления к образованию форм правительства, сложных в своем существе и разнообразных по своим действиям. Но сколько бедствий должен испытать род человеческий! Какой мрак покрывает первые порывы его умственных сил! Едва он оставил свою колыбель, как уже влачет тяжкие узы. Природа Востока усыпляет своих изнемогающих сынов; они дремлют под свинцовым скипетром обладателей. Гармония поэзии прерывается стоном страждущих племен. Светильник наук освещает их цепи. Утратив познание истинного Бога, которого следы видны только в учреждениях Моисея, пророка, законодателя и поэта, человек лишается чувств своего собственного достоинства. Он перестает обращаться к единственному началу жизни; ищет сего начала во всех явлениях внешней природы и находит везде мерцающие призраки страха и фантазии. Он погружается в грубую чувственность, ведая, что боги его столько же безжалостны, как и его тираны; те и другие требуют от него слепого повиновения; те и

другие наслаждаются его страданием и не внемлют его жалобам; трон и алтарь равно обагрены кровью. Между тем небольшое число мудрых скрывает в мрачной внутренности храмов Индии и Египта последнюю искру человечества и просвещения, последний дар Востока. Они затмевают глаза профанов странными обрядами, они таятся под непроницаемым покровом эмблем и аллегорий; они говорят языком, непонятным для народа. Законодательство в их руках принимает вид грозный и надменный; формы правительства жестоки и неумолимы. Верховная власть сама склоняет под иго теократов; но врожденная сила человеческого ума побеждает, наконец, все препятствия. Он стремится к другой части мира. Чрез Египет текут науки в Грецию; она тогда же образуется чрез сношения с финикиянами. Между берегом Аттики и берегом Малой Азии сосредотачиваются все движения человеческого ума. История мира делается историею Греции. Египет и Финикия передают ей просвещение, мудрость и торговлю. Восток угасает; вселенная изменяется; человеческий ум возрождается в новом виде под чудесным небом Греции. Достояние всех веков делается собственностью оного народа. Он налагает свою печать на историю. От судьбы двух или трех городов Аттики и Лаконии будет отныне зависеть моральная судьба вселенной.

Воображение отдыхает, переходя к сей эпохе истории, которую поистине назвать можно юношеством человеческого ума. Кто не увлекался произведениями Греции? Чье сердце не билось при чтении Гомера или Софокла? Кто не плакал над падшими при Фермопилах [27]? Кто не торжествовал с победителями Марафона [28]? Но сей век очарований исчез навсегда и не оставил нам следов. Религия греков при всем своем превосходстве над всеми другими религиями политеизма

представляет еще странное сочетание нравственности и разврата, высокого полета и постыдных обрядов; она, по словам Монтескье [29], останавливала руку, а забывала сердце. Она не могла образовать гражданской жизни греков. Формы их правительств приличны только им. Города, рассеянные на берегах моря, могли процветать каждый особенно под республиканским правлением; но республиканское правление занимает в истории то самое место, которое занимают в жизни прекрасные мечты юности. Человечество возмужало; и если феномен республиканских правлений возобновился и в новых временах в некоторых небольших государствах, то можно сказать, что ни аристократические республики Италии в Средних веках, ни федеральное правление Гельвеции [30] ни в чем не сходствует с республиками Древнего мира. Вообще нельзя довольно часто повторять, что Древний мир со своею поэзиею и со своими законами для нас отцвел навсегда[1]. Сравнение форм древних правительств с нынешними весьма ложно; политическое образование древних колебалось между самовластием и безначалием. Все другие оттенки им чужды. Мир древних делился на две неравные между собою части: с одной стороны, *свободнорожденные*, с другой – рабы[2]. Все правитель-

[1] “Aκμαιου αυθος εφυρα κουις” *Meleager* (греч.). «Расцветший цветок засыпала пыль». *Мелеагр, греч. поэт. – В. Т.*

[2] “Summa itaque divisio de jure personarum haec est: quod omneshominesautliberisunt, autservi”. Institut. L. I. Tit. III. de jure personarum. – “Serviautem ex eoappelati sunt quod imperatorescaptivosvendere ac per hoc servare, necoccideresolent; qui etiammancipiadictisunt, eo, quod abhostibusmanucapiantur”. Ibid. § III (лат.). «Итак, высшее разделение в личном праве таково: что все люди суть или свободные, или рабы. Они называются рабами (servi), потому что военачальники имели в обычае пленных продавать и вследствие этого сохранять (servare), а не убивать; они названы также невольниками (mancipia) из-за того, что пойманы рукою врагов (manucapiantur). – *В. Т.*

ства были основаны на сем начале. Оно господствовало везде: у подошвы Кавказа, на берегах Ганга, под тенью пирамид, на площади афинской, в Сенате Рима и в его кровавых играх. Мир повиновался и безмолвствовал; никто не изыскивал происхождения сего порядка; он терялся во мраке веков. Право свободных над рабами, основанное на состоянии *военнопленных*, имело у древних ужасное, в наши времена, к счастью, неизвестное пространство. Оно было выше законов; оно попирало ногами самые светлые чувства природы. Горе побежденным! (Væ victis!) – вот эпиграф народного права у древних. В древнем мире рабы не почитались горестными жертвами строгой судьбы. Древние видели в них особый род людей, природою на вечное рабство осужденный, издавна лишенный не только всех своих прав, но даже всей способности ими когда-либо пользоваться. Ни один философ древности не восстал против сей мысли. Иные проповедовали снисходительность в обхождении с рабами; но ни Платон [31], ни Сенека [32] не внимали гласу природы и не защищали прав человечества[1]. Грозная *вековая давность* укрепляла систе-

[1] Сенека в 48 письме к другу дает ему наставление касательно до обхождения с рабами: «Этот человек, – говорит он, – которого ты называешь рабом, также родился в свет, как ты. Он наслаждается тем же небом, питается тем же воздухом, живет и кончит жизнь подобно тебе. Они рабы, но они люди; они рабы, но они живут под одним кровом с тобою. Они рабы? Нет… друзья в низкой доле, товарищи в рабстве: ибо и ты повинуешься судьбе, как они!». В другом месте того же письма Сенека говорит: «Как безрассудно судить о человеке по одежде или по ремеслу, которое также не что иное, как одежда? Он раб, но может быть он свободен духом; он раб, но можно ли его обвинять в этом? Не все ли люди рабы? Один – раб сладострастия, другой – скупости, третий – честолюбия; все суть рабы боязни!». Посреди сих красноречивых порывов рассуждение Сенеки ограничивается следующею дилеммою: «Будь снисходителен к рабам, ибо сам можешь лишиться свободы!». Сенека остановился на сей точке благоразумного эгоизма; но и тут он чудесен. Достойно

му древних правительств, всех на рабстве основанных. Никакая власть земная не могла коснуться сих твердых начал, христианская религия обратила их в прах; от ее светильника рассыпались все умственные и все телесные узы. Христианская религия есть великий урок *морального равенства*, Богом миру преподанный. Не народы Германии, не войны Севера и Востока, даже не пороки тиранов и не разврат народа разрушили колосс Римской империи – христианская религия нанесла ему смертельный удар. Он пал под десницею Того, *чье царство несть от мира сего!*

Нет нужды, кажется, доказывать, что рабство, какое было у древних, имеет мало сходства с состоянием подданных, которое называется рабством в новой исто-

---

замечания, что его необыкновенное уважение к человечеству; его чистая и возвышенная мораль, его смелая борьба с предрассудками заставили думать, что он знал Евангелие. Какое торжество религии! Оттого только, что писатель начинает как будто сквозь туман постигать достоинство и права человечества, уже называют его тайным последователем Христа! Мы имеем и доныне мнимую переписку Сенеки со Св. Павлом; я говорю *мнимую*, ибо нельзя думать, чтобы сии 14 писем были те самые, о которых упоминают Св. Иероним [33] и Св. Августин [34] (см.: S. Hieronymide Script. Eccles. C. 12 и S. Augustini Epist. **Ed Maced. 153. § 14, последний с сомнением). Если сия пере**писка когда-либо существовала, то она, конечно, не дошла до наших времен; та, которую мы ныне имеем, есть слабый опыт ученика. Так думали *Юст-Липсий* [35], славный издатель Сенеки, и все лучшие критики. Впрочем, Сенека имел случай слышать о Св. Павле [36], ибо его брат Галлион [37] был проконсулом в Ахее и в Коринфе защитил Св. Павла от иудеев, изгнав их из судилища (см.: Деяния Апостолов. Гл. XVIII. 12). Полагают по преданию, что Сенека познакомился со Св. Павлом во время его заточения в Риме. Сходство некоторых мест из его посланий с мыслями и выражениями Сенеки удивительно (см. любопытную статью в SchoellHist.delalitt.Romaine.T. II. P. 445 etseqq (фр.).(*Шёлль Х.* История римской литературы. – *В. Т.*). Кроткое по тогдашним временам смелое суждение о рабстве и рабах могло бы оправдать предположение, что религия христианская имела влияние на мораль Сенеки.

рии[1]. Дух христианской религии и самые учреждения германских народов противны духу древних законов. Феодальная система, из которой более или менее сей род рабства принял свое начало, коей влияние ощущается даже в самых отдаленных странах, не имеет никакого сходства с народным правом древних. Сей порядок служил приуготовлением к новейшей системе государств, и я предоставляю себе сказать впоследствии несколько слов о причинах, истребивших мало-помалу в Европе последние остатки феодального рабства, основанного на состоянии *приписанных к земле*, т. к. рабство древних основано на состоянии *военнопленных*.

Когда ваше внимание, юные питомцы, обратится на огромное здание Рима, тогда вы постигнете истинный переход человеческого ума к летам опыта и зрелости. Там вы увидите в первый раз, что значит слово *человек*, а еще более – что значит слово *гражданин*. В Греции сии два понятия почти всегда сливались в одно; или, лучше

[1] Где понятия между собою существенно различествуют, там следовало бы различествовать и *названиям*. Поллион [38], друг Августа [39], мог приказать в присутствии самого Императора бросить в воду на съедение кровожаждущих рыб слугу, разбившего хрустальный сосуд, и Август, приказав разбить все прочие сосуды сего, удовольствовался просить Поллиона о помиловании преступника, обнимавшего с воплем его колена. Вот рабство древних! Рабство в новых временах при всех своих заблуждениях не знало сих неистовств. Он скрывало с трепетом свои случайные преступления и везде подвергалось справедливому мщению законов. Право *жизни* и *смерти* над рабами было в Риме ограничено двумя законами: в 673 г. от основания законом Суллы [40], lege Corneliadesicariis (закон Корнелия об убийцах. – *В. Т.*), и в 813 г. законом консула Петрония [41], lege Petroniadeservis (закон Петрония о рабах. – *В. Т.*). Император Адриан [42] в первый раз уничтожил совершенно сие право, которое, по признанию римских законоучителей, существовало везде: “apudomnes feregentes animad vertere, domini in servos vitae necis quepotes tatem fuisse”.Institut. L. I. Tit. VIII. § 1 (лат.) («Обращать внимание, что у всех почти народов у господина существовало право жизни и смерти по отношению к рабам» – *В. Т.*».

сказать, что человек всегда торжествовал над гражданином. Где *прекрасное* (*ιοκάλον*) было верховный закон, там строгое понятие о должностях гражданских не могло существовать. Буйный дух греческих республик всегда увлекался страстями и первым впечатлением. Афины осуждали на смерть Сократа и Фокиона [43], на изгнание Аристида [44] и Демосфена [45]. Греки в одно время боготворили и казнили великих мужей. Минута решила их судьбу как судьбу республики. Пылкая фантазия управляла греками, строгий и наблюдательный рассудок царствовал в Риме; там вы увидите верх воображения и искусств, здесь – верх политической мудрости и проницательности; в Афинах гражданин уступал человеку; в Риме человек был жертвою гражданина; но в Риме вы изумитесь, увидя чудесное влияние сильной воли и постоянного славолюбия; вы узнаете в Римской республике, в самой колыбели ее, будущую обладательницу мира[1]. Поколения изменяются – Капитолий бодрствует. Какой ряд государственных людей великих в делах мира и войны! Какая цепь важных происшествий! Какое торжество глубокого и неослабевающего разума! И когда после восьми столетий счастливый Октавий садился на трон вселенной, то при блеске такого величия мы почти забываем, что две трети человеческого рода стенали под игом жесточайшего рабства; что римляне, гиганты в доблести и пороках, пили в золотых чашах слезы и кровь вселенной и в беспечном упоении не ведали, что *Освободитель мира* родился под соломенным кровом в забытом краю их огромной империи…

Падение Рима, возраставшего восемь столетий, продолжалось около 600 лет. Сие одно доказывает твер-

[1] “Turege, reiim, perio populous, romane, memento!” Virgil (лат.) «Помни, римлянин, что ты должен полновластно править народами». Вергилий. – *В. Т.*

дость сего политического состава – единственного в летописях истории. Рим упал не от внешних политических происшествий, даже не от собственных раздоров. Главная причина его падения было давно ожидаемое преобразование морального мира, которое совершилось посредством христианской религии. Европа, удрученная под игом самовластия, переходила от высочайшей степени силы к совершенному изнеможению старости; Европа без нравственности и без религии устремляла взоры на Восток и ожидала звезды, явившейся там, на краю неба, но коей блеск не отражался еще на Западе. Политеизм лежал во прахе; все основания гражданской жизни древних колебались; светильник философии гаснул; поэзия и красноречие исчезали безвозвратно; властители предавались всем порокам, народы стенали и развращались. Каждый день варвары наносили глубокие удары дотоле невредимому колоссу Рима; о, когда, наконец, сей тысячелетний дуб, воспетый Горацием, пал, пораженный громами, тогда густой мрак распространился по лицу земли; все умолкло, слабые лучи света побледнели; завеса опустилась – и мы видим конец древней истории.

Но пробуждение Европы было предназначено Промыслом. Оно сокрыло в лесах Германии залог ее политического возобновления; три главные причины произвели постепенное сие возобновление: *появление германских народов*, *феодальная система* и, наконец, *крестовые походы*. Народы, завоеватели и рушители Римской империи, выходили из Германии; чрез длинный ряд веков они сохранили характер, коего черты изобразили Юлий Кесарь и Тацит. Сим народам определено было разрушать и животворить, покрывать Европу кровавыми следами опустошения и вместе бросать повсюду семена будущего благоустройства,

повергать поколения в рабство и воспламенять дух народный, распространять мрак и без ведома готовить торжество просвещения[1]; вы увидите в их полудиких учреждениях и нравах изумительные следы какого-то высокого политического образования, основанного на незыблемых правах человечества и гражданства, о коих не ведали просвещеннейшие народы Древнего мира[2]. По примеру Европы начинаем помышлять о *свободных понятиях*; если же вы спросите, где тот народ, у коего являются первые их признаки, история не на-

---

[1] Montesquieu, Gibbon, Iohannes Muller [46], Shiller.

[2] Наши древние законы от скандинавского происхождения имеют свой корень в законах германских. «Заметим, – говорит Карамзин, – что древние свободные россияне не терпели никаких телесных наказаний; виновный платил или жизнью, или вольностью, или деньгами – и скажем о сих законах, что Монтескье говорит вообще о германских: они изъявляют какое-то удивительное простосердечие; кратки, грубы, но достойные людей твердых и великодушных, которые боялись рабства более, нежели смерти» (История Государства Российского. Т. II. – С. 63). Прибавим, что в сем отношении «Правда Русская» есть, без сомнения, драгоценнейший памятник нашей истории: Aviat queat avi nostril quum allium ac caepe verba eorum oler ent tamen opti meani matierrant (Varrofragm) (лат.). (Дословно: «Наши деды и прадеды, так как их слова пахли чесноком и луком (т. е. они ели чеснок и лук), лучше себя чувствовали. – *В. Т.*). Наши предки посреди своей грубости могли славиться глубоким чувством священных прав человечества и гражданства, нашедших ныне красноречивого защитника в могущественном монархе Севера. Кто мог без благоговения читать следующее место Его достопамятной речи? ”Prouvez á voscontemporains, que les institutions libérals, don’t on pretend confodre les principes á jamaissacré avec les doctrines subversives qui ontmenacé desnosjours les systême social d’uneépouvan table catastrophe, ne sont point un prestige dangereux; maisqueréalisées avec bonne foi et dirigéessurtout avec puretéd’intentionvers un but conservateur et utile á l’humanité, elles’allientparfaitement avec l’ordre, et produisent d’un commun accord la prospérité des nations“ (Discous pronouncé á l’ouverture de la Diètede Pologne”. 15/27. Mars. 1818) [47].Сии слова содержат обет всех благомыслящих и краткое, но сильное начертание обязанностей всех и каждого из них.

зовет ни римлян, ни афинян, ни карфагенцев, ни спартанцев; она укажет вам на германцев Тацита! Гений германских народов воссел на дымящиеся развалины всемирной империи римлян, и с того времени начинается новая история. Германские народы, феодальная система и крестовые походы, а выше всего – тайное, но сильное влияние христианской религии – вот степени перерождения мира, тесно между собою связуемые и одна от другой происходящие. Из германских учреждений, смешанных с обычаями Рима и Галлии, проистекает *феодальная система*, о которой было много написано, но которую не многие разумели. Феодальная система, составленная из многочисленных разнообразных начал, требует особого внимания и заслуживает наше удивление. Оставьте софистам XVIII столетия надутые жалобы на времена варварства и фанатизма! С высшей точки зрения, на которую вас возведет история, вы увидите, что сей ряд веков, носящих в самом деле печать невежества и суеверия, есть одно из необходимых условий образования, одно из испытаний, предназначенных роду человеческому. Он необходимо должен был пробиться сквозь сей хаос, чтобы мало-помалу привыкнуть к блеску истинного света. Дабы узнать свои права и свои обязанности, он должен был истощать сперва необузданную силу юности. Политические общества не скоро созревают. Дух народов находит в своих заблуждениях сугубую страсть к истине; но сколько пропадших мореплавателей прежде Колумба! Сколько опытов прежде английской конституции! Политическая свобода не есть состояние мечтательного благополучия, до которого бы можно было достигнуть без трудов. Политическая свобода, по словам знаменитого оратора нашего века (лорда Эрскина [48]), есть последний и прекраснейший дар Бога; но сей дар

приобретается медленно, сохраняется неусыпною твердостью; он сопряжен с большими жертвами, с большими утратами. В опасностях, в бурях, сопровождающих политическую свободу, находится вернейший признак всех великих и полезных явлений одушевленного и бездушного мира, и мы должны по совету того же оратора или не страшиться опасностей, или вовсе отказаться от сих великолепных даров природы. Естественный ход политической свободы, видимый в истории Европы, удостоверяет нас в сей истине. Человеческий ум идет не всегда прямым, твердо означенным путем. То смелым порывом подается вперед, то вдруг останавливается; часто увлекаемый обманчивыми призраками, он прерывает свое стремление и, подобно задумчивому гению на памятниках древней пластики, он обращает свой факел к земле. Но успокойтесь! Факел не может погаснуть; он бессмертен, как душа человеческая, как вечное правосудие, как истина и добродетель!

Феодальная система, хотя необходимая степень в образовании Европы, могла только служить переходом к другому совершеннейшему составу государств; и когда она стала угнетать возникающий дух и противиться его предначертанному ходу, тогда Промысел родил в недрах феодальных законов способ и случай их навсегда уничтожить. Сей способ – *Крестовые походы*. Они – последнее испытание юной Европы; последний ее порыв, последняя ее поэзия. Под стенами Иерусалима, пред гробом Спасителя положен, наконец (без ведома строителей и, конечно, против их воли), первый камень будущего политического здания Европы. Рыцари креста погребли в степях Сирии лучшую часть своих воинств, свою славу и свои богатства; они предали на жертву жизнь нескольких миллионов, они пролили реки крови и слез; но, исполнители неизвестного им за-

кона, они в замену толиких бед принесли в Европу новую искру свободы и просвещения!

Феодальное рабство, проистекающее не столько из германских законов, сколько из смешения их с нравами Галлии и даже с римскими учреждениями, начало мало-помалу исчезать от крестовых походов. В сем обороте участвовали религия, дух времен и самые внутренние обстоятельства государств. Гордый Гогенштауфен [49] и последний его подданный делались равным образом *рыцарями креста*. Вот первый знак ослабления прав властителей![1]

Под знаменами Спасителя все воины были свободны и равны. Сверх того, *коронные вассалы*, отправляясь на войну и нуждаясь в деньгах, иногда продавали или закладывали свои поместья и отпускали на волю рабов, иногда по условию отказывались от некоторых прав своих; иные освобождали рабов для спасения души своей (proredemtioneanimæ). *Среднее состояние* (tiers-état), в руках коего была вся промышленность, образовалось тогда под покровительством королевской власти, в виде городовых обществ (communes). Сии общества откупали права властителей в больших городах, делавшихся таким образом приютами свободы и торговли. Сверх того, власть монархов, находившая всегда препоны в преимуществах непокорных больших *вассалов* и *баронов*, искусно воспользовалась их ослеплением и мало-помалу укреплялась в самовластии.

Мы видели, что у древних все люди делились на два класса: на *свободнорожденных* и на *рабов*. После падения Западной империи и торжества германских за-

---

[1] Уже в римских законах находим мы следы освобождения через военное ремесло, см.: Nov. 81. Tit. X. De Emancipatione.

конов возникло три рода людей: *рабы*, или *повинные*, которые служили другим; *свободные*, или воины, поселенные на завоеванных землях, и, наконец, *владельцы*, вожди на поле сражения и коим покорялись победитель и побежденный. Из сего разделения на три рода людей проистекало также разделение земель на три класса и вообще все оттенки публичного права в феодальном образовании, которого подробности не могут входить в пределы сего рассуждения. История нам покажет, юные слушатели, как сии три класса людей, образовавшихся, наконец, в виде трех различных состояний в государстве, стремились под влиянием крестовых походов расширять каждый сферу своего могущества сверх монархической власти, алкавшей тогда самодержавия. Не думайте, чтобы в сем смешении прав, в сей борьбе неприязненных страстей каждое государственное состояние было движимо великою мыслию общественного блага! Нет! Ни одно из них не простирало взоров далее тесного круга своих собственных выгод. Цари стремились к самовластию, бароны и большие вассалы искали упражения в воинском ремесле, славы и добычи; среднее состояние, разбогатевшее от своего просвещения, покушалось сбросить свои оковы и в своих руках сосредоточить промышленность и торговлю. Каждый действовал собственно для себя, и ни один не ведал, что он – слепое орудие в руках Промысла, действовал единственно для основания равновесия всех политических сил и что из всех частных, ограниченных намерений должен был составиться согласный порыв к общему благоустройству Европы.

Нельзя приписать разрушения феодального рабства одним Крестовым походам. Главным доказательством сему служит то, что крестовые походы не обра-

зовали *свободных поселян*[1]. И если вы спросите, какая могла тому быть причина, то история вам скажет, что большие политические перемены сего рода суть медленный плод времен, свободное действие духа народного, обмен взаимных выгод всех государственных сословий; она вам скажет, что освобождение *души* чрез просвещение должно предшествовать освобождению тела чрез законодательство и что в жизни народов, как в жизни частного человека, свобода гражданская и политическая походит на ту драгоценную одежду, в которую римляне облекались, переходя от бурных лет неопытности к летам зрелого и совершенного возраста.

Я не буду следовать далее ходу истории. Мы видели, каким образом возникла новая система государств. Из германских законов возродилась феодальная система, а сия система произвела Крестовые походы, которые в первый раз представляют Европу в виде одного великого семейства, занятого одним общим делом, имеющего в виду одинакую цель. Пятнадцатое столетие довершило европейскую систему. Сей дивный век блистает всеми родами славы и величия. Америка, Мыс Доброй Надежды, книгопечатание, Реформация, порох, торговля в Индии – вот его трофеи. Отныне система европейских государств, заключающая их взаимные сношения, их публичное право, их общее просвещение, их всемир-

[1] Одним из любопытнейших памятников Крестовых походов есть кодекс, составленный Готфридом Бульонским [50] для Королевства Иерусалимского [51]: Assisesde Jerusalem или Letrresde St. Sépulcre. В сем кодексе видно уже значительное усовершенствование феодальных понятий, как-то учреждение трибуналов, в которых каждый был судим своими равными (первый зародыш *присяжных*, издревле известных в России. См.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Ч. II. – С. 62). Но между тем в тех же законах Готфрида цена *раба* равнялась с ценою *ястреба*, а верховая лошадь ценилась против *поселянина* или *военнопленного*. (*См.*: Coutume de Beauvoisis, par Thaumas de la Thaumassière. – Bourges, 1690, in-folio).

ную торговлю, течет беспрепятственно на высшую степень образованности. Права человечества всеми признаны; права гражданства везде определены. Исчезла их неприязненная противоположность; ныне каждый должен хранить святой пламень любви к человечеству, чтобы сделаться достойным гражданином. Сии две обязанности соединяются в одну. Евангелие – залог свободы и просвещения примирило в образе христианина человека с гражданином.

Кто может ласкаться надеждою окинуть взором все неизмеримое пространство истории? Один бесконечный разум обнимает огромную картину времен, пред ним открытую. Мы должны довольствоваться уверением, что каждое явление в истории относится к своему началу и входит в состав морального мира и что все большие политические перевороты подлежат вечным законам необходимого. Так, например, если, вспомнив о предмете сего рассуждения, вы захотите знать, почему народ, не участвовавший ни в одном из общих переворотов Европы, ныне владеет ее жребием? Каким образом сей народ, младший сын в многочисленном европейском семействе, в течение одного столетия превзошел своих братьев и, сохранив в своих учреждениях, в своих нравах след душевной юности, ныне алкает просвещения и стремится похитить у других и лавр воинской славы, и пальму гражданской доблести? По какому дивному сплетению происшествий правнук Петра Великого на берегах Сены восстановил трон Св. Людовика? [52] И если, наконец, обращая мысль на самих себя, на окружающие вас памятники, на великолепную столицу – Пальмиру Севера, на сию мирную обитель наук, на предмет и на дух сегодняшнего собрания, вы с удивлением спросите, как природа могла произвести сии чудеса на том самом месте, где за сто лет перед сим

дремало болото, столь же далекое от образованной Европы, как вечные степи Северной Америки? Тогда мы вам скажем: «Внимайте гласу истории! Она вам ответствовать будет; она объяснит все ваши сомнения, решит все ваши вопросы; она вам скажет, сколь завидна участь народа, коему Провидение даровало ряд государей, соответствующих требованиям времени и вполне удовлетворяющих духу своих столетий. Государства имеют свои эпохи Возрождения, свое младенчество, свою юность, свой совершенный возраст и, наконец, свою дряхлость. Наблюдение сих больших перемен – первый долг попечительного правительства. Желание продолжить один из сих возрастов далее времени, назначенного природою, столь же суетно и безрассудно, как желание заключить возмужающего юношу в тесные пределы младенческой колыбели. Теория правительства в сем случае походит на теорию воспитания. Не то достойно похвалы, которому удалось увековечить младенчество физическое или моральное; то премудро, которое смягчило переходы одного возраста к другому, охранило неопытность, заранее открыло способности ума, предупредило опасности и заблуждения и, повинуясь закону необходимого, возрастало и зрело вместе с народом или с человеком. Все сии важные истины содержатся в истории. Она – верховное судилище народов и царей. Горе тем, кои не следуют ее наставлениям! Дух времени, подобно грозному Сфинксу, пожирает не постигающих смысла его прорицаний!».

Теперь мне остается только изъявить сердечное желание, чтоб каждый из тех, которые в сем храме просвещения будут образоваться великими примерами истории, нашел в них новые побуждения более любить свое Отечество, свою веру, своего Государя; чтоб каждый из них посредством истории, особенно истории отечествен-

ной, коей мы видим, наконец, достойный памятник [53], благодаря твердости духа и таланту великого писателя, научался предпочитать честь народную своей собственной жизни; благородство чувства и независимость духа – всем благам мира; истину и добродетель – всем обольщениям страстей; чтоб каждый из них, к какому бы сословию он ни принадлежал, где бы он ни был поставлен судьбою, имел всегда в виду, что и он – звено неизмеримой цепи, объемлющей в своем составе все народы, все племена, все человечество.

ОТЧЕТ ПО ОБОЗРЕНИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (4 декабря 1832 г).

Во исполнение Высочайшей воли о подробном осмотре Московского университета с подведомственными заведениями руководствовался я преимущественно следующими двумя вопросами:

1) Может ли Московский университет оставаться в настоящем его виде?

2) Содержит ли Московский университет в себе средства к лучшему преобразованию и имеет ли Министерство народного просвещения возможность приступить к сему обновлению без чрезвычайных и, так сказать, насильственных мер?

Из сих двух вопросов проистекла, с одной стороны, необходимость вникнуть во все подробности нынешнего положения университета, с другой – обязанность сообразить и исследовать начала, из коих могло бы быть составлено обновление оного.

Таким образом, и самый сей, который я имею счастье повернуть к стопам Его Императорского Величества, разделяется на две части: в первой из них я представлю краткий обзор найденного мной порядка вещей, а во второй постараюсь изложить меры, которые, по моему убеждению, могли бы содействовать к лучшему устройству и предупредить дальнейший упадок сего важного отечественного заведения.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Главные предметы, на кои я обратил особое внимание, суть: *нравственность*, *ученье* и *общий дух университета*.

О нравственном положении

По части нравственности уверился я при самом прибытии в Москву, что усердием и деятельностью помощника попечителя, статского советника Голохвастова [1], произведена в иных отношениях счастливая перемена, и во все время моего пребывания в Москве не произошло ничего, могущего нарушить устройство и полную тишину между студентами. Строгость при экзаменах как при вступлении в университет, так и при получении студенческого аттестата, в мое присутствие усиленная, много содействовать будет к постепенному очищению университета и, невзирая на некоторые неудовольствия со стороны публики и родителей, заслужила мое совершенное одобрение. Сию разборчивую строгость, полагаю я, необходимо нужным удержать и на будущее время.

Самая наружность студентов ясно доказала мне при первом взгляде, что начальство, наконец, обращает на них ближайшее внимание. При сем случае не могу я

умолчать, что, когда я требовал, чтобы студенты были мне представлены каждый порознь и поименно, большую часть казенных наименовал мне Голохвастов без помощи списков или инспектора и что почти в каждом из них мог он мне дать некоторый отчет.

Вообще нашел я, что со стороны начальства приняты надлежащие меры как для пристойного содержания казенных студентов (в чем я уверился, бывши несколько раз при их обеде и вкушая их пищу), так и для надзора за ними, ныне порученного профессору Щепкину [2] – деятельному и надежному по должности инспектора.

В классах, где я присутствовал почти ежедневно, не заметил я никакой разницы между казенными и своекоштными студентами [3], предположение поместить сих последних в особом казенном здании составляет в моих глазах один из важнейших вопросов, до благосостояния университета относящихся, о коем я предоставляю себе изложить далее мое мнение с надлежащей подробностью.

Касательно помещения и содержания казенных студентов нашел я, что соблюдается надлежащая пристойность; но расположение аудиторий в довольно тесных и разбросанных комнатах весьма неудобно по причине большого пространства, занимаемого библиотекой (впрочем, весьма посредственной), некоторыми, довольно любопытными кабинетами и огромной, но холодной залой, для публичных собраний определенной. Необходимо было бы отделить библиотеку и кабинеты или же аудитории в другое здание; при умножающемся числе студентов теперешнее помещение становится ежедневно неудобнее.

О преподавании

Касательно преподавания должен я буду дозволить себе предварительно некоторое общее пояснение, дабы

потом обнять одним взглядом все замечания, сделанные мной по внимательном и, как я думаю, беспристрастном рассмотрении всех частей оного.

Университетское преподавание имеет две разные стороны: одну – собственно *ученую* и *учебную*, другую – *моральную* и, так сказать, *политическую*.

В отношении к сей последней должен я положительно сказать, что при близком и внимательном рассмотрении сего важного предмета, при ежедневном посещении лекций, при частых, непосредственных беседах с профессорами не замечал я ни малейшего отступления от хорошего духа и от добрых начал; я совершенно уверен, что с сей стороны преподавание в Московском университете не подлежит никакому нареканию.

Но сия часть тесно связуется с ученой или, лучше сказать, учебной. Влияние добрых начал и хороших намерений тогда только имеет полную силу над умами, особенно молодых людей, когда оно сопровождается основательным образованием, счастливым выражением мыслей и запасом твердых познаний в профессоре; требовать всех сих условий от каждого из них было бы дело несбыточное, но желать и стремиться к возможному уравнению сих достоинств может и должно быть целью Министерства народного просвещения. Таким образом, находится и в Московском университете довольно неравное распределение способностей между преподающими: иные стоят на степени желаемого образования по своей науке и владеют способностью передавать свои познанья; другие опоздали на собственном поприще, и сих опоздалых можно найти как между старыми, так и между младшими членами сего сословия. К первому разряду причисляю я по справедливости ветерана Каченовского [4], трудолюбивого и даже остроумного знатока по своей части, не столько

красноречивого, сколько прилежного преподавателя; Давыдова [5], более всех прочих владеющего языком и даром выражать мысли, полезного на кафедре русской словесности, некогда, может быть, легкомысленного, но созревшего чрез опытность, любимого публикой и студентами и в готовности коего быть, при хорошем направлении, хорошим во всех случаях орудием правительства я не имею никакого повода сомневаться; астронома Перевощикова [6], образованного и умного профессора с открытой головой и с благородным чувством – человека, во всех отношениях заслуживающего внимание начальства; профессора математики Щепкина и восточных языков Болдырева [7]; много обещающих и даже уже сдержавших: профессора Александра Фишера [8] и адъюнктов [9] Погодина [10], Максимовичей: 1-го – по части зоологии, 2-го – по части русской истории [11] и 3-го – по ботанике; в факультете медицинском усердных и полезных Альфонского [12], отличного латиниста Рихтера [13] и Эйнбродта [14], лучшего ученика Лодера [15]. К разряду хороших преподавателей прибавлю профессора богословия, священника Терновского [16], лекциями коего я был совершенно доволен как в отношении полноты и ясности, так и в отношении языка и метóды преподавания.

В числе опоздавших, большей частью устаревших, заметил я по медицинскому факультету Мухина [17] и Котельницкого [18]; в словесном – профессора греческой словесности Ивашковского [19] с довольно хорошими, но не своевременными познаниями; в нравственно-политическом – Василевского [20], не способного к занятию кафедры, столь важной, политического и народного права и дипломатии, и который находился еще под моим начальством в бывшем Главном педагогическом институте, и о благовидном удалении коего были при-

няты уже меры попечителем Московского университета; профессора латинской словесности Снегирева [21], не имеющего достаточных познаний по сей части; профессора русского законодательства Смирнова [22], едва ли обнимающего предмет, и несколько адъюнктов, отнюдь не обещающих быть отличными преподающими и которые лишь по беспечности начальства могли быть допущены к сему званию; я не упоминаю здесь о прочих заслуженных профессорах, из коих бóльшая часть не принимает участия в преподавании.

Здесь, как и везде, находится между сими двумя крайностями некоторое число людей без отличных способностей и без разительных недостатков, как-то: молодой профессор археологии Надеждин [23], слишком рано возведенный в звание ординарного профессора и который занимается изданием «Телескопа» [24] и «Молвы» [25] – двух периодических изданий, не заслуживающих одобрения ни по содержанию, ни по духу, но, впрочем, не лишенный некоторой способности быть со временем хорошим преподающим; профессор Павлов [26], который равномерно имеет дар выражаться правильно и даже приятно, но который содержит обширный вольный пансион и управляет училищем Земледельческого общества и хутором оного, каковы занятия едва могут оставить довольно времени, чтобы сделаться прилежным исследователем своей науки. К сему разряду принадлежат еще несколько других лиц, слишком рано и легко удостоенных звания профессорского.

Трудно, конечно, в непродолжительном времени собранные впечатления излагать в кратких и резких словах; легко даже или оценить иных свыше достоинствах, или не отдать другим надлежащей справедливости, особенно в распределении умственных способностей; однако ж, думаю, что я в своих суждениях о лицах

не мог во многом отдалиться от истины, ибо смотрел с беспристрастием равнодушного посетителя и в отношении к некоторым следовал общепринятому мнению.

Из сего быстрого обозрения главнейших лиц, входящих в состав Московского университета, можно заключить, что по медицинскому отделению имеем мы несколько способных и усердных орудий; по отделению словесному – несколько отличных преподающих; по нравственно-политическому, сверх профессора богословия, из одного профессора Василевского с экстраординарными профессорами и адъюнктами составленного, совершенный обломок факультета, в котором все смешано, и юридические, столь обширные и необходимые науки не имеют ни одного надежного преподавателя, а все политические вместе с римским правом предоставлены адъюнкту Васильеву [27], который, невзирая на его хорошие познания и усердие, не может выполнить столь противоположных требований, ниже возложенное на него поручениене[1].

Из сего можно вывести, сколь несоразмерны и несообразны между собой разнородные части, составляющие публичное преподавание в Московском университете; отсюда происходит во многих какой-то упадок духа, какая-то лень думать и идти вперед, какое-то внутреннее несогласие и неравенство, которые много содействовали к расстройству Университета и к недоверию общего мнения к оному.

В заключение прибавлю, что во время моего пребывания в Москве я не только посещал ежедневно лекции профессоров, но еще перед отъездом учредил на сей раз в каждом факультете новый род испытания для студентов, заставляя отличнейших из них отвечать с кафедры в виде кратких лекций на заданные им пись-

[1] Так в тексте С. С. Уварова. – *В. Т.*

менно вопросы, приноровленные к пройденным ими предметам. Дабы лучше обозреть цель сих учреждений, скажу, что, включая впечатление, произведенное робостью молодых людей и новостью сего образа испытания, к коему ни они, ни профессора не были нимало приготовлены, я во многих из молодых людей нашел весьма хорошие познания и дар выражать мысли правильно и даже приятно; прибавлю, что студенты медицинского факультета превзошли прочих в сих упражнениях или беседах, коих применение могло бы быть повсюду полезно, ибо они служат для опытного наблюдателя лучшим мерилом к узнанию степени успехов и способностей каждого и даже к исследованию образа мыслей предстоящего юношества. Сей новый способ, сначала испугавший некоторым образом не привыкших к оному студентов, возродил потом такое между ними соревнование, что они неотступно и толпой искали у профессоров соизволения явиться мгновенно на кафедре в моем присутствии и в присутствии многих особ, привлеченных любопытством, как-то: князя Д. В. Голицына [28], графа Румянцева [29], И. И. Дмитриева [30], князя С. И. Гагарина [31] и многих других, удостоивших весьма часто в мою бытность университетские лекции своего посещения.

Много подобных распоряжений и усовершенствований, равно как и других мер, клонящихся к оживлению университета и к внутреннему соглашению лиц, к оному принадлежащих, можно бы с пользой предпринять, если б мы имели в ректоре человека в полном значении сего слова. Профессор Двигубский [32] при всем усердии и благонравности не имеет довольного весу, не пользуется достаточно личным уважением, чтобы исполнять все обязанности, с сего назначением сопряженные. Можно бы без затруднения назвать двух

или трех профессоров Московского университета, обещающих более успехов и, как мне кажется, более способных к сей должности.

Об общем духе университета

До осмотра Московского университета, лично мной произведенного, разделял я с многими некоторые предрассудки насчет духа, господствующего в сем важном заведении; но, приняв оное в точнейшее наблюдение свое и исследовав вблизи истинное положение вещей, увидел я, что во всех отношениях глубокое спокойствие и легкость следовать всем направлениям, данным правительством, составляют ныне отличительную черту молодежи, стекающейся в Московский университет; особенно убедился я в том, что прежние примеры неустройства и буйного расположения в некоторых молодых людях не были ими почерпнуты в университете, а внесены в оный под влиянием посторонних лиц, воспользовавшихся неопытностью и пылким воображением сих несчастных жертв их коварства, – чему могут служить, кажется, неоспоримым доказательством следствие и приговор, учиненные прошлого года над некоторыми из них [33].

Утверждая, что в общем смысле дух и расположение умов молодых людей ожидают только обдуманного направления, дабы образовать в большем числе оных полезных и усердных орудий правительства, что сей дух готов принять впечатления верноподданнической любви к существующему порядку, я не хочу безусловно утверждать, чтобы легко было удержать их в сем желаемом равновесии между понятиями, заманчивыми для умов недозрелых и, к несчастью Европы, овладевших ею, и тем твердым началам, на коих основано не только настоящее,

но и будущее благосостояние Отечества; я не думаю даже, чтобы правительство имело полное право судить слишком строго о сделанных, может быть, ошибках со стороны тех, коим было некогда вверено наблюдение за сим заведением; но я твердо уповаю, что нам остаются средства их ошибок не повторять и, постепенно завладев умами юношества, столько же доверенностью и кротким назиданием, сколько строгим и проницательным надзором привести оное почти нечувствительно к той точке, где слияться должны к разрешению одной из труднейших задач времени, – образование правильное, основательное, необходимо в наше время с глубоким убеждением и с теплой верой в истинно русские хранительные начала Православия, Самодержавия и Народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества.

Во все время моего пребывания в Москве обращался я свободно не только с учителями, но даже и с самими студентами; почти ежедневно открывался мне случай с ними беседовать, вместе и порознь; и всегда, при повторении священного имени государя, при объяснении его благодетельных видов, его великодушного внимания к их успехам и благосостоянию видел я на всех лицах и слышал со всех сторон непритворное, юношеское изъявление любви к монарху и к Отечеству. Весьма часто случалось мне, прервав лекцию профессора, докончить оную собственным нравоучением, всегда приводя речь к лицу государя, к преданности Трону и Церкви, к необходимости быть русским по духу прежде, нежели стараться быть европейцем по образованию, к возможности соединить вместе незыблемое чувство верноподданного с познаниями высшими, с просвещением, принадлежащим всем народам и векам, – и всегда, я смею сказать, общий восторг встречал случайно и неожиданно произнесен-

ные слова. Может быть, иные скажут, что я увлекался сим отголоском собственных убеждений; на сие довольствуюсь я отвечать, напоминая о тех предрассудках, с коими я вступил в Московский университет, и сверх того заметил, что я говорю положительно, что сии чувства *нашел* я между молодыми людьми; следовательно, *что не я их посеял* и что, по сему случаю, услуга сия, буде, может быть, приписана кому-либо, должна быть приписана не мне. Что я радовался, нашедши сие расположение умов, в том я сознаюсь, равно как и в обязанности, в коей я себя почитаю довести до сведения Его Императорского Величества о сем предмете.

Конечно, могут скрываться и между студентами: в иных – некоторая черствая самонадеянность и недозрелая строптивость рассудка, в других – склонность к шалостям, к заблуждениям, даже к порокам, но и следов преступных помышлений найти я не мог; а т. к. сие заключение подтверждается мнением ближайших начальников университета и даже всех местных начальств, начиная с московского военного генерал-губернатора, с коим я находился именно по сему в непрерывных сношениях, то полагать до́лжно, что сие уверение есть общее между теми, коим ближе принадлежит удостоверяться в сем предмете. К сему должен я присовокупить, что никогда к точному узнанию университетской молодежи не было принято столько твердых и полезных мер: ибо не только затруднено посредством экзаменов вступление в университет, но и самый выпуск отныне подлежать будет строжайшей разборчивости.

Сюда относится предмет, имеющий равное влияние на общее спокойствие умов и на самый дух университета, – я говорю о периодических изданиях и журналах. С давнего времени разделял я со многими благомыслящими неприятное впечатление, производимое дерзки-

ми, хотя отдельными усилиями журналистов, особенно московских, выступать за пределы благопристойности, вкуса, языка и даже простирать свои покушения к важнейшим предметам государственного управления и к политическим понятиям, поколебавшим едва ли не все государства в Европе. При вступлении в должность думал я, что, укротив в журналистах порыв заниматься предметами, до государственного управления или вообще до правительства относящимися, можно было бы предоставить им полную свободу рассуждать о предметах литературных, невзирая на площадные их брани, на небрежный слог, на совершенный недостаток вкуса и пристойности; но, вникнув ближе в сей предмет, усмотрел я, что влияние журналистов на публику, особенно университетскую молодежь, небезвредно и с литературной стороны. Разврат нравов приуготовлялся развратом вкуса; студент, не имеющий сообщения с обществом, бедный, одинокий студент с жадностью читает журналы и ищет в них пищи для ума и сердца. Что ж он в них находит? Незнание правил логики и языка, резкий и надменный тон в суждениях, насмешливое представление тех самых людей, от коих он должен получать образование. Какими глазами он будет смотреть на профессора, которого он видел накануне покрытого грязью? Какое уважение может он сохранить к человеку, обращенному в общий смех и который тем более обязан молчать, чем более он достоин своего звания? Борьба с журналистами сего рода неравная: их крик берет верх над простым рассудком. Неопытный читатель блуждает во тьме и мало-помалу свыкается с площадным духом и с грубыми формами противников, равно недостойных уважения.

Руководствуясь сими мыслями, обратил я в бытность мою в Москве особенное внимание на цензуру

журналов и периодических листов; Комитету цензурному, для сего собранному, счел я нужным поставить пространно на вид его тесные к правительству обязанности, подкрепив мои замечания разными статьями, пропущенными им в журналах; издателей «Телеграфа» [34] и «Телескопа» призывал к себе и излагал им с умеренностью, но твердо все последствия, какие влечет за собой опасное направление их журналов, и, рассуждая с ними о сем предмете, получил от них торжественное обещание исправить сию ложную и вредную наклонность; особенно издателю «Телескопа» и «Молвы» как профессору Московского университета заметил в присутствии Голохвастова, что его обязанность к правительству двоякого рода: ибо не только как журналист, но еще как профессор должен он служить орудием здравого рассудка и хороших начал и что из сей двоякой обязанности проистекает для него двоякая, весьма важная и тесная ответственность. Тому и другому из сих журналистов изъяснил я, что пора прекратить им не только дерзкое суждение о предметах, лежащих вне их круга, но также и облагородить их издания, положа конец ругательным критикам и дерзким личностям. По вниманию, кажется искреннему, с коим они слушали мои слова, должен я думать, что они при бдительном надзоре цензуры сдержат данное слово; по крайней мере, Министерство, образумив их языком кротким, но твердым, предоставило ныне себе все средства требовать гласно и открыто то, что я внушил им в виде рассуждения и совета. Вообще, имея при сем случае непосредственное сношение с сими лицами, убедился я в том, что можно постепенно дать периодической литературе, сделавшейся ныне столь уважительной и столь опасной, направление, сходственное с видами правительства; а сие, по моему мнению, несравненно лучше

всякого вынужденного запрещения издавать листки, имеющие большое число приверженцев и с жадностью читаемые особенно в средних и даже низших классах общества. Здесь должен я сказать, что издатель «Телеграфа» Полевой скорее других повиновался моему наставлению и что даже московская публика заметила перемену в тоне его журнала, хотя не ведала о причинах, побудивших его к оной.

Нельзя утверждать, чтобы и после сего не проявлялись в московских журналах если не статьи уже, то, по крайней мере, выражения, носящие отпечаток давнишних браней, поселившихся в тамошних литераторах; но тут уже вину надобно отнести на счет цензоров, коим я беспрестанно показывал деланные ими ошибки и объяснял их собственную обязанность; так, например, должен я прибавить, что стороннего цензора Лазарева [35], коему поручена цензура периодических изданий, почитаю я слишком мягким и недовольно сметливым для сей должности, как я в том по неоднократным случаям убедился. Но сего было недовольно: усмирив несколько порывы буйного духа в существующих журналах, употребил я власть, так сказать, *отрицательную*: прямое, непосредственное влияние, особенно на университетскую молодежь (которую я всегда имел преимущественно в виду), может только проистекать от нового, чистейшего источника познаний и сведений. Кому более принадлежит право обращать речь к оной, как не сословию ее образователей, сословию профессоров Московского университета? Руководствуясь сим правилом, объяснил я профессорам, каких благоприятных последствий можно бы ожидать от журнала, ими издаваемого, в котором каждый из них принял бы участие по своей науке; что им следует, по словам устава и по смыслу их звания, в противоположность прочим

журналам доставлять читающей публике, особенно молодым людям, пищу чистую, зрелую, предохранительную – пищу, сообразную с умственными силами молодых читателей и согласную с потребностями их возраста, образования и будущего назначения в жизни. К сему я прибавил, что таковое издание служило бы новым, так сказать, живым средством сообщения между наставниками и слушателями, между наставниками и начальством. Наконец, принял я смелость объявить, что буду ходатаем за таковое полезное предприятие во всех случаях, где откроется нужда прибегнуть к щедрому вниманию Августейшего покровителя наук: ибо, вероятно, что журнал ученый и учебный, содержащий статьи серьезные, журнал без политических новостей и литературных ругательств, по избалованному журналистами вкусу публики, не найдет при появлении многочисленных подписчиков и что сначала необходимо будет Министерству обеспечить первое появление сего периодического издания.

Как о сем единодушно принятом предложении, так и вообще о готовности, которую явили профессора Московского университета, привести в исполнение мысль, коей они постигли и важность, и необходимость, представил я министру народного просвещения официальный отзыв профессоров [36]. В ожидании надлежащего со стороны Министерства народного просвещения разрешения осмеливаюсь со своей стороны всеподданнейше обратить особое внимание и покровительство Его Императорского Величества на сие предприятие как на предмет, могущий иметь ближайшую непосредственную пользу [37].

Желая возобновить ученую деятельность профессоров, имел я еще в виду и то, чтобы посредством сего журнала внушить молодым людям охоту ближе заниматься

историей отечественной, обратив больше внимания на узнание нашей народности во всех ее различных видах. Не только направление к отечественным предметам было бы полезно для лучшего объяснения оных, но оно отвлекало бы умы от таких путей, по коим шествовать им не следует; оно усмиряло бы бурные порывы к чужеземному, к неизвестному, к отвлеченному в туманной области политики и философии. Не подлежит сомнению, что таковое направление к трудам постоянным, основательным, безвредным служило бы некоторой опорой против влияния так называемых *европейских идей*, грозящих нам опасностью, но силу коих, обманчивую для неопытных, переломить нельзя иначе, как чрез наклонность к другим понятиям, к другим занятиям и началам. В нынешнем положении вещей и умов нельзя не умножать, где только можно, число умственных плотин. Не все оные кажутся, может быть, равно твердыми, равно способными к борьбе с разрушительными понятиями, но каждая из них может иметь свое относительное достоинство, свой непосредственный успех.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ
О мерах восстановления Московского университета

Из всего предыдущего можно заключить о нынешнем состоянии Московского университета. Без малейшего сомнения требует он во многих отношениях преобразования, но вместе с тем нетрудно и увериться, что элементы к оному частью находятся в самом составе Университета, частью должны происходить от тех мер, которые будут на сей конец приняты правительством.

Меры сии разделяются на меры *вещественные*, *административные* и на меры *умственные* и *моральные*.

От сочетания тех и других, от совокупления обоих сих орудий произойдет обновление в духе и в формах заведения столь важного, столь драгоценного для России, столь ею некогда уважаемого.

Я постараюсь в коротких словах изложить главнейшие из сих мер, предоставляя всякое дальнейшее объяснение тому времени, когда таковые меры в совокупности и отдельно будут подлежать рассмотрению высшего правительства.

Вот к чему я полагаю необходимым приступить неотлагательно:

1) Московскому университету исходатайствовать утверждение нового штата[1]. Нет нужды распространяться о предмете, о котором неоднократно предоставляемо было на Высочайшее воззрение и чрез министра народного просвещения, и чрез попечителя Московского учебного округа [38]. Скудное содержание профессоров влечет непосредственно за собой упадок духа, охлаждение к занятиям, необходимость искать другие средства к пропитанию – словом, разрушение университета. В теперешних обстоятельствах профессора Московского университета, удерживаемые доселе на кафедрах врожденной преданностью к сему заведению, еще имеющему какой-то отголосок прежней своей славы, и надеждой на будущее, приняли бы сей опыт внимания правительства с живейшим восторгом, с глубоким чувством благодарности. Он необходим для них, но необходим и для нас, особенно если Министерство воспользуется сим случаем удалить благовидно некоторых преподающих, коих дальнейшее пребывание при университете служило бы непреоборимым затруднением в предстоящем

[1] Против этого места собственной Его Императорского Величества рукой написано: «Кажется, уже назначено». – *Здесь и далее примеч. С. С. Уварова, если не оговорено иное.*

преобразовании оного[1]. Я осмеливаюсь думать, что представленный до моего отъезда Устав университетский со штатами будет уповательно дарован с наступающим годом, хотя Московскому и С.-Петербургскому университетам и учебным округам, ибо в Московском учебном округе остаются в действии прежние штаты и по гимназиям, и по училищам, так что единогласно все губернские директора, которые съезжались в Москву для свидания со мной, утверждают, что ежедневно пресекаются все способы к поддержанию заведений, им вверенных, чего и опровергнуть невозможно. В самой Москве уездные училища, мной обозренные, состоят в самом жалком положении, тогда когда требования со стороны публики ежеминутно умножаются.

2) К сему предмету, т. е. к требованиям общего мнения, отнести можно и положение университетского Благородного пансиона [39], преобразованного в Первую гимназию, чем, несомненно, лишилась большая часть родителей высшего сословия, в Москве проживающих, средства воспитывать детей в казенном заведении. Не касаясь до причин, побудивших правительство постепенно уничтожать специальную цель и права, некогда присвоенные Благородному пансиону, нельзя не согласиться в том, что гимназическое ученье едва ли приноровлено быть может к гражданским потребностям тех классов, из коих образуются будущие служители Отечества между дворянами; здесь надобно заметить, что с давних времен на специальность воспитания не было обращаемо достаточное внимание; конечно, план гимназического ученья соответствует образованию, нельзя не уважить, что резкая граница, отделяющая в гражданском быту сословия между со-

[1] Против этого места собственной Его Императорского Величества рукой написано: «Исполнить».

бой, требует, чтобы и воспитание по сему мерилу распределено было; требует воспитания *специального*, без коего нельзя никогда будет дать право гражданства нашим учебным заведениям. Так, например, со всех сторон оглушали меня жалобы родителей, просящих единодушно о восстановлении бывшего Благородного пансиона, хотя не на том же основании или не с одними правами, но, по крайней мере, в прежнем специальном направлении сего заведения. Все твердили, что они готовы платить по 1500 руб. и более в год за сына, если только открыт будет вновь пансион, куда могли бы отдавать в Москве детей под непосредственным наблюдением правительства и цель коего была бы некоторым образом приспособлена к будущему назначению их в службе. Между тем, по собственному осмотру, по донесению директора 1-й гимназии и по свидетельству помощника попечителя, открывается, что гимназия сия, составленная из развалин бывшего пансиона, ежедневно приближается к упадку по недостаточному числу пансионеров. Соображая, таким образом, общее требование высших классов в Москве, их гласную готовность содействовать всеми силами к учреждению или восстановлению специального учебного заведения, неимоверные успехи некоторых частных пансионов, лично мной обозренных, в коих плата простирается до 2000 руб. в год с бедственным положением и постепенным упадком 1-й гимназии, увидел я необходимость обновить с некоторыми оттенками бывший Благородный пансион или под сим званием, или под иным подобным оному; в сей мере находится тем более удобства, что 1-я гимназия не имеет ничего гимназического, кроме названия и устава: ибо под сим, для общего мнения неприятным именем, она есть не что иное, как пансион, ослабевший и лишенный всех средств получить какую-либо самобытность.

Если сии предположения удостоятся уважения, то следует, по моему мнению, поручить исправляющему должность попечителя Московского учебного округа вместе с некоторыми членами университета составить подробный проект такового обращения 1-й гимназии в специальное дворянское заведение. Все, относящееся к сему, было предметом продолжительных совещаний с Голохвастовым и со многими другими особами, близко знакомыми с местностью Москвы[1].

3) Губернская, так называемая 2-я гимназия, одна, по моему мнению, заслуживает звание гимназии, ибо третья еще не открыта. В губернской гимназии нашел я порядочное ученье, чистую наружность, благородное и твердое обхождение с детьми, и все сие подтвердилось ныне на университетском экзамене, на коем воспитанники 2-й гимназии оказались лучшими, по свидетельству помощника попечителя и профессоров. Таковые успехи большею частью должны быть приписаны директору оной – надворному советнику Окулову [40], в полтора года, со скудными средствами, преобразившего сие заведение, доведенное прежним директором до совершенной погибели; хорошему набору и усердию учителей, также и весьма похвальной деятельности инспектора Белякова, вполне заслужившего мое одобрение, не по поверхностному взгляду, а по внимательному и продолжительному разбору. Я считаю долгом заслуги как директора Окулова, так и инспектора Белякова и некоторых учителей сего заведения, имена коих мной замечены, всеподданнейше представить на Высочайшее Государя Императора воззрение, уверен будучи, что ознаменование монаршей ми-

[1] Против этого места собственной Его Императорского Величества рукой написано: «Не вижу никакого сему препятствия; сверх того, можно бы было приготовить проект Лицея в Москве наподобие и по уставу Царскосельского и представить мне».

лости воспламенит их к дальнейшему усердию[1]; вообще я считаю обязанностью присовокупить, что 2-я гимназия есть единственное московское учебное заведение, в коем я не нашел ни малейшего повода к упреку или замечания и которое если не все представило мне, чего бы я желал, то, по крайней мере, открыло мне надежду развития от времени и постепенное усовершенствование, не сопряженное с большими препятствиями.

4) Учреждение 3-й гимназии столь необходимо, что обратило уже на себя внимание местного начальства и министерства. Теперь из трех московских гимназий одна вовсе не существует, другая по званию только принадлежит к подобным заведениям, так что губернская (2-я) гимназия одна только соответствует своему назначению и удовлетворять обязана многочисленным требованиям правительства и публики. В мою бытность в Москве открылся случай купить для 3-й гимназии дом, весьма удобный, бывший графа Пушкина на Басманной [41]; просят за оный 140 000 руб., но можно еще надеяться на некоторую уступку[2].

5) Но посреди всех сих мер остается одна важнейшая, я смею сказать, решительная для судьбы Московского университета, подробное и беспристрастное исследование коей во всех видах, во всех оттенках, преимущественно озаботило меня во все время пребывания моего в Москве: не приведенное еще в исполнение помещение своекоштных студентов в особое здание под присмотром университетского начальства представляет, при первом взгляде, некоторое ожидание лучшего устроения и подчинения всех сих молодых людей одному за-

[1] Против этого места собственной Его Императорского Величества рукой написано: «Можно представить к награде».

[2] Против этого места собственной Его Императорского Величества рукой написано: «Из каких сумм?».

кону порядка, одному действию надзора. Но сколько, с другой стороны, открывается, смею сказать, неудобств всякого рода! Покупка дома Пашкова [42], не имеющего ни дверей, ни балок, ни окон, ни даже крыши твердой, обременило кассу университета ежегодным платежом 15 000 руб., кои взимаются из доходов типографии, весьма далекой от цветущего положения, как я то усмотрел из течения дел и по свидетельству начальства университетского. По смете и планам, представленным попечителем Московского учебного округа князем Голицыным, расходы на предполагаемые постройки, из коих (как увидим ниже) значительная часть относится на помещение своекоштных студентов, простираются до 1 855 975 руб. Сверх сего существенного затруднения надобно принять в уважение, что, по верному исчислению начальства, тогда только сей приют для вольных студентов может вознаградить собственный расход и просто покрывать оный, когда непременное число студентов-пансионеров будет состоять из 350 человек, а на сем основании оказывается следующий расчет:

Капитал, употребленный на покупку дома Пашкова	250 000 руб.
Капитал, предполагаемый на отделку и пристройки (кроме клиники, библиотеки, церкви и всех построек, не касающихся до помещения студентов), круглым числом	1 100 000 руб.
На издержки обзаведения, кои для предполагаемого помещения своекоштных 350 человек должны быть произведены прежде их принятия	50 000 руб.
Сумма капиталов, которые издержать дóлжно, составит	1 400 000 руб.
С сего капитала в год процентов по 4 со ста	56 000 руб.

Издержки на отопление круглым числом	20 000 руб.
На освещение	1000 руб.
На ремонт строений и содержание чистоты	3000 руб.
На жалование директору, помощникам, эконому и тем из нижних чинов, кои должны состоять при доме, не смотря, весь ли предполагаемый комплект своекоштных студентов в оном будет	10 000 руб.
Сумма процентов с издержанных капиталов и ежегодных издержек	90 000 руб.

Число своекоштных студентов, коих предполагается поместить, есть 350; разделив на сие число сумму 90 000 руб., выйдет на каждого круглым счетом 257 руб. таких издержек, кои могут в течение долгого времени при предполагаемом всегда полном комплекте пополниться 50 руб., вносимыми каждым при вступлении его в дом. Но дотоле, сколько человек будет недоставать до 350, столько раз ежегодно теряет правительство 257 руб.

Здесь следует еще заметить, что дом Пашкова, считая по 15 000 руб. в 36 лет, составит покупной ценой не 250 000 руб., а 540 000 руб. и что все расчеты должны бы быть произведены на сем основании, так что и вышеприведенный о своекоштных студентах едва ли не должен удвоиться по соразмерности.

Между тем затруднения другого рода, затруднения моральные, не могут быть тут упущены из вида: или сии пансионеры окажутся людьми благонадежными и тогда по их возрасту они могли бы равномерно проживать скромно, как доселе, на разных квартирах, или они окажутся людьми вредными, хотя и в малом количестве, тогда какой надзор, какое наблюдение, вне университета производимое (ибо они не казеннокоштные и хотя будут жить вместе, но состоять на другом

основании), могут обеспечить опасное ежеминутное их сообщество с прочими?

Если уроженцы польских губерний, ныне лишенные средств оканчивать юридические и словесные курсы в Вильне [43], будут стекаться в сию, так сказать, гостиницу, которая не может быть им заперта, кто может ручаться за дух, который они внесут с собой? Последуют ли они влиянию духа русского или, напротив, распространят они дух своего племени, дух враждебный во всех изменениях и под всеми личинами? На сей вопрос едва ли кто найдет заблаговременно положительный ответ; прошлогодние же события в университете ведут, однако ж, к заключению, что перевес может быть не на стороне нашей. Итак, огромные издержки, сопряженные с потерей пяти или шести лет, необыкновенные усилия, чтобы упрочить сие заведение в возможном устройстве, даже и в хозяйственном отношении, опасность видимая возбудить новые опасности, едва отвратившим прежде бывшие неудобства, – вот что открывалось (по крайней мере, перед моими глазами), когда я обдумывал сей предмет. Нельзя также не упомянуть о том, что исполнение сей мысли, имевшей естественным источником великодушные щедроты государства, может некоторым образом остановить ожидаемое обновление Московского университета, обещая все денежные средства, все усилия начальства, все внимание Министерства на предмет, косвенно только входящий в состав университета, в то самое время, когда университет и 1-я гимназия находятся в упадке и расстройстве и когда в московских уездных училищах, числом уменьшившихся со времен Екатерины II, скоро, за ветхостью зданий и недостатком средств, вероятно, прекратится самое ученье. Прибавим еще, что сия мера, коей истинный смысл был худо постигнут и еще хуже

истолкован, произвела в публике впечатление неблагоприятное. Наконец, теперь, когда дух университетской молодежи, как будто новым жаром, новой покорностью оживленный, не являет, по единодушному свидетельству всех начальств, ни малейшего признака беспорядка или неповиновения, то не изменились ли частью те самые побуждения, которые прежде сего могли наклонить правительство к таковым мерам, и сами виды оного о сем предмете не ожидают ли нового рассмотрения и соображения?

Вникая в сей вопрос, открывается несомненно, что благодетельное намерение правительства могло бы быть исполнено на других, легчайших началах; я не беру на себя именно обозначить оные во всей подробности, но я уверился, что другие средства к сему легко приисканы быть могут. Если бы, например, вместо того чтобы употребить столь огромные суммы и столько усилий всякого рода на призрение одиноких своекоштных студентов, умножено бы было число казенных, то можно думать, что благодетельная воля монарха достигла бы совершенно своей цели. В сем предположении покупка дома Пашкова могла бы обратиться в пользу университета, ибо, отделав оный дом, однажды уже купленный, можно бы в оном соорудить церковь и поместить все аудитории и все залы университетские и тем самым доставить им необходимое расширение; словом, полезное употребление легко бы нашлось для оного дома, коего местоположение являет, конечно, удобность для всякого подобного плана. Впрочем, о сем последнем предмете составлена вследствие Высочайшего повеления особая записка с надлежащим соображением. Вообще считал я долгом, долгом священным, откровенно изложить перед Его Императорским Величеством мои сомнения касательно своекоштных студентов, сомнения,

основанные уже не на простых догадках, а на беспристрастном наблюдении местных обстоятельств, уверен будучи, что в сих строках находится если не *истина*, то, по крайней мере, убеждение[1].

6) Говоря далее о моральных способах восстановить Московский университет, не смею я умолчать о том, какое неизъяснимое влияние на его восстановление могло бы иметь некоторое изъявление монаршего благоволения к настоящему его порыву, к готовности всех и каждого сделаться достойными Высочайшего внимания; каковой порыв, каковая готовность могут быть доказаны не только моим свидетельством, но и свидетельством всех московских начальств, с коими я находился во всегдашних сношениях; все с умилением ожидают, что, наконец, взгляд милости будет обращен на них; все, сколько я могу судить, стремятся загладить прежние впечатления; все, кажется, готовы быть орудиями Высочайшей воли, единственно пекущейся о благе общем. С моей стороны, дозволяю я себе чистосердечно изложить мое заключение по сему, ибо ничего нет легче, как поверить оное с показаниями других. В Москве дело университета есть дело общее; оно составляет беспрерывно главный предмет всех наблюдений, всех разговоров. Все принимают более или менее участие в нем; всем он близок к сердцу. Оттуда и нетрудно постигнуть, в какой мере ценят попечения правительства, особенно милостивое воззрение монарха; но и нетрудно также постигнуть, с каким тщанием, с какой осмотрительностью, с каким сочетанием кротости с твердостью следует приступить к трудному и многосложному делу восстановления Московского университета из-под развалин, его тяготящих.

[1] Против этого места собственной Его Императорского Величества рукой написано: «Все это может быть справедливо».

7) Сюда, с другой точки зрения, принадлежит также обязанность начальства иметь в непрерывном наблюдении все части сего заведения, дать каждой из них надлежащее движение, доставить учащим и учащимся более средств, более пособий, чем имелось доныне; пояснить их понятия о том, что требует от них правительство; следовать за всеми изменениями, за всеми изгибами важного вопроса, так сказать, олицетворенного в Московском университете и коего удачное разрешение дало бы, без сомнения, и новый блеск благополучному царствованию возлюбленного монарха, и новую прочность существующему порядку, показав, что в краеугольном начале оного находится для нас, русских, источник всех тех умственных сил, служащих не к разрушению, не к беспорядку, не к вольнодумству политическому и религиозному, а к созиданию и утверждению отечественного блага на незыблемом подножии самодержавия твердого, просвещенного, человеколюбивого. Сюда принадлежит также целый ряд отвлеченных вопросов, частью о вещах, частью о лицах, вопросов, не могущих по своей важности, по обстоятельствам, по бдительному попечению Государя Императора скрываться от его прозорливости и, конечно, входящих в число его высоких размышлений.

Сверх замечаний, составивших сей отчет в осмотре Московского университета, мною по Высочайшей воле тщательно произведенном, собрал я значительное число разнородных сведений, долженствующих умножить запас опытности, в течение 22 лет приобретенной. Дозволю себе только прибавить одно: более чем когда-либо убедился я в пользе подобного строгого, аналитического, непосредственного осмотра и смело скажу, что без сего предварительного испытания никто не может полагать себя в силах участвовать в управлении частью, окружен-

ной столь великими затруднениями и требующей, едва ли не более всех прочих, способности не увлекаться своими собственными теориями и опытами и не слишком вверяться теориями и опытами других.

<ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОПЕЧИТЕЛЮ МОСКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА>

30 мая – 29 июля 1847.

Министерство народного просвещения.
Канцелярии министра, 27 мая 1847. № 688-й.
Господину попечителю Московского учебного округа [1].
По Высочайшему повелению

В конце прошлого столетия родилась между соплеменными нам народами на Западе, именно в Богемии, мысль, что все народы славянского происхождения, рассеянные по Европе и подвластные разным скипетрам, должны когда-либо слиться в одно целое и составить государство славянское. Эта мысль мало-помалу овладела всеми ветвями славянского племени в Европе – сперва в литературном, потом и в политическом смысле.

От этого движения повсюду между народами славянского происхождения усилилось стремление к изучению языков, древностей и всех памятников славянских племен; но, к сожалению, это развитие отдельных ветвей славянских недолго оставалось в мирных пределах науки: скоро подпало оно искажению, частью от влияния общих тревожных идей политических, частью от возбужденных предрассудков религиозных, частью и от собственных недоразумений каждого пле-

мени. Европейское понятие о славянстве раздробилось уже на столько же ветвей, сколько находится отдельных земель. Название славянства, драгоценное для восьмидесяти миллионов, разделенных на многие народы, занимающих безмерное пространство земли, по языку своему помнящих единое происхождение и древнее родство, как оказывается ныне, употребляется во зло под личиною чистого братства [2].

Эти идеи Запада о славянстве естественно тяготеют к России как средоточию племен славянских, потому что и в языке русских, и в вере, и в законе дышит и бодрствует древнее начало народной жизни, от различных судеб исторических давно умершее в других славянских народах. Но и у нас западные понятия могут увлечь людей пылких и не подозревающих опасности своих мечтаний.

Для охранения преподавателей, принадлежащих к ведомству Министерства народного просвещения, долженствующих проливать в юные умы учащихся благотворный свет истинных, полезных знаний и чувство любви к престолу и вере от вредного влияния разрушительных начал, почитаю священным долгом, с Высочайшего соизволения государя Императора, изложить значение *народного начала* в видах правительства и мысли о сем важном современном вопросе передать вашему сиятельству для конфиденциального сообщения их преподавателям, цензорам и некоторым из членов ученых обществ, в ведомстве Московского университета состоящим, в круг занятий коих входит преимущественно словесность и история отечества.

Вопрос о славянстве в отношении к нам представляет две стороны: одну, которую злонамеренные могут употребить на возбуждение умов и распространение опасной пропаганды, преступной и возмутительной; другая же сторона содержит в себе святыню наших ве-

рований, нашей самобытности, нашего народного духа, в пределах законного развития имеющую неоспоримое право на попечение правительства. Русское славянство в чистоте своей должно выражать безусловную приверженность к Православию и самодержавию; но все, что выходит из этих пределов, есть примесь чуждых понятий, игра фантазии или личина, под которой злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей. Раскрытию этого начала мы обязаны ближайшим знакомством с церковнославянским языком, на котором чтение Священного Писания, недавно чуждое высшим слоям общества, ныне понятно юному поколению, одолжены знакомством и с другими славянскими наречиями, полезным и необходимым для ученых исследований языка отечественного. Этим же направлением главнейшие памятники нашей древней славяно-русской словесности вышли из забвения и множество актов и документов, служащих к разысканиям историческим, обнародовано на иждивение правительства.

Но этому славянству русскому, нами во всей чистоте принимаемому, должна быть чужда всякая примесь политических идей; тогда остальным началом, в нем сокровенном, будет наше государственное начало, на котором непоколебимо стоят трон и алтарь, собственно *русское* начало, *русский* дух, наша святыня.

В этом славянстве мы, русские, должны искать своего народного начала, источника и народного просвещения. Каждый народ, в периоде самобытности своей, вмещает в себе два элемента: общий наследственный от народа-родоначальника, исчезающего в поколениях, и частный, составляющий *личность* народа. Общий элемент в нас есть родовой, славянский, частный – наш, собственный русский. Посредством личности своей каждый народ развивает в жизни человечества особую

мысль Провидения и содействует исполнению благих Его предначертаний. Так, все славянские государства были в свое время славны и могущественны, и все, как бы по очереди, пали: Моравия, Болгария, Сербия, Померания, Чехия, Кроация, Славония, Далмация, Босния, Польша [3]. Многие славяне даже потеряли язык свой вместе с воспоминаниями о прежней самобытности: в Померании, Мекленбурге, Саксонии и в других странах Германии славянское наречие вытеснено немецким, в Морее – греческим, в Венгрии – мадьярским [4]. Этим славянам, утратившим значение свое, свойственно с сожалением вспоминать славное прошедшее. Но Россия, по воле Провидения, выдержала удары судеб и приобрела *самобытность*, претерпев многоразличные, долговременные бедствия, внутренние и внешние, она одна возносится над могилами единородных государств и своею собственною личностью представляет беспримерную историю по необъятности владений, многочисленности обитателей и по могуществу народного духа, благоговейно преданная своей вере, своему Государю, сохранившая свой язык, знамение народного ума, народных доблестей, народного чувства. Тогда как прочие славянские народы в изнеможении своем от чуждого владычества еще гордятся общим славянским происхождением, Россия, не помрачившая славы предков, славна своими народными доблестями, славна и прошедшим, и настоящим.

Итак, независимо от общего славянства, в действительности не существующего, а изменившегося в нескольких славянских племенах, мы должны следовать за своими судьбами, свыше нам указанными, и в своем родном начале, в своей личности народной, в своей вере, преданности к престолу, в языке, словесности, в истории, в своих законах, нравах и обычаях мы обязаны утвердить живительное начало русского ума, русских

доблестей, русского чувства. Вот искомое *начало народное*, и не *славяно-русское*, а *чисто русское*, непоколебимое в своем основании, собственно наша *народность*. Великий преобразователь России [5] не все вновь в ней создал: стихии для его творения уже были приготовлены венценосными его предшественниками. Могучею волею Петр I совершил в свое царствование то, для чего потребны столетия; но он совершил то, до чего народы достигают и в постепенном своем развитии. Какие следствия его преобразований? Мы, оставаясь русскими по духу и сердцу, сравнились с европейцами в образованности. Ломоносов [6] для пересоздания слова русского там же искал сокровищ науки, где Петр Великий находил их для пересоздания государства. Чего ж нам ожидать от соплеменных народов? Ответ мы находим в истории и прошедшей, и современной. Святая Русь бедствовала и страдала одна, одна проливала кровь свою за престол и веру, одна подвигалась твердым и быстрым шагом на поприще гражданского своего развития; одна ополчилась против двадцати народов, вторгнувшихся в ее пределы с огнем и мечом в руках [7]. Все, что имеем мы на Руси, принадлежит нам одним, без участия других славянских народов, ныне простирающих к нам руки и молящих о покровительстве, не столько по внушению братской любви, как по расчетам мелкого и не всегда бескорыстного эгоизма.

С таким воззрением на нашу народность я обращаю слово преимущественно к тем преподавателям, которым досталось обрабатывать на ученом поприще участок славный, но и трудный – русский язык и русскую словесность, с прочими соплеменными наречиями как вспомогательными средствами для народного языка, русскую историю, историю русского законодательства. Им предпочтительно пред другими принадлежит возбуждение

духа отечественного не из славянства, игрою фантазии созданного, а из начала русского, в пределах науки, без всякой примеси современных идей политических. Преподаватели, следуя видам правительства и научая вверенное им юношество тому или другому предмету, да поучают его и впредь по-русски мыслить и чувствовать: только этим способом будущие члены общества составят одну великую семью с одинакими мыслями, с одинакою волею, с одинаким чувством.

Таково воззрение правительства на славянство вообще и на славянство в отношении к России, таковы мысли о *начале народном* и *народности* – источнике народного просвещения, коими следует руководствоваться при направлении умов учащегося юношества.

Московский университет – старый блюститель отечественного языка, в сердце России, пред стенами священного Кремля, свидетеля и бедствий, и радостей народных, в особенности должен показать пламенное усердие в развитии русского просвещения из русского начала нашей народности. Разливая на учащихся свет истинных, полезных знаний об отечественной истории и словесности, об отечественных законах и преданиях, университет, без сомнения, истребит влиянием своим необдуманные порывы некоторых из прежних его питомцев, отделивших себя от общих исторических мнений не столько по какому-либо убеждению, сколько по легкомыслию и добродушной мечтательности. Не славнее ли для нас имя русского – то знаменитое наше имя, которое с основания государства нашего повторялось и повторяется миллионами народа в жизни общественной? Да слышится в университетах имя русского, как слышится оно в русском народе, который, не мудрствуя лукаво, без воображаемого славянства, сохранил веру отцов наших, язык, нравы, обычаи, всю народность.

Я не скрываю пред собою, что вышеупомянутые уклонения от прямого пути науки возможны, но в то же время я уверен и имел счастье всеподданейше выразить Всемилостивейшему Государю Императору уверение, что учащие и учащиеся, принадлежащие к ведомству Министерства народного просвещения, оправдывают ожидания и надежды монаршие, и это уверение, с полным убеждением в точности его исполнения, передаю в настоящем случае самим делателям на ученом поприще.

Бог нам да поможет в великом деле *народного просвещения,* от которого зависят *настоящее* и *будущее* России!

В заключение я должен присовокупить, что это открытое и положительное изложение видов правительства в деле о началах Русского просвещения, без сомнения, возбудит во всех благонамеренных стремление по мере сил оправдать доверенность правительства и употребить все старания к сохранению духа учащегося юношества от соблазна понятий, нам неприязненных и вредных. Между тем правительство, следя неослабно развитие сего важного по обстоятельствам дела, тогда только было бы вынуждено обратиться к мерам другого рода, когда ожидание его могло бы оказаться тщетным и меры кротости и доверия не достигли бы благой его цели.

Ваше сиятельство не оставите обращать особое внимание на содержание сего предписания и повременно доносить мне о наблюдениях ваших по вышеизложенным предметам, равно как и о распоряжениях, кои, по местным соображениям, могли бы впоследствии оказаться полезными.

Министр народного просвещения граф Уваров. Директор Комовский.

III. ЭССЕ, ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ РАБОТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ФИЛОСОФИЮ СЛОВЕСНОСТИ

Литература, в высшем значении этого слова и рассматриваемая в самом обширном философском отношении[1], представляет, как и всемирная история, только одну определительную эпоху – эпоху полного преобразования, ярко возвышающуюся надо всеми низшими подразделениями времен; я разумею – Христианство. Все другие искусственно установленные подразделения могут служить к облегчению памяти о минувшем; но лишь Христианство – событие высшее, всеобъемлющее и вполне оконченное – провело глубокую черту разграничения в летописях умственной жизни между временами, ему предшествовавшими, и теми, которые за ним следовали.

И потому, собственно говоря, <имеются> только две литературы, как и два только разряда идей и две цивилизации – цивилизация древняя до Христа и новая цивилизация после Христа. Взирая с этой высоты

[1] Выделено запятыми С. С. Уваровым в тексте. – *В. Т.*

на вопрос об истории литературы, мы должны показать в общем обзоре духовную жизнь человечества в двух противуположных ее проявлениях: в мире Древнем и мире Христианском. Действительно, между этими двумя мирами заметен момент колебания, эпоха зарождения и труда, сумрак по обе стороны Христианства, по-видимому, равно принадлежащий и богам удаляющимся, и Слову грядущему или уже пришедшему, – любопытное и с трудом уловимое время, когда Платон на заре Христианства осиявался немногими ранними лучами, без сомнения, ему самому непонятными и темно отразившимися в его сочинениях; а позднее – Церковь соединяет в песнопениях своих имена Пифагора и божественного Платона с именами апостолов; Юстин [1], в *милоти* философов и с их поучениями на устах, идет на муки; Климент Александрийский [2] расточает чудеса учености и остроумия, доказывая происхождение новой религии от древней философии и уравнивая разделяющую их бездну. Здесь является и Сенека, знавший Св. Павла или его учение, усвояемый Церковью в свое лоно за его мнимое обращение; встречаем в особенности гения Римской империи, который, именуясь то Марком Аврелием [3], то Юлианом [4], властелин умирающего мира, хочет остановить пришествие неведомого Бога из стран беспредельности. Замечателен тот момент, когда два великих светила ума враждебно скрестили лучи свои, чтобы представить навсегда солнцу Бога Живаго власть озарять новое общество, потрясенное в своем основании и окончательно установленное на началах незыблемых и неожиданных. Рассмотрим же вместе с порядком древних идей порядок идей новых, христианских, которым прогрессивная литература служит подлинным и верным выражением, если смотреть на ее величественные фразы.

Прежде всего, чтоб следовать методически, рассмотрим состояние нравственных идей у древних и в литературе отыщем пределы этого вопроса, из которого проистекают все прочие. Внимательное изучение древности покажет нам, что и те немногие первообразные идеи, в кругу которых вращается человечество, никогда не были для древних ни верованиями, ни убеждениями; невещественность мысли и ее бессмертие, строгое различение нравственного добра и зла, воздаяние за них и даже самое существование Бога никогда не являлись древнему миру в тех формах, в каких мы, христиане, призваны их рассматривать. Учение философов не выходило из ограниченного круга материалистических соображений; учение религиозное не могло существовать там, где политеизм, то как странная борьба, то как чудовищное совокупление материи и духа представлял безграничное поле вымыслам воображения и не имел в противоположность себе ничего иного, кроме пантеизма – учения, сколь неопределенного в своих началах, столь же ограниченного в приложениях, спиритуализма, тесного от растянутости и которого окончательный вывод отличался от политеизма только тем, что апотеоза [5] материи совершалась в нем под другими условиями. Истинность божественного начала, в которой мы убеждены, никогда не существовала для древних; чистый монотеизм, единство Божества без атрибутов времени, пространства и материи не были и не могли быть ими постигнуты. Оттого и бессмертие души, эта гармоническая тема для поэтов и проблема для философов, не составляла догмата ни в нравственности, ни в литературе, поэтому нигде не было проведено рубежа между добром и злом; некоторые из философских сект отдельно блуждали в исследовании этих великих вопросов; поздно и уже тогда, как древний мир чувствовал приближение перерождения, немно-

гие из риторов и философов греческих, также Цицерон, пытались привести в порядок идеи спиритуализма или, лучше сказать, пытались сами утвердиться в этих отвлеченных учениях, которые тщетно старались привести к какому-либо началу. Сочинения Цицерона, рассматриваемые со стороны философии, не что иное, как набор пышных общих мест, неудовлетворительных для самого посредственного ума в наше время. Платон прозрел будущность нравственного и религиозного мира как будто во сне; но каким странным символизмом облекла этот блуждающий луч аттическая пчела! Чтобы дать себе отчет в возвышенных вдохновениях Федона [6], до́лжно прибегнуть к предвидению нового закона. Ясно, что во всей почве Древнего мира не существовало ни одного древа с подобными плодами. Сенека также прозревал вдаль; но какого пятна недоставало его жизни? Впрочем, Сократ, Платон, Цицерон, Сенека являются лишь исключениями из установленного порядка; их слово не имеет ни санкции, ни авторитета; неизвестно, откуда они и куда идут; у них нет ни решительного догмата, ни органического учения; голос их исчезает среди ужасающих треволнений, которые были нормальным состоянием Древнего мира; они ни на одно мгновение не остановили свой мир в его стремлении; он едва преклонял надменный слух свой к их красноречивым взглядам. Никогда древние философы не могли противустать народным идеям, да никто из них и не осмеливался на то; немногие из этих великих умов довольствовались свободой, которую доставляло им всеобщее равнодушие, – свободой, которая, покровительствуя им, мертвила их влияние. Один из лучших граждан афинских, Аристофан, жертвует Сократом общественному посмеянию и думает, что совершает подвиг добросовестный и смелый, когда говорит: «К чему служат эти мечтатели? Они разнеживают

век слабеющий, они уничтожают благоговение к богам, они поучают непостижимым нелепостям; цикуту им!.. Граждане Марафона были лучше» [7].

Если возразят мне, что я сказал где-то, что обломки первобытных истин до́лжно отыскивать в глубине тайных учений Востока и во мраке великих Элевзинских таинств, то я отвечу, что рассматриваю здесь только состояние общества внешнего; из того, что эти учения не имели на него действия, ясно, что оно их не знало; массы двигались под влиянием других идей. Что́ значило малое число адептов, когда общность Древнего мира оставалась чуждою этим сокровенным учениям, которые никогда не переступали за праг храма и которых существование признается лишь только по наведению? То же самое можно сказать и об учении *народа избранного;* оно никогда не выходило из тесных пределов еврейской теократии.

Явно, что Древний мир был материалист; излишне бы было приводить этому доказательства; они представляются всюду. Следовательно, обожание действительности в настоящем, ничтожество в будущем, скептицизм для одних, суеверие для других, наслаждение для мудрых, власть для сильных, рабство для остальной части народа, никакого предназначения для человека за гробом, женщина – орудие наслаждения или воспроизводительности, меч – повелитель закона, личная прихоть – замен[1] нравственности; неслыханное обилие ужасающих пороков и возвышенных дарований; рядом с изумительною доблестью гнусный разврат, о котором мы едва можем составить себе слабое понятие; наконец, ужасающее, как бы роковое неведение самых святых истин – таков был нравственный хаос общества, столь плотного, столь прекрасного и улыбающегося извне, столь мощно устро-

[1] Так в оригинале. – *В. Т.*

енного внутри, что лишь одна десница Божия могла его разрушить. Посмотрим, каким образом этот хаос преобразовывался в гражданственность и откуда проистекала эта высокая образованность, совершеннейшее явление в истории, самое величественное развитие духа человеческого на данном поприще.

Вознаградить такое общество за совершенное отсутствие самых необходимых его законов и заставить забыть при виде Древнего мира нравственную бездну, в которую он беспрестанно погружался, может одно только зрелище его цивилизации и история его литературы. Никогда столько мощных дарований не дано было в удел огромному числу людей; никогда гений под формами самыми разнообразными не представлялся в одно время на пользу общества, тщетно искавшего точки исхода и конечной цели; с упорством шли эти люди против невозможного; невозможное же было условием, под которым они призваны были жить. Потребно большое напряжение духа, умов самых сильных, чтобы дать себе отчет в таком положении дел, совершенно противуположном обществу христианскому. Из этого древнего порядка видно, что материализм, который был в одно и то же время и родовым его характером, и глубочайшею язвою, сосредоточивал в себе самом все пружины свободной и повелительной мысли; общество без прошедшего и будущего долженствовало по необходимости возвести *действительность* на степень ужасающего могущества; оно было предано этому обожанию внешних форм, так пламенно воспроизведенных в творениях его поэтов и созданиях художников, поэтому-то творчество и было исключительною принадлежностью древних. Как иначе объяснить себе это обилие, эту непрерывность творческих созданий во всех родах, если не допустить, что жажда бесконечного, неотъемлемая принадлежность

души человеческой, влекла ее могущественно к воспроизведению пластических форм, доведенных до самой высшей степени совершенства? Общество, как и каждый человек, по превосходному изречению Евангелия, не может жить одним насущным хлебом; но для древнего общества все источники, из которых черпает христианская мысль, были сокрыты. Чтó оставалось этому грустному и блистательному миру, кроме беспредельного поля искусства, в котором он обретал, по крайней мере, хотя слабые отломки нравственного, более возвышенного порядка, темные предчувствия о лучшем предназначении?

Боссюэт [8] превосходно выразился, сказав, что для язычников все было богом, кроме самого Бога: и действительно, они боготворили все скоропреходящие формы, быв осуждены никогда не достигнуть единственной, негибнущей формы, которой полное постижение для них было недоступно. Тогда энергическая воля ума человеческого не дробилась, как у нас, на множество мыслей не только различных, но противуположных и противоречащих; древние далеки были от этой борьбы взаимно враждебных наклонностей, какие каждый из нас носит в глубине самого себя; они, подобно нам, не имели пред глазами незыблемого правила, явственного разграничения добра и зла, не могли знать и не знали того отвращения от житейских сует, которого не избегают самые сильные из нас: напротив, эти самые суеты и составляли их единственное обладание, и этим-то одним побуждением, возведенным до идеала, обозначили свое земное поприще Гомер и Александр; кроме искусства и власти ничто не существовало в нормальном положении. Материализм, абсолютный бог древнего общества, был истинным источником вдохновения в искусствах и в силе политической; он равно благоприятствовал и художнику, и завоевателю; оба упивались существенностью; обо-

им восклицали со всех сторон: post mortem nihil[1]; и эти мощные люди шли к своему предназначению, не затрудняясь в средствах и даже, может быть, без угрызений совести; если же они испытывали их, то испытывали лишь по врожденному в человеке чувству, слабому отблеску встревоженной совести, а не по строгой оценке действий своей безответственной жизни. Только в обществе, таким образом устроенном, и могла осуществиться химерическая *фантазия искусства для искусства*; такое общество потому-то и ушло так далеко вперед во всем, что только относится к творениям восторженного ума, в искусствах, различных символах одного и того же идеала, в колоссальном величии индивидуального честолюбия. Недостаточно представлять себе эту чудную способность лишь в самом обширном ее значении; несчетные произведения греческого ваяния не более удивительны для опытных глаз знатока, как и утонченная, изящная отделка самой грубой, простой, домашней утвари.

От эпопеи, вмещающей в себя мир, до двустишия, заключавшего лишь мимолетное впечатление, вся поэзия древних запечатлена одинаковым совершенством. Пятьдесят тысяч человек принимали участие в удовольствиях повелителя мира, и царственный хозяин старался угодить своим гостям. Когда длинный слог изменялся на краткий в устах актера, эти пятьдесят тысяч гостей вставали с мест и, подобно волнам моря, рокотали цезуру. С какой бы стороны ни рассматривали мы искусство древних, увидим, что оно было у них существенно *демократическое*; никогда не было оно благородным отдохновением нескольких избранных, но всегда составляло пищу и высшую потребность бесчисленного большинства; искусство новейшее, вполне аристократическое, с языком, не знакомым толпе, с метафизическими своими

[1] После смерти – ничего (лат.)

теориями, с кабинетною отделкою и рукоплесканиями гостиных, – это искусство не имеет ничего общего с древним великаном, с этим, говоря словами Паскаля [9], «единством и множеством вместе», который лежал, как неаполитанский лазарони, на солнце, окруженный бесчисленною толпою, прикованною к его слову и требовавшею, чтобы, подобно Нилу и Эридану, он изливал на нее полною волною чарующий напиток, заменявший народу все – даже Бога. Таинственна связь, в которой поэт был вместе законодатель, историк, и моралист, и жрец. Нет сомнения, что поэт часто бывал одним из тех избранных, которые чувствовали себя одинокими и бедными пред лицом этой толпы, распростертой у их ног; еще более, чем его слушатели, этот гиерофант мысли силился разгадать таинственную догадку, ускользавшую от его взоров, приподнять край завесы, хотя бы, как в Саисе, ценою жизни или рассудка. Многие из древних поэтов носят на себе печать неизъяснимой грусти (и сокровенное учение таинств объясняет это); был не один пример удивительных усилий, чтобы уловить лучезарную точку в окружавшем их мраке, какую-нибудь надежду в будущности без исхода. В особенности Эсхил, старый воин марафонский, поразительно изображает это восстание против незримого, мощный, но бесплодный порыв к бесконечному. Посмотрите, как прозревают греческие трагики, когда они влагают в уста своих хоров слова возмездия за преступление; но заметьте также, сколько удивительным словам этим недостает всюду небесного освящения. В великой трилогии «Прометея», которой мы имеем только часть, в каждом стихе открываешь болезненный страх, которым объята душа поэта; символическому гению рода человеческого, прикованному к Кавказу за то, что он во зло употребил силы свои и не познал своих прав, Эсхил обещает *избавителя*, но это обе-

щание темно, как сон, неопределенно, как мечта. Самые сильные умы древности никогда не могли освободиться от условий их роковой эпохи; они никогда не выходили из круга, в котором были заключены, круга, тесного для нравственности, неизмеримого для мысли. Если несколько избранных могли хотя несколько расширить пределы своих понятий о предметах божественных, если другие в житейском быту до самой смерти своей выказывали героические добродетели, то тем выше заслуга их, чем бескорыстнее была борьба. В этом отношении *жизнеописания Плутарховы* представляют мартирологию благородных умов, борющихся с невозможным и ценою усилий и жестоких страданий укрепляющих колеблющиеся основания совести, предоставленной собственному прозрению; этих плавателей без компаса и путеводной звезды на море, грозном скалами, отважный перипл приводил всего чаще к мучительной смерти, самоубийству или богохульству; Катон [10], Трасеас [11], Брут [12] окончили поприще в сомнениях о божественном Провидении; иногда общество губило таких людей, как погубило Сократа, за возмущение его спокойствия. Они могли быть лишь жертвами среди порядка дел, существенно неприязненного призванию, на которое они были помазаны и которого конечное слово им было неведомо.

Картина древности, начертанная по такому плану, представляла бы литературные ее богатства и вместе нравственные силы; это было бы, смею думать, творением почти совершенно новым; но это творение будет не полно, если к картине Древнего мира не присоединить на тех же основаниях картины мира нового: эти два мира связаны между собою чудесною и поразительною эпохою перехода, которую можно назвать эпохою платоническою – не по имени самого Платона, никогда не проникавшего так далеко, но по эклектизму Алек-

сандрийской школы [13], принявшей название этого философа и опередившей его учение. То была последняя борьба мира древнего с миром новым, спиритуалистического политеизма с хоругвиею Христа, человеческой гордости с божественным смирением, наконец, отсутствия всякой положительной нравственности с новым уложением, которое, начиная с первого своего слова, разрушило прежний порядок.

Когда великое движение в человечестве вполне совершилось, когда Христианство проникло в нравы, совести и умы, законодательство, как и произведения ума человеческого, представляют наблюдателю огромную и новую картину; с этой минуты разрыв с миром древним решен окончательно; ум человеческий прокладывает себе дотоле неведомые пути; искусства изменяют цель и характер; никто уже не становится язычником добровольно. Напрасно Петрарка [14] преклоняет колена пред рукописью Гомера, Виссарион [15] и Лаврентий Медицисы [16] напрасно толкуют о богах бессмертных; напрасно Франция приносит козлище в жертву гению трагедии: Гомер остается навсегда лишь обширным тезисом для литературной критики; бессмертные боги не низойдут на помощь своим искусственным поклонникам, и новая трагедия будет христианскою вопреки именам, заимствуемым ею у древних, и котурну [17], который она надевает.

С другой стороны, воля человеческая может отклоняться от истин нравственных и религиозных, но ей не дозволено не знать этих истин. Отселе изменяется весь порядок вещей; народы, пораженные светом нового Слова; народы, которые поняли вдруг, что они были в прошедшем участниками в общей вине и должны быть ответчиками за настоящее в будущем; народы, которым внушают, что существование человеческое – не что иное, как только несовершенная часть жизни синте-

тической, – народы повергнутся в прах и со слезами на глазах, с трепетом будут ожидать близкого свершения грозных обетов.

Древняя философия не сойдет еще долго с поприща; но христианский спиритуализм разовьется, в свою очередь, в полную систему, и отцы Церкви положат основу науке, из которой истекли все новые философии,– науке непонятой, часто оскорбляемой и которая между тем представляет самое обширное применение ума человеческого к разрешению приводящих в трепет вопросов. При светоче христианского Откровения она будет шествовать неизменная и в то же время всегда разнообразная; она не перестанет под тысячами различных форм стремиться к единству, которое отразится во всех ее произведениях; литература новейших народов, смотря по времени и по стране ее рождения, пройдет длинный ряд видоизменений: она будет итальянскою, испанскою, французскою, германскою, славянскою, но прежде всего она будет христианскою, станет носить отпечаток того нравственного порядка, который отовсюду проник в организм человека и современного общества. Литература, если вздумает свергнуть с себя это иго, свыше на нее наложенное, погубит себя собственными руками; насмешливое неверие Вольтера и страстное неверие Байрона и Жорж-Санд [18] не отклонят ее от влияния идей, без которых общество в настоящем своем виде не может существовать ни минуты. Самый скептицизм XIX в. не ожесточается ли бесстыдным цинизмом в современных писателях?

Умственная картина нового мира требовала бы в начертанном мною плане не менее добросовестного изучения, чем картина мира древнего. Необходимо проследить дух христианской цивилизации на всех поприщах его развития: от великой мысли о католическом единстве до первого симптома восстания против этого

обширного начала, от первых проблесков свободы исследования до самых смелых ее доктрин в политике и литературе, от первых проявлений духа предприимчивости, торговой и промышленной, до окончательного устроения новой социальной системы на тех же самых основаниях, бóльшею частью, – все должно входить в полную историю ума человеческого, все должно показать со всею очевидностью совершенную несовместность времен, предшествовавших Христианству и за ним последовавших. Тогда только будем мы иметь синтетическую картину всеобщей литературы, объяснение ее доктрин и перечень произведений, соответствующий обширности вопроса и важности предмета, рассматриваемого с подобающей ему высоты.

О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНО К НАРОДНОМУ ВОСПИТАНИЮ

Quod munus republica eaf fer rema jus meilius possumus quam sido cemusatque Erudimus juventutem?
Cicer. de Divin. 11, 4[1]

Господину Министру народного просвещения
Посвящает попечитель С.-Петербургского учебного округа

§ I. Один из главнейших недостатков в нашей системе народного воспитания состоит в несовершенном

[1] Какая дань, приносимая Отечеству, приятнее или полезнее воспитания юношества?
Цицерон.

разделении училищ. *Постепенность* необходимо нужна между ними – так, чтоб народные училища приуготовляли к гимназиям, а гимназии – к университетам. При первоначальном учреждении училищ сие правило не было соблюдено. Сие самое причинило уже Министерству просвещения большие затруднения в преподавании одного из главнейших предметов учения, как-то истории.

История, говорит Цицерон, есть свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, наставница жизни, глагол древности[1]. Обширность и важность сей науки всеми признаны, но найти способ отделить истину от лжи, Божественное от человеческого, событие от догадок, найти нить происшествий и проложить дорогу верную, которая бы каждого гражданина вела к лучшему познанию прав и должностей своих, – вот что везде и всегда почитаемо было большою трудностию в изучении истории. Если ли в тишине кабинета ученый иногда заблуждается в исследовании исторических истин, то на кафедре сие исследование становится стократ затруднительнее, с тою разницею, что на кафедре заблуждение увлекает не одного его, но и учащихся. В народном воспитании преподавание истории есть дело государственное.

Не каждому гражданину нужно читать Тацита [1], но каждому необходимо ясное понятие о главнейших происшествиях истории. Хорошая система народного воспитания есть богатое дерево, в котором с самого корня до последних листьев все одним благотворным соком оживляется. Искусство основателя таковой системы со-

[1] "Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis". Cicer.de Orat. L. 11, 36 (лат.). «История – свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, наставница жизни, вестница прошлого». – *В. Т.*

стоит в мудром расположении всех частей, до общего образования касающихся. Ему известно, что учреждение хорошего народного училища еще труднее, нежели основание хорошего университета.

§ 2. Итак, предполагая ту постепенность, о которой я упоминал вначале, расположить можно преподавание исторических наук следующим образом:

1) в народных училищах – священная история и история России;

2) в гимназиях – начальный курс всеобщей истории;

3) в университетах – окончательный курс всеобщей истории.

Теперь станем разбирать способы, предоставляемые преподающему.

В народных училищах, в которых образуется поселянин, ремесленник и купец, следует преподавать одно необходимое. К изучению Закона Божия можно, по части истории, присоединить историю священную и историю России. Если обучавшийся в народном училище рожден необыкновенным человеком, то и сие уже откроет ему путь далее. Но здесь говорю я о таком только, который, посещая училище, остается, наконец, в первобытном состоянии своего семейства.

Нельзя не упомянуть здесь о необходимости искоренить вообще из наших училищ пагубную методу, в оных доныне употребляемую, методу, единственно на памяти учащихся основанную, которая не только не развивает, но даже убивает их способности. Сия счастливая перемена в преподавании не может без большого напряжения последовать и не иначе, как по изобретению другого, удобнейшего способа преподавания. В таком случае нужно сперва заняться учителями, а потом уже приступить к учащимся.

§ 3. Обратимся к нашему предмету. Преподавание священной и российской истории в народных училищах достаточно, но, конечно, не по книгам, ныне употребляемым. Правительство могло бы обещать большое награждение тому, кто напишет лучший исторический *компендиум,* или *руководство* для народных училищ; таковой книги у нас еще нет. Я разделил бы оную на две части: первая заключала бы священную, вторая – российскую историю.

В первой части можно бы следовать некоторым весьма полезным книгам, давно уже в других землях Европы изданным[1]. Не нужно мешать со священною историей, историей веры или догматов; сие принадлежит к изучению закона Бога, а не к истории; но можно бы присоединить историю нашей Церкви, которая обыкновенно остается в забвении. Таковой компендиум должен быть написан слогом простым и ясным, соблюдая, сколько можно, хронологический порядок, также не вопросами и ответами, ибо от сего происходит пагубная метода все учить наизусть. Само собою разумеется, что вся книга, а особенно отделение, заключающее священную историю, должна быть написана в кротком духе религии и благонравия.

Определяя вторую часть на историю России, предполагаю я, что сочинитель сего руководства, или компендиума, всегда сохранит в виду главную цель правительства. Большие затруднения, существующие доныне в обрабатывании отечественной истории, не будут для него так ощутительны. Конечно, легче было бы написать таковой компендиум, если бы вместо «Истории» Щербатова [2] читали мы «Историю» Карамзина [3], но и теперь можно начертать без затруднения главные происшествия нашей истории. Благоразумному писателю

[1] Одна из лучших книг в сем роде есть «Исторический катехизис» аббата Флери [4] (Catéchise historique, parl’ Abbé de Fleury).

принадлежит избрать достоверное и полезное и сообразить оное с предполагаемою целью правительства.

Итак, в народных училищах *обширный круг исторических наук* может заключать единственное *два* предмета. Возвратившийся из народных училищ к первобытному состоянию семейства принесет ему не накопление громких слов, а истинное просвещение, состоящее для него в правильном изучении таких предметов, которые на всю его жизнь влияние иметь будут. Кто же предназначен идти далее, тот найдет открытый путь до самого святилища наук.

§ 4. В гимназиях предлагаю я или требовать познаний, почерпнутых в историческом руководстве, для народных училищ изготовленном, или начинать курс истории всеобщей с сего самого руководства. Это служило бы связью между народными училищами и гимназиями.

Если бы предлагаемая постепенность между училищами вообще существовала, то цель гимназий не могла бы быть другая, как служить переходом из народных училищ в университеты[1].

В гимназиях следует развернуть огромную картину исторических наук. Здесь наука берет другой вид. Здесь (по крайней мере, в моем предположении) образуется не трудолюбивый поселянин или искусный ремесленник; здесь образуется юноша, долженствующий

[1] С 1811 г. новый курс учения введен в С.-Петербургскую гимназию. Он состоит ныне в следующих предметах: закон Божий, отечественный и классические языки, история, география, математические науки, грамматика, логика, риторика, отечественная и иностранная словесность. Все другие предметы, доныне в курс гимназический входившие, как-то: политическая экономия, финансы, коммерческие науки, эстетика – предоставлены университетам и высшим училищам. Можно надеяться, что под бдительным оком монарха и попечительным управлением господина министра народного просвещения другие губернские гимназии, по всему пространству Империи рассеянные, возвратятся, наконец, в свои истинные пределы.

со временем произносить приговоры касательно части и имущества сограждан своих, или вести их по пути воинской славы, или творениями своими образовать и восхищать сердца их.

Давно уже сказано, что хронология и география суть очи истории, и для того правильное изучение географии и ясное понятие о хронологии должны оной предшествовать.

Начиная с древней истории, преподающий должен, сколько можно, следовать лучшим путеводителям. Трудно, конечно, открыть способ для изображения вместе легковерия и исторического пирронизма [5]. Здесь преподающий должен сперва знакомить учащихся с главными происшествиями истории и отнюдь не вперять в них охоты к лишней разборчивости. Сия разборчивость не принадлежит летам мечтательной юности, но летам зрелого и опытного возраста. Историческую критику предоставить до́лжно единственно самому преподающему.

Занимаясь, таким образом, древнею историею, он будет стараться открыть учащимся древние источники; сим способом он не только даст им точное понятие о происшествиях, но укрепит их в знании древних языков, служащих основанием всему просвещению[1]. Пусть юноша пленяется живостию красок, богатством слога, силою выражений! При чтении таковых подлинников возвышается дух, а вместе с ним образуется и вкус.

Преподающий, пользуясь оригинальными источниками до времен варварства, изобразит постепенно всех древних народов в истинном их виде. Весьма полезно было бы заимствовать у Робертсона [6] принятое

---

[1] Хотя я уверен, что чтение древних историков есть лучший способ научиться истории, но не менее того полагаю полезным знакомить молодых людей и с новыми историками, которые писали в духе, как-то Роллень [7] и др.

им правило, чтобы при конце каждой эпохи начертывать обозрение или живую картину нравов, обычаев, просвещения и проч.

§ 5. Приступая к новой истории, преподающий начнет отечественною историею и пройдет потом историю других европейских держав. Нужно или в начале, или при окончании курса показать *синхронистический хор* истории таким образом, чтоб учащийся мог следовать современным происшествиям во всех частях мира.

Что же касается до новой истории, то здесь преподающий должен употребить большую осторожность в выборе материалов. Все, что было написано о сем, составляет на всех европейских языках ужасную громаду книг, и сия громада каждый день умножается. В сем изобилии легко ему выбрать хороших и достоверных путеводителей.

Не надо думать, однако ж, чтоб одно слушание лекций преподающего достаточно было к изучению истории. Учащийся должен оным заниматься не на одних лекциях, но и дома, по плану, начертанному преподающим. Еще весьма полезно требовать от учащихся письменного отчета в лекциях; сей способ учения давно уже признан успешным.

Преподавание истории в гимназиях, составляя, по моему мнению, только начальный курс, должно особенно в себе заключать картину происшествий и исторических деяний. Обширность истории такова, что одно сие исследование требует уже большого напряжения умственных сил. Высшему окончательному курсу предоставлено пролить свет философии на сей хаос и показать вместе все последствия тех больших перемен, о которых повествует история.

Хотя исследование философических истин, из истории почерпнутых, не входит в гимназический курс

истории, но не менее того преподающий должен всегда наблюдать, дабы для учащихся не была вовсе скрыта истина и связь исторических происшествий. С самого начала должен преподающий везде показывать упорное сопротивление человеческого ума, быстрый его бег, многочисленные заблуждения и, наконец, тайное влияние провидения на все его действия и покушения.

§ 6. В университетах и высших училищах преподается окончательный курс всеобщей истории. Здесь предстоит преподающему усовершенствование учащихся.

Нелегко, конечно, выполнить все обязанности, лежащие на преподающем историю в высших училищах. Если, как говорит английский поэт и философ, человек есть благороднейший предмет учения для человека[1], то он вместе и самый трудный.

Всеобщая история разделяется сама собою на две части. Древняя имеет для преподающего большое преимущество над новейшею. В древней мы обретаем начало и конец. В новейшей только первая часть истории нам известна, ибо отдаленные последствия происшествий скрыты в будущем.

Приступим теперь к образу преподавания. Здесь преподающий, означив в древности средоточие, из которого изобильно истекали лучи света, покажет в богатом, таинственном Востоке колыбель человеческого рода и первого свидетеля его падения. Представив слушателям картину священной истории, показав им Моисея в виде вдохновенного историка, законодателя, пиита[2], обратит-

---

[1] The noblest study of mankind is man. Pope (англ.). Самое благородное исследование человека – человек.

[2] Moyçe le plus ancient des historiens, le plus sublime des philosophes, et le plus sage des legislateurs. Bossuet (фр.). Моисей – наиболее древний из историков, наиболее возвышенный из философов и наиболее разумный из законников. Ж.-Б. Боссюэ.

ся преподающий к Египту, где законы были сильны, а народ слаб, где он трепетал под игом рабства и суеверия в то время, когда в храмах сокрыты были истинное просвещение и глубокая мудрость. Потом представится глазам его народ, всеми умственными способностями одаренный, первый на ратном поле, первый в поэзии, первый в философии – греки.

Изъяснив политическое состояние Греции, должен преподающий вникнуть в причину ее силы, блеска и падения, показать ее влияние на весь политический мир, изобилие в великих мужах, в великих художниках, и когда он, наконец, откроет всепожирающую, беспредельную империю римлян, то связь происшествий принудит его открыть и начало столь огромного государства.

Здесь следует ему углубиться в изыскание истинных пружин, силою которых Рим восшел на первую степень в истории. Сие изыскание нетрудно: великие писатели, искусные политики, первейшие историки открыли нам существенность и действие сих пружин.

С падающим Римом видим мы и падающий мир. Под игом деспотов, под мечом завоевателей сильный народный характер изглаживается, луч наук гаснет, слава воинская исчезает; занавес опускается – и мы видим конец древней истории.

Обязанность преподающего гораздо еще пространнее. Я не могу начертать здесь всех частей, входящих в курс древней истории. Не только военные действия, хронологический ход происшествий, падение государств, явление новых народов, но всего более должны занять нас внутреннее устройство, религия, политические сношения, торговля, законодательство, просвещение Древнего мира. Сия часть исторических наук с большим успехом обрабатывается в Германии. Нельзя

между прочими не упомянуть здесь о превосходном творении Герена[1] [8].

§ 7. С историею новейших времен предстоит преподающему новый затруднительный путь, о котором я скажу теперь несколько слов.

Падение Восточной империи под властью и религиею Магомета пробудило Европу, и сие новое стремление к восстановлению или, лучше сказать, к основанию европейской системы означает первую эпоху новой истории.

Но прежде падения Константинополя *крестовые походы* были первым движением дремлющих сил Европы. О сих походах было много писано. Ныне мы привыкаем на них смотреть не теми уже глазами, какими мы на них смотрели за несколько тому лет. Последствия крестовых походов еще и теперь ощутительны; но дух, оживлявший тогда Европу, исчез, вероятно, навсегда.

Доныне так называемые Средние века почитаемы были временами варварства и грубости, но и они теперь показываются в другом виде. Преподающий должен, по моему мнению, не иначе изображать их, как временами детства и юности Европы[2].

Легко может каждый здравомыслящий знаток истории показать во всех заведениях Средних времен, а особливо в рыцарстве, глубокое чувство, пленительную силу, высокое стремление к полезному и изящному.

Когда преподающий приступит к XIVи XV столетиям, тогда откроется пред ним обильное и блистатель-

[1] Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vor nehm sten Völker der alten Welt. Von Heeren. – Göttingen, 1803. (Идеи о политике, о сообщениях и о торговле благороднейших народов древности. – *В. Т.*)

[2] Средние века разделяются на две части: первая содержит *падение*, а вторая – *восстановление* Европы или, лучше сказать, основание *новой* европейской системы над развалинами Западной империи.

ное поле. Никогда Гений Европы не являлся с таким блеском и с такою силою. Америка, Мыс Доброй Надежды, книгопечатание, порох, торговля в Индии суть трофеи сих знаменитых веков.

Здесь следует преподающему предназначить влияние сих больших перемен на будущее состояние Европы.

Теперь путь разделяется; я не могу сопутствовать преподающему по всем отделениям истории Европы. Некоторые большие эпохи будут требовать от него особенного внимания, как-то: Реформация и последствия ее, и здесь он легко найдет много материалов, соображая их с собственными своими размышлениями и со здравым рассудком.

С царствования Людовика XIV сближается еще другая эпоха, для русских столь достопамятная, – эпоха Петра Великого.

Хотя каждому известно, как трудно основательное изучение отечественной нашей истории, но не менее того преподающий в высшем училище должен особливое употребить старание, дабы дать слушателям здравое понятие о происшествиях русской истории и о связи ее с историею Европы. Многие писатели показали сию связь начинающеюся с Петра Великого; но легко можно увериться, что многими столетиями ранее Россия имела тесные сношения с Европою.

§ 8. Преподающий, находя в древней истории столь много затруднений, найдет в новейшей затруднения другого рода. В древней истории обретает он, как я уже сказал, начало и конец. Все происшествия объяснены временем, все последствия известны, все предприятия решены; похвала, неложная и неподкупленная, хула свободная, удивление не на страхе, любовь не на собственной пользе основаны. Одним словом, историк древних времен может сказать вместе с Таци-

том: «Я Гальбы и Вишеллия не знаю ни по благодеянию, ни по обиде»[1].

Но в новейшей истории все сии затруднения окружают преподающего и часто отвлекают его от истинного пути. История последних времен есть отрывок, а не целое. Таинственное направление происшествий скрыто от глаз наших. Мы мечтаем видеть цель провидения тогда, когда оно еще избирает способы к их достижению.

Новое образование системы европейских государств дало новый вид всем сношениям народов. Сии сношения стали многочисленнее и труднее. Быстрый ход наук и художеств, сильное распространение роскоши и общежития, направления к торговле сблизили между собою все государства Европы. Сей порядок вещей, искоренив мало-помалу почти в каждом государстве народный дух, готовил медленную пагубу всей Европе.

Со временем переменилось также внутреннее устройство каждой державы; новые пружины дали повод новому искусству. Финансы, политическая экономия, народное просвещение, торговая система стали главными занятиями каждого европейского государства.

Преподающий, сколько можно, должен вникнуть вместе со слушателями в политическую часть новейшей истории и познакомить их постепенно с наружным и внутренним положением Европы. Изобилие материалов облегчит его труд.

§ 9. Теперь остается изъявить желание, дабы, представляя общую картину истории во всем ее пространстве, преподающий проливал на сей огромный хаос благодетельный луч религии и философии. С сими двумя светилами может человеческий ум найти везде успокоение и достигнуть до той степени убеждения, на

---

[1] “Mihi Galba, mihi Vitellius necinjuria, nec bene ficio cogniti”. Hist. L. 1 (лат.). – *В. Т.*

которой человек почитает сию жизнь переходом к другому, совершеннейшему бытию.

Наконец, нельзя мне не представить преподающему историю еще другой, важнейшей обязанности, которую он со тщанием выполнять должен: распространяя между согражданами луч наук и просвещения, до́лжно возбуждать и сохранять и сохранять, сколько можно, народный дух и тот изящный характер, на который ныне Европа смотрит, как изнеможенный старец на бодрость и силу цветущего юноши. Сие правило должно особенно быть чтимо преподающим историю. Он в сем отношении делается прямо орудием правительства и исполнителем его высоких намерений.

История, на таком основании преподаваемая, образует граждан, умеющих чтить обязанности и права свои, судей, знающих цену правосудия, воинов, умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых царей.

СОВЕРШЕНСТВУЕТСЯ ЛИ ДОСТОВЕРНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ?

Предуведомление

Граф Сергей Семенович Уваров во время управления своего Министерством народного просвещения три раза посещал Дерпт, оставил о себе неизгладимое воспоминание в признательных сердцах преподавателей и питомцев здешнего святилища наук. Движимый желанием многих по возможности теснее связать имя бывшего незабвенного начальника с празднованием пятидесятилетнего юбилея нашего Университета, я с этою целию старался передать на русский язык предлагаемое сочинение, обильное в кратком объеме своем глубоки-

ми соображениями, перед которыми всякий мыслящий задумается невольно.

Совершенствуется ли достоверность историческая?.. Таков вопрос!.. и разрешение этой задачи, в том виде, как оно излагается в настоящем рассуждении, уничтожает немало хитросплетенных, надменных надежд о беспредельном поступательном развитии человеческих знаний, приподымая завесу будущего и смело предсказывая вероятную судьбу строгих исследований, тщательных наблюдений, накопленных и придвинутых протекшими веками к нашему. В области вещества – избыток света ослепляет; два луча, встречаясь, образуют темную черту; в сфере духа – тот же закон: чрезмерный избыток частных сведений, собственно, изнуряет силу ведения, и книгопечатание – средство, по-видимому, способствующее распространять, сохранять и сливать воедино его приобретения, громоздя безостановочно одно на другое, наконец, дробит их, расторгает и топит все в своей бездонной пучине! Предвестия, покамест еще слабые, подобного распадения, хотя постепенного, но неизбежного, зависящего от самой природы вещей, более или менее уже заметны, богатства умственные подавляют ум; солнце правды начинает для него заходить; в мире опять вечереет, смеркается; на пределах отдаленного небосклона стелются тени ночи… После нее займется ли новая заря, настанет ли иной таинственный день; затеплит ли он свежую жизнь или осветит только развалины? … Кто рассеет нам густую мглу грядущего, кто дерзнет разоблачать непостижимые заветы Провидения! Потом встречаем разительное указание на обстоятельство, заключающее в себе с первого взгляда, по крайней мере, странное противоречие: действительно, то лишь является существенным в повествованиях о прошедшем и в

выводах наук, то лишь находит осязаемое приложение в обширных объемах, что делается общим достоянием и часто назло беспристрастной, утонченной критике, неразгаданными путями переходя в незыблемое предание, превращается в слепое убеждение толпы!

Вникая в смысл вопроса, составляющего основание этого труда, недоумеваешь при оценке относительного достоинства истины и вымыслов на поприще бытописания; поддаешься обаянию, в котором видения как бы воплощаются, а опытом дознанные предметы увоздушиваются и витают в эфирном пространстве легкими призраками мечты…

М. Р.

Настоящее рассуждение препровождено в Императорскую академию наук при следующем письме:

Господин непременный секретарь!

Во время пребывания моего в Поречье, заботясь о восстановлении расстроенного здоровья, я искал утешений в занятиях словесностью. Они имели следствием небольшую статью относительно вопроса, заключающего в себе занимательность общую, и это-то произведение я прошу В. П. представить Конференции как слабую дань постоянной моей привязанности к нашей Академии и непоколебимой преданности умственным трудам, которые попеременно служили украшением и отрадой при разных изменениях моей жизни, не теряя нисколько своего благотворного влияния.

Примите и проч.

Подписано: Граф Уваров.

Чтения г-на Виллымена [1] о словесности навсегда останутся образцом вкуса, прозорливости и сведений

литературных. В одном из этих превосходных рассуждений сочинитель утверждает, что есть три главных вида истории: история гадательная (сказание о древности), история критическая или ученая и, наконец, та, которую знаменитый писатель называет историею полною, относя подобное наименование ко временам, нас касающимся, ко временам, протекшим с XV века и открытия книгопечатания. «Начиная с этих пор, – присовокупляет г-н Вилльмен, – образованность довольно усовершенствовалась, даже сохраняя следы варварства; пособие науки сделались довольно обильны; все обстоятельства жизни народов стали записываться довольно тщательно, чтобы разумение, вспомоществуемое трудом, могло открывать истину: с упомянутой эпохи степень верности в событиях заставила также исследователя заниматься множеством подробностей».

Такое определение новейшего бытописания способно, кажется мне, вызвать возражения, отчасти важные. Конечно, повествование о древности гадательно; оно более дело веры, нежели размышления, и потому надо допускать его почти в том виде, какой дали ему поэты, летописцы и риторы. Озарять светильником нынешней критики происшествия, мерцающие в отдаленном прошедшем, есть задача учености, задача, в которой отдают себе отчет только посвященные в ее таинства; но, если рассмотрим историю в ея отношениях к общему составу образованности, как цепь преданий, переходящую от поколения к поколению и навсегда врезывающуюся в память народов: тогда увидим, думаю, что для них условия истории новой – почти те же, как и условия наидревнейшей для ученых. Уму человеческому, впрочем, врождена наклонность к воссозданию (синтезу), наклонность стремиться касательно приобретенных знаний к положительному и охотно подчинять-

ся установленному авторитету, хотя он и нерешителен. К чему послужили необъятные труды Нибура [2], разрушившего без возможного опровержения все основания летописей римских? Они заняли прилежные досуги малого числа любителей и удостоились похвалы их. Какое было действие критики Ф. А. Вольфа [3] на Гомера [4] – этой критики, во всех отношениях изумительной, где самый замысловатый между издателями маститого певца Эллады победоносно подвергает глубокому разбору зыбкую личность поэта, которого текст он очистил сперва окончательно? Ни одному филологу не придет в голову бороться с Вольфом, но после столь многосложных стараний, оставшихся без ответа, вопрос не подвинулся ни на шаг вперед: ни Ромул [5], ни Гомер не вычеркнуты из списка живых; они существуют в воображении большинства, словно оба критика отнюдь не писали. Сами ученые, свидетели малых успехов такого строгого приложения анализа, кажется, усомнились в полезности этих обширных изысканий. В их глазах Гомер не перестал быть Гомером, существовал он или нет; им все равно – представляет ли его имя целую школу, или означает отдельно творца «Илиады» [6]. Восходя, в свою очередь, к началам Рима, поборники истинной науки, не обинуясь, употребляют обычные обороты, выражающие собой исторические данные; они не отвергают чопорно того, что предшествует Пуническим войнам [7], и, не колеблясь, говорят о Нуме [8] и Горации Коклесе [9], как говорят о Гомере и преданиях, связанных с его именем. Словом, нет ни одного прямого литератора, который не предпочел бы двадцати доселе неизвестных стихов Одиссеи или вновь найденной страницы Тита Ливия [10] всем критическим утонченностям, сокрушающим действительное бытие поэта или достоверность историка.

Итак, если степень подлинности в истории древней подчинена странным условиям, под влиянием коих правдоподобное становится истинным и которых самый совершенный критический анализ едва касается, – рассмотрим другие основания новейшего бытописания и случаи, от того проистекающие, которые дают ей высшую степень положительности. Конечно, источники истории со времени изобретения книгопечатания сделались бесчисленны, неистощимы; критика явила себя настойчивою, искусною; события записывались с мелочным тщанием; но их достоверность обеспечена ли достаточнее? Подобное состояние вещей более ли споспешествует открытию истины? Ближе ли мы, наконец, к прояснению света?

Последний вопрос, как и прежний, представляется с двух разных сторон: с одной – останавливают наше внимание умственные усилия повествователя, обрекающего себя на труд распутать необъятный хаос данных обильных, но исключительных, неопределенных и противоречащих; с другой – то, что усвоит из этих изысканий верование народное и что из них войдет на деле в состав сведений общих. Я позволю себе думать, что в смысле противоположном бытописателю древности, новейший, во множестве подробностей, чрезвычайном разнообразии источников, равно как и в настоящем расположении умов, встречает препятствия, которые победить не всегда в его власти. Страсть века к разлагающему анализу, ненависть ко всем воссоздавшим – как религиозным, так и нравственным, совершенное отсутствие убеждений непоколебимых, переносимое в область действительности, более или менее таинственной, воздвигают преткновения, прежде незнакомые, разновесные, по ме́ньшей мере, недостатку точных источников и критики относительно времен отдаленных;

этот недостаток, известным образом находивший перевес в искренних убеждениях, исчезал отчасти перед ненарушимым авторитетом историка всякий раз, когда изложения, существенно драматические, соответствовали религиозным сказаниям, простодушной доверчивости юных племен и даже их предрассудкам, опиравшимся на предания. История, стоя рядом с религией и стихотворством, имела в древности общее с ними происхождение: всегда прорицатель, Vates [11], был ее достопочтенным, как бы божественным глашатаем; и потому самому нельзя уничтожить поверий, окружающих колыбель греческой поэзии и первые основы Рима, не подорвав насильно целого здания древности в том виде, как оно существует в своих чертах, всемирно принятых, не допускающем никаких других. Конечно, от каждого из нас зависит оспаривать его истину, с условием – обходиться без него. Можно его отрицать, но на его место нельзя ничего поставить.

Начиная с XV века порядок вполне изменяется: не только события принимают иной цвет, но понятия, могущественные происшествий, развиваясь во множестве, сообщают новый ход образованности. Религиозные, правительственные, литературные, художественные, торговые – они не останавливаются ни перед чем предшествующим и в необузданной смелости подъедают уже корень авторитета во всех вещах. Книгопечатание содействует такому необычайному порыву; толпа умов увлекается движением, дотоле небывалым. Богословие, любомудрие, бытописание, правоведение, науки естественные и общественные – все возникает и все разлагается вместе. Неутомимое любопытство, подстрекаемое страстями пламенными, вторгается в обширную страну разумения, которое, словно впервые, разоблачается. XV век составляет сам по себе решительный

перелом нашего духа; но как поступать историку, точнее сказать: что сделали историки, говорившие об этой эпохе, для раскрытия истины, для приближения к ней, по крайней мере, при тогдашнем безначалии человеческой мысли? Где повествователь, начертавший верный образ Реформации, картину ее, более или менее прагматическую? Каким способом можно в исполинской громаде взаимных обвинений, бешеных упреков, явных клевет и закоснелых басен держать добросовестно весы и обнимать целость упомянутого великого переворота? Новейший бытописатель, с первого шага подчиненный определенному закону нелицеприятия, видит перед собою для допросов свидетелей, лицеприятных до нелепости; напрасно стал бы он искать пути соглашения, если позволено выразиться, – исторической *середки на половине* (juste-milieu[1]). Сближение невозможно между показаниями крамол – тем более искренних, что они ищут славы в своем иступлении и что их достоинство – в страсти, их одушевляющей. Без сомнения, важные труды распределялись с особенным старанием; совершены изумительные исследования; свежие источники ожидают только изыскателей; но какое сочинение о Реформации, изданное в течение последних двух столетий, обнаружило истину так, как она требуется теперь? Мы имели только исповеди партий или обзоры вроде Вольтеровых и Юмовых [12], очень забавные, хотя мало заботливые о правде, и вот, надо заметить, неизбежное следствие обязанности, наложенной на историка, – соблюдать беспристрастие во что бы то ни стало. Отсюда тот скептицизм, последняя форма новейшего бытописания – форма, впрочем, самая соответственная духу сомнения, обуявшему понятия и совесть; отсюда: здесь – криводушная защита той или другой проигран-

[1] Золотая середина, умеренность, средний путь (фр.). – *В. Т.*

ной тяжбы, там – сокращения, где все размещено по отношениям числ, обдуманно разделено на главы, но где совершенно недостает положительной оценки; где убеждение повествователя подавлено боязнью выразить начало нравственное: форма истории тем опаснейшая, что она ведет, более или менее прямо, к отрицанию добра и зла, устраняя из картины событий Провидение и заменяя верховные законы общественного порядка Бог весть каким-то искусственным механизмом, возникшим случайно и который унижает человека, лишая его лучших надежд.

Однако, может статься, возразят: свет начинает яснеть по мере того, как происшествия ближе к историку. То ли с величайшим и последним из переворотов, Французской революцией, коего была свидетельницей значительная часть нашего поколения и о коем остальная получила сведения из первых рук? В необъятной громаде сочинений о том, сочинений всех видов, всех оттенков, всех мнений, нашлась ли до сих пор путеводная нить, могущая прямо указывать направление историку, желающему начертать образ этой достопамятной эпохи, о которой все уже сказано, написано и которой ни малейшей подробности не скрыло от читателей никакое утаение? Напротив, мрак сгущается по мере того, как число творений возрастает. Среди противоречащих, но безвыводных прений, свидетельств, в коренном смысле враждебных, и, в особенности, среди неосторожных софизмов, накопляемых каждодневно, по произволу необузданного воображения собирателей, – скептицизм принимает ежеминутно свойства более решительные. Не говоря о преступной игре ума, посредством коей хотят, забавляясь, превратить эту исполинскую кровавую трагедию в задачу восстановлений самых неожиданных, – известно, что нет ни одного тогдашнего случая,

нет ни одного тогдашнего самостоятельного лица, ни одного правительственного действия, принимаемого без возражений и обсуждаемого без оговорок. Все, даже до окончательного видоизменения революции, искажено наспех и с каждым днем переиначивается более. Посмотрите, что сделали из Наполеона!.. Из гения могущественного, но сурового и полудикого, из отъявленного врага мнений демагогических, из богатыря – ума положительного и самодержавного, создали какого-то проповедника вольнолюбивых понятий, апостола демократии, лицо символическое, миф, наконец, годный разве занять место между туманными призраками Оссиана [13]. Перед нашими глазами выросла и распространилась эта историческая фантасмагория, так что теперь существуют, собственно, два Наполеона, резко между собою различные: один, составленный для народа из песен Беранже [14] и рассказов Марко Сен-Илера [15]; другой – со своими великими качествами и великими заблуждениями, еще живой в памяти современников, в обдуманной оценке умов степенных, освоенных с изучением спокойных людей и дел; но уже на стороне последнего менее голосов, и лет чрез сто Наполеон, мифический и революционный, Наполеон-Геркулес или Бог-Солнце, вероятно, будет изображать преемственное мнение толпы, несмотря на старания критики, ограниченной в ту пору числом ее поборников-последователей, может статься, столь же малочисленных, как ныне малочисленны последователи Вольфа и Нибура.

После двух столь разительных доводов, взятых между множеством других, мы вправе спросить себя: действительно ли совершенствуется историческая достоверность вследствие того, что с XV столетия все предается тиснению, и, обменявшись условиями с повествованием о древности, не встречает ли она препятствий новых,

которые в противоположном смысле лишают события желанной ясности чрезмерным обилием разнородных сведений, мешая расцвету яркого дня? Бытописанию времен отдаленных недостает положительности, ибо нет средств подтвердить разбирательством достоинство источников при отсутствии свидетельств неопровержимых. Такая история носит на себе печать явно условную: невольно чувствуешь, что искать в ней точной истины – старание тщетное и что чем более она освящена единодушным согласием народов, тем более сопротивляется всякому, несколько пристальному, изысканию. Можно, выразились мы, отрицать сказания о происшествиях древних, но то, что остается от них, подобно памятникам древнего искусства, спасенным от разрушения, изваяно из гранита и бронзы. Над изучением этих-то несокрушимых остатков напрасно истощается прозорливость новейшей критики. Геродот [16] и Тит Ливий принимают, бесспорно, цвет романический, – восходят ли они к первым основам, изображают ли события современные; иные, например Фукидид [17] и Тацит, являют открыто политическое одушевление, совершенно не согласное с нашими понятиями о философском беспристрастии, переносимом на почву бытописания; устраните, однако, великих повествователей тогдашнего времени – и древняя история исчезает. То же, но в гораздо высшей степени можно применить ко всему, касающемуся Востока; предания индийцев, китайцев, персов и других племен Азии, сохранивших следы прошедшего, наполнены таким количеством случаев чудовищно баснословных, что они относительно происхождения племен и государств вполне несообразны ни с какою системою летосчисления, ни с каким разумным началом истории.

Есть еще особая точка зрения, которую до́лжно обозначить в будущей судьбе изобразителя новейших

времен. Исчисляя огромное количество книг, предлагаемых ежегодно типографскими станками любопытству читателей, можно представить себе чрезвычайную цифру, какой эти непрерывные издания достигнут спустя два или три века. Тогда положение историка станет еще хуже. Захочет ли он пользоваться печатными пособиями – перед ним развернется бездонная пропасть, к исследованию коей недостает жизни человеческой; пренебрежет ли такими сокровищами – он лишит свой рассказ всякого права на доверие, нарушит существенный закон бытописания. Можно утверждать без излишней смелости, что в эпоху, более или менее отдаленную от нашей, очертания каждой науки, взятой отдельно, распространяясь поступательно, перейдут пределы ума и что тогда историки вместе с прочими подвижниками, посвящающими себя каким-либо самостоятельным ветвям знания, подавленные бременем предварительных разысканий и грудою вспомогательных средств, скорее будут останавливаемы, нежели поддерживаемы в своих трудах необъятной громадой произведений книгопечатания. Сомнительно, чтобы подобное состояние вещей, приблизительно вероятное, послужило к усугублению точности наших сведений вообще и точности исторической в особенности.

Не простирая чересчур далеко любви к мнениям крайним, можно бы, кажется, заключить из вышеприведенных соображений, что изобретение типографского искусства постановило как относительно бытописания, так и бытописателей условия, доселе неведомые; но что они для достоверности исторической нисколько не выгоднее причудливой, полной свободы повествователей Греции, Рима и Средних веков до XV столетия. Затруднения изменились в свойствах, хотя не менее важны, не менее очевидны. Если человеческому духу было предо-

ставлено их преодолеть – ему, однако ж, не позволено ослепляться на счет положений самого вопроса. Немощность усилий новейшей критики, прилагаемой к древности, за исключением нескольких уединенных отношений летосчисления или подробностей в нравах, искусствах и внешней жизни народов давно прошедшего, признана достаточно; но ее приноровление к истории современной принесло ли доселе плоды обильные? И если уже теперь ощущается разительная несоразмерность предуготовительных изысканий со следствиями, которые ученый ищет извлекать из многоразличия источников, открытых его пытливости: то эти затруднения не угрожают ли соделаться неодолимыми, когда благодаря тиснению количество книг, с одной стороны, увеличится в ужасающем объеме, а с другой – дух сомнения, скептицизм, обращенный в систему, решительно завладел всеми ветвями знаний человеческих и станет верховным законом, последним словом разумения?

Поречье, в июне 1850 г.

ШТЕЙН И ПОЦЦО ДИ БОРГО

Ceu, duonubigenaequumverticemontisabalto
DescenduntCentauri…
Virg.[1]

Изображения двух знаменитых особ, коих имена означены в заглавии этих страниц, напоминают те произведения Тициана, Рубенса, Ван Дейка, Веласкеса, где неподражаемым уменьем художников частное возве-

[1] Словно б когда двое тучерожденных с вершины горы высокой / Сходят кентавра… Виргилий (пер. с лат. С. В. Сухова). – *В. Т.*

дено на степень общего; подробности, оттенки, обстановка слиты в одну целостную, державную думу и портретам придана важность картин. Конечно, предметы, разборчиво лелеемые искусством, должны быть достойны объемов утонченно-верных, красок живых, но вместе нерезких, как бы матовых, сквозь которые спокойно просвечивает стройная мысль. Возвышенные черты Поццо ди Борго [1] и барона Штейна [2] действительно стоили такой тщательной отделки, и сочинитель не изменил себе: знаток классической древности, любитель изящного, муж государственный, он опытным глазом пристально взглянул на строгий бронзовый облик первого, проник в глубокую, туманную душу второго, куда погрузилось великое минувшее Германии, объяснив в том и другом, по близкому с ними знакомству, многое, доселе почитавшееся загадкой. Между тем, главные размеры столь точны, округлость выражения, смею сказать, столь обаятельно отделяется от всего постороннего, побочного, что сначала недоумеваешь: создали их бойкая, нежная кисть, или радужный луч, играя, совершил тут дело какого-то волшебного резца.

Дерпт,
июня 6 дня 1847 г.
Михаил Розберг

Кто не встречал в жизни лиц выразительных, людей самобытных, оставляющих после себя впечатление тем более глубокое, чем беспристрастнее, чем пламеннее ум, его принимающий? Юность с ее увлечениями и врожденной прямотою способнее, нежели обыкновенно, полагают к наблюдениям тонким и определенным: так, переносясь в отдаленный ряд моих воспоминаний, я схожусь с четой мужей избранных, именами своими

составляющих заглавие настоящих страниц, – Штейном и Поццо ди Борго. Начиная с последнего, замечу, что жизнь его распадается на два отдела, из коих первый знаком мне подробно, а второй совершенно чужд: я знаю только Поццо-изгнанника, скитальца, подобно Данте [3] или Макиавелю [4], лишенного убежища и отчизны, политического заговорщика, человека, бросаемого всеми волнами на все берега, но постоянно преданного служению единой цели и обладаемого решимостию верховною. Поццо – посол и граф российский, осыпанный орденскими звездами целой Европы, зарывшийся в золото, – этот Поццо кажется мне несообразностию, о которой едва могу составить верное понятие. Мое повествование относится исключительно к поре, когда я с ним сблизился и когда он дышал резкой свежестью своих дум, полной силою своего нрава.

Во время Империи высшее европейское сословие ненавидело Наполеона; нового вида Крестовый поход сливал вместе и независимые гостиные, и знаменитости, не увлеченные движением великого полководца. Означенное мнение не нуждалось в языке козней: замыслы возникали на открытом воздухе, если можно означить подобным названием сочувствие общего отвращения к власти, подавлявшей вдруг столько разных стран и столько противоположных убеждений. Всем известно, что такой род глухого восстания могущественно содействовал к постепенному разрушению Наполеонова господства и довел оное до окончательного падения. Поццо был если не душой, по крайней мере, одним из самых ревностных, самых неустрашимых двигателей огромного военного снаряда, коего важность признавал и повелитель Франции. Не раз своей железною рукою он пытался раздробить его, но снаряд оказывался неуловимым: он проглядывал всюду и не выставлялся нигде;

он не имел безусловного средоточия, а лишь несколько точек соединения. Орлиный взгляд Бонапарте различал очень хорошо, что на твердой земле Поццо и Штейн являлись, каждый по себе, прочными осями системы, основанной с особенным искусством, ибо она не обнаруживалась ничем явным и не подчинялась никакому принятому символу, кроме ниспровержения его самовластительства, кроме клятвы delenda Carthago [5], которая обитала во всяком сердце и вполголоса слышалась на всех устах. В те дни, когда Поццо наслаждался обилием своих дарований, скажу даже – своего гения, я находился с ним в коротких связях непринужденной приязни, от разности лет тем искреннейшей, что он почитал меня своим учеником и питомцем. Черты его нравственного облика ярко рисуются в моей памяти; ум его, без сомнения, принадлежал к разряду выспренных, но отличительное свойство его разумения выражалось, если можно так объясниться, внутри – необыкновенной точностью, извне – спокойствием невозмущаемым. Страстный, пылкий, на все готовый, Поццо владел собою; мысль его легко разогревалась; звук же голоса притом изменялся едва; глаза его бросали уже молнии, а по челу мелькала еще улыбка. Речь его лилась стремительно, оттеняясь о́бразами, развиваясь преимущественно с дивным отчетом и правильностью; вместе с тем он скупился на нее до того, что редко предавался влечению своих суждений, всегда сдерживаемых, и которые, казалось, не ощущали надобности переходить в слова. Обращение его было просто и непринужденно, скорее английское, нежели французское или итальянское; в беседе он употреблял мало телодвижений и говорил с большой кротостию. Поздно выучившись французскому языку, он обратил его, несмотря на то, в свой природный, писал на нем и владел им с редкой ловкостью. Доброта его про-

стиралась до чрезвычайности; она питалась огнем южного чувства, коего отблеск осиявал целое его существо; хотя он имел способность привязываться глубоко, но это, очевидно, отзывалось в нем стихией побочной: одна страсть, страсть политическая, отвлеченная, пожирала прочие его наклонности. Ненависть его к Наполеону не ведала пределов, однако ж облекалась умеренностию, я готов сказать – хладнокровием аксиомы или события исторического. Никогда не унижал он необыкновенных качеств человека, которого почитал бичом мира и не терпел как личного врага. Еще более: он не позволял, чтобы толковали слегка о его исполинском противнике: если в его присутствии кто-либо намекал, будто сомневается в дарованиях Наполеона, или старался отрицать его гений, Поццо, не обинуясь, прерывал совещание – иногда насмешкой, иногда кратким, едким замечанием. Сколько раз, оставляя прения самые жаркие, ему случалось горько восклицать при этом: «Как ошибочно эти люди понимают того, с кем имеют дело! Коли бы они знали о нем знакомое мне, трепет объял бы их! Смотрите, – присовокуплял он, – карлики нагло верстаются с великаном! Безрассудные! Они готовы погубить все и нас вместе с собою!».

Поццо неохотно касался своих детских и юношеских сношений с Наполеоном: известно, что оба родом из Аяччо и корсиканцы чистой крови, они провели первое время жизни совокупно, в тесной приязни; о прочем подробностей недостает, а пусть вообразят, сколь драгоценны были бы такие затаенные подробности. Кто не любил бы следить вдоль берегов океана и по расселинам скал за причудливыми прогулками двух отроков, из коих одному предназначалось властвовать над полвселенной, другому – заменить римского невольника, кричавшего триумфатору: «Помни, что и ты человек!».

В высшей степени занимательно бы, думаю, проникнуть в глубину короткого обращения, восторженных излияний, суровых и пылких споров, возникавших между сими юными, скоро созревшими умами, могучими, дикими, подобно почве, на которой они развивались. Когда вспыхнула революция, Поццо с ближними пристал к Паоли [6]; Наполеон, верный родительским преданиям, усвоил себе мнения французов, каждый с неугасимою злобой в груди, к товарищу и другу детских лет. Сквозь таинственный пролог их двух судеб и великою драму, в коей эти молодые люди позже участвовали, рядом с распрями политическими нетрудно различить отвращение личное, вражду семейную и племенную; мы видим тут «вендетту» в большом размере, долженствующую кончиться лишь могилой. Едва ли со своей стороны Наполеон, достигнув вершины могущества или заточения, когда-либо откровенно объяснялся на счет клеврета своих ранних дней; в нескольких бюллетенях он называл Поццо изменником, подкупленным Англиею, но такой навет, слегка брошенный черни, не выражал сокровенной мысли Бонапарте. Их разделяли отношения непроницаемые. Если Поццо, как говорят, оставил записки о своей жизни, может статься, они осветят столь темною главу его истории.

Каково ни есть происхождение подобных обстоятельств, Поццо принимал свой жребий за следствие, безусловно, роковое, создавшее из него естественную противоположность грозного соперника. Действительно, найдем ли зрелище разительнее поединка насмерть, ярой борьбы двух мужей, из коих один заставлял трепетать Европу, а другой, бедный изгнанник, без милых сердцу, без денег, без Отечества, имел единственными пособиями лишь неистощимое свое терпение и твердость непоколебимую? При положении, раз упрочен-

ном, всякое оружие становилось годным, всякое покушение позволительным, всякое усилие приводилось в исполнение. Иным Поццо изображал Наполеона как ненаказанного нарушителя народных прав, иным – как предопределенного сокрушителя престолов. Обращаясь попеременно к разным правительствам Европы, иногда преследуемый, постоянно выслушиваемый; возбуждая беспрерывно новых неприятелей своему противнику, искусно растравляя негодования глубокие и сокрытые, проповедуя Крестовый поход на общего врага; распространяя охранительные правила с неукротимостию изувера и разборчивым благоразумием опытного сановника, Поццо, не заботливый об опасности, поглощенный однажды задуманным намерением, не отступал назад ни от какой преграды, не смущался никаким препятствием. Вера его в грядущее была несокрушима. Его упорная настойчивость не ослаблялась; когда он не действовал, он размышлял, и его размышления, предприятия стремились только к исключительной цели. Обнимая духом постепенные свои впечатления, спокойный или ретивый, смотря по надобности, кичливый и пылкий, как Джибелин XI в., никогда Поццо не шел ложным путем; никогда также он не отваживался на поступок, если побудительная к тому причина не достигала зрелости. Его политические сведения отличались чрезвычайною полнотою; в остальном обладал он познаниями достаточными. Древние бытописатели – Цесарь и в особенности Тацит – составляли его наслаждение; их язык в его устах звучал живее, нежели в других. Он часто изумлял меня тонкой сметливостию, с какой следил за нежнейшими оттенками латинских оборотов, самыми недоступными даже людям науки; в поэзии предпочитал прочим стихотворения Данте и Ариосто [7]; объяснение декад Тита Ливия Макиавелем

называл молитвенником человека государственного и постоянно восхищался этой прекрасной книгой [8]. Для Поццо, как и для Альфиери [9], Макиавель являлся мыслителем по преимуществу “ilsovrano pensator”[1]. В истории, говаривал он мне, есть два рода правительств, сто́ящие изучения: Римская империя и монархия французская. Новые виды гражданских учреждений еще не развились, и их будущность зависит от наступающих происшествий; конституция английская основывается на случайности ее аристократии; пусть ей удивляются, но стараться подражать ей – безумие. Аристократий, присовокуплял он, теперь нельзя более создавать: первоначальная сущность их истощилась. Потому, когда Наполеон пытался воскресить стихию высшего сословия, Поццо сказал: «Заметьте, великий ум заблуждается: что такое рыцарство, не участвовавшее в Крестовых походах? Едва можно восстановить монархию; аристократия уже не восстановляется». Кроме того, он вместе с Бонапарте питал непреодолимое отвращение к началу народному, хотя оба видели приближение силы его; подобно Наполеону, Поццо не иначе понимал власть, как в очерках, резко положительных. Два любимых взгляда его на Римскую империю и монархию французскую беспрестанно просвечивали в его соображениях. Будучи купно с Паоли представителем Корсики в Учредительном собрании, он ознакомился с зачинщиками прежней революции, но уважал их мало. Мирабо [10], по его выражению, рисовался просто «гладиатором»; если бы он с первого шага избрал «иную дорогу, – замечал Поццо, – он бы еще мог спасти престол Людовика XVI»; его главное, неискупимое преступление заключается в том, что «он пожелал устранить беду, когда стало поздно».

[1] Величайшим мыслителем (лат.). – *В. Т.*

Из государственных людей Англии Поццо благоговел пред Питтом [11]; но решительные его сочувствия имели предметом Бурке [12], который оставил в нем впечатление неизгладимое и которому он приписывал почти пророческое знание европейской политики, между тем как искуснейшие великобританские министры, по его мнению, никогда ясно не постигали отношений и выгод твердой земли.

В веселых окрестностях городка Троппау, где во время похода 1809 г. [13] поселилось порядочное число выходцев, нередко прохаживались два иностранца; из них один, с южным обликом, казался в цвете лет, а другой, престарелый, поражал неправильностью своих черт и взором, словно проникавшим в недра души; присовокупите к ним юношу, с жадностию внимавшего этим степенным беседам, этим излияниям искренности, в коих самые выспренные вопросы попеременно предлагались и рассматривались: чета мужей, спокойно разговаривавших при громе французских пушек, были Штейн и Поццо ди Борго – изгнанники с оцененными головами, находившимися в распоряжении любого наполеоновского подпоручика, которому бы удалось захватить их; излишне, думаю, называть их товарища. Чрез день после несчастного сражения опальные толковали о будущем с доверием, спокойствием, убеждением невозмутимыми; и действительно, будущность не могла не достаться им в удел. Наименовав барона Штейна, я передам добросовестно несколько моих о нем воспоминаний, и, может быть, они возбудят внимание читателей, не довольствующихся тесными, поверхностными суждениями нынешних ведомостей.

Когда вследствие происшествий 1806 г. [14] Пруссия – раздробленная, подавленная, разрушенная – низверглась в глубину бездны, один человек взялся воздвиг-

нуть ее из праха. Мало того: он мечтал о независимости Германии в минуту беспрекословного господства ее надменного победителя. Штейн такую мысль, мысль целой своей жизни, стал приводить в исполнение при исчезновении последней надежды на успех, но он олицетворял собою лишь выражение и символ желания, укоренившегося в умах бóльшей части тогдашних замечательных людей. История должна раскрыть нам эту подземную работу, начинающуюся с первых дней Империи и оканчивающуюся занятием Парижа в 1814 г., крамолу сложную, таинственную, сто раз прерванную, ни разу не покинутую, сеть неисходимую, в коей переплеталось множество особенностей, точек зрения, упований, направлений различных, но сеть железную, которая, сжимаясь, обвила гибельными петлями престол Наполеона и ускорила его падение.

Барон Штейн, труженик самый смышленый и опытный своей отчизны, в деле освобождения принадлежит к поколению государственных лиц, от коего едва существует еще несколько остатков. В старинных семействах непосредственного дворянства[1] – не австрийского и не прусского, замечаем нечто вольное, даже республиканское, если бы с республиканскими наклонностями уживались понятия безусловно аристократические; происхождение школы касается колыбели рокового французского переворота, и ее развитие подвигалось с ним почти рядом. В Штейне, ее приверженце наиболее своеобычном, проявлялись качества и Гетца Берлихинского [15], и Лютера; высоко ценя свой герб, он, однако же, устремился с жаром на новые пути. Я не позволю себе на-

[1] Непосредственным дворянством называлось то, которое зависело не от повелителей отдельных владений Германского союза, где оно имело поместья, а лично и поземельно прямо от немецкого Императора. – *Примеч. перев.*

чертать объема его предположений о лучшем устройстве немецких стран; быть может, и сам он не обрисовывал его точно, но я скажу, что в связи его выводов и в лестнице его чувств Германия одухотворенная, слитая в целое, утопическая, занимала главное место; на втором витало правительство, которому он служил ревностно и мужественно. Труды Штейна, вероятно, имели целью укрепить покровительство Союза за домом Бранденбургским, с непременным условием – совокупить Отечество, могущественное и свободное, под одно знамя, даровать ему постановления простонародные, твердые, упрочить оное на основе протестантизма в подлинном смысле и собрать около себя полный сонм способных мужей родины. К настоящей программе он бы охотно прибавил знаменитое арагонское изречение: «*Коли нет, так нет*». За исключением этого, привязанность его к прусской монархии и ее вождю не ведала пределов: сто раз ради них он подвергался опасности лишиться жизни, но, не колеблясь, отрекся бы от короля и королевства, если бы они, по его суждению, удалились от выгод общих; тогда, по своим правилам и наклонностям, он отошел бы к дружине побежденных. Итак, прежде всего Германия, потом Австрия или Пруссия вместе или порознь, смотря по отношениям и по мере их полезности благому делу; что касается владений разряда низшего, политики школы Штейна питали к ним отвращение непреодолимое, достигавшее в нем до предубеждений самых странных. Впрочем, упомянутое отчуждение обнаружилось тяжбой начал, а не лиц; Германия, раздробленная на двадцать различных держав, казалась ему весьма дурно управляемою, и на притязания мелких властителей обращались постоянно его горькие насмешки, его резкая хула. Кроме того, между бароном Святой империи и незначительными дворами горела взаимная неприязнь родов: он подымал свой щит

почти вровень с их гербами, и барская спесь примешивалась к строгому, независимому суждению мыслителя, к разборчивому взгляду человека государственного. Действительно, питомцы означенной школы в их обольстительных грезах провидели объюнение старинного исторического рыцарства, не знаю, в каких-то свежих образах; они мечтали, правду сказать, скорее о положении вещей федеративном, скорее об аристократических республиках, нежели о монархиях; в итоге страсть, слывшая их свободолюбием, дышала только предубеждениями исключительными и категориями каст.

Штейн принес тайному союзу европейских мнений против тогдашней Франции силу и бескорыстие удивительные, возвышенные гражданские намерения, самые благородные нравственные добродетели. Он без околичностей включил пружины и орудия, встреченные им на пути, в систему, коей был неутомимым поборником: негодование людей разумных, порывы юношества, горесть матерей, выспренные дарования Шарнгорста [16] и Гнейзенау [17], пылкость принца Людовика-Фердинанда [18], преданность Шилля [19], красноречие Фихте [20], колкие сочинения Арндта [21], песни Кернера [22] – все ему пригодилось, он употребил в дело все. Так попались ему доро́гой скрытые заговоры, и, хотя глубоко уверенный в их бессилии и неудобствах, он дал вольный ход ребяческим вздорам «*тугенд-бунда*» [23], который нередко украшался блеском его имени, и многие новейшие писатели даже решительно ставят Штейна во главу такого нескладного сборища. Сто раз я слыхал от него, что в политике нет средств хуже тайных обществ; что меньший из их недостатков есть их совершенная ненадобность, и, однако же, он не пренебрег подобным средством: в его руках оно значило – лишний заряд на выстрел в неприятеля.

Кто не жил в ту лихорадочную эпоху, среди брожения глухого и беспрерывного, никогда не составит себе ясного понятия о тогдашнем расположении умов и их необычайной раздражительности; каждый, казалось, приобретал право вмешиваться в каждое обстоятельство; никогда влияние сильно развитых особенностей не высказывалось столь явно. Брошенный случаем событий в этот вихрь, я зрителем присутствовал при некоторых из поразительнейших сцен разыгрывавшейся великой драмы, и они-то еще живее остального впечатлелись в моих воспоминаниях; я вижу еще Штейна и Поццо и себя с ними – всех троих, бродящих по свежей зелени, по мирным тропинкам Силезии и переносящих в природу мещанскую, как идиллия Фосса [24], бурные волнения мира политического. Несколько подробностей, наудачу взятых из моих впечатлений, представят отчетливее облики рассматриваемых мною замечательных людей. Штейн и Поццо соприкасались друг другу бесчисленными точками, относительно же множества предметов они разнились между собою до противоположности резкой: оба совокупно стремились сокрушить ярмо, коим Франция отягощала Европу, но Штейн имел целью лишь Германию, свою милую Германию, юдоль прекрасную, идеальную, мечтательную, где рисовались ему попеременно владетельные бароны – царственные судии, рыцари, защитники слабых и сирот, избранный Император, независимые государства, устроенные от Эльзаса до Восточной Пруссии: рама безмерная, туманная, удобно совмещавшая понятия нашего времени с преданиями века Гогенштауфенов [25], шпагу Фридриха [26] с нагрудником Густава-Адольфа [27] из буйволовой кожи, – очаровательное видение немецкой вольности в возвышенном ее значении, однако видение, еще более недоступное демагогам настоящего юного поколения,

нежели мятежным глашатаям французских ведомостей. Штейн вполне предался осуществлению явления, над коим могут посмеиваться нынешние бездушные скептики, явления, гадательно, даже в его уме не принимавшего постоянно неизменного очерка; впрочем, по преимуществу муж действия, он желал освобождения Отечества и стал беспрекословно главным двигателем этого предприятия. Никто не вносил в дела взора такого быстрого, таких зрелых плодов опыта. По наружности – его лицо четырехугольное, его широкое чело, его глаза проницательные, осененные густыми бровями, его плечи неровные, немного поднятые и словно созданные для лат; с нравственной стороны – его врожденная, гордая честность, его вера духовная, столь же несомненная, как и его вера политическая, красноречие неправильное, но непреоборимое, когда он одушевлялся одною из любимых своих мыслей, наконец, его испытанная добросовестность создавали вообще из Штейна человека первостепенного. Забудем ли непоколебимость, оказанную им в бедах, когда, отовсюду стрегомый, он говорил мне, что не знал, куда приютить гóловы своей жены, своих детей; о собственной он не заботился и охотно бы ею пожертвовал, если б кровь его освежила древний дуб Германии, разбитый Перунами до самых корней? Штейн выражал собою лицо истинно поэтическое, а вместе с тем и немецкое исключительно; о нем, о его учениках нельзя судить, основываясь на обыкновенной точке зрения отношений, называемых жизнью общественною: иначе на расстоянии, в каком мы находимся от происшествий, эти грозные охранители подверглись бы опасности прослыть приверженцами возмущений наравне с их соперниками.

Поццо, подобно Штейну, углубленный в свои политические убеждения, стоит под тем же оптическим

углом, углом обаятельным, примыкающим к заблуждению. Единодушный с товарищем, он, во-первых, желал избавления Европы, но по достижении вожделенной мечты его начало раскрывалось обширнее, объемистее, всемирнее, нежели начало Штейна. Смотря по случайностям и внутреннему побуждению, в прямоте коего нельзя усомниться, Поццо хотел передать наследие европейского покровительства России, которой он неизменно служил с рвением и преданностию; союз Франции с нами казался ему неизбежным; потому он жаждал видеть Бурбонов на ее престоле менее, может статься, по чувству, нежели по выводам логическим. Штейн мало беспокоился о грядущей судьбе упомянутого королевства, лишь бы оно ослабло и лишилось влияния. Здесь, как и в иных местах, заметим, что Поццо, плебей, возникший из одной школы с Наполеоном, был собственно мужем власти, питал отвращение к стихии демократической, а доверие – только к постановлениям, крепко утвержденным, и даже охотно облек бы оные отличительными признаками самодержавия. Патриций Штейн – аристократ, дороживший своим гербом, – обнаруживал, напротив, решительную наклонность доставить богатую долю преимуществ сословиям низшим. Пораженный упадком касты дворян, упадком княжеских семейств, Штейн с государственными сановниками своей школы восхищался любовью к Отечеству, просвещением германского мещанства; в его-то добронравии, в его неустрашимости он искал блага отчизны и, естественно, ощущал более сострастия[1] к средним разрядам граждан, уважая их народное одушевление, умея приводить в содрогание их тайные думы, нежели к высшим, коим принужден был говорить в глаза горькие, кровавые упреки. Такая двоякая связь, зависевшая от

[1] Так в оригинале. – *В. Т.*

известного положения вещей и вызванная их природой, заставила смотреть на Штейна как на причину немецких демагогических смут – обвинение, понятное разве в устах людей, не имеющих никакого точного сведения о течении мыслей и дел тогдашнего времени. На взгляд Штейна, на взгляд Поццо, разрушение французского самовластительства составляло предварительное условие воссоздания Европы; достигнув раз главной цели, они расходились по разным путям, и – странность! – тут-то именно выступало скользкое состояние вопроса почти для каждого, кто подвизался на поприще великого предприятия. Все соглашались касательно первого действия драмы, немногие уступали друг другу, когда речь зашла о втором: поверия, самые искренние, разделились, сочетания мнений, самые прочные, расторглись, подвижники, самые основательные, терялись при исполнении своих предначертаний; так справедливо, что в существах избранных, сотворенных для борьбы, сила отпора одна берет перевес. Поццо участвовал в советах Бурбонов во Франции, в Испании, раздражаясь лишь неловкостью их правления и отчаиваясь в его успехах; Штейн умер с прискорбием в сердце, краснея от стыда при взоре на Германию в том виде, какой она получила после; оба разочаровались в мечтах целой жизни, в заветных убеждениях, которым предавались телом и душой. Они – суровые защитники порядка, более искусные в битве, нежели в созидании, были, надо сказать, чистым произведением своего века. Когда буря утихла, когда улеглись разъяренные волны, труженики-богатыри очутились одинокими на берегу, спасенном ценою тысячи их доблестных порывов. Теперь эти выспренние умы, оставшиеся без плодов и отголоска, являют собою только предмет изучения и любопытства или воскресают в простом воспоминании привязанности личной.

О ГЕТЕ В ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Читано президентом Академии, 22 марта 1833 г.

От переводившего

Известно, что в Германии в рассуждении о Гете повторяются два мнения, одно другому совершенно противоположные. Одни ученые, вместе со Шлегелями [1, 2], видят в нем существо идеальное, к которому смертные могут только приближаться. По сему мнению, Гете в ряду представителей веков и народов занимает место после Омира, Данте и Шекспира. Другие, следуя Менцелю, почитают Гете талантом обыкновенным. По мнению их, не только Шиллер, но Уланд и Гейне стоят выше творца Фауста. Воззрение на Гете и суждение о его творениях, здесь представляемое, есть вернейшее и беспристрастное. Оно может составить прекраснейшую и поучительнейшую лекцию в курсе истории словесности. Для доставления любителям словесности бóльшей возможности пользоваться сим рассуждением издается особой книжкой перевод оного, не вполне напечатанный в Ученых записках Императорского московского университета.

Каждый россиянин, любящий отечественное просвещение, может с гордостью указывать на литературные сношения сочинителя сего слова с великим поэтом, которому посвятил он произведение свое “Nnnosvon Panopolis, der Dichter[1]. Там, между прочим, сказано: «Возведение древностей на степень науки принадлежит германцам. Конечно, другие народы приготовили

[1] Нонн из Панополя, или Нонн Панопольский, поэт (нем.). – *В. Т.*

для сего много важных исследований; но если высшая филология должна была образовать целую систему, то перерождение ее могло произойти только в Германии. Новые взгляды на сей предмет едва найдут выражение в других языках: это заставило меня писать о классической древности на немецком языке». Гете в статье своей “Deutsche Sprache und Verwandte”[1] называя это сочинение драгоценным (schaetzbares Werk), присоединяет: «Так мыслил ученый, украшенный счастливейшими дарованиями, знаниями разнообразными, истинный талант, который, подобно художнику в области гармонии, играет на различных инструментах, смотря по тому, какой лучше выражает его мысли и чувствования. Просвещенные соотечественники мои должны помнить его полезные и вместе для самолюбия нашего лестные слова, а юноши с дарованиями сим примером путь убедятся в необходимости изучать иностранные языки, представляющие народную жизнь».

Что касается до перевода, повторяю признание мое, высказанное в Ученых записках. Сочинение о Гете на французском языке при всей краткости заключает в себе невыразимое богатство мыслей и неподражаемую живопись в слоге; в переводе теряет оно бо́льшую часть своего изящества. Я лучше желал показать бессилие свое в выражении мыслей и чувствований сочинителя, нежели совсем лишить читателей прекраснейших страниц о великом поэте.

И. Давыдов

Истекший год ознаменован многими горестными утратами для наук и Академии. Из числа иностранных сочленов лишились мы Кювье [3], Гете, Сестини [4], Ремюза [5], Шамполлиона [6], Цаха, Шапталя [7], Ло-

[1] «Немецкий язык и родственники» (нем.). – *В. Т.*

дера. Смерть, сугубыми ударами поразив избранных, истинно европейских ученых, по-видимому, уровняла в бедствиях мир умственный с миром гражданским: ее уровень прошел по возвышенности ума, между тем как другая власть, столько же роковая и могущественная, собирала десятину свою с возвышенностей гражданственных [8]. Несмотря на это, за успехи всемирного просвещения страшиться не до́лжно: закон совершенствования есть всегдашнее, необходимое условие жизни. Ощутительно для каждого, что мы переходим в одну из тех эпох перерождения, которые в летописях ума человеческого тем замечательны, что в них науки при видимом покое беспрестанно вперед поступают. В это время мысль о *плебейском дележе* (lexagraria) [9] в области учености становится последним выражением и первым желанием общества.

Простите, м<илостивые> г<оспода>, что я при самом начале слова моего удалился от речи, обычной сему роду сочинений. Согласитесь, что в наш век нельзя не искать приюта в сфере общих идей, начал единства, когда внешний порядок, связывающий события, явно нарушается в их странной нестройности.

Одному из знаменитых мужей, похищенных смертью из среды науки и Академии, я почитаю себя обязанным в качестве академика принести ныне последнюю дань признательности и уважения: я разумею *Гете.* Пусть другие члены сего сословия представляют сильное влияние Кювье на науки естественные; исследуют обширную ученость Шамполлиона, Ремюза, Сестини: себе предоставляю я беседовать с вами, м<илостивые> г<осудари>, о Гете, коего изучение составляло мои любимые и при всем том чуждые предрассудков занятия; которого познал я из долговременных и частных сношений; о том, которого разбирать можно, как разбира-

ют древних, требующих одной истины, спокойствием и безмолвием своим внушающих благоговение, без ненависти и пристрастия.

Не ожидайте от меня, м<илостивые> г<осудари>, подробностей касательно сего поистине великого мужа; время рождения его и кончины, главнейшие происшествия в жизни, спокойной и вместе многообъемлющей, известны всем; нет никого из присутствующих здесь, кто бы не вкушал сладости блистательных и творческих созданий, отражающих разнообразный и, смею сказать, причудливый гений Гете, то проникающий во глубину сердца, то очаровывающий своенравною игрою воображения, то убедительный прозорливостью философической.

Со вниманием читал я бóльшую часть жизнеописаний Гете: вообще суждения о нем нахожу я недостаточными и неверными. Многие страстные почитатели возвеличивают его и возносят до идеальной высоты, где физиономия писателя уже исчезает от взоров критика; иные, напротив, умаляют его и ставят в такие тесные рамы, в каких едва можно поместить и рядового грамотея. Одни сравнивают его с Шекспиром, другие – с Вольтером [10]; помнится, даже находили сходство Гете с Магометом или Наполеоном. Вы сами, м<илостивые> г<осудари>, можете из сего заключить о степени справедливости подобных изображений, обличающих недостаток наблюдательности.

Дабы основательно судить о влиянии Гете на страну его и век, дóлжно мысленно перенестись в то время, когда явился он на поприще словесности. Франция, гибнувшая в неистовых Сатурналиях [11] XVIII в., еще продолжала действовать на умы. Немецкая словесность, заключенная в первоначальные жесткие формы свои и порываемая систематическим стремлением к подражанию зарейнским образцам, подвергалась двоякой невы-

годе враждебных крайностей. Школа Бодмера [12], называемая в Германии швейцарскою, силилась воскресить под кровом патриархальным древнюю эпопею. Школа лейпцигская требовала народной драмы и между тем ковала прозу, которой нескончаемые причастия утомляли самый грубый слух и самый снисходительный вкус. Отличнейшие умы, особенно Галлер [13] и Клопшток [14], поведав мысли возвышенные, настраивали лиру на лад неверный и нетвердый в основании; тогда хотелось создать пиитику с тем же предубеждением, с каким искали народности в баснословных Тацитовых преданиях о германцах. Лессинг [15] первый прокладывал надежный путь; но его критический талант не мог озарить светом тьму смешения и беспорядка. Из среды сего литературного безначалия возвысился талант могучий – Виланд [16]; он пробил новую тропу: увлек последователей своих к подражанию французам, неподражаемым в любезности, естественности и живости. Трудное и бесплодное усилие соединяло противоположные стихии; в сем жалком сочетании безнравственность даже не приправлялась вкусом, а природные свойства отечественного гения приносились в жертву суетному желанию наряжаться в чужие, преувеличенные погрешности.

Заметим, м<илостивые> г<осудари>, что в то время деятельность духа устремлена была на совершенствование стороны умственной; тогда нынешние думы еще не волновали страстей общественных. Перевороты, вскоре разразившиеся, конечно, зарождались в безмолвии; но как чада времен, обстоятельств и идей, а не произведение человека или междоусобий, они созревали вдали, подобно неприметным на облаках пятнам – зародышам бури. Тогда книга почиталась важным событием, новая мысль – явлением, философская система – эпохой, в произведении искусства выражалась школа; тогда закон

драматических единств опровергался или был утверждаем как закон государственный; Глюк [17] казался нововводителем; на Шекспира смотрели, как на варвара, угрожавшего ниспровержением общественного порядка; энциклопедистов [18] принимали за новых вероучителей. Германия представляла единственное зрелище быстрого и непрерывного развития мысли, заменявшего все прочие признаки жизни, – мышления зрелого, углублявшегося во внутреннее самосозерцание: там, от Рейна до Спрее, иногда один силлогизм из метафизики тревожил умы; неожиданный какой-либо вывод, новая категория разделяли общество, и даже состояния народные различались не по важности их гражданственной, но по степени образования, до какой они достигали, и по действию ума, какое производили на остальную часть народа.

В сии-то времена явился Гете. Одаренный всеми необыкновенными силами духа, соединявший качества противоположные, окрыляемый веком и самым обществом, он рано прозревал место, какое призван был занимать. Долго, казалось, колебался он в выборе пути, который бы привел его к сему месту; однако это недоумение не только не отдалило его от мечты, но еще послужило к раскрытию всех сокровищ дивного его ума под влиянием частию обстоятельств времени, частию – личного его характера. Пред соотечественниками, пламенными и добродушными, с чистосердечною уверенностью ожидавшими законодателя языка и вкуса, предстал Гете, без предубеждений литературных, без верования в философские учения, не установившийся в идеях своих, без восторга и народности. Сими-то противоположностями, кои он никогда не таил, распространилось его владычество, возросло необъятное умственное могущество, которого скипетр оставался в его руках до последних дней жизни. Гете никогда не угрожал требованиям

общественного мнения; чародейственною властию таланта своего он увлекал народное мнение за собою и после отталкивал его от себя в противоположную сторону. Иногда, утомленное продолжительным влечением, искало оно отдыха, хотело остановиться на данных самого Гете: прихотливый гений немедленно истреблял свое произведение. Так аравитянин среди пустыни топчет шатер – защиту каравана от зноя, и терпеливый, послушный караван тянется в путь дальний. Лишь только разгадывали настоящее направление любимого писателя – он уклонялся неожиданно и уже находил его там, отколе, по-видимому, навсегда он удалялся. Это истинный Протей [19], но Протей самоуправный и упрямый, подобно Ариелю и Мефистофелю, всегда опережавший современников, сильнейший из всех и искуснейший, неподражаемый, ничем не жертвовавший народности и при всем том постоянный ее блюститель.

Когда дух германский, в сущности мечтательный и страстный, в припадках отвращения от людей и всего в мире возносился в идеальную область любви, искушаемой действительностью жизни, тогда Гете издал *Вертера* [20] – величайшую драму своего времени – и на этом остановился. Совершенство творения уничтожило подражателей; творец, довольный тем, что сей род стал для других невозможным, обращался к нему только для того, чтоб издеваться над собственными своими внушениями. Соотечественники его пустились в века рыцарства; на театрах и в романах громоздились готические башни, герои покрывались железными латами, вооружались копьями; не видно было ни искусства, ни истины: Гете вознегодовал – и поставил на сцене германской *Гетца фон Берлихинген* [21], полное выражение природы, сильное, цвет родной земли; все разлюбили вдруг то, что прежде нравилось. Но поэт, совершив превосходное созда-

ние, никогда не принимался за другое подобное. Стали восхищаться красотою греческой, любоваться утонченным чувством, врожденным, нежным вкусом, требовательностью греческих драматических образцов – и Гете сбросил с себя наряд Средних времен: написал *Ифигению* [22], изящную и прелестную, подобно греческому изваянию, столь же благозвучную, сколь благозвучна песнь Сафы [23], – чистую и непорочную, как чист белый свиток, вырытый из-под пепла Геркуланского [24]. Он тогда же подарил читателям *Римские элегии*, дышащие отравляющею негоюТибулла [25] и Проперция [26]. Пристрастилась Германия к богатой итальянской поэзии; очаровалась прелестию ее гармонии, неистощимой, как неистощима в обилии ее родина, великолепной, как великолепно ее солнце, нежной и сладострастной, как человек в этой стране: обновился и Гете – в его *Торквате Тассе* [27] отгласилась природа музыкальная, истинная, полуденная; раздался язык сладкий, благозвучный. До сих пор никто из его подражателей даже не приближался к этой усладительной игре фантазии.

Перейдем в другую область идей: Гете и там шел разными путями. В *Эгмонте* [28] представил он пророческую картину освобождения народного, предвозвещенного утратою одного человека. Но после, когда все колебалось от бурей переворотов, когда этим чадом отуманились и умозрительные головы германцев, Гете не только не увлекся общим потоком, но даже пребыл в величественном безмолвии. Он постоянно оставался аристократом в правилах своих, желаниях, чувствованиях, явно обнаруживал гордое презрение к торжествующим мнениям черни. Так и в то время, когда безверие проникло в Германию; когда страсть к отвлеченностям поколебала основания нравственных знаний, – Гете сжалился над необузданною охотою соотечественников

к метафизическим мечтаниям и преследовал грозными сарказмами их суесловие и пытливость. Среди порывов кантизма он мало заботился о непроницаемых, темных произведениях кенигсбергского мыслителя[1], в тогдашнее время превознесенных общим восторгом, а ныне едва известных по заглавиям.

В столь тесной раме нельзя поместить многочисленные творения Гете; останавливаюсь только на некоторых для того, чтоб представить различное направление его гения, показать пути, по коим шествовал он к литературному диктаторству в стране своей, пути новые, причудливые, затейливые, по коим он один мог проходить и доказать, что сравнение Гете с Вольтером и его братиею погрешительно. Умы своего века покорил он не угодливостью, но открытым и постоянным противоборством. Может быть, действия его были наперед рассчитаны, и глубокою проницательностью разгадал он особый характер народа своего – характер важный, созерцательный, страстный, искренний; может быть, соотечественникам его нужен был живой парадокс для полного развития умственного: при всем этом Гете, не заботившийся о любви народной, был сорок лет идолом народа и баловнем; суровый и надменный, он беспристрастно вооружался против мимолетных страстей и скоропреходящего вкуса; в противность Вольтеру, без обиняков объявлял, что рукоплескания черни ему приторны и оледеняли его[2], что чернь и в словесности, равно как в политике, не способна управлять сама собою. *Фауст* – одно из дивных произведений его фантазии, действительно представ-

[1] См.: Briefwechsel mit Schiller (нем.) Переписка с Шиллером [29]. – *Примеч. С. С. Уварова.*

[2] “Mein Lied ertönt der unbekannten Menge,
Ihr Beifall selbst macht meinem Herzen bang…” Faust.
«Моя песня звучит для незнакомых толп,
Сами их аплодисменты тревожат мое сердце…» Фауст.

ляет грозную и едкую иронию вроде Рабле [30] и Шекспира, возвышенную сатиру на страсть немцев копать в глубинах и пропастях таинственности, разоблачить ее покровы – страсть, безумно воспитанную трансцендентальною философиею, разрушительное развитие коей ускорили позднейшие мудрствования. Во время появления *Фауста* я был в Германии; трудно изобразить впечатление от сего творения – впечатление восторга и негодования; соотечественники его, осмеянные в любимых мечтах своих, глубоко уязвленные и со всех сторон низложенные, сознавались, что пророк их (так называли тогда Гете) никогда не поведывал столь высоких тайн и вдохновений, никогда не видывал столь проницательных взглядов. Действительно, до «Фауста» никогда не объявлял Гете лютейшей вражды духу времени; никогда не нападал он на труды века с насмешкою, столь язвительною. Никто из современников Гете при таких успехах «Фауста» не дерзал вооружаться против него, против произведения творческого, против этой чудной фантастической прихоти; терпели бичевание, только приговаривая: «Так сказал учитель: αυτὸςεφη».

Особенные отношения Гете к публике служили поводом ко множеству недоразумений, которыми забавлялся великий художник, предоставляя пытливым и добродушным умам удовольствие толковать таинственный смысл слов его и разгадывать сокровенные причины его образа мыслей. Сей способ действования и принужденное положение обратилось в привычку; несмотря на это, природные свойства его всегда выказывались из-за приличий. Шлегель-старший рассказывал мне, что однажды, переписывая стихотворный отрывок в присутствии самого Гете, остановился он и скромно, почтительно осмелился спросить поэта о точном смысле стихов, на которые в Германии вышло множество

противоречий. Гете рассмеялся и сказал: «Оставьте эти загадки; когда писал я, мне казалось, в них был смысл; вот все, что могу я вам сказать».

Гете во всех предметах, даже в грамматике, показывал совершенное пренебрежение положительными правилами и решительными теориями. В том периоде жизни, когда трудности возбуждают к большей деятельности, я пытался писать по-немецки. Книга моя[1], о коей, может быть, еще помнят некоторые из нынешних слушателей, напечатана и издана под охранением Гете; он подстрекнул сочинителя. В посвящении я говорил ему, что чудные плоды его гения, кои вкушал я в Германии в пылу юности, питали меня и в летах зрелых, были отрадою и наслаждением; что я представляю сочинение свое великому художнику и знатоку немецкого языка, надеясь получить некогда из его рук право гражданства в его отечественной словесности. Это послужило мне темою продолжительной переписки с Гете. Посылая к нему книгу, я писал в особом письме, что он, верно, найдет в ней выражения иностранца, русизмы, даже несколько солецизмов, ускользнувших от внимания, присоединив, что я тщетно искал ученого немца, который бы принял на себя труд пересмотреть мою рукопись. На это Гете отвечал мне: «Настоятельно прошу вас, даже требую от вас обещания, никогда не поверять никому из немцев так называемого вами пересмотра рукописей ваших. Наверно, слог ваш от этого потеряет все, что в моих глазах драгоценно, а в замену приобретет прикрасы, о коих я нимало не забочусь. Пользуйтесь тою важной выгодой, что вы не знаете немецкой грамматики; лет тридцать стараюсь я забыть ее». Несмотря на внимание великого писателя, можно б принять сии строки

[1] Nonnos von Panopolis, der Dichter. Ein Betrag zur Geschichte der Griechischen Poësie. – St-Petersburg, 1816. – S. 4 (нем.) [31].

за легкую иронию, если б в то же самое время не повторил он тех же похвал и не объявил бы того же мнения в изданном тогда сочинении “Kunst und Alterthum”[32].

Возобновляя воспоминания о продолжительной переписке моей с великим человеком, о котором имею честь беседовать с вами, м<илостивые> г<осудари>, я мог бы распространиться и рассказать вам еще несколько замечательных изречений его; но тогда надлежало б преступить пределы настоящего слова. Не употребляя во зло снисхождения вашего, ограничусь кратким исчислением трудов Гете, имеющих тесную связь с науками, коими Академия преимущественно занимается.

Чем более чуждался вкус Гете искусственного синтеза и в умозрении, и в поступках, тем более прилеплялся он к естественным наукам с самыми мельчайшими подробностями, занимаясь ими страстно. Но и тут не преклонял он главы ни пред одною системой, не покорялся ни одной теории: шел как наблюдатель, любил размышлять сам с собою и на просторе.

Так, в физике теория света или, лучше сказать, теория цветов была одним из любимых предметов его изучения. Гете не довольствовался ни одним из известных объяснений: теория *исчисления* казалась ему слабою и даже странною; теория *сотрясения*, которую принимал он в значении динамическом, также его не удовлетворяла. По его мнению, цвета рождаются в парообразной среде, чрез которую проходит к нам свет. Явления призмы представлялись ему в форме более пиитической, нежели дидактической: по соображениям поэта, кои можно извлечь из его сочинений, а трудно изложить в немногих словах ясно и определенно, цвета не иное что, как встреча света с тьмою, род покрова, навеваемого мраком на свет. Не вступаясь за это мнение, которое может казаться более замысловатым, нежели сколько

основательным, заключу тем, что, конечно, теория Гете не принята; однако прекрасные, многочисленные наблюдения его над цветами заслужили уважение людей просвещенных и беспристрастных.

Перенеситесь мысленно, м<илостивые> г<осудари>, в то время, когда в первый раз появилось геогностическое учение Вернера [33]: и вы согласитесь, каким любопытством, каким чувством должен был воодушевиться такой ум, каков ум Гете, при воззрении на теории, новые и привлекательные. И действительно, они составляли одно из самых постоянных занятий в продолжение всей его жизни. Он приобретал огромные собрания геогностических редкостей, особенно когда требовал сам от себя отчета в двух явлениях, сильно его поразивших: в происхождении металлов и действии огня на внешнюю оболочку земного шара. Касательно первого предмета замечания его можно назвать предчувствиями, предвидением; тогда еще неизвестны были славные открытия Дэви [34] и, вероятно, не обнимал он сценария всех явлений, служащих науке основанием. Что касается до другого вопроса, исследования Гете вулканических остатков [35], найденных в Богемии, заимствованные из того круга понятий, кои не подвержены противоречиям, свидетельствуют о силе ума и редкой проницательности, особенно если вспомнить, что он так мыслил в то время, когда в геологии господствовало учение нептунистов [36].

Гете в морфологии своей говорит, что необыкновенное действие, произведенное на него бессмертным шведским естествоиспытателем, состояло, между прочим, в потребности совокупить в одно целое то, что у Линнея [37] было столь тщательно разделено – отыскать единство и сходство там, где Линней находил множество и разнообразие. Таково направление изучения его ботаники; все исследования имели целью открыть пер-

воначальную пластическую форму в бесконечном разнообразии растительного царства. По мнению Гете, лист представляет первообраз, который развивается и получает преобразование или восходящее, или нисходящее. В наше время эта теория имеет последователей; ее принимают славнейшие ботаники[1]. Заметим мимоходом, что Гете первый отдал справедливость одному из величайших физиологов своего времени – Гаспару Фридриху Вольфу [38], члену нашей Академии. Вам, м<илостивые> г<осудари>, известны огромные труды его; вы знаете им цену, но также ведаете, что скромный и сознательный голос сего ученого заглушаем был громкою знаменитостью: Гете признал его достоинства.

Зоология не осталась чуждою пламенной его любви к естественным наукам; и в ней показал он дух наблюдательный и проницательный. Гете изучал все части животного организма с таким же любопытством, с каким исследовал все подробности жизни растений [39]. Здесь, также желая вывести первоначальную, пластическую форму, он решительно сказал, что для сего необходима помощь сравнительной анатомии: и это указание ныне – закон и светоч науки. В особенности Гете занимался остеологией [40]; он прежде всех почитал череп изменением позвонков: это мнение ныне общепринятое. Не оставим без внимания нового наблюдения, если не открытия, коим анатомия одолжена Гете. Долго полагали, что органическое отличие человека от животных состоит в *междучелюстной* кости, в которой у животных сидят резцы верхней челюсти и которая приметно выдается у обезьян. Гете не довольствовался сим признаком: многими опытами и изысканиями он доказал существование сей кости и в челюсти человека [41]. Не показывает ли это исследование особенных видов, кроме простого лю-

[1] Профессор Эрнест Мейер в Кенигсберге.

бопытства? Или я ошибаюсь, м<илостивые> г<осудари>, или было какое-либо неведомое внушение Мефистофеля к уничтожению мнимого вещественного отличия, которое гордость человеческая хотела присвоить себе вдобавок к духовному превосходству: такой ум, каков ум Гете, не останавливается долго на каком-либо изыскании, если оно не содержит в себе важной мысли.

Впрочем, м<илостивые> г<осудари>, было бы несправедливо рассматривать Гете в одной какой-либо отрасли знаний или в одном каком-либо временно́м направлении отдельно; сей дивный ум, сия необыкновенная способность к знаниям, совершенно между собою различным, должны быть наблюдаемы в целости и совокупности всех сил душевных, столь обширных и блистательных, – в их действиях общественных; всему сословию просвещенных мужей, каково сословие академиков, прилично воздать последнюю почесть памяти того, чье влияние на своею страну и на всю Европу было столь велико, что его гробница, поставленная между гробницами Шиллера и Гердера [42], заключает целую эпоху, целое столетие. Венец наук сплетается славою всех талантов; высочайшее их торжество состоит в изгнании из своей области частностей, всякой личности, всякого пристрастия. Мир умственный, подобно Елисейским полям древних [43], должен отделяться от мира действительного рекою забвения.

Заключу слова мои еще одним замечанием. Сравнивая мир политический с умственным, какое поразительное сходство в них открываем! Везде почти и всегда по одному из них можно судить о другом. В бо́льшей части Европы, кажется, век аристократии литературной уже проходит; в словесности власть единого таланта или немногих ослабевает: наступает эпоха, которую один умный писатель верно изобразил названием *эпохи*

безыменной. Равнодушие, замеченное в последнее время к творениям Гете и даже лично к нему, происходит из сего же начала: это умственный взрыв, грохотавший у врат храма, в котором столь долго приносились жертвы. Германия в сем знаменитом муже утратила единственного и последнего из своих повелителей в области словесности – повелителя, над всеми превознесенного на щитах законным правом гения и единодушием соотечественников, но повелителя решительно не конституционного, не любившего слышать о литературной хартии и который, подвизаясь сам в умственных делах многочисленных подданных своих, был выше народного владычества в словесности и науке.

ОСЬМОЕ ЯНВАРЯ 1851 ГОДА

Января 8 нынешнего года родные и друзья праздновали юбилей пятидесятилетней службы отечеству графа Дмитрия Николаевича Блудова [1]. Домашний праздник, выражавший воспоминания о прошлом и настоящие чувства людей, близких хозяину дома, должен бы остаться в семейном кругу; однако же мы позволим себе нарушить скромность и сказать несколько слов о празднике и для общего сведения. Имя графа Блудова принадлежит России, его заслуги тесно соединены с государственною и литературною нашею жизнью:

Он друг и брат певца Людмилы [2],
Он другом был Карамзина.

Литературные воспоминания должны были занимать не последнее место на празднике, которого цель за-

ключалась в том, чтобы воскресить прошлое, напомнить молодость тому, чье имя соединено *с последними страницами бессмертного творения Карамзина* [3].

Вечер начался домашним спектаклем. Сцена представляла комнату, в которой собрались действующие лица, в костюмах как бы для репетиции различных пьес, приготовляемых для домашнего спектакля. Между разговорами и приготовлениями повторили несколько сцен одну за другую. Так, были разыграны сцены из старой оперы Буаельдьё [4] “Ma tanteAurore”[1] с известными куплетами “Non manie ce vous n’aimezpas”[2]; три первые явления из «Бригадира» Фонвизина [5], несколько сцен из комедии «Вертер» [6] и, наконец, та сцена из «Дмитрия Донского», в которой русский воин рассказывает Ксении о поражении Мамая. Полнозвучные стихи Озерова [7], прекрасно произнесенные, произвели сильное впечатление, и сами актеры, пользуясь тем, что они как бы только приготовляются к настоящему представлению, просили воина произнести и слова Дмитрия Донского, которыми оканчивается трагедия:

> Но первый сердца долг Тебе, Царю Царей,
> Все царства держатся десницею Твоей,
> Прославь, и укрепи, и возвеличь Россию!
> Как прах земной, сотри врагов кичливых выю,
> Чтоб с трепетом сказать иноплеменник мог:
> Языки, ведайте, велик Он, Русский Бог!

Прекрасная игра действовавших лиц, из которых многие с замечательным талантом исполнили свои роли, и выбор самих пьес не могли не произвести особенного

---

1 «Моя тетя Аврора» (фр.). Полное название оперы «Моя тетушка Аврора, или Нечаянный роман». – *В. Т.*

2 «Нет, племянница, вы не любите» (фр.). – *В. Т.*

действия. Все пьесы принадлежали к прошедшему времени, и, напоминая графу Д. Н. Блудову его молодость, они напомнили всем ту эпоху в нашей литературе, когда произведения Фонвизина еще были живы в памяти, когда уже занялась заря нового литературного дня – выступили на поприще действия Карамзин и Дмитриев [8] и трагедии Озерова составляли явления современные.

Когда окончилось представление, на сцену вбежал молодой человек и, подавая письмо, сказал: «Я прямо из Арзамаса, то есть с Карповки» [9]. Письмо было прочтено:

«С развалин Арзамаса, от *Старушки*, удрученной недугом, поклон и радушное приветствие давнишней подруге *Кассандре Приамовне*, сидящей не на развалинах Трои, а в кругу любимого семейства и преданных друзей. Старушка хотела бы включить в эту грамотку все воспоминания юности, все мечты минувших дней – словом, отголосок тех забавных и увлекательных бесед, о коих забыли безмолвные берега Карповки; но тот, *кто сидел впереди*, умчался за *Светланою* [10], бедная Старушка с трудом владеет стальным, заморским пером, ибо говорят, что на рынке не найдешь теперь ни одного *перушка Арзамасского*, а в привозе лишь *пух* и *потрох*. Как все изменилось!

Но вот что неизменно: посмотрите с умилением на этот кружок *немногих* уцелевших от времени и бурь, как будто в замену других и смертью, и жизнью похищенных. Чем теснее кружок, тем чистосердечнее порыв, его соединяющий, тем живее привязанность к виновнику нашего собрания, тем признательнее мы должны быть к Провидению, дарующему нам на закате дней способность наслаждаться вместе и плодами полувековой опытности, и игрою фантазии младенческой.

Да будет сей день для нас, стариков, приятным воспоминанием молодости, а для окружающих нас молодых слушателей – новым побуждением к благород-

ным занятиям ума. Нам, ветеранам, следует говорить младшим товарищам, что и в нашу очередь, сбросивши шутливую оболочку Арзамасскую и собравшись некогда около *Карамзина*, он, как старший брат, с кроткою улыбкою и ясным взором, примером и советом научал нас трудиться, размышлять, писать. Счастлив, кому дано было привязать свое имя к последним страницам его бессмертного творения!

Извините, любезнейший *Юбиляр*, если послание, начатое в Арзамасе, невольно оканчивается С.-Петербургом, посреди истинно Вас уважающих и любящих, в числе коих я всегда занимал и занимать буду и под личиною Старушки, и в собственном виде не последнее место.

8 января 1851 г.

В Санкт-Петербурге»

Вскоре после трудов и подвигов 12-го года, когда Россия уже наслаждалась плодами славного мира, в С.-Петербурге под влиянием того направления, которое гений Карамзина произвел на развитие нашей словесности, молодым писателем того времени было учреждено литературное общество под названием «Арзамас». Карамзин считался его почетным членом. Давая направление литературным занятиям Общества, скромный и благодушный характер Карамзина не позволял ему выказывать того же авторитета в личных отношениях с молодыми писателями: он был первым между равными, – Старушкою.

После чтения письма кн<язь> П. А. Вяземский произнес куплеты, которые после были пропеты в заключение представления:

Наш бойкий век пари́т и па́рит,
Пара́ми гонит он и жжет;
Он жизнь торопит, время старит
И все кричит: вперед, вперед!

Что день, то новое начало,
Что день – с вчерашним днем разрыв,
И что всех утром волновало,
То к вечеру сдано в Архив.

Делам и людям срок дан малый.
Вчерашний гений – поглядишь –
Уж нынче олух запоздалый
И век любимцу кажет шиш!

Преданий связь давно забыта,
С прошедшим справиться смешно,
И память наглухо забита,
Как в доме лишнее окно.

Одно в уме наш век имеет,
Приняв пословицу в закон:
Что кто о старом вспомнить смеет,
Тому глаз дóлжно вырвать вон.

Ты не таков – и слава Богу!
Глаза не выколешь ты нам,
Когда на старую дорогу
Свернули к старым мы друзьям.

Твой разум чужд предубежденья,
Не враг он доброй новизне!
В благих успехах просвещенья
Идешь ты с веком наравне.

Но старине ты не изменник,
Не прилепляясь к новизне,
Ты не минуте современник,
Но современник всем векам.

Ты в памяти своей обширной
Хранишь преданья всех веков,
Любуясь выставкой всемирной
Всех дарований и умов.

Фонвизина ты шутки любишь,
И Озерова звучный стих
Ты ныне лаской приголубишь,
Как сон и радость дней младых.

В сей день, друзьям твоим любезный,
Когда во цвете бодрых сил
Ты жизни чистой и полезной
Полвека с честью совершил.

Друзья сошлись в твой круг семейный,
Чтоб без торжественных затей
Украсить пир твой юбилейный
Живой картиной прежних дней.

Сложи трудов высоких бремя
И, освежившись стариной,
Ты обочти скупое время
И сбрось полвека прочь долой!

Сей вечер – радости и дружбе,
Сей вечер с нами отдохни,
А завтра, труженик на службе,
Полвека новые начни!

После пения куплетов князь П. А. Вяземский прочел послание к графу Д. Н. Блудову:

Тому полвека начал ты
Служенье обществу и благу.

Им сердца светлые мечты,
Им смелого ума отвагу
От ранних дней ты посвятил.
И лет тебя не тронул холод:
Еще ты ныне сердцем молод,
И бодрый ум твой не остыл.

Полвека – и сказать так страх!
А пережить куда как трудно:
Жизнь сеет щедро в юных днях,
Но часто осенью жнет скудно.
С началом ссорится конец
И вечер – утра вывод ложный,
Ты был и сеятель надежный,
И много выручивший жнец.

Ты честью почести стяжал
Без постороннего участья.
Ты, запыхавшись, не бежал
За прыткой колесницей счастья,
Чтоб за подножку на авось
Рукою жадной уцепиться:
Ты счастья не искал добиться,
Оно в тебе за ум взялось.

И все прекрасное в тебе
От искушенья уцелело:
Друзьям ли, с недругом в борьбе
В глаза смотреть ты можешь смело.
Друзьям сберег ты цвет любви,
Неопаленный знойным счастьем:
В поруку совесть призови.

Глупцам – глупцы есть и у нас –
Бывает солон ум твой едкой,

И мастерски не в бровь, а в глаз
Ты попадаешь шуткой меткой.
И счету нет твоим стрелам
В твоем запасливом колчане:
Стрелял ты в дедов и заранее
Грозишь ты внучатым глупцам.

Тебя не поглотил поток –
Текущих дел поток чернильный:
В себе отвел ты уголок
Для жизни, чувствами обильной.
И вся проникнута она
Святым огнем духовной силы:
Ты друг и брат певцу Людмилы,
Ты другом был Карамзина.

Ужин и тост за здоровье хозяина дома окончили вечер, который надолго останется в памяти всех, в нем участвовавших.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ[1]

(Редактору «Современника»)

Помещенная в «Современнике» статья «Осьмое января 1851 года» возбудила во многих читателях лю-

[1] Хотя автор этой любопытной статьи не желал выставить под нею своего имени, но, вероятно, многие из читателей узнают в нем того, чье имя тесно связано с развитием и успехами русского просвещения в течение многих лет и чьи труды пользуются заслуженным уважением европейского ученого мира. Мы надеемся время от времени помещать в нашем журнале продолжение этих любопытных воспоминаний, которые могут составить драгоценный материал для истории русской литературы <От редакции «Современника»>.

бопытство, а в некоторых – воспоминание о бывшем литературном кружке, известном под именем *Арзамас*. В этой статье помещено несколько сведений о самом обществе; эти сведения, по необходимости, довольно скудны, а пополнять их трудно, ибо Арзамас не имел, собственно, никакой определенной формы. Это было общество молодых людей (из которых некоторые достигли впоследствии высших степеней государственной службы [1]), связанных между собой одним живым чувством любви к родному языку, литературе, истории и собиравшихся вокруг Карамзина, которого они признавали путеводителем и вождем своим. Направление этого общества, или, лучше сказать, этих приятельских бесед, было преимущественно *критическое* [2]. Лица, составлявшие его, занимались строгим разбором литературных произведений, применением к языку и словесности отечественной всех источников древней и иностранных литератур, изысканием начал, служащих основанием твердой, самостоятельной теории языка и проч. Чем разнообразнее была цель общества, тем менее было последовательности в его занятиях. В то время и под влиянием *Арзамаса* писались стихи Жуковского, Батюшкова, Пушкина; и это влияние отразилось, может быть, и на иных страницах «Истории» Карамзина. Существование этого кружка было так кратковременно, что оно оставило по себе следы только в памяти современников. Говорят, что Арзамасский кружок намеревался издавать журналы [3] и что помещенная к сочинениям Батюшкова статья «О греческой антологии» была написана именно для этого журнала.

Еще прежде того подобные литературные беседы имели у нас замечательное в свое время влияние на развитие отечественной словесности – влияние, не довольно уваженное писавшими историю ее.

Так, например, не восходя далее начала столетия и ограничиваясь одним С.-Петербургом, скажем, что Г. Р. Державин собирал около себя многочисленных литературных приверженцев и почитателей его высоких дарований. Из них-то в 1811 г. образовалось в его доме и под его председательством так называемая *Беседа русского слова*. Маститый старец Державин и в это время не переставал писать стихи, конечно, мало достойные певца «Фелицы», вообще довольно слабые, но показавшие его неугасаемую любовь к поприщу своей прежней славы. В этом обществе после Державина занимали почетное место А. С. Шишков [4], которого книга «О старом и новом слоге» наделала в свое время много шуму, возбудив важные вопросы касательно языка, – вопросы, впоследствии разрешившиеся обоюдным примирением, подобно войне *классиков* и *романтиков* во Франции и Германии, – и В. В. Капнист [5], одаренный остроумием, произведения которого как будто служили указанием позднейшим поэтам. Капнист на закате дней своих писал немного, но еще любил словесность. Сюда же дóлжно включить лицо оригинальное – графа Д. И. Хвостова [6] – этого бездарного метромана, до конца жизни своей страстно преданного литературе и из любви к ней с твердостью переносившего остроты и колкие шутки, которыми осыпали его со всех сторон. К обществу Державина принадлежали еще А. С. Хвостов [7], И. М. Муравьев-Апостол [8], князь А. А. Шаховской [9], который для него написал неудачную поэму «Расхищенные шубы», князь С. А. Шихматов [10], А. А. Писарев [11] и С. Н. Марин [12] – оба офицеры гвардии, – сверх того, множество молодых поклонников Державина – парнасских кандидатов, имена которых, однако ж, не сохранились в парнасской летописи, даже несколько

дам [13], занимавшихся стихотворством. Словом, дом Державина был важным двигателем тогдашней литературной деятельности. Если это движение не принесло больших плодов, оно, по крайней мере, свидетельствует об общей в то время, на всех ступенях общества, наклонности к занятиям литературным, особенно к поэзии лирической и драматической, – наклонности, которою отличалась по преимуществу эпоха от Ломоносова до Державина.

В одно почти время искусство и литература находили скромное, но постоянное убежище в доме А. Н. Оленина [14]. Этот достойный сановник, которого труды и усердие не вполне оценены, может быть, настоящим поколением, был от природы страстный любитель искусств и литературы. При долговременной службе он все свободное время посвящал своим любимым предметам. Может быть, ему недоставало вполне этой быстрой наглядной сметливости, этого утонченного, проницательного чувства, столь полезного в деле художеств, но пламенная его любовь ко всему, что клонилось к развитию отечественных талантов, много содействовали успехам русских художников. Кипренский [15] был им взыскан и поощряем; конечно, Егоров [16], Шебуев [17], оба Брюлловы [18, 19] не забыли постоянного о них попечения А. Н. Оленина. Сверх того, Оленин был одним из первых основателей русской археологии. Ревностный поборник отечественных древностей, он занимался постепенно всеми предметами, входящими в этот круг, начиная от тмутараканского камня [20] до драгоценностей керченских, от лаврентьевского Нестора до описания московских памятников.

Дому Оленина служила украшением его супруга Елизавета Марковна, урожденная Полторацкая. Об-

разец женских добродетелей, нежнейшая из матерей, примерная жена, одаренная умом ясным и кротким нравом, она оживляла и одушевляла общество в своем доме. Крылов [21] особенно находил в ней не только участие друга, но даже и попечительность доброй матери. Он со своею лафонтеновской беспечностью нашел в Елизавете Марковне другую г-жу де ла Саблиер [22]. Вообще, дом Оленина немало содействовал к известности Крылова, который Олениным был представлен ко двору и определен в Императорскую публичную библиотеку. Лучшие произведения Крылова были читаны в первый раз в кругу друзей Оленина, к числу которых принадлежал Н. И. Гнедич [23] – ревностный переводчик Гомера, чей замечательный труд и тщательное изучение греческого подлинника, к сожалению, не всегда встречают достаточную оценку.

В доме Оленина явился, в свою очередь, В. А. Озеров с рукописным «Эдипом в Афинах», и тут была читана в первый раз эта трагедия, которую не затмили произведения позднейших наших драматургов. Эдип был представлен на сцене в первый раз в 1804 г. Роль Антигоны была написана Озеровым для дебюта К. С. Семеновой [24]. Первоначальные репетиции этой трагедии происходили также в доме А. Н. Оленина, Д. Н. Блудов и С. С. Уваров были с ранней молодости в числе коротких приятелей семейства Оленина; *Капнист* часто посещал этот дом, постоянно открытый для немногих, всегда встречавших радушный прием со стороны хозяина и хозяйки. Часто к обеду собиралось незваных гостей человек до десяти или более; хлеб-соль была не причудливая, но сытная и вкусная. Вообще тогда не было, как ныне, пристрастия к французской кухне. В лучших петербургских домах отличный даже стол, как-то: у А. Л. Нарышкина [25] и у Д. А. Гурьева [26],

был изготовляем русскими поварами и пронорovляем к русскому вкусу[1].

Возвратимся в гостиную Олениных – в эту гостиную, где почти ежедневно встречалось несколько литераторов и художников русских. Предметы литературы и искусств занимали и оживляли разговор; совершенная свобода в обхождении, непринужденная откровенность, добродушный прием хозяев давали этому кругу что-то патриархальное, семейное, что не может быть понято новым поколением. Сюда обыкновенно привозились все литературные новости: вновь появлявшиеся стихотворения, известия о театрах, о книгах, о картинах – словом, все, что могло питать любопытство людей, более или менее движимых любовью к просвещению. Невзирая на грозные события, совершавшиеся тогда в Европе, политика не составляла главного предмета разговора – она всегда уступала место литературе. Здесь нельзя не заметить, что не только у нас, но и вообще во всей Европе обнаруживалось сильное стремление к развитию словесности и наклонность к мирным умственным занятиям именно в то время, когда потрясение всех начал гражданского порядка и дух воинских предприятий колебали все государства, стоявшие на краю гибели.

Оканчивая краткий очерк влияния некоторых частных петербургских обществ на язык и словесность нашу, прибавим, что этот очерк следовало бы дополнить сведениями о литературных кружках, существовавших в Москве; такого дополнения ожидаем мы от редактора и сотрудников «Москвитянина» [27], которым ближе известны подробности литературной жиз-

[1] А.Н. Оленин жил у Красного моста, в доме, принадлежащем ныне Льву Кирилловичу Нарышкину, а впоследствии в Большой Морской, в своем доме, ныне принадлежащем г. Андро. – *Примеч. С. С. Уварова.*

ни нашей древней столицы и которые находятся неподалеку от источников.

В заключение заметим, что частные, так сказать, домашние общества, состоящие из людей, соединенных между собой свободным призванием и личными талантами и наблюдающих за ходом литературы, имели и имеют не только у нас, но и повсюду ощутительное, хотя некоторым образом невидимое влияние на современников. В этом отношении академии и другие официальные учреждения этого рода далеко не имеют подобной силы. Такие официальные учреждения не дают знаменитым писателям, а частью заимствуют от них жизнь и направление. Французская академия при Людовике XIV, едва вышедшая из рук Шаплена [28], подчинилась влиянию Буало [29] и его друзей и чрез это, косвенно – видам *великого короля*. При Людовике XV Французская академия не переставала действовать в духе Вольтера и его многочисленной школы. Гораздо более самостоятельности являлось в салонах герцогини дю Мен [30], г-жи Дюдефан, Леспинас [31], Жофрен [32] и др. В этих салонах происходили все перевороты во вкусе и в литературных произведениях. Фонтенель, Вольтер, д'Аламбер [33], Дидро [34], Лагарп [35], Мармонтель [36] и другие почерпали здесь мысли и вдохновение, блистали красноречием и остроумием и искали гораздо более одобрения этого избранного общества, чем похвал и лавров академических. Критика этих остроумных женщин была для них страшнее всякой другой критики. Великие поэты Италии образовались также в пышных чертогах владетельных особ и так находили свой ареопаг. Скромные, незаметные беседы во Франкфурте нескольких молодых друзей, собиравшихся вокруг молодого Гете, произвели повсеместный переворот в языке и словесности Германии.

Можно вообще сказать, что развитие искусств и литературы не подлежит, подобно развитию наук, общему осязательному закону времени и постепенности. Эпохи их процветания составляют как будто неожиданные, мгновенные явления, и когда эти эпохи проходят, то уже никакое усилие, никакое пожертвование со стороны правительства не в силах их восстановить. Это обстоятельство делает любопытнее, может быть, самую историю литературы. Желательно, чтобы будущий историк русской словесности обратил внимание на все подробности и даже мелочи, означавшие и упадок ее, и успехи.

Eheu, Posthume, fugaces, fugaces… [37]

КОММЕНТАРИИ

Издание включает разные по жанрам произведения Уварова: официальные записки Государю, доклады, научные работы, литературные мемуары. Большинство текстов печатаются по первым публикациям. При подготовке сборника были использованы материалы, опубликованные в сборнике *Уваров С. С.* Избранные сочинения / Предисл., сост. и коммент. В. С. Парсамова. – М., 2010. Однако составителей не удовлетворила трактовка многих материалов, сделанная В. С. Парсамовым. В предисловии и комментариях мы стремились показать Уварова как крупнейшего политического деятеля, создателя знаменитой триады «Православие. Самодержавие. Народность», проанализировать причины, побудившие его создать этот главный русский политический концепт. Мы опирались на многие издания мемуарного характера и ряд современных монографических исследований и источниковедческих работ (*Плетнев А. Н.* Памяти графа Сергея Семеновича Уварова, президента Императорской академии наук. – М., 1870; *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. – СПб., 1999; *Шевченко М. М.* Конец одного величия. – М., 2003; Река времени. Сборник истории и культуры: Альманах. – М., 1995). Среди современных работ нам оказалась наиболее близка интерпретация творчества и деятельности Уварова, сделанная известным отечественным историком М. М. Шевченко, идеи которого мы ставили своей целью проанализировать и развить.

Введение

[1] Протасов Николай Александрович (1799–1855) – граф, генерал от кавалерии, русский государственный деятель. Служ-

бу начал в русской армии. С 1834 г. был введен в состав Главного правления училищ, Главного правления цензуры и Комитета по устройству учебных заведений. В 1835 г. назначен на должность товарища министра народного просвещения. В 1836 г. занял пост обер-прокурора Святейшего Синода.

I. ВСЕПОДДАННЕЙШИЕ ДОКЛАДЫ И ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРУ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭССЕ

Доклад Императору Николаю I о славянстве

Впервые опубл: Наше минуле: Журнал історії, литератури і культури. – 1918. – № 2. – С. 171 – 177.

Повторно:*Уваров С. С.* Доклад Императору Николаю I о славянстве // *Уваров С. С.* Избранные труды / Сост., вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамова, С. В. Удалова. – М., 2010. – С. 489–496.

Доклад был написан Уваровым по следам раскрытия в Киеве в марте 1847 г. деятельности Кирилло-Мефодиевского общества. Кирилло-Мефодиевское общество являлось тайной организацией, созданной в 1845 г. Н. И. Костомаровым, Н. И. Гулаком, В. Белозерским. В идеологии общества, отраженной в программе, явно подчеркивалось националистическое украинофильство, ратовавшее за обособление Украины, стремление отделить малороссов от великорусской нации, увидеть в малороссийском наречии особый украинский язык, написать свою украинскую историю. При этом крайнее украинофильство члены общества пытались для прикрытия соединить с идеей панславизма. Уваров указал, что ложное понимание народности ведет к формированию, по его словам, «провинциального патриотизма», противоречащего имперскому сознанию. В докладе Уваров дает разъяснения понятию «народность» в соотношении русской народности и панславянской национальной идеи. Уваров пытался разъяснить Николаю I и всему русскому обществу понимание им народности, на которой строилась

его идеология. Близкое к пониманию Уваровым соотношение идеи русской народности с идеей панславизма было в дальнейшем свойственно видным апологетам идей панславизма, например М. Д. Скобелеву, А. Р. Фадееву.

Доклад Уварова был одобрен и утвержден Николаем I 18 мая 1847 г.

Печатается по тексту повторной публикации.

[1] Орлов Алексей Федорович (1786–1861) – граф, русский государственный деятель и военачальник, в 1844–1856 гг. – глава III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов.

[2] Здесь Уваров говорит о Кирилло-Мефодиевском обществе.

[3] Богемия (лат. Bohemia) – исторически сложившееся наименование территории, на которой в дальнейшем было образовано государство Чехия. В 1526–1918 гг. чешское государство официально называлось Богемией, которая входила в состав Австрийской и Австро-Венгерской империи.

[4] Уваров говорит о Чешском возрождении – исторически сформировавшемся движении, разделенном на несколько периодов. Первый период Чешского возрождения охватывал период с кон. XVIII до нач. XIX в., когда в виде протеста против германизации чешского населения, проводимого австрийским правительством, в чешском обществе усилился интерес к чешскому языку и национальной культуре. В этот период Чехия становится центром славяноведения. Среди чешских ученых-филологов и историков в области славяноведения получили известность В. Ганка, И. Добровский, А. Ирасек, Ф. Палацкий, П. Шафарик, И. Юнгман и др. Изучая славянские языки и славянское культурное наследие, чешские слависты, в том числе деятель Чешского возрождения, филолог И. Юнгман, пропагандировали в своих трудах идею панславизма, т. е. возможности объединения славянских народов, видя в Российской Империи единственное самостоятельное славянское государство, которое могло бы стать объединителем славянских народов в Европе и спасителем всего славянского мира. Позднее эти идеи стали основой панславистской идеологии.

[5] Тун Лев (Лео; нем. Thun-Hohenstein; 1811–1888) – граф, чешский аристократ, являвшийся австро-венгерским государственным деятелем. В 1830–1840-х гг. относился к приверженцам Чешского национального возрождения, представляя консервативную часть этого движения. С 1848 г. становится наместником Чехии. Когда на большей части Австрийской империи вспыхнули народные волнения, Л. Тун предложил создать Временный совет наместников в качестве верховного правительственного органа Австро-Венгрии. Эта инициатива не была поддержана австрийским Императором и министерством Пиллесдорфа, и в 1849 г. Л. Тун ушел в отставку. К начавшемуся в 1848 г. в Праге восстанию Л. Тун отнесся как к революции, не связанной с национальным конфликтом. В 1849–1860 гг. являлся министром просвещения и вероисповедания; в бытность министром провел ряд реформ в области образования.

[6] Иллирийцы – название древнего индоевропейского племени, которое обитало на северо-западе Балканского полуострова.

[7] Далматы – название древних племен, обитавших на восточном побережье Адриатического моря.

[8] Киприан Робер (фр. Cyprien Robert, 1807–1860) – французский писатель, профессор, ученый-славист. С 1842 г. – член редакции парижского журнала “Revue des deux Mondes”. В 1844–1857 гг. был профессором и заведовал кафедрой славянских языков и литератур Collège de France после ухода с должности заведующего А. Мицкевича. Среди трудов К. Робера по славяноведению – “Essai d’une philosophie de l’art” («Эссе по философии искусства», 1836), “Les Slavesde Turanie” («Славяне Тюрани», 1844), “Les deux panslavismes” («Два панславизма», 1847), “Lemondeslave, sonpassé, son étatprèsent, sonavenir” («Славянский мир, его прошлое, настоящее и будущее», 1851).

[9] Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) – министр иностранных дел Российской Империи в 1816–1856 гг. К 1844 г. получил чин государственного канцлера – высший чин по «Табели о рангах». Находился под сильным влиянием князя К. В. Меттерниха – австрийского министра иностранных дел – и ратовал за сближение с Австрийской империей. В 1849 г. выступил с инициативой вмешательства во внутренние дела

Австрийской империи для подавления венгерского восстания. Отправлен в отставку Александром II после поражения России в Крымской войне.

[10] «Закон Божий» – иное название: «Книга быта украинского народа». Вместе с уставом являлась программным документом Кирилло-Мефодиевского общества. Составлена Н. И. Костомаровым и Н. И. Гулаком в 1846 г.

[11] Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792–1870) – русский государственный деятель. В 1837 г. был назначен киевским военным губернатором, подольским и волынским генерал-губернатором. Во время управления Юго-Западным краем Империи осуществлял прорусскую жесткую и последовательную политику ограничения польского влияния, содействовал русификации образования в Юго-Западном крае, согласной с мерами Уварова. Выступал за русификацию западных губерний Российской Империи. В 1845 г. получил чин генерал-адъютанта, а в 1848 г. был произведен в генералы от инфантерии. В 1852–1855 гг. – министр внутренних дел.

[12] Ламенне Фелисите Робер (фр. Lamennais Félicité Robert, 1782–1854) – аббат, французский политический деятель и религиозный философ. По философским взглядам относился к христианским социалистам.

[13] Мицкевич Адам (польск. Mickiéwicz Ádam, 1798–1855) – польский писатель, сын обедневшего шляхтича. Учился на историко-филологическом факультете Виленского университета (1815–1819), еще студентом начал писать стихи (1817), активно участвовал в молодежных организациях «филоматов» и «филаретов». После раскрытия этих тайных обществ Мицкевич, который уже учительствовал в Ковно, был арестован и выслан из Литвы (1824). Около четырех лет провел в России, где сблизился с участниками декабристского движения и русскими литераторами, в том числе А. С. Пушкиным.

О системе чинов в России

от 7 ноября 1848 [года]

Впервые опубл.: Четыре служебных документа министра С. С. Уварова. III. 7 ноября 1848 г. О системе чинов в России //

Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. – М., 2003. – С. 241–247.

Источник записки С. С. Уварова «О системе чинов в России» хранится в рукописном собрании семьи Уваровых (Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 17) и в комплексе с другими документами, впервые опубликованными историком М. М. Шевченко, представляет большой интерес в деле изучения государственной деятельности С. С. Уварова, особенно в части специфики его политического мышления и служебного поведения.

Всеподданнейшая записка «О средствах сделать народное образование специальным, не отступая от общих видов оного» в двух частях от 27 декабря 1836 г., записка «О системе чинов в России» от 7 ноября 1848 г. и «Обозрение управления Министерством народного просвещения» 1849 г. опубликованы М. М. Шевченко как единый комплекс документов о государственной деятельности Уварова.

Записка «О системе чинов в России» от 7 ноября 1848 г. была опубликована М. М. Шевченко по писарской копии, хранящейся в Отделе письменных источников ГИМ (Ф. 17. Ед. хр. 39. Л. 255–265). Подчеркнутое Уваровым в тексте записки в первой публикации М. М. Шевченко было выделено курсивом. Выделения в тексте были сохранены при повторной публикации.

Печатается по тексту первой публикации.

[1] Табель о рангах Петра I – законодательный акт в России XVIII–XX вв., определявший порядок прохождения службы чиновниками. Издан Петром I в 1722 г. Устанавливал 14 рангов (классов, классных чинов, 1-й – высший) по трем видам: военные (армейские и морские), штатские и придворные. Упразднен после Октябрьской революции 1917 г.

[2] Положение о чинах. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. – Т. 6. – № 3890.

[3] Тургенев Николай Иванович (1789–1871) – русский государственный деятель, декабрист, экономист. Родился в дворянской семье. Слушатель Московского (1806–1807) и Геттингенского (1808–1811) университетов. В 1813 г. Тургенев – русский

комиссар административного департамента союзников в Германии. С 1816 г. – в России, исполнял должность помощника статс-секретаря Государственного Совета, с 1819 г. служил в Министерстве финансов. В 1818 г. издал работу «Опыт теории налогов», положившую начало русской финансовой науке. Выступал за ликвидацию крепостной зависимости крестьян при сохранении земли у помещиков, за применение вольнонаемного труда в помещичьем хозяйстве. С 1817 г. – член литературного кружка «Арзамас». В 1818 г. Тургенев вступил в «Союз благоденствия» и стал одним из его идеологов. По политическим взглядам выступал за республику. В 1821 г. – председатель Московского съезда «Союза благоденствия». Тургенев – один из основателей Северного общества декабристов, придерживался позиций умеренного крыла общества. В 1824 г. уехал за границу и в восстании 14 декабря 1825 г. не участвовал. В 1826 г. был заочно осужден по процессу над декабристами и приговорен к пожизненной каторге. В том же году Тургенев стал политическим эмигрантом. Николай Тургенев – один из первых русских революционных эмигрантов. В 1847 г. опубликовал за границей на французском языке трехтомный труд «Россия и Русские», который лег в основу либерально-буржуазной концепции истории декабризма. В 1857 г. был восстановлен в правах. Автор ряда брошюр, в которых разрабатывались проекты отмены крепостного права.

О цензуре

от <24 марта 1848 года>

Впервые опубл.: Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова Императору Николаю I / М. М. Шевченко // Река времени: альманах. Кн. 1. Государь. Государство. Государственная служба. – М., 1995. – С. 72–75.

Печатается по тексту первой публикации.

[1] Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869) – светлейший князь, генерал-адъютант, адмирал. С 1827 по 1853 г. возглавлял Морское министерство. Во время Крымской войны был главнокомандующим. В 1848 г. был назначен председа-

телем секретного комитета, учрежденного 25 февраля для рассмотрения действий цензуры периодических изданий, что значило, по словам самого Меншикова, «род следствия над гр. Уваровым» (Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова Императору Николаю I / М. М. Шевченко // Река времени. – М., 1995. – С. 77).

[2] Цензурное ведомство продолжало оставаться в составе Министерства народного просвещения до 1863 г. В него входили комитеты из цензоров в С.-Петербурге, Москве, Риге, Вильно, Киеве, Одессе, Тифлисе, отдельные цензоры исполняли свои обязанности в Дерпте, Ревеле и Казани. Ввозимую из-за границы печатную продукцию просматривал Комитет иностранной цензуры. В это время должности цензоров занимали, главным образом, профессора и преподаватели университетов. Главное управление цензуры было высшей цензурной инстанцией в Империи. В состав Главного управления цензуры входили: товарищ министра народного просвещения, представители Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел, духовного ведомства, а также управляющий III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, попечитель С.-Петербургского учебного округа, президенты Академии наук и Академии художеств.

[3] Коносамент (от фр. Connaissement) – расписка, удостоверяющая принятие груза к перевозке. Коносамент выдавался капитаном судна или агентом морского транспортного предприятия грузоотправителю.

[4] Устав о цензуре, принятый в 1828 г., оставался в силе вплоть до введения Временных правил о печати 12 мая 1862 г. Устав 1828 г. был почти в два раза меньше по объему, чем его предшественник – «чугунный» Устав 1826 г. Устав 1828 г. отличался более мягкими и гибкими формулировками, отчасти роднившими его с Уставом 1804 г.

[5] В 1830–1840-х гг. цензурное ведомство Министерства народного просвещения стало подвергаться многочисленным нападкам со стороны различных ведомств. Цензоры получали выговоры, подвергались аресту и заключению на гауптвахте. Уварову приходилось вступаться за гонимых цензоров перед Императором, вести переговоры с шефом жандармов.

[6] Уваров имел в виду распространение среди зарубежной славянской интеллигенции панславистских идей. В 1830–1840-х гг. правительство Российской Империи пресекало в русском обществе любые очевидные проявления сочувствия к освободительным движениям среди славянских народов Австрийской и Османской империй, потому что опасалось вызвать осложнения дипломатических отношений и поколебать и без того весьма зыбкий принцип легитимизма. По Высочайшему повелению попечителям учебных округов был разослан циркуляр Министерства народного просвещения от 30 мая 1847 г., в котором разъяснялось, что научным исследованиям в области славянской истории и филологии «должна быть чужда всякая примесь политических идей» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 9. – СПб., 1895. – С. 236. Цит. по: Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова Императору Николаю I. – С. 77).

[7] «Московский телеграф» – литературный журнал, пользовавшийся популярностью у публики, издавался в Москве в 1825–1834 гг.; издатель – журналист и публицист Н. А. Полевой. Цензуре не нравились резкие и часто несправедливые высказывания Н. А. Полевого в адрес В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина и их окружения. Первоначально Жуковский, Пушкин и Вяземский сотрудничали с «Московским телеграфом». Цензура и власти не поддерживали особую заинтересованность Полевого темой истории третьего сословия. Непосредственным поводом к закрытию «Московского телеграфа» стала отрицательная рецензия на драму Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла». Эта пьеса Кукольника была одобрена царем Николаем I.

[8] «Европеец» – учено-литературный журнал, издавался в 1832 г. в Москве И. В. Киреевским. На третьем номере выход журнала был запрещен по личному распоряжению Императора Николая I.

[9] «Телескоп» – литературный журнал, издавался в Москве в 1831–1836 гг. публицистом и журналистом Н. И. Надеждиным. Издание «Телескопа» было запрещено из-за публикации первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева.

[10] Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844) – граф, русский генерал-адъютант, шеф жандармов и начальник

III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, член Государственного Совета.

[11] Очкин Амплий Николаевич (1791–1865) – журналист, который в 1841–1848 гг. исполнял должность цензора, в 1836–1862 гг. являлся редактором «Санкт-Петербургских ведомостей».

[12] Никитенко Александр Васильевич (1804–1879) – профессор С.-Петербургского университета, академик, историк литературы, цензор. Его дневник получил широкую известность у публики. Никитенко являлся авторитетным консультантом высших правительственных лиц по вопросам надзора за печатью.

[13] В докладе (документе, послужившем непосредственным поводом к учреждению Меншиковского комитета по цензуре) шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа одним из двух злонамеренных журналов был назван «Современник», редактировавшийся в то время А. В. Никитенко.

[14] Одна из мер была предложена Меншиковским комитетом по цензуре.

О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения
от 19 ноября 1833 г.

Впервые опубл.: Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова Императору Николаю I / Публ. М. М. Шевченко // Река времени: альманах. Кн. 1. Государь. Государство. Государственная служба. Кн. 1. – М., 1995.– С. 70–72.

Печатается по тексту первой публикации.

В первой публикации доклад 19 ноября 1833 г. «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения» воспроизведен по писарской копии, хранящейся в Отделе письменных источников ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 38. Л. 12–18. Источником доклада 24 марта 1848 г. «О цензуре» стала писарская копия, хранящаяся в РГИА. Ф. 1611. Ед. 208 б. Л. 168 – 283. Публикатор материалов М. М. Шевченко отмечает, что автографы этих докладов в указанных фондах отсутствуют.

Доклад «О некоторых общих началах…» был опубликован вместе с докладом Уварова «О цензуре». Публикация этих всеподданнейших докладов Уварова была осуществлена известным исследователем его творчества, историком М. М. Шевченко. Значение этой публикации заключается в том, что до публикации этих текстов историки могли судить об идеологической концепции Уварова лишь на основании двух опубликованных при жизни Уварова работ: «Отчет о ревизии Московского учебного округа» и юбилейного доклада «Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843». Главная сложность изучения взглядов Уварова на основании перечисленных двух публикаций заключалась в различном толковании термина «народность», который трактовался различно. Во всеподданнейшем докладе «О некоторых общих началах…» от 19 ноября 1833 г. Уваров высказался о главном принципе народного образования наиболее полно и обстоятельно. Главная мысль Уварова заключается в том, чтобы неизбежные перемены не вызвали кровавых смут, нужно воспитать в новом поколении европейски образованных русских людей тесную связь национального самосознания с Православием и чувством верноподданнического долга перед царем-самодержцем. Это была необычайно сложная задача. За 16 лет исполнения обязанностей министра просвещения Уваров закончил формирование учебных программ на основе классического образования, выстроил централизованную систему управления учебными округами с ограничениями университетской автономии, а также ввел обязательные заграничные стажировки молодых преподавателей высших учебных заведений. Частные учебные заведения в период министерской деятельности Уварова фактически перестали играть значимую роль в русской системе образования. По воле Императора Николая I усилился сословный характер образования.

Министерству народного просвещения было подвластно также и цензурное ведомство. Конечно, Уваров со своей стороны стремился не допускать распространения гибельных для стабильности государства идей, однако он как образованный человек прогрессивных взглядов понимал, что повседневный мелочный надзор за печатью может нанести ущерб авторитету правительства в глазах формирующегося общественно-

го мнения. Уваров видел свою задачу в том, чтобы придать тяжеловесной (Цензурный устав 1826 г. назван «чугунным») и косной цензуре больше гибкости, чтобы у русской публики не создавалось превратного впечатления, что правительство угнетает просвещение. Уварову приходилось дипломатично лавировать между крайним недоверием правительственной среды и чаяниями быстро обновляющейся и становящейся все более влиятельной учено-литературной общественности. Однако эти разумные устремления Уварова вызывали недовольство как литературно-общественной среды, так и правительства. Уваров стремительно терял доверие Императора. III Отделению удалось доказать, что печать в период управления Уварова стала отражением идейных исканий «людей 1840-х гг.». Донесения о революционных событиях 1848 г. в Европе заставили Императора Николая I образовать секретный комитет для выявления «упущений цензуры и ее начальства». Вынужденный защищать свои действия, Уваров подал 24 марта 1848 г. всеподданнейший доклад «О цензуре». Этот откровенный доклад дал наглядное представление о положении министра просвещения, о действиях цензуры, а также о настроениях печати и русской публики.

С установлением постоянного высшего секретного надзора за цензурой и печатью в виде создания известного Комитета 2 апреля, который ознаменовал собой наступление «эпохи цензурного террора», граф Уваров окончательно утратил возможность личного влияния на цензурную политику правительства. По этой причине Уваров спустя полтора года был вынужден подать в отставку.

Обозрение управления Министерством народного просвещения. 1849 [год]

Впервые опубл.: Четыре служебных документа министра С. С. Уварова. Обозрение управления Министерством народного просвещения. 1849 [год] // *Шевченко М. М.* Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. – М., 2003. – С. 248–254.

Печатается по тексту первой публикации.

Источник записки «Обозрение управления Министерством народного просвещения 1849 [год]» (ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Уваровы. Ед. 38. Л. 19–28 об.) представляет собой писарскую копию. В первой публикации М. М. Шевченко решил воспроизвести в тексте этой записки выделения курсивом, сделанные самим Уваровым.

[1] По мнению историка М. М. Шевченко, полностью частное образование не было упразднено в России (*Шевченко М. М.* Конец одного величия. – М., 2003. – Примеч. 4. – С. 254. Шевченко также в этом комментарии дает ссылку на главу IV. – С. 122–144)

[2] Из-за революционных событий во Франции 18 мая 1848 г. по распоряжению С.С. Уварова доступ в Российскую Империю преподавателям-иностранцам был воспрещен (*Шевченко М. М.* Конец одного величия. – Примеч. 5. – С. 254).

[3] «В примечании С. С. Уварова общее число учащихся при подсчете немного не совпадает с приводимой им итоговой цифрой. Возможно, он брал те и другие цифры из разных табелей, по времени несколько отстоявших друг от друга. Незначительное изменение численности учащихся в течение года могло не привлечь его внимания» (*Шевченко М. М.* Конец одного величия. Примеч. 6. – С. 254).

О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного

Впервые опубл.: Четыре служебных документа министра С. С. Уварова // *Шевченко М. М.* Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. – М., 2003. – С. 231–254. – Новый музей: [Истор. сер.] [II].

Печатается по тексту первой публикации.

Записка «О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного» (1833) входит в комплекс записок Уварова Императору Николаю I, который представляет значительный интерес для исследования

государственной деятельности С. С. Уварова, специфики его политического мышления и служебных действий. Весь этот комплекс документов находится в рукописном собрании семьи Уваровых (ГИМ. ОПИ. Ф. 17), которое хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Записка «О средствах сделать народное воспитание специальным…» вместе с несколькими другими записками и докладами Уварова Николаю I была впервые опубликована историком М. М. Шевченко в приложении к монографии «Конец одного величия» (М., 2003).

В комплекс опубликованных М. М. Шевченко документов Уварова входят всеподданнейшая записка от 27 декабря 1836 г., записка «О системе чинов в России» от 7 ноября 1848 г. и «Обозрение управления Министерством народного просвещения» 1849 [год].

Записка «О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного» датируется приблизительно 1833 г. В одном с этой запиской картоне № 38 фонда Уваровых сохранился более ранний вариант этой записки под заглавием «О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от видов оного» в виде писарской копии, содержащей исправления рукой Уварова. За запиской 1833 г. и более ранним ее вариантом следует в качестве второй части также более ранний текст всеподданнейшего доклада от 19 ноября 1833 г. с исправлениями (Ед. 38. Л. 106 (об.)–112). Из этого публикатор документов М. М. Шевченко делает предположение, что Уваров намеревался представить записку Императору Николаю I если не одновременно с докладом «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения», то лишь с небольшой разницей во времени. Однако М. М. Шевченко подчеркивает, что это предположение не дает достаточных оснований утверждать, что Николай I эту записку читал. Записка опубликована М. М. Шевченко по окончательному варианту – тоже по писарской копии (Ф. 17. Уваровы. Ед. 38. Л. 113–124.).

[1] В Комитете министров рассматривался вопрос об обязательном 3-летнем сроке службы в провинции по окончании казен-

ного учебного заведения (Полное собрание законов Российской Империи. Собр. II. Т. 12. № 9894). С. С. Уваров обратился к Императору Николаю I с запиской, потому что в Комитете возникли разногласия о том, какие категории лиц, окончивших казенные училища, не будут подпадать под действие этого закона.

[2] Училище правоведения – привилегированное высшее юридическое заведение для детей дворян, существовало с 1835 по 1917 г. Было основано по инициативе М. М. Сперанского. За годы существования в училище были подготовлены более 2 тыс. юристов.

О народонаселении в России

Впервые опубл.: Чтения Императорской академии наук в С.-Петербурге за 1829 и 1830 гг. Отделение наук исторических, филологических и политических. Кн. 1. – СПб., 1831. – С. 115–128.

Печатается по тексту первой публикации.

В основу статьи положена речь Уварова, произнесенная 29 декабря 1830 г. на открытом заседании Академии наук. Основываясь на новых европейских экономических теориях, Уваров размышляет о демографическом положении в России и в Западной Европе. Он призвал разумно учитывать полезный опыт экономического развития европейских стран, чтобы на основе лучшего европейского опыта продвигаться собственным, русским путем экономического развития.

[1] Сей Жан-Батист (фр. Say Jean-Baptiste; 1767–1832) – французский экономист, коммерсант, с 1814 г. – академик Французской академии. Учился коммерции в Англии. Во время Французской революции 1789 г. вернулся в Париж, работал журналистом. В 1799 г. получил место в Финансовом комитете трибуната. В 1803 г. опубликовал труд «Договор политэкономии, или Простое объяснение того, как образовываются, распределяются и потребляются богатства», который пользовался большой популярностью и в дальнейшем был переиздан. Сей имел разногласия с Наполеоном по вопросу налогов (ратовал за уменьшение и упразднение налогов, призывал к строгой эко-

номии), из-за которых был уволен. В 1830 г. стал профессором политической экономии в Коллеж де Франс.

[2] Сисмонди Жан Шарль Леонард Симонд де (фр. Jean Charles Léonard Simonde de Sismondi; 1773–1842) – швейцарский экономист, историк. С 1798 г. – секретарь Торговой палаты в Женеве. Сисмонди стал развивать экономические теории А. Смита. С 1815 г. пересматривал ряд положений экономических теорий Д. Рикардо, А. Смита, Т. Мальтуса, что позволило ученому создать положения собственной экономической теории и главные экономические труды – «Новые принципы политической экономии» (1819), «Исследования по политической экономии».

[3] Мальтус Томас Роберт (англ. Malthus Thomas Robert; 1766–1834) – английский экономист, автор книги «Опыт о народонаселении» (1798), профессор политической экономии и истории коллегии Ост-Индийской компании в Гейльбери (1805). Мальтус сформулировал ставший популярным экономический постулат, согласно которому производство продуктов увеличивается в арифметической прогрессии, а рост народонаселения происходит в геометрической прогрессии, что подразумевало отказ государства от социальной функции помощи малоимущим.

[4] Рикардо Давид (англ. Ricardo David; 1772–1823) – английский экономист, являвшийся представителем школы классической политической экономии, сын банкира, еврей по национальности. Переход Рикардо в юности в англиканское вероисповедание привел к полному разрыву с отцом и вынудил самостоятельно искать средства к существованию. Занявшись частным маклерством в лондонском Сити, в скором времени составил состояние и основал собственное банкирское дело. Благодаря удачным спекуляциям на фондах и на хлебе Рикардо к 25 годам составил капитал в несколько миллионов и стал посвящать значительную часть времени занятиям математикой, минералогией и химией. Чтение сочинения А. Смита «О богатстве народов» произвело на Рикардо сильное впечатление и направило его исключительно на занятия политической экономией. Сторонник трудовой теории стоимости. Основой теоретических воззрений Рикардо являлось его учение о меновой ценности.

[5] Кене Франсуа (фр. Quesnay François; 1694–1774) – французский экономист, основоположник учения физиократов, которые в отличие от меркантилистов считали основой экономики не сферу обращения, а сельскохозяйственное, т. е. «физическое», производство. Кене получил медицинское образование. В 1737 г. стал профессором Хирургической академии в Париже, а с 1752 г. занял должность придворного врача короля Людовика XV. Организовал в Париже интеллектуальный салон, который посещали политики и ученые-просветители (Тюрго, Д'Аламбер, Дидро, Мармонтель, Гельвеций). В 1756–1757 гг. написал ряд статей для «Энциклопедии» Д. Дидро. В последующие годы разработал свою экономическую систему. Наиболее известное сочинение – «Экономическая таблица» ("Tableau économique...", 1758), в котором Кене впервые пытался показать процесс воспроизводства в масштабах всего общества. Разрабатывая проблемы общественного воспроизводства, приблизился к пониманию значения населения как источника богатств государства. В статье «Население» (или «Люди»), написанной в 1756 г. для энциклопедии Дидро, выдвинул положение, что «могущество государства составляют люди», которые «увеличивая продукцию и потребляя ее, сами оказываются первым созидательным началом своих богатств». В русском переводе эта статья была опубликована в 1908 г.

В начале статьи Уваров говорит о сторонниках экономической теории физиократов Ф. Кене. Для физиократов в экономике страны сельское хозяйство было главной отраслью.

[6] Уваров говорит о русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

[7] Уваров говорит о революциях в государствах Западной Европы в 1830–1831 гг.

II. НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ, ЦЕНЗУРА

Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843

Впервые опубликовано только отдельным изданием: Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843.

(Записка, предоставленная Государю Императору Николаю Павловичу министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 г. – СПб., 1864. – 161 с.

Печатается по тексту первой публикации.

В публикуемом тексте не воспроизведены автономные отчеты-приложения, не связанные с основным текстом этой Записки Уварова: Приложение I «Об осмотре учебной части в западных губерниях флигель-адъютантом графом Пратасовым в 1834 и 1835 годах», Приложение II «Об учреждении новых учебных заведений в Киеве», Приложение III «Общий отчет в осмотре Университета Св. Владимира», «Об осмотре учебных заведений в Пскове, Динабурге, Вильне, Гродне и Белостоке».

Уваров с 1832 г. возглавлял Министерство народного просвещения. Каждый год министр составлял отчеты на имя Императора Николая I, показывающие основные направления деятельности вверенного ему Министерства в областях образования и цензуры. Со времен министерского управления Уварова началась традиция ежегодной публикации отчетов в официальном «Журнале Министерства народного просвещения». Юбилейный отчет, посвященный 10-летию пребывания графа Уварова на посту министра народного просвещения, дает достаточно объективную картину развития системы образования в России – от начальной ступени до университетской, показывает принципы правительственной образовательной политики в отношении организации образования в западных губерниях, «отпадших от Польши», и в остзейских губерниях, а также правительственный курс в отношении образования инородцев.

Ранее юбилейный отчет деятельности Министерства народного просвещения являлся основным документом, показывающим реализацию идеологической программы Уварова в области народного просвещения в 1830–1840 гг. Однако примерно за последние годы были опубликованы и введены в научный оборот новые исторические документы, позволяющие исследователям расширить и дополнить имеющиеся у них сведения новыми, взятыми из ценных источников, большинство которых представляют собой рукописные материалы, впервые опубликованные ныне. Среди этих документов особого внимания за-

служивают публикации М. М. Шевченко «Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова Императору Николаю I» (среди них впервые опубликованы всеподданнейшие доклады «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения» от 19 ноября 1833 г. и «О цензуре» от 24 марта 1848 г.), опубликованные в альманахе «Река времени. Книга истории и культуры. Кн. 1» (М., 1995), «Четыре служебных документа министра С. С. Уварова (среди документов впервые опубликованы всеподданнейшие записки «О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного» от 1833 г., записка от 27 декабря 1836 г., «Обозрение управления Министерством народного просвещения. 1849 [год]»), опубликованные в качестве приложения к монографии М. М. Шевченко «Конец одного величия» (М., 2003).

[1] Записка, представленная Государю Императору Николаю Павловичу министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 г. и возвращенная с собственноручною надписью Его Величества: «Читал с удовольствием».

[2] Венец Мономахов («шапка Мономаха») – великокняжеский головной убор, символ власти и главная регалия русских царей. Легенда гласит, что шапка Мономаха была подарена византийским Императором Константином IX Мономахом своему внуку, русскому князю Владимиру Мономаху. Предание о венце Мономаха в XVI в. стало одним из принципов главной политической концепции «Москва – Третий Рим». Венец Мономахов – символ преемственности власти русских великих князей и царей от византийских Императоров. До XVII в. по установившейся традиции русские цари надевали ее в день венчания на царство.

В тексте параграфа Уваров ссылается на свой доклад Императору Николаю I от 19 ноября 1833 г. (О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения. Доложено Его Величеству 19 ноября 1833 г. // Река времени. Книга истории и культуры: Альманах / *Шевченко М. М.* – М., 1995. – С. 70–72). Текст этого доклада публикуется в настоящем издании.

[3] Постановление от 30 мая 1833 г. предписывало уездные училища Орловской и Тамбовской губерний, которые раньше входили в Московский учебный округ, присоединить к Харьковскому учебному округу. Учебные заведения Астраханской губернии передать Казанскому учебному округу, а училища Екатеринославской губернии присоединить к Одесскому учебному округу. В тексте содержится ошибка, т. к. постановлением не от 26 марта, а от 26 апреля 1839 г. учебные заведения Полтавской губернии передавались Киевскому учебному округу от прежнего Харьковского (Сборник постановлений Министерства народного просвещения. – СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. – Стб. 578, 1504).

[4] Постановлением от 27 апреля 1837 г. учителя, набираемые в гимназии и уездные училища вне штата, определялись на действительную государственную службу на равных правах со штатными сотрудниками (Сборник постановлений Министерства народного просвещения. – СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. – Стб. 1256–1257).

[5] В России XIX в. дворянские институты являлись средними сословными учебными заведениями закрытого типа и предназначались для подготовки дворянских детей к поступлению в университеты. Созданы в 1830-х гг. и вместе с Благородными пансионами предназначались для привлечения дворянской молодежи в государственные учебные заведения. Московский дворянский институт был создан в 1833 г. в результате преобразования Первой гимназии и просуществовал до 1849 г.

[6] В Вильно в 1838 г. был создан Дворянский институт, который существовал до 1863 г.

[7] Имеется в виду Мещанское училище в Москве, устроенное в 1835 г. на средства Московского купеческого общества.

[8] Вероятно, Уваров говорил об указе Александра I 1819 г., по которому крестьяне Лифляндской губернии получали свободу. Лифляндских крестьян освобождали без земли и с ограничением свободы передвижения и выбора дальнейшего рода деятельности. По указу в Лифляндии предусматривалось создание волостных школ (одна школа была рассчитана

на 500 чел.), которые содержались за счет волости. Надзор за деятельностью волостных школ был возложен на помещиков и священнослужителей.

[9] Моравские братья (Богемские братья) – религиозная секта, созданная в Чехии в середине XV в. Основателем Моравских братьев считался Петр Хельчицкий, который боролся против учения Католической церкви, ратуя за возвращение к первым векам Христианства. Последователи Хельчицкого проповедовали непротивление злу насилием, смирение. Моравские братья отвергали мирскую деятельность, они отказывались от государственной и военной службы и присяги. Первая община Моравских братьев была создана в 1457 г. в Кунвальде. Идеи Моравских братьев привлекали множество последователей. После разгрома Чешского восстания 1618–1629 гг. Моравские братья были изгнаны из Чехии и расселились в разных странах. Общины Моравских братьев были созданы в германских княжествах, а также в Прибалтике.

[10] В ноябре 1833 г. Уваров подал Императору Николаю I всеподданнейший доклад «О мерах против умножения пансионов и частных учебных заведений». В докладе министр народного просвещения представил меры, направленные на включение частных учебных заведений в государственную образовательную систему. Николай I одобрил предложения Уварова, дав ему разрешение на осуществление этих мер (Сборники постановлений Министерства народного просвещения. – СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. – Стб. 641–647).

[11] Нежинский лицей князя Безбородко – закрытое высшее учебное заведение для детей дворян в Нежине в 1820–1875 гг. Лицей был основан в 1810 г. на средства князя А. А. Безбородко, которые он предназначил на благотворительные цели. До 1832 г. – Гимназия высших наук, общеобразовательная, предполагала шестилетний курс обучения. С 1832 г. – физико-математический лицей, 3 года обучения; с 1840 – юридический, 3 года обучения. В 1834 г. гимназия была переименована в Лицей князя Безбородко. С 1920 г. – Педагогический институт (с 1939 г. – Лицей им. Н. В. Гоголя, который в 1828 г. окончил Нежинский лицей).

[12] Безбородко Александр Андреевич (1746–1799) – светлейший князь, государственный канцлер. Безбородко с 1784 г. являлся фактическим главой Коллегии иностранных дел.

[13] Лазаревский институт восточных языков был основан в Москве в 1815 г. как частное «Армянское Лазаревых училище» на средства богатой армянской семьи Лазарян (Лазаревых). В 1827 г. получило официальное наименование института и было передано в ведение Министерства народного просвещения, однако до 1848 г. фактически являлось гимназией с преподаванием армянского, персидского, турецкого и арабского языков. В 1848–1871 гг. – лицей с преподаванием восточных языков в старших классах. Институт (помимо подготовки к университету, а также учителей армянских школ) готовил чиновников и переводчиков с восточных языков. С этой целью правительство ввело дополнительные казенные стипендии, была расширена учебная программа. По уставу 1872 г. институт фактически состоял из двух учебных заведений – гимназии и специальных классов с трехлетним сроком обучения арабскому, персидскому, турецкому языкам, а также истории, языкам и культуре Закавказья. При институте была типография; где издавались «Эминовский этнографический сборник» (6 выпусков) и «Труды по востоковедению» (1899–1917). Декретом СНК РСФСР 1919 г. институт был преобразован в Армянский, затем в Переднеазиатский институт, в 1920 г. – в Центральный институт живых восточных языков, в 1921 г. – в Московский институт востоковедения. В здании Лазаревского института долгое время находился Институт народов Азии АН СССР. В наши дни в здании Лазаревского института восточных языков, принадлежащем ныне посольству Республики Армении в Российской Федерации, открыт музей русско-армянских культурных связей, демонстрируются документы, археологические находки, связанные с историей строительства и реставрации ансамбля.

[14] Ярославский Демидовский лицей – высшее учебное заведение в Ярославле. Основано в 1803 г. и открыто в 1805 г. на пожертвования П. Г. Демидова как Демидовское училище высших наук. Лицей находился под управлением Московского университета (до 1845 г.). В 1811 г. получил статус университета; в 1833 г. преобразован в Демидовский лицей, а в 1870 г. – в

Демидовский юридический лицей; находился в ведении Министерства народного просвещения. Для подготовки к поступлению в Демидовский лицей был организован Дворянский пансион. Выпускники Демидовского лицея получали гражданские чины 12-го и 10-го классов. В нач. XX в. число учащихся насчитывало более 1000 чел. В 1918 г. был преобразован в Ярославский университет.

[15] Ришельевский лицей, в Одессе – закрытое среднее учебное заведение повышенного типа для детей дворян в 1817–1865 гг. В Лицее существовали физико-математическое, юридическое, камеральное отделения (с 1842 г.), а также Институт восточных языков (1837–1854). В 1865 г. был преобразован в Императорский Новороссийский университет.

[16] Правила подробно устанавливали условия приема юношей в университеты, перечень необходимых для поступления документов, правила приема вступительных экзаменов. В 1837 г. правила вводились временно, в качестве эксперимента, на четыре года. Но 19 марта 1842 г. срок действия правил официально был продлен (Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. – СПб., 1866. – Стб. 169–176, 553).

[17] Студент, поступающий в другой университет, обязан был пройти предварительное испытание. По его результатам принималось решение о зачислении с зачетом времени обучения в другом университете (Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. – СПб., 1866. – Стб. 247–248, 267).

[18] Имеется в виду Византийская империя, которая оказала огромное влияние на развитие древнерусской культуры после распространения византийского православного христианства на территории Киевской Руси. Византийская империя образовалось в IV в. в результате распада Римской империи на две части: Восточную Римскую и Западно-Римскую империи. С VII в. в Византии греческий язык был государственным. Под натиском турок-османов Византийская империя пала.

[19] Профессор И. Ф. Шмальц в 1834 г. создал учебную ферму при этом сельскохозяйственном учебном заведении, которая просуществовала до 1839 г.

[20] Геогнозия является отделом геологии (историческая геология), изучающим состав и строение земной коры.

[21] Главное немецкое училище Святого Петра в С.-Петербурге было преобразовано в 1764 г. из Бюшингова Училища языков, искусств и наук по образцу реальных школ Франке и Геккера, в свою очередь преобразованного в 1762 г. из элементарного училища, которое упоминается уже в 1710 г. В 1783 г. возведено в Главное нормальное народное училище. Латинский язык, вошедший в учебный план при директоре Бюшинге и исключенный вследствие преобразования в 1764 г., был опять введен спустя много времени. В 1834 г. при училище было учреждено гимназическое отделение, которое по учебному плану 1858 г. стало главным отделением училища. С 1858 г. состояло из гимназии, реального училища и элементарного училища. Кроме того, при училище существовало женское училище с элементарной школой.

[22] Хаджи – мусульманин, совершивший хадж (паломничество) в Мекку.

[23] Уваров говорит о распространенном у бурят ламизме – одном из направлений буддизма.

[24] Уваров говорит об ученом-ориенталисте Д. Банзарове, который в 1846 г. защитил диссертацию кандидата на тему «О черной вере, или шаманстве у монголов»

[25] Агабабов Николай Иванович (1754–1809) – армянин, переселившийся в Российскую Империю при Императоре Александре I. Основал в Астрахани Армянско-русское училище, носившее его имя. Агабабов был уроженцем Исфахана (Персия) и, переселившись в Москву, принял русское подданство. В 1804 г. пожертвовал 50 тыс. руб. и испросил Высочайшего соизволения на учреждение Армянско-русского училища, жалованье учителей в котором должно было быть обеспечено с доходов от купленного и пожертвованного им дома в Астрахани. После смерти Н. И. Агабабова попечителем училища остался его старший сын Иван. Первым ректором училища по выбору патриарха армянского был архимандрит Антоний.

[26] Постановления предполагали, что профессора с 25-летней выслугой лет, продолжающие преподавать в университетах, имели право на назначение пенсии помимо жалования.

Размеры и условия выплаты пенсии определялись дополнительными правилами. По университетскому уставу 1835 г. и Положению 1836 г. профессора могли продолжать службу после 25-летней службы с сохранением оклада и пенсии по рекомендации непосредственного начальства.

[27] Кандидат на звание учителя уездного училища обязан был пройти испытание, состоявшее из трех этапов. Сначала он должен был ответить устно и письменно на вопросы, затем писал квалификационную работу в виде письменного сочинения на заданную тему, потом проводил пробную лекцию. Испытание проводилось в присутствии и под надзором педагогического совета гимназии (Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. – СПб., 1866. – Стб. 90–91).

[28] В 1819 г. Главный педагогический институт был преобразован в С.-Петербургский университет. В 1828 г. Главный педагогический институт был восстановлен и просуществовал до 1859 г.

[29] По распоряжению Уварова при Главном педагогическом институте было открыто дополнительное отделение, готовившее учителей начальной школы (Учительский институт). В 1821 г. Уваров демонстративно подал в отставку с поста попечителя С.-Петербургского учебного округа. В 1822 г. Учительский институт был закрыт.

[30] При Дерптском университете в 1828 г. был открыт Профессорский институт, который просуществовал до 1838 г.

[31] Речь Посполитая (Польско-Литовское королевство) подвергалось трем разделам между Российской Империей, Австрийской империей и Пруссией – в 1792, 1793 и 1795 гг. Польский вопрос был для русского правительства одним из наиболее острых. В XIX в. Российская Империя пережила польские восстания 1830–1831 и 1863 гг., которые Императорское правительство было вынуждено решительно подавить. Вплоть до 1917 г. в периодической печати на польском языке велась антирусская пропаганда, звучали сепаратистские призывы, в этом направлении в Польше снова активно действовали иезуиты. Поляки стремились к проникновению в русские правительственные учреждения, чтобы составить там доминирующее большинство, часто занимаясь откровенным саботажем.

[32] Волынский лицей также назывался Каменецким лицеем. Основан в 1805 г. как гимназия, которая в 1819 г. была преобразована в лицей, сохранив без изменений программу. В 1834 г. преподаватели и материальные ресурсы Каменецкого лицея были переведены в Киев. На базе Каменецкого лицея в Киеве был основан Университет Святого Владимира.

[33] В результате разделов Речи Посполитой в состав Российской Империи вошли территории Белоруссии, Украины, Литвы, которые Уваров в своих трудах называл «западные губернии» или «губернии, от Польши возвращенные». Название «губернии, от Польши возвращенные» было принято в официальных документах второй четверти XIX в. для обозначения западных губерний Российской Империи.

[34] Перед Министерством народного просвещения в «губерниях, от Польши возвращенных» стояла политическая задача – не допустить в них распространения польского языка и его использования в преподавании. В работе «Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843» Уваров признавал, что в западных губерниях преподавание в университетах, народных училищах и гимназиях освобождено из-под власти иезуитов и ведется на русском языке. С учетом успешного распространения русского языка «в губерниях, от Польши возвращенных» в 1836 г. министр народного просвещения распорядился исключить польский язык из предметов, изучаемых в Главном педагогическом институте, выпускники которого готовились к преподавательской работе в западных губерниях (Сборник постановлений Министерства народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. – Стб. 426, 1080–1081).

[35] Уваров говорит о столице Киевской Руси, г. Киеве. Киевская Русь являлась первым государством восточных славян, возникновение которого относится к IX–X вв.

[36] Вся система учебных заведений в Речи Посполитой находилась под надзором католических монашеских орденов, в том числе иезуитов. Это положение первоначально сохранялось и в западных губерниях, вошедших в состав Российской Империи после раздела Польско-Литовского королевства между Россией, Германией и Австрией. Уже к апрелю 1831 г. последовал указ Императора: Министерству народного про-

свещения и попечителю Белорусского учебного округа в самые сжатые сроки создать предпосылки для постепенного уничтожения духовных училищ при католических монастырях и замены их светскими училищами, преподавание в которых должно было осуществляться только на русском языке и помогать «сближению тамошних жителей с природными россиянами» (Сборник постановлений Министерства народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. Стб. 426).

[37] В кон. 1830-х гг. в западных губерниях активизировалась деятельность подпольных революционных организаций и усилились мятежные настроения. В 1838 г. среди некоторых студентов Университета Св. Владимира полицией были найдены антиправительственные прокламации. В 1839 г. правительством было принято решение о временном закрытии Университета Св. Владимира. В 1840 г. после реорганизации Университета и удаления из него причастных к мятежу польских преподавателей и студентов Университет Св. Владимира был снова открыт.

[38] Конарский Симон (польск. Konarski, Шимон; 1808–1839) – польский революционер еврейского происхождения. Активный участник польского восстания 1830–1831 гг., после подавления мятежа бежал за границу. Будучи эмигрантским эмиссаром, в 1836–1838 гг. создал в Литве и на Волыни сеть подпольных революционных организаций, которые были объединены в «Союз люда польского». Вел пропаганду среди студентов Университета Св. Владимира. В мае 1838 г. Конарского арестовала полиция. В 1839 г. он был расстрелян.

[39] Чарторыйский Адам Ежи (Чарторыжский Адам-Юрий, Адам Адамович; польск. Czartoryski, Czartoryscy Adam Jerzy; 1770–1861) – князь, польский политический деятель. Родители старались дать ему и его брату Константину-Адаму возможно лучшее образование, для чего приглашали известных педагогов. В 1786 г. мальчиков отправили в путешествие по Европе. Для довершения своего образования Адам-Ежи посетил в 1791 г. Англию, где особенно внимательно изучил конституцию страны. Участие в военных действиях 1792 г. против русских заставило Чарторыйского эмигрировать; он отправился вторично в Англию. Узнав о восстании Т. Костюшко, он хотел вернуться в

Польшу, но в Брюсселе по распоряжению австрийских властей был арестован и таким образом лишен возможности принять участие в восстании. Однако восстание повлекло за собой конфискацию имений Чарторыйских. Императрица Екатерина обещала возвратить их молодым Чарторыйским, если они будут присланы к ее двору как бы в качестве заложников. В 1795 г. оба брата отправились в С.-Петербург. Адам Чарторыйский сблизился с великим князем Александром Павловичем; между ними завязалась тесная дружба, возбудившая подозрение Императора Павла I. Чарторыйский был удален из С.-Петербурга: Император назначил его послом к Сардинскому двору. В 1801 г. Адм-Ежи вернулся в С.-Петербург по вызову своего царственного друга, теперь Императора, желавшего пользоваться его советами. Чарторыйский входил в число «молодых друзей» Александра I, в том числе и в Негласный комитет. С 1801 г. – член Непременного совета, один из инициаторов преобразований начала 1800-х гг. В 1804–1806 гг. – министр иностранных дел, автор проекта (1805) восстановления Польши в границах 1772 г. Поражение при Аустерлице охладило Императора к Чарторыйскому и его плану. В начале 1807 г. Чарторыйский покинул пост министра иностранных дел, но остался в С.-Петербурге. Затем исполнял обязанность попечителя Виленского учебного округа. В 1815–1816 гг. – член Временного правительства Царства Польского. Во время мятежа в Царстве Польском в 1830–1831 гг. был председателем повстанческого Национального правительства. После подавления польского мятежа эмигрировал в Париж, где возглавил правое аристократическое крыло польской оппозиции в эмиграции. Чарторыйский обращался к правительствам европейских держав за помощью в восстановлении независимости Польши с помощью интервенции. Автор «Мемуаров» (т. 1–2. – СПб., 1912–1913).

[40] Остзейские губернии – Лифляндия, Курляндия и Эстляндия, т. е. прибалтийские губернии. Лифляндия и Эстляндия перешли от Швеции к Российской Империи в результате Северной войны 1700–1721 гг. Герцогство Курляндское ранее находилось в ленной зависимости от Речи Посполитой (Польско-Литовского королевства), в 1795 г. оно было окончательно присоединено к Российской Империи. В остзейских

губерниях высшее сословие состояло из остзейских немцев, потомков рыцарей Ливонского ордена, который владел остзейскими землями вплоть до 1561 г. В ходе Ливонской войны Ливонский орден прекратил существование, а принадлежавшие ему земли перешли к Речи Посполитой. В дальнейшем их поделили Речь Посполитая и Швеция.

[41] Выходцы из дворянства остзейских земель в течение XVIII–XIX вв. шли на русскую службу, играли заметную роль в политической жизни России, часто занимали высшие посты в военной и гражданской службе (центральной власти), оставили след в развитии русской науки и культуры. Особенное засилие остзейских немцев на русской службе было характерно для правления Императрицы Анны Иоанновны (1730–1740). Их влияние было заметно и в последующие царствования. Остзейские немцы часто не являлись патриотами России, подчеркивая, что служат отдельным представителям династии Романовых, а не России. По словам Николая I, «русские дворяне служат государству, немцы – нам» (*Выскочков Л. В.* Император Николай Первый: человек и государь. – СПб., 2001. – С. 354) (См.: *Парсамов В. С.* Примечание 813 // *Уваров С. С.* Избранные труды. – М., 2010. – С. 650).

[42] Анна Иоанновна (1693–1740) – русская Императрица (1730–1740), племянница Петра I, дочь царя Ивана V – формального соправителя Петра I в юности, герцогиня Курляндская. На русский престол взошла после смерти Петра II при помощи членов Верховного тайного совета. Верховники пригласили ее на царствование, но составили для Анны Иоанновны особые «Кондиции», которые существенно ограничивали власть Императрицы. Однако Анна Иоанновна, заручившись поддержкой провинциального дворянства, разорвала «Кондиции», восстановив свою самодержавную власть в полном объеме. При Анне Иоанновне главную роль в системе государственного управления стали играть остзейские немцы во главе с фаворитом Анны Иоанновны, герцогом Эрнстом Бироном. Анна Иоанновна почти не интересовалась государственными делами, представив государственное управление герцогу Бирону, поэтому политический режим времен правления Анны называли «бироновщина». Уваров напоминал, что для русских

людей «бироновщина» означала не только преобладание иностранцев, и прежде всего прибалтийских немцев, в системе государственного управления, но и жесточайший полицейский террор, жертвами которого стали более 10 тыс. чел.

[43] Елизавета Петровна (1709–1761) – русская Императрица с 1741 по 1761 г., дочь Петра I и Екатерины I. Елизавета унаследовала политическую прозорливость и дипломатические способности Петра I. Взошла на престол в результате дворцового переворота, заручившись поддержкой гвардии, свергнув с престола малолетнего Императора Ивана Антоновича (1740–1741) и бывшую при Иване Антоновиче регентшей Анну Леопольдовну – племянницу Императрицы Анны Иоанновны. Во время правления Анны Иоанновны за Елизаветой Петровной была установлена слежка, ее положение было очень шатким. Восшествие Елизаветы Петровны было восторженно встречено в русском обществе. Елизавета Петровна выдвинула идею возвращения к наследию Петра I и на основе этой идеи строила свою политическую программу на протяжении всего периода царствования. Елизавета Петровна многое сделала для развития русского образования и литературы. При ней был открыт первый российский университет в Москве (1755), основана Академия художеств в С.-Петербурге. В 1743 г. Елизавета заключила мирный договор со Швецией, в соответствии с которым Россия расширила свою территорию, присоединив южную часть Финляндии. Внешнеполитический курс определялся ее враждебным отношением к Пруссии, которое сказалось в действиях российского канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. Во внешней политике Елизавета Петровна делала ставку на сближение с Францией и противодействие политическим интригам Англии. В 1750-х гг. Императрица провела реформы, которые улучшили социльно-экономическое развитие Российской Империи. Елизавета Петровна, взойдя на престол, в течение всего царствования отказывалась от применения смертной казни. В Семилетнюю войну 1756–1763 гг. вступила в союз с австрийцами и французами. Ее армия оккупировала Кенигсберг в Восточной Пруссии, нанесла поражение прусскому королю Фридриху Великому при Егерсдорфе (1757) и Кунерсдорфе (1759). Пруссия была полностью разгромлена, а Берлин занят русскими войска-

ми. Только смерть Императрицы 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.) спасла Фридриха II. Наследник Елизаветы и ее племянник Петр III, настроенный в пользу Пруссии, заключил выгодный для Фридриха II мир. Петр III царствовал менее года и был смещен в результате дворцового переворота в 1762 г., который возглавила его супруга Екатерина II.

[44] Арминий (лат. Arminius; 16 г. до н. э. – ок. 21 г. н. э.) – вождь германского племени херусков. Нанес поражение римлянам в битве в Тевтобургском лесу в IX в. В период роста национального самосознания в Германии XIX в. образ херуска Германа стал одной из наиболее значимых символических фигур древней истории германских племен.

[45] Карл Великий (лат. Carlus Magnus; 742–814) – король франков с 768 г., Император – с 800 г. Основатель династии Каролингов. До 771 г. правил совместно со своим братом Карломаном, получив в свое владение Австразию, часть Нейстрии и часть Аквитании. С 771 г. после смерти Карломана остался единоличным правителем обширного королевства, границы которого расширил благодаря многочисленным завоевательным походам против лангобардов в 773–774, 776–777 гг., баварского герцога Тассилона – в 788 г., саксов – в 772–804 гг. (с перерывами), арабов в Испании – в 778–779 гг., 796–810 гг., аваров – в 791–799 гг., западных славян (лютичей, чехов, сербов) – в 789–806 гг., датских норманнов – в 810 г. и др. В пограничных областях были созданы военные организации – «марки» – во главе с маркграфами; остальные владения управлялись с помощью графов и герцогов. В 800 г. Карл Великий короновался в Риме как Император (Romanorum imperator). Обширная империя (Священная Римская империя) Карла Великого являлась сложным объединением различных племенных образований, находившихся на разном уровне общественного развития. Карл Великий стремился к укреплению центральной власти в Империи. Он пытался организовать систематический контроль над графами с помощью особых уполномоченных (миссы), издавал многочисленные законы и постановления (капитулярии), поддерживал союз как с папой, так и с местной церковной иерархией, осуществляя принудительную христианизацию местного населения в завоеванных областях (особенно в Саксонии), где

основывал новые епископства (Верден, Оснабрюк и др.). Правление Карла Великого было важным этапом формирования феодальных отношений в Западной Европе: ускорился процесс закрепощения крестьянства (особенно в западной части Империи); на базе укреплявшегося натурального хозяйства усилились рост крупного землевладения и самостоятельность землевладельческой аристократии, которой Карл Великий раздавал иммунитетные грамоты, создавая таким образом вопреки собственным стремлениям политические и экономические предпосылки феодальной раздробленности. Уже при Карле Великом появились показатели быстро развивавшегося феодального раздробления Священной Римской империи, которая при его сыне и внуках окончательно распалась. При Карле Великом наблюдался некоторый подъем в области культуры. При преемниках Карла Великого его Империя распалась.

[46] Пиетисты – представители религиозно-мистического течения пиетизма, которое возникло в протестантизме в кон. XVII в. Центром пиетизма в этот период стал университет в г. Галле. Основоположником учения пиетизма был Ф. Я. Шпенер. Пиетизм ставил внутреннюю веру, личное благочестие выше церковных догматов. Пиетисты ратовали за отказ от наслаждений мирской жизни, призывали больше времени посвящать покаянию. До середины XIX в. пиетизм в России был распространен только среди немецких колонистов лютеранского и реформатского исповеданий. Впоследствии пиетизм имел некоторое влияние на русское и украинское население в западных губерниях, где на основе пиетизма возникло несколько сектантских религиозных течений.

[47] Граф Уваров имеет в виду, что Остзейский край имел автономный статус, который был подтвержден еще Петром I и его преемниками. Остзейский край фактически регулировался своей законодательной системой, на которую русское законодательство имело лишь некоторое влияние. В остзейских губерниях вместе с общеимперской администрацией существовали местные органы управления – ландтаги (дворянские собрания). На собраниях ландтагов решались почти все вопросы, касающиеся жизни края. В деятельности ландтагов могли принимать участие только мартикулярные дворяне

(представители дворянских родов, внесенные в специальные мартикулы). Помещики, не учтенные в мартикулах (земствах), не обладали правом голоса.

[48] Иезуиты – члены католического монашеского ордена, основанного Игнатием Лойолой в 1534 г. В 1540 г. орден иезуитов был официально утвержден папой Павлом III и наделен большими привилегиями. Иезуиты отчетливо обозначили свое резко враждебное отношение к Реформации XVI в., отстаивая необходимость защиты католичества. Орден иезуитов был основан на принципах жесткой централизации, обладал исключительными полномочиями и пользовался покровительством высших церковных властей. Орден иезуитов обладал огромным влиянием не только в религиозной, но и в политической жизни государств Европы. К 1773 г. орден иезуитов был официально упразднен, но в 1814 г. он был вновь восстановлен с целью содействия борьбе с революционным движением в странах Европы. Члены ордена иезуитов уделяли большое внимание миссионерской деятельности, держали под контролем систему образования в странах с преобладающим католическим населением, в том числе и в западных губерниях, отделенных от Речи Посполитой и перешедших к Российской Империи. Среди мер политики Уварова в области образования было постепенное освобождение образовательных учреждений западных губерний от влияния иезуитов, введение преподавания на русском языке.

[49] Пиары – монашеский орден, основанный в 1607 г. Иосифом Каласанским (исп. José de Calasanz; 1557–1648). Главным направлением деятельности орден декларировал безвозмездное обучение и католическое воспитание юношества в школах. Наиболее активно орден действовал на территориях Австрии и Польши. В Польшу членов ордена пиаров пригласил в 1642 г. польский король Владислав IV. С этого времени пиары принимали самое деятельное участие в организации и функционировании учебных заведений западного края. К началу XIX в. правительство Российской Империи официально ограничило деятельность пиаров в Царстве Польском и западных губерниях. После польского восстания 1863 г. учреждения пиаров были окончательно упразднены на всей территории Царства Польского и в западных губерниях.

[50] Потоцкий Игнатий (польск. Potocki Ignacy; 1741–1809) – польский аристократ, государственный деятель, принимал участие в Эдукационной комиссии, заведовал организацией школ. В 1788–1792 гг. участвовал в работе Четырехлетнего сейма, являлся одним из авторов Конституции 3 мая 1791 г. Во внешней политике Речи Посполитой Потоцкий отстаивал сближение с Пруссией.

[51] Коллонтай Гуго (польск. Kołłątaj Hugo; 1750–1812) – польский государственный деятель, ученый, публицист, представитель польского просвещения. В 1780–1790-х гг. – одна из видных фигур Польши. Как один из членов Эдукционной комиссии реформировал Краковский университет. В Четырехлетнем сейме Коллонтай вместе с Потоцким примыкал к шляхетско-буржуазному блоку. Однако как представитель обедневшего шляхетства Коллонтай имел разногласия с шляхетско-буржуазным блоком. Был одним из авторов Конституции 3 мая 1791 г., призывал к реформированию политического строя Речи Посполитой, сохранению ее независимости как государства, выступал за ограничение власти всесильного олигархата. Во время польского восстания 1794 г. – лидер направления радикальных республиканцев.

[52] Станислав II Август Понятовский (польск. Stanisław August Poniatowski; 1732–1798) – последний польский король и великий князь Литовский (1764–1795). Понятовский взошел на польский престол благодаря поддержке английской дипломатии и русской Императрицы Екатерины II. Пророссийская позиция Понятовского и его внутренняя политика не находили поддержки у консервативно настроенного объединения польской шляхты – Барской конфедерации. Гражданская война в Речи Посполитой привела к интервенции в ее внутренние дела государств Европы, приведшей к первому разделу Польши в 1772 г.

[53] Примас королевства в Речи Посполитой являлся особым наместником короля. Когда польский королевский престол освобождался, в обязанности примаса входило созывать сейм для избрания нового короля и надзирать за деятельностью созванного сейма. Примас объявлял имя нового короля и короновал его. На пост примаса назначал сам король, но после

решение короля утверждалось римским папой. В Сенате Польши примас был председателем наравне с королем. В 1784 г. последним примасом Польского королевства стал брат Станислава Понятовского Август Михаил Юрий Понятовский (1736–1794), считавшийся преданным сторонником политики короля. Однако в 1794 г. была перехвачена переписка примаса Августа Понятовского с королем Пруссии, что могло стать поводом для обвинения в измене. Поэтому в 1794 г. примас Понятовский покончил жизнь самоубийством.

[54] Уваров говорит о восстании 1794 г. в Польше под предводительством Тадеуша Костюшко (польск. Kościuszko Tadeusz; 1746–1817).

[55] Уваров говорит о периоде наполеоновских войн 1800–1815 гг. К этому периоду также иногда относят итальянский и египетские походы Наполеона, относившиеся к кон. XVIII в. В этот протяженный период произошел третий раздел Речи Посполитой в 1795 г., но судьба отделенных от Польши территорий не была решена окончательно. В результате подписания Тильзитского мирного договора в 1807 г. между Россией и наполеоновской Францией Пруссия потеряла половину своих территорий, в числе которых были земли, вошедшие в ее состав после разделов Польско-Литовского королевства. На этих землях было создано Великое герцогство Варшавское, главой которого стал король Саксонии. Герцогство Варшавское существовало до 1815 г. По решению Венского конгресса бóльшая часть Герцогства Варшавского была отдана Российской Империи, получив статус Царства Польского в составе Российской Империи.

[56] Потоцкий Станислав Костка (польск. Potocki Stanisław Kostka, 1752–1821) – польский общественный и государственный деятель, генерал. Сторонник Конституции 3 мая 1791 г. Когда Тарговицкая конфедерация одержала победу при поддержке Российской Империи, Четырехлетний сейм, в котором участвовал Станислав Потоцкий, прекратил свою работу. Станиславу Потоцкому пришлось эмигрировать в Австрийскую империю. С 1807 г. руководил воспитательной и школьной дирекцией в Великом герцогстве Варшавском. В 1815 г. назначается Александром I на пост министра просвещения и исповеданий Царства

Польского. Сторонник либеральной политики в области образования. В 1820 г. – в отставке.

[57] Грабовский Станислав (польск. Grabowski Stanisław) – польский государственный деятель, сын Станислава Августа Понятовского, последнего короля Речи Посполитой. В 1820 г. назначен Императором Александром I министром просвещения Царства Польского; эту должность Грабовский занимал десять лет, до польского восстания 1830 г. Грабовский относился к политическим консерваторам.

[58] Варшавский университет был основан в 1817 г. После подавления польского восстания 1830–1831 гг. Варшавский университет был закрыт.

[59] Маримонтский сельскохозяйственный и лесной институт в г. Маримонте, близ Варшавы. Учреждение Маримонтского института относится к концу 1816 г., когда состоялся указ об отводе для него казенных земель. Прием учащихся начался только в 1820 г.; с этого же времени Маримонтский институт поступил в ведение правительственной комиссии внутренних дел и полиции, которая выработала первый устав Института, опубликованный в марте 1822 г. Первоначально Маримонтский институт имел целью готовить практически образованных земледельцев, способных руководить сельскохозяйственными работами и управлять имениями. Принимались лица, достигшие 17 лет и исполнявшие уже какие-нибудь должности в казенных или частных имениях, хотя бы их предварительное образование ограничивалось курсом первых четырех классов гимназии. Курс обучения установлен был двухгодичный, а для более способных воспитанников – даже годовой. С теоретическими занятиями соединялись полевые и другие сельскохозяйственные работы. В 1810 г. Институт преобразован в Институт сельского хозяйства и лесоводства с двумя отделениями – сельскохозяйственным и лесным – и подчинен попечителю Варшавского учебного округа. К прежним целям Института были присоединены подготовка образованных лесничих и производство сельскохозяйственных опытов и наблюдений. В число студентов принимались по новому уставу лица, достигшие 16 лет и имеющие познания в объеме шести классов гимназий; курс учения в Институте был двухгодичным. В

1857 г. Маримонтский институт был преобразован в закрытое учебное заведение на 150 воспитанников, от которых требовалось знание всех предметов гимназического курса, кроме древних языков; курс обучения стал трехгодичным; лесное отделение при Институте было закрыто. В 1862 г. Маримонтский институт был закрыт, а взамен его были учреждены в том же году отделения агрономическое и лесное в Новоалександрийском политехническом институте.

[60] В 1815 г. было образовано Познанское великое княжество. По решению Венского конгресса Княжество Познанское отошло к Пруссии. Вероятно, Уваров говорит об особом патенте, который был издан прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III, по которому княжество получало некоторую автономию в политической и культурной сферах. Полякам позволялось развивать свою национальную культуру, сохраняя и используя польский язык в общественной жизни. На деле прусские власти проводили противоположную политику. После восстания в Царстве Польском 1830–1831 гг. и европейских революций 1848–1849 гг. прусское правительство активизировало действия, направленные на включение Княжества Познанского в прусскую систему государственного управления и принудительную германизацию поляков.

[61] До 1840 г. медико-хирургические академии подчинялись Министерству внутренних дел.

[62] В 1833 г. был утвержден первый устав Университета Св. Владимира. В результате событий 1838 г. и временного закрытия Университета Св. Владимира состоялось утверждение нового устава 1842 г. Уваров имеет в виду Устав 1842 г.

[63] Императорская академия наук была учреждена по повелению Императрицы Екатерины I, правившей с 1725 по 1727 г. Первое заседание Академии наук датируется 12 ноября 1725 г.

[64] Сухтелен Петр Корнильевич (1751–1836) – граф, русский военачальник, дипломат голландского происхождения, находился на русской службе с 1783 г. Сухтелен был активным участником русско-шведских войн 1788–1790, 1808–1809 гг. В 1809 г. с дипломатической миссией граф Сухтелен был направлен Императором Александром I в Стокгольм, где пробыл до своей смерти в 1836 г. Граф Сухтелен являлся библиофилом и

коллекционером. Большая часть его обширной библиотеки, в которую входило несколько тысяч томов редких книг и рукописей, была куплена у наследников графа Сухтелена и передана в Публичную библиотеку в С.-Петербурге (ныне Российская Национальная библиотека в С.-Петербурге).

[65] Азиатский музей – научно-исследовательское востоковедное учреждение; собрание рукописей на различных восточных языках и библиотека книг по востоковедению. Был основан в С.-Петербурге в ноябре 1818 г. при Академии наук. Начало его коллекции положили восточные монеты, рукописи и др. материалы, собранные в Кунсткамере со времен Петра I. Благодаря усилиям первого директора Х. Д. Френа Азиатский музей стал крупнейшим в России хранилищем рукописей и книг по Востоку. К 1917 г. Азиатский музей превратился в единственный в своем роде музей-библиотеку. В Азиатском музее работали известные востоковеды, среди которых Б. А. Дорн, С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев. После Октябрьской революции с организацией в 1921 г. при Азиатском музее Коллегии востоковедов он стал центром, объединявшим всех ленинградских востоковедов. В 1930 г. на базе Азиатского музея Коллегией востоковедов и ряда других востоковедных учреждений был создан Институт востоковедения Академии наук СССР, ныне входящий в состав Российской академии наук.

[66] Лодыженский Михаил Васильевич – полковник Генерального штаба. В 1830–1831 гг. пребывал в Пекине в составе Духовной миссии. Собранная Лодыженским коллекция, включавшая более тысячи экспонатов, пополнила в 1833 г. Азиатский музей.

[67] Уваров говорит об Алексее Кирилловиче Разумовском (1748–1822) – своем тесте. В 1810–1816 гг. Разумовский занимал пост министра народного просвещения. В подмосковном имении Разумовского был создан ботанический сад. Основная часть коллекций этого ботанического сада поступила в дальнейшем в Ботанический кабинет Императорской академии наук.

[68] Биберштейн Фридрих Август Маршал фон (Федор Кондратьевич; нем. Biberstein Friedrich August Freiherr Marschall

von; 1768–1826) – русский естествоиспытатель немецкого происхождения, зоолог, ботаник. Исполнял обязанность инспектора шелководства по Кавказской линии, а в дальнейшем и всех азиатских губерний Империи. Среди трудов Биберштейна «Таврическо-кавказская флора» (Харьков, 1808), «Обозрение провинций, расположенных на восточном берегу Каспийского моря…» (СПб., 1798; выходило в пер. на нем. в 1800 г.).

[69] Демидовская премия была названа по имени камергера П. Н. Демидова, пожертвовавшего Академии наук денежные средства, предназначавшиеся для выплаты авторам лучших научных сочинений ежегодных премий (1420 руб.). Демидовская премия существовала с 1835 по 1865 г.

[70] Клапрот Мартин Генрих (нем. Klaprot Martin Heinrich; 1743–1817) – немецкий химик, который начинал свою деятельность учеником аптекаря. Первый профессор химии в Берлинском университете. Новатор аналитических методик, открывший и назвавший много элементов, включая уран – в 1789 г., титан – в 1795 г., теллур – в 1798 г. и церий – в 1805 г.; часть из них была уже обнаружена ранее другими учеными, но им не придавали значения и не давали названий.

[71] Аланы (ясы) – племена, говорящие на иранском языке, жившие в первых веках н. э. на территории Приазовья и Предкавказья. Аланы совершали опустошительные набеги на Крым, Закавказье, Малую Азию, Мидию. Возникновение у аланов раннефеодального государства относят к IX–X вв. Монголо-татарские походы 1-й пол. XIII в. нанесли аланам сокрушительный удар. Уцелевшая часть племени ушла в горы Центрального Кавказа и в Закавказье, в область Южной Осетии. В местностях Центрального Кавказа и Закавказья ассимилировались с местным кавказским населением.

[72] Шегрен Андрей Михайлович (1794–1855) – русский ученый-филолог и лингвист, с 1831 г. – экстраординарный академик. В 1819 г. получил степень доктора философии. В 1829 г. был избран адъюнктом Императорской академии наук, а в 1831 г. – академиком.

[73] Гумбольдт фон Александр (нем. Humbolt Alexander von; 1769–1859) – немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, брат Вильгельма фон Гумбольдта, с 1800 г. –

член Берлинской академии наук. В 1818 г. был назначен Уваровым почетным членом Императорской академии наук. Труды Гумбольдта оказали огромное влияние на развитие естествознания и физической географии. В 1829 г. путешествовал по России, посетив Урал, Алтай, побережье Каспийского моря. Во время путешествия проводил научные исследования, результаты которых были представлены в трудах «Фрагменты по геологии и климатологии Азии» (Т. 1–2, 1831) и «Центральная Азия» (Т. 1–3, 1843).

[74] Экспедиция работала в течение 1836–1837 гг. Фус Павел Николаевич (1798–1855) – ординарный академик по кафедре математики, непременный секретарь Императорской академии наук, действительный статский советник. Получив образование в академической гимназии, в 1814 г. поступил в число академических учеников. В 1816 г. был назначен преподавателем математики в 1-й кадетский корпус и в том же году – корректором математических сочинений, печатавшихся в академической типографии. Выдающиеся способности молодого ученого привлекли внимание президента академии Уварова, по предложению которого Фус в 1818 г. и был избран адъюнктом по кафедре математики, а затем в 1823 г. – экстраординарным академиком. В 1824 г. по воле Императрицы Марии Феодоровны был назначен инспектором классов Воспитательного дома. Должность эту он занимал до 1826 г., когда состоялось его избрание ординарным академиком и непременным секретарем Академии наук. Кроме того, Фус более 17 лет (с 1826 г.) исполнял обязанности секретаря Императорского вольно-экономического общества, а в 1845 г. был назначен председателем учебного комитета при IV Отделении Собственной Его Величества канцелярии. Из его ученых работ, которые исключительно печатались в академических изданиях, следует особенно упомянуть его годовые отчеты по Академии, содержащие весьма ценный материал по истории этого ученого учреждения. Будучи по отцу правнуком известного математика Ф. Эйлера, Фус издал оставшиеся ненапечатанными труды ученого и опубликовал его переписку со знаменитыми геометрами (в 2 т. – СПб., 1843). Член более 40 ученых учреждений и обществ.

[75] Савич Алексей Николаевич (1811–1883) – русский астроном, с 1862 г. – академик С.-Петербургской академии наук. В 1829 г. окончил Московский университет. В 1833–1839 гг. работал на Дерптской обсерватории под руководством В. Я. Струве. В 1839–1880 гг. – профессор С.-Петербургского университета. Основные труды Савича относятся к определению орбит комет, планет и их спутников, рефракции, барометрическому нивелированию и др. В 1836–1838 гг. провел нивелирование между Черным и Каспийским морями. Совместно с П. М. Смысловым и Р. Э. Ленцем впервые в России в 1865–1868 гг. определил силу тяжести с помощью оборотных маятников вдоль дуги меридиана Автор капитального курса астрономии (1874–1884) и других учебных руководств.

[76] Заблер Георг (1810–1865) – астроном, директор Виленской обсерватории, ученик В. Я. Струве.

[77] Бэр Карл Максимович (1792–1876) – зоолог, естествоиспытатель, основатель сравнительной эмбриологии. С 1817 г. преподавал в Кенигсбергском университете. В 1834 г. приехал в Россию. В 1826 г. – член-корреспондент, в 1828 г. – ординарный академик Императорской академии наук, преподавал в С.-Петербургской медико-хирургической академии, участвовал в ряде экспедиций, являясь основоположником научного исследования естественных ресурсов России. Сформулировал ряд научных законов в области физической географии. Фактически стал первым в России специалистом в области антропологии.

[78] Возможно, Уваров имел в виду: Бетлинг Отто (Вильгельм?) Николаевич (1815–1879) – академик Императорской академии наук.

[79] Вознесенский Иван Гаврилович (1816–1871) – натуралист и зоолог, внесший большой вклад в изучение природы Дальнего Востока, Русской Америки. В путешествии, которое упоминает Уваров, Вознесенский провел около 10 лет, собрав огромную коллекцию местной флоры и фауны. В 1852 г. избран членом-корреспондентом Русского географического общества. С 1859 г. включен в состав учредителей Русского энтомологического общества.

[80] Кеппен Петр Иванович (1793–1864) – русский ученый-статистик, этнограф, библиограф. В 1843 г. стал академиком

Императорской академии наук. Принимал участие в создании Общества любителей российской словесности (1816) и Русского географического общества (1845). Автор работ: «Этнографическая карта Европейской России» (1851), «Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г.» (1857), «Хронологический указатель материалов для истории инородцев европейской России» (1861).

[81] Паррот Георг Фридрих (1767–1852) – русский физик немецкого происхождения, академик. С 1802 г. исполнял должность профессора и одновременно ректора Дерптского университета. Исключительные административные способности и влияние Паррота на Императора Александра I способствовали процветанию Дерптского университета как научного и учебного учреждения. Автор 80 учебных работ по физике, медицине, технологии, химии и метеорологии. В 1826 г. получил звание академика С.-Петербургской академии наук. В этом же году переехал в С.-Петербург.

[82] Пандер Христиан Иванович (1794–1865) – русский ученый, палеонтолог, зоолог, биолог-эволюционист. Академик С.-Петербургской Императорской академии наук в 1823–1827 гг. Образование получил в Дерптском (Тартуском) университете (1812–1814) и университетах Германии. В 1816–1818 гг. работал в Вюрцбурге. Ч. Дарвин считал его своим предшественником. Автор трудов по палеонтологии, общей и сравнительной морфологии животных. В 1817 г. сделал открытие, указав на роль трех зародышевых листков в формировании определенных групп тканей и органов многоклеточных животных и человека. В 1827 г. ушел из Императорской академии, служил чиновником особых поручений по ученой части при Горном департаменте. Пандера называют одним из основателей русской палеонтологии. Его труды послужили основой исследований К. М. Бэра и других эмбриологов. Сопоставляя строение скелетов млекопитающих и птиц, вскрыл новые факты единства организации ископаемых и современных форм животных и их историческую преемственность.

[83] Рупрехт Франц Иванович (1814–1870) – русский ботаник, врач, по происхождению австриец. Член С.-Петербургской академии наук с 1853 г. Окончил Пражский университет в 1836 г.

С 1839 г. – в России, сначала сотрудник, а с 1855 г. – директор Ботанического музея С.-Петербургской академии наук. С 1839 г. исполнял должность хранителя гербария в С.-Петербургской Императорской академии наук. Путешествовал по северу Европейской части России в 1841 г. и Кавказу в 1860–1861 гг. Основные труды посвящены флоре высших растений различных районов России, систематике злаков, зонтичных, первоцветных, колокольчиковых, водорослям Тихого океана. В работе «Геоботанические исследования о черноземе» (1866) обосновал связь образования чернозема со степной растительностью.

[84] Савельев Александр Степанович (1820–1860) – русский физик, астроном, профессор Казанского университета. Вместе с Ф. И. Рупрехтом в 1841 г. участвовал в экспедиции на полуостров Канин и остров Колгуев.

[85] Купфер Адольф Яковлевич (1799–1865) – русский ученый-физик, по происхождению из прибалтийских немцев. С 1828 г. – академик Императорской академии наук по минералогии, а с 1840 г. – по физике. Вместе с Э. Ленцем принимал участие в нескольких экспедициях, в том числе на Кавказ. В С.-Петербурге заведовал Минералогическим музеем и обсерваторией. В 1843 г. был избран в ординарные академики.

[86] Федоров Василий Федорович (1802–1855) – русский астроном, с 1825 г. являлся помощником директора Дерптской астрономической обсерватории. С 1839 г. утвержден в звании ординарного профессора Университета Св. Владимира. В 1840–1842 гг. занимал должность декана II отделения философского факультета и в 1843–1847 гг. – ректора университета. Уваров говорил о двухгодичной научной командировке Федорова (1832–1834), итоги которой астроном изложил в научной работе «Извлечение из писем путешествующего астронома Василия Федорова к директору Дерптской обсерватории Струве» (Журнал Министерства народного просвещения, 1834).

[87] Ратке Мартин Генрих (нем. Rathke Martin Heinrich; 1793–1860) – немецкий эмбриолог и анатом. Начинал работать в Данциге. Свою деятельность начал как врач, затем преподавал физику и физическую географию. В 1829 г. стал профессором физиологии и общей патологии в Дерптском университете. В 1832 и 1835 гг. участвовал в двух экспедициях в

Крым, на Черноморское побережье с целью изучения местной фауны. В 1835 г. переехал в Кенигсберг, где работал на кафедрах зоологии и анатомии. Автор трудов в области эмбриологии и анатомии.

[88] Гебель Карл Фридеман (Göbel Karl Friedemann, 1794–1851) – химик, фармацевт. В 1828 г. – профессор Дерптского университета. В 1844 г. основал при Дерптском университете первый фармацевтический институт в Российской Империи. Уваров говорит об экспедиции, которая проходила в 1834 г. Отчет о ней Гебель опубликовал в журнале Министерства народного просвещения (Ч. 6. № 6. – 1835. – С. 516–546).

[89] Шмальц И. Ф. Л. (1781–1847) – профессор технологии и сельского хозяйства в Дерптском университете. Шмальц основал учебную сельскохозяйственную ферму в Альткустгофе.

[90] Гофман Эрнест Карлович (1801–1871) – русский геолог. С 1833 по 1836 г. читал лекции по минералогии и геологии в Дерптском университете. В 1837–1842 гг. – профессор Университета Св. Владимира, а в 1845–1863 гг. – профессор С.-Петербургского университета. Участвовал в работе нескольких экспедиций по Уралу, Крыму, западным губерниям. Автор ряда научных работ в сфере исторической геологии и минералогии.

[91] Паррот Иоганн Якоб Фридрих Вильгельм (Иван Егорович Паррот; нем. Parrot Johann Jakob Friedrich Wilhelm; 1791–1841) – ученый-естествоиспытатель, врач, физик, сын естествоиспытателя Г. Ф. Паррота. В 1821 г. – профессор кафедры физиологии и патологии Дерптского университета, а в 1826 г. заместил отца на кафедре физики Дерптского университета. В 1829 г. вместе со студентами совершил восхождение на вершину горы Арарат. Уваров говорит о путешествии Паррота, которое он совершил в 1837 г. на Нордкап, но описания результатов этого путешествия Паррот не сделал по причине начавшейся у него в 1838 г. тяжелой болезни.

[92] Крузе Фридрих Карл Герман (1790–1866) – историк, профессор истории в Дерптском университете. Занимался историей Северо-Запада Российской Империи, Прибалтийского края. Автор научных трудов “Hellas” (1825), “Anastasis der Waräger” (1841), “Necrolivonica” (1842 г., рассматрива-

лись древности Ливонии, Эстляндии и Курляндии), “Chronicon nortmannorum, wariago-russorum nec non danorum, sveonum, norvegorum” (1851), “Bemerkungen über die Ostseegouvernements” (1859).

[93] Щуровский Григорий Ефимович (1803–1884) – русский геолог, популяризатор науки. Щуровский первым читал курс геологии и минералогии. Один из организаторов Политехнического музея в Москве (1872); первый организатор и президент (1863–1884) Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. С 1835 по 1884 г. заведовал кафедрой геологии и минералогии Московского университета. В 1840 г. участвовал в экспедиции на Урале, а в 1844 г. – на Алтае. Щуровский имел обширную сферу научных интересов, в которую входила геология, историческая геология, минералогия. Исполнял должность декана физико-математического факультета Московского университета (1848–1849), являлся проректором и ректором университета (1868–1869). Организовал и возглавил кафедры геогнозии и палеонтологии в Московском университете, создал Кабинет Музея прикладных знаний (ныне Политехнический музей), изучал геологию и минералогию Урала и Алтая, подтвердил обоснованность сделанного Д. И. Соколовым выделения на западном склоне Урала комплекса отложений, который позже был назван «пермской системой», опубликовал обобщающую монографию по геологии Московского бассейна, составил каталог минералов Минералогического кабинета Московского университета. Почетный член ряда зарубежных университетов и научных обществ. Научные труды Щуровского: «Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях» (М., 1841); «История геологии Московского бассейна» (Опубл.: Известия общества любителей естествознания. Вып. 1. Т. 1. – 1866; Т. 1. Вып. 2. – 1867).

[94] Уваров говорит о сочинении Г. Е. Щуровского «Урал в физико-географическом и минералогическом отношениях» (М., 1841).

[95] Гордеенко Егор Степанович (1812–1897) – русский химик, профессор Харьковского университета, русский общественный деятель. Основатель Завода искусственных ми-

неральных вод в Харькове в 1843 г. Его общественная деятельность пришлась на период реформ Александра II. В ходе проведения земской и городской реформ лично принимал участие в создании системы местного самоуправления Харьковской губернии.

[96] Черняев Василий Матвеевич (1796–1871) – профессор ботаники Харьковского университета. Изучал флору Юго-Восточной и Центральной России.

[97] Калениченко Иван Осипович (1805–1876) – профессор Харьковского университета с 1838 г. Ученик В. М. Черняева. Преподавал естественные науки в Харьковском университете. В 1836 г. был командирован в Курскую губернию.

[98] Борисяк Николай Дмитриевич (1817–1882) – профессор Харьковского университета, геолог. Проводил исследования преимущественно в южных и юго-западных регионах, в том числе в Харьковской губернии, изучая химический состав почв Европейской России, исследуя распространение черноземных почв в этом крае.

[99] Криницкий Иван Андреевич (1797–1838) – профессор Харьковского университета. До работы в Харьковском университете Криницкий преподавал сельское хозяйство в Виленском университете.

[100] Гофман Эрнест Карлович (1801–1871) – русский ученый-геолог. Первоначальное образование получил в Дерптской гимназии, высшее образование – в Дерптском университете. В 1823 г. принял участие в качестве геолога в трехлетнем кругосветном плавании на шлюпе «Предприятие» под командой капитана Отто Коцебу. Важнейшие научные результаты этого путешествия были опубликованы Гофманом в 1829 г. в Берлине в статье “Geognostische Beobachtungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1823–1826”. В 1833–1836 гг. читал в Дерптском университете лекции по геологии и минералогии и там же получил степень магистра за «Геогностическое описание поездки в Або» (Дерпт, 1837). В 1837 г. перешел профессором в Университет Св. Владимира в Киеве, где и оставался пять лет, сделав за это время несколько научных поездок в Киевскую, Подольскую, Херсонскую и Таврическую губернии и напечатав руководство по ориктогнозии: «Общая ориктогнозия, или Уче-

ние о признаках минералов» (Киев, 1840); “Analyse der Sodalit aus dem Ilmengebirge” (1839) и “Geognostische Beschreibung der sudlichen Krimm” (“Bulletin de l’Academi”, 1840). В 1843 г. Гофман совершил экспедицию в Восточную Сибирь для исследования золотоносных россыпей; отчет об этом путешествии (“Reise nach dem Goldwaschen Ostsibiriens”) был напечатан в 1847 г. В 1844 г. Гофман производил исследования по реке Кеми в Финляндии, результаты которых: “Geognostische Beschreibung der Umgegend von Kemi und Torneo” напечатаны в “Leonards Jahrb. für Miner”. В 1845 г. был назначен профессором минералогии С.-Петербургского университета и занимал эту должность до 1863 г. В 1847, 1848 и 1850 гг. стоял во главе экспедиции, отправленной Русским географическим обществом для исследования северного Урала. По результатам этой экспедиции, изложенным в сочинении «Пай-Хой, или Северный Урал», был удостоен Большой Константиновской медали от Географического общества. Затем в течение 7 лет – с 1853 по 1859 г. – каждое лето посещал Средний Урал. Эти исследования послужили материалом для капитального труда Гофмана – геологических карт казенных дач горных Уральских округов. Карты сопровождались подробным геологическим описанием исследованных местностей, напечатанным в «Горном Журнале» в 1865–1868 гг., а в 1870 г. – в отдельной книге под заглавием “Materialien zur Anfertigung geologischer Karten der Kaiserlichen Bergwerks-Distrikte des Ural-Gebirges”. Кроме указанных работ является автором трудов “Ueber die Entdeckung edler Metalle in Russland und deren Ausbeute” (СПб., 1846), «Руководство к минералогии для гимназий» (СПб., 1853) и «О гипсометрических отношениях Уральского хребта» (СПб., 1860). Покинув по болезни университет, Гофман оставался до 1865 г. директором Императорского минералогического общества.

[101] Нордман фон Александр ((нем. Nordmann Alexander von; 1803–1866) – русский зоолог, немец по происхождению. С 1832 по 1849 г. занимал должность профессора зоологии и ботаники в Одесском Ришельевском лицее. В 1849 г. перешел в Гельсингфорский университет. Кроме ботаники занимался исследованиями в области естественной истории и палеонтологии животных. Участвовал во многих научных экспедици-

ях по территории Российской Империи, а также в зарубежных экспедициях.

[102] Музаркевич Николай Никифорович (1806–1883) – русский историк и археолог. В одесском Ришельевском лицее занимал должность профессора русской истории, позднее стал его директором. Сфера научных интересов Музаркевича относилась к истории Южной России, поэтому он занимался также и этнографическими исследованиями в этом крае, проводил археологические раскопки. В Одессе основал Общество любителей истории и древностей российских.

[103] Эверсман Эдуард Александрович (1794–1860) – русский врач, ботаник, зоолог. Изучал в основном Волго-Уральский край. В 1828 г. стал профессором ботаники и зоологии Казанского университета. Автор 55 работ.

[104] Бунге Александр Александрович (1803–1890) – русский химик, фармаколог. В 1837 г. получил звание и должность адъюнкта по кафедре химии в Казанском университете. В 1844 г. стал ординарным профессором по кафедре химии этого университета. В 1852 г. перешел в Дерптский университет на должность профессора фармации. Исследовательская область Бунге – органическая химия. В 1845 г. открыл новый металл платиновой группы – рутений.

[105] К. К. Клаус на основе указанных исследований подготовил и защитил докторскую диссертацию «Химическое разложение Сергиевских минеральных вод» (Опубл.: Ученые записки Казанского университета. – 1839).

[106] Горлов Иван Яковлевич (1814–1890) – русский экономист и статистик. Выпускник Профессорского института при Дерптском университете. Последователь школы известного французского экономиста Ж.-Б. Сэя. С 1838 г. – профессор политической экономии и статистики Казанского университета, а в дальнейшем – профессор С.-Петербургского университета.

[107] Ковалевский Осип Михайлович (1800–1878) – ученый-ориенталист, филолог, специалист по монгольскому языку. Исполнял должность профессора кафедры монгольского языка и словесности Казанского университета. В 1855–1866 гг. – ректор Казанского университета. Автор трудов «Краткая грамматика монгольского книжного языка» (1835),

«Монгольская хрестоматия» (1836–1837), «Монголо-русско-французский словарь» (1844–1849) и ряда работ по истории Бурят-Монголии и буддизма.

[108] Попов Александр Васильевич (1808–1880) – русский ученый-ориенталист. Занимал кафедру монгольского языка в Казанском университете, одновременно был профессором калмыцкого языка и словесности в С.-Петербургском университете. С 1860 г. исполнял обязанности инспектора народных училищ Западной Сибири. Среди научных трудов – «Монгольская хрестоматия со словарем к ней» (1836), «Грамматика калмыцкого языка» (1847) и ряда других.

[109] Васильев Василий Павлович (1818–1900) – русский ученый-синолог. В 1840 г. совершил путешествие в Пекин, где провел более 9 лет, изучив китайский, тибетский, монгольский и маньчжурский языки и санскрит. В 1850 г. вернулся в Российскую Империю. В 1851 г. был назначен на должность профессора китайской и маньчжурской словесности Казанского университета. Автор научных работ по страноведческому изучению Китая и Маньчжурии, а также переводов с китайского, маньчжурского и других языков.

[110] Березин Илья Николаевич (1819–1895) – профессор турецкого языка в Казанском университете. В 1855 г. приглашен в С.-Петербургский университет, чтобы на факультете восточных языков занять должность профессора турецко-татарской словесности.

[111] Диттель Вильям Францевич (1816–1848) – русский ученый-филолог. В 1846 г. по окончании путешествия был назначен на должность профессора турецкого языка в С.-Петербургском университете.

[112] Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) – знаменитый русский филолог, славист, а также ученый-экономист и статистик. В начале своей научной деятельности занимался политической экономией и статистикой. Но в 1829 г. согласился принять предложение Министерства народного просвещения о командировке за границу для изучения языка, уехав на три года с целью изучения языка, быта и культуры славянских народов. По возвращении в 1842 г. в Россию назначен профессором славистики в Харьковский университет. В 1847 г. переехал

в С.-Петербург, занимался научной работой и преподаванием в С.-Петербургском университете, а в дальнейшем – в Педагогическом институте. В 1851 г. был удостоен звания академика Императорской академии наук. Считается основоположником петербургской славистической школы, создал и разработал историческое изучение русского языка. В 1849 г. вышел научный труд Срезневского «Мысли об истории русского языка», который во многом предвосхитил работы в этой области знаменитого русского филолога Ф. И. Буслаева.

[113] Бодянский Осип Максимович (1808–1877) – русский филолог-славист, ученик публициста Н. И. Надеждина и профессора М. Т. Каченовского. В 1837–1842 гг. работал под руководством известного чешского слависта, профессора П. Шафарика (Шафаржика). В 1842–1868 гг. исполнял должность профессора в Московском университете. Один из основателей славянской филологии в России.

[114] Прейс Петр Иванович (1810–1846) – русский филолог-славист, ученик А. Х. Востокова. В 1839 г. был направлен в заграничную научную командировку для изучения славянских языков и литератур. В 1843 г. начал преподавать в С.-Петербургском университете.

[115] Гальванопластика – метод получения металлических копий с помощью электрического осаждения металла на оригинале. Метод гальванопластики изобрел в 1838 г. в С.-Петербурге русский физик Борис Семенович Якоби (1801–1874).

[116] Пулковская обсерватория основана в 1839 г. Проект здания разработан русскими архитекторами В. Я. Струве и Г. А. Фусом.

[117] Гершель Вильгельм (англ. Herschel William; 1738–1822) – английский астроном и оптик, член Лондонского королевского общества. В 1789 г. был избран почетным членом Императорской академии наук в С.-Петербурге.

[118] Мюллер, Миллер Герард Фридрих (нем. Miller Gerhard Friedrich; 1705–1783) – русский историк, немец по происхождению, академик Императорской академии наук. Приглашен в Россию в 1725 г. В 1733–1743 гг. участвовал в экспедиции по Сибири, в результате которой собрал множество архивных документов, предметов быта. Коллекцию Миллера впоследствии

использовали в процессе подготовки научных трудов многие русские историки. В 1749 г. назначен официальным историографом. Основоположник и сторонник норманнской теории происхождения Древней Руси. Активным противником норманнской теории в русской историографии был М. В. Ломоносов.

[119] Шлецер Август Людвиг (нем. Schlözer August Ludwig; 1735–1809) – немецкий историк на русской службе. Шлецер в 1761–1767 гг. служил в Императорской академии наук, академик. Шлецера называют одним из создателей норманнской теории происхождения государства у восточных славян. Шлецер являлся постоянным противником и оппонентом М. В. Ломоносова, который отвергал норманнскую теорию происхождения древнерусского государства. Шлецер как историограф пропагандировал критический подход к анализу и изучению древнерусских источников.

[120] Башилов Семен (1740–1769) – выпускник Московского университета 1862 г., сотрудник А. Л. Шлецера, переводчик в Императорской академии наук, затем секретарь в Сенате. Главным направлением научной деятельности Башилова стало издание источников по русской истории.

[121] Нестор (1056 – ок. 1114) – преподобный монах Киево-Печерского монастыря, русский летописец. В 17 лет пришел в монастырь, был пострижен в иноки, потом посвящен в диаконы. В 1091 г. ему было поручено открыть мощи преподобного Феодосия. Долгое время преподобному Нестору приписывали составление первой русской летописи – «Повести временных лет», но приблизительно с середины XIX в. этот факт был поставлен под сомнение. Защитники его основывались на приписке имени Нестора как составителя в Хлебниковском своде (XV–XVI вв.) и на словах черноризца Поликарпа в его послании к киево-печерскому архимандриту Акиндину (XIII в.): «Яко же блаженный Нестор в летописце написа...». П. С. Казанский одним из первых указал («Отечественные записки» за 1851 г.) на значительный ряд противоречий летописи с другими произведениями Нестора, несомненно, ему принадлежащими – «Сказание о Борисе и Глебе» и «Житие Феодосия». Другие исследователи доказывали, что составителем летописи был не Нестор, даже не монах Киево-Печерского монастыря. «Жи-

тие Феодосия» (написано ок. 1088 г.) считается по полноте и стройности образцом летописной биографии. Оно богато сведениями о Киево-Печерской обители и лицах, живших в ней. «Житие» в переводе на русский язык напечатано преосвященным Филаретом в «Ученых Записках II отделения Академии наук» (II т. – 1856).

[122] Соловьев Сергей Васильевич (?–1875) – профессор русского языка и литературы Гельсингфорского университета с 1830 по 1843 г. По поручению Археографической комиссии осуществил ряд поездок в Швецию в 1837–840 гг. с целью розыска новых документов.

[123] Сапега (лат. Sapieha) – князь, представитель древнего литовского княжеского рода. Учился в Виленской академии (до 1587 г.) и Падуанском университете. В 1600 г. избран в сейм от г. Гродно. Участвовал в польско-шведской войне 1600–1611 гг. в чине командира хоругви из 100 казаков, в битве при Кирхгольме 1605 г. командовал правым флангом польских войск (400 гусар и 700 казаков). В августе1608 г. с 7 тыс. солдат с одобрения брата Льва Сапеги прибыл в тушинский лагерь Лжедмитрия II. В сентябре 1608 г. Сапега осадил Троице-Сергиев монастырь. Однако 12 января 1610 г. Сапега был вынужден отступить от его стен. После распада тушинского лагеря действовал с Лжедмитрием II вплоть до его второго похода на Москву. Позже помогал польским интервентам в борьбе с Первым ополчением.

[124] Лжедмитрий II, или Тушинский вор (по названию подмосковного села, где самозванец устроил свою резиденцию), предположительно Лжедмитрий II происходил из Белоруссии. В начале XVII в. (период Смутного времени) выдавал себя за царевича Дмитрия. В 1610 г. Лжедмитрий II был убит в Калуге своей стражей.

[125] Делагарди Якоб (швед. De la Gardie; 1583–1652) – граф с 1615 г., шведский военный и государственный деятель, маршал с 1620 г. Выходец из шведской военной семьи французского происхождения, крупный феодальный магнат. Возглавлял шведский вспомогательный отряд (прибывший в 1609 г. в Новгород в соответствии с русско-шведским договором о помощи правительству В. И. Шуйского против польских интервентов), а

затем войска Швеции, перешедшей к интервенции против Русского государства. После избрания в России царя Михаила Федоровича Романова на Земском соборе 1613 г. Делагарди лично участвовал в заключении Столбовского мира 1617 г. с Россией. С 1619 г. – шведский наместник в Ревеле, с 1622 г. – генерал-губернатор Лифляндии; в 1620-х гг. участвовал в шведско-польской войне за Восточную Прибалтику. В 1632–1844 гг. – член регентского совета при королеве Кристине.

[126] Алексей Михайлович (1629–1676) – второй русский царь из династии Романовых. Сын царя Михаила Федоровича, правил с 1645 по 1676 г. В правление Алексея Михайловича упрочилась центральная власть, оформилось крепостное право. Созданный при Алексее Михайловиче Приказ тайных дел (1654–1676) подчинялся непосредственно царю и осуществлял контроль над государственным управлением. Царь сам читал челобитные и другие документы, писал или редактировал многие важные указы и первым из русских царей стал собственноручно подписывать их. Непосредственно участвовал во многих военных походах (под Смоленск, Вильно, Ригу), руководил внешнеполитическими переговорами. Алексей Михайлович проводил протекционистскую политику, содействовал принятию Таможенного 1653 г. и Новоторгового 1667 г. уставов, поощрявших развитие внутренней и внешней торговли. Важнейшими событиями во внешней политике стали объединение с Россией Украины в 1654 г. и возвращение Смоленска и Северской земли. Политика Алексея Михайловича способствовала дальнейшей централизации власти в Русском государстве. «Уложение» 1649 г. Алексея Михайловича, именуемое иначе «Свод всех законов», могло бы, по словам исследователя XX в., «составить славу целого царствования». «Уложение» 1649 г. стало первым полным сводом законов, действующих на всей территории Русского государства, и содержало 25 глав, построенных по тематическому признаку и разделенных на 967 статей. В подготовке столь обширного документа участвовала целая комиссия во главе с князем Н. И. Одоевским, назначенная Земским собором 16 июля 1648 г. Уже в 1649 г. было осуществлено три издания «Уложения». В годы правления Алексея Михайловича было окончательно утверждено

дело исправления богослужебных книг, принят Новоторговый устав, издана Кормчая книга, а также много частных законоположений, призванных упорядочить русскую жизнь. Во внешней политике стратегическая инициатива после долгих лет застоя снова перешла к Москве. Литва и Польша окончательно утратили наступательный порыв, отступив в отношениях с Русью на роль стороны обороняющейся, без надежды на победу. При Алексее Михайловиче произошел раскол Русской Православной Церкви. Сначала Алексей Михайлович поддерживал реформы патриарха Никона, но в связи с теократическими притязаниями Никона выступил против него. «При всем своем природном уме и богатой начитанности царь не любил споров, в отношениях с приближенными бывал податлив и слаб. Пользуясь его добротою, окружающие бояре своевольничали, порой забирая власть над тихим государем. В этом, пожалуй, кроется и разгадка драматических взаимоотношений царя с патриархом. Государь не нашел в себе сил противиться боярскому нажиму, а Никон не счел возможным подстраиваться под интересы знати, жертвуя – хотя бы и на время – законными интересами Церкви» (Митрополит Иоанн (Снычев). Алексей Михайлович // Русская цивилизация. – М., 2003). «Царствование Алексея Михайловича являет собой взору внимательному и пытливому поучительную картину того, сколь плодотворно сказывается на жизни государственной неспешное, тихое, религиозно осмысленное самосознание власти. Несмотря на Раскол, несмотря на драматическую судьбу Никона и кризис русской “симфонии властей”, царствование это можно назвать одним из самых плодотворных и удачных в русской истории» (Митрополит Иоанн (Снычев // Святая Русь).

[127] Котошихин (Кошихин) Григорий Карпович (ок. 1630–1667) – подьячий Посольского приказа, писатель. В 1658–1661 гг. состоял в русском посольстве, которое вело переговоры со Швецией о заключении Валиесарского и Кардисского договоров. Весной 1664 г. был послан в войска князя Я. К. Черкасского для ведения канцелярских дел, но в августе Котошихин перебежал к литовцам, затем уехал в Силезию, а оттуда через Нарву в Стокгольм и в марте 1666 г. был принят на шведскую службу. Казнен за убийство хозяина дома, в котором жил.

Автор сочинения (изд. под названием «О России в царствование Алексея Михайловича», 1840), которое является ценным источником по истории государственного строя России середины XVII в. Сведения Котошихина весьма подробны и точны, большинство подтверждаются другими источниками XVII в., хотя следует учитывать, что сочинение составлено автором по заказу шведского правительства и некоторые его суждения о русской действительности XVII в. тенденциозны.

[128] Тургенев Александр Иванович (1785–1846) – русский общественный деятель, брат декабриста Н. И. Тургенева. Вместе с Уваровым Тургенев был участником литературного кружка «Арзамас». С 1810 г. исполнял должность директора Департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. С 1825 г. жил за границей, занимаясь изысканиями и научной работой в зарубежных библиотеках и архивах. Ему удальсь найти много ценных документов, относящихся к русской истории, которые в дальнейшем были опубликованы Археографической комиссией.

[129] Строев Павел Михайлович (1796–1876) – русский археограф, историк. Выпускник Московского университета. В 1813 г. издал книгу «Краткая российская история для начинающих», которая стала самым популярным учебником истории вплоть до 1830-х гг. С 1816 г. служил в Архиве Министерства иностранных дел и одновременно занимался разысканием и изданием письменных источников по русской истории. В 1828–1834 гг. руководил археографической экспедицией, проводившей исследования в библиотеках и монастырях губерний Европейской России. С 1841 г. Строев был избран в члены Императорской академии наук в С.-Петербурге.

[130] Судебник – свод законов, принят в 1550 г. По Судебнику была ограничена власть бояр-наместников на местах, возрастал размер пожилого, т. е. материального вспомоществования, которое крестьяне должны были платить вотчиннику, покидая его. Судебник 1550 г. подтверждал норму Судебника 1497 г., который устанавливал право крестьян покидать территорию своего прежнего проживания только один раз в году, за неделю до Юрьева дня и спустя неделю после него (26 ноября).

[131] Уваров говорит о гравировальной машине с выпуклых и вдавленных метов. Гравировальная машина была изобретена американским изобретателем А. Коласом и усовершенствована англичанином Дж. Бетом. Русское правительство купило гравировальную машину в 1837 г. Для обучения работе на машине для гравирования Министерство народного просвещения командировало в Англию художника Николая Менцова.

[132] Тимковский Роман Федорович (1785–1820) – русский историк, филолог, археограф, профессор греческой и латинской филологии Московского университета. Автор научных трудов по классической филологии. Известен как исследователь древнерусских источников, среди которых «Повесть временных лет» Нестора, «Слово о полку Игореве» и др.

[133] Уваров говорит о Евангелии, хранящемся в Реймском соборе с XVI в. Евангелие было приобретено в 1574 г. в Константинополе кардиналом Карлом Лотарингским. На этом Евангелии французские короли, восходя на престол, давали коронационную присягу. Одна часть славянского Евангелия написана кириллицей, другая – глаголицей. По словам легенды, славянское происхождение Евангелия установил Петр I во время своего визита в Реймс в 1717 г. Кроме того, другое предание утверждает, что реймское Евангелие первоначально принадлежало дочери князя Ярослава Мудрого Анне Ярославне, которая в середине XI в. вышла замуж за французского короля Генриха I (*Жуковская А. П.* Реймское Евангелие, история его изучения и текст. – М., 1978).

[134] Устрялов Николай Герасимович (1805–1870) – русский историк, профессор С.-Петербургского университета, академик Императорской академии наук. Происходил из Орловской губернии, учился в орловской гимназии, затем окончил курс в С.-Петербургском университете. В 1824 г. поступил на гражданскую службу. В 1827 г. по конкурсу занял место учителя истории в Третьей гимназии С.-Петербурга. В 1829 г. был приглашен лектором русского языка в С.-Петербургский университет, но занимался, главным образом, историей. В 1830 г. издал перевод сочинения Маржерета на русский язык, снабдив его примечаниями; в 1832 г. Устрялов издал в пяти частях «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», а в 1833 г. – в

2-х т. «Сказания князя Курбского». Эти издания, выходившие в свет каждое по три раза, сделали имя Устрялова известным в науке о русской истории. Устрялов получил за свои труды две Демидовские премии и профессорские кафедры в Главном педагогическом институте, Военной академии и Морском корпусе. В 1831 г. Устрялов начал читать в С.-Петербургском университете лекции по всеобщей и русской истории, а с 1834 г. читал лекции только по русской истории. Лекции свои он посвящал разбору первоисточников и критике мнений историков по разным вопросам. Первый из русских историков стал отводить в своих лекциях видное место истории Литовского государства. В 1836 г. получил степень доктора истории за защиту диссертации «О системе прагматической русской истории», затем был избран в Императорскую академию наук. В 1837–1841 гг. в качестве пособия к своим лекциям издал «Русскую историю» в 5 т., дополнением к которой в 1847 г. стало «Историческое обозрение царствования Императора Николая I», исправленное по рукописи Устрялова самим Императором. В то же время Устрялов написал два кратких учебника для гимназий и реальных училищ. Эти учебники были единственными, по которым училось русское юношество до 1860-х гг. Самым важным трудом, которому Устрялов посвящал свои силы в последние 23 года жизни, была «История царствования Петра I». Получив в 1842 г. доступ в Государственный архив, Устрялов нашел в нем много важных документов. Труд его остался незаконченным. Тома I–III вышли в 1858 г., т. VI – в 1859 г., т. IV – в 1864 г. Пятый том не выходил. В «Истории царствования Петра I» Устрялов обращает внимание исключительно на внешние факты и факты биографические; внутренней жизни государства историк не касается. Однако труд его не потерял своего значения с течением времени. Занятия историей Петра I отвлекали Устрялова от его университетских обязанностей. Лекции его не обновлялись, и под конец профессорской деятельности он почти не имел слушателей. После смерти Устрялова его «Записки» были напечатаны в «Древней и новой России» (1877–1880).

В научном труде «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать великое княжество Литовское?» (СПб., 1839) Устрялов утверждал мысль о единстве

Восточной и Западной Руси, аргументированно обосновывал неправильность представления о Княжестве Литовском как об издревле существовавшей польской провинции. По мнению Устрялова, Литовское государство с самого начала было культурно и политически тесно связано с Северо-Восточной Русью. В Литовском государстве сохранялась Православная вера, был распространен русский язык и русские гражданские уставы. Даже объединение Княжества Литовского с Речью Посполитой, по словам Устрялова, не могло заставить русских князей отказаться от мысли, что Княжество Литовское является по-прежнему их «родовой отчиной». Устрялов в своей книге убеждал, что Российской Империи нужно активно проводить политику, нацеленную на сближение и окончательное воссоединение Западного края с Центральной Россией политически и культурно. Эта точка зрения Устрялова была очень близка Уварову.

[135] Ларин Петр Данилович (1735 (1736)–1778) – купец первой гильдии, прославившийся своими благотворительными делами. Ларин был сыном крепостного крестьянина села Любучи Зарайского уезда Рязанской губернии. В детстве был пастухом, затем прислужником в местном кабаке, где обратил на себя внимание управляющего питейными сборами, взявшего юношу кассиром. Разбогатев, Ларин взял на себя питейный откуп по г. Архангельску и вел обширную торговлю рыбой, пенькой и хлебом, посылая свои товары в Англию; не раз бывал в Лондоне, где выучился говорить по-английски. В ознаменование рождения великого князя Александра Павловича (1777) Ларин задумал создать в родном селе образцовую школу – нечто вроде коммерческой академии. Проект устройства школы понравился Екатерине II, которая в именном указе Елагину (от 12 марта 1778 г.) признала эти начертания «за благо». Но в том же году Ларин умер. Только 40 лет спустя осуществилась мечта Ларина о народном училище и далеко не в том виде, как предполагал благотворитель и утвердила Екатерина II. Оставленные для устройства школы 50 тыс. руб. были похищены племянником Ларина и попали к купцу Барукову. В течение 17 лет продолжалось дело; наконец, по Высочайшему повелению похищенные деньги с наросшими процентами были

взысканы с виновных, в том числе с членов опекунского совета, по неосмотрительности которых были выданы деньги из московской сохранной казны. В то время крестьяне села Любучи перешли во владение генерал-лейтенанта Измайлова. Сенат, на рассмотрение которого перешло дело об учреждении в Любучах училища, определил деньги Ларина по мере их взыскания отсылать на нужды благотворительных заведений Приказа общественного призрения Рязанской губернии или предоставить этот капитал в распоряжение Министерства народного просвещения для употребления на те же цели, «где благопотребно явится».

[136] При Министерстве народного просвещения с Высочайшего одобрения образовался *ларинский капитал,* к 1817 г. окончательно взысканный с ранее незаконно его присвоивших и возросший до 700 тыс. руб. ассигнациями. Из этого капитала на устройство Любучского училища и банка отпущено только 52 тыс. руб. Училище открыто в 1819 г., банк – в 1820 г. (с основным капиталом в 40 тыс. руб.). В училище 3 класса, 7 лиц учащего персонала, два мастера столярного и слесарного дела. Кроме общих предметов в училище преподавалось техническое рисование и черчение, история и география. 20 учеников были казеннокоштными. При училище была библиотека, учительская и ученическая; в 1884 г. открыто отделение для девочек. На содержание обоих училищ ежегодно расходовалось 6280 руб. На остальные ларинские деньги в 1828–1835 гг. построены залы Императорской публичной библиотеки, стоившие 127 тыс. руб. (одну из зал библиотеки Император Николай I повелел именовать *Ларинской*; в зале был вывешен портрет купца Ларина), а в 1836 г. была создана *Ларинская гимназия* (в С.-Петербурге, на Васильевском острове), на что из капитала отпущено было 400 тыс. руб. асс. Из того же капитала отпущена сумма на постройку здания Ришельевского лицея с гимназией в Одессе (*Стасов В. В.* Древняя и Новая Россия. – 1876; Пятидесятилетие Ларинской гимназии. – СПб., 1886; в приложении – биографический очерк). История Ларинского капитала рассказана Демертом на страницах журнала «Отечественные записки» (1870. – № 10, раздел «Внутреннее обозрение»).

Проект Устава о цензуре 1849 г.

Впервые опубликовано отдельным изданием: Проект цензурного устава, внесенный в Государственный совет графом Уваровым в 1849 г. и неодобренный Советом.– СПб., 1849.

Печатается по тексту первого издания.

[1] Главный и морской штаб был создан на базе Управления начальника штаба по морской части, учрежденного в 1821 г., которое в 1827 г. было преобразовано в Морской штаб, а в 1831 г. – в Главный морской штаб. Первым начальником Главного морского штаба стал генерал-адъютант А. С. Меншиков. Первоначально Главный морской штаб состоял из канцелярии, управлений генерала-гидрографа и дежурного генерала и строительного департамента, при котором находился ученый комитет. После Крымской войны (1853–1856) Главный морской штаб был существенно преобразован. В него вошли следующие подразделения: канцелярии по морской части, Гидрографическое управление, Морской ученый комитет, инспекторский и строительный департаменты. В 1860 г. Главный морской штаб прекратил деятельность, а его функции были переданы органам Морского министерства.

[2] Святейший Синод (греч. synodos – собрание) – один из высших государственных органов в России в 1721–1917 гг. Ведал делами Православной Церкви (толкование религиозных догматов, соблюдение обрядов, вопросы духовной цензуры и просвещения, борьба с еретиками и раскольниками). Святейший Синод возглавлял обер-прокурор, назначаемый царем.

[3] Департамент народного просвещения – Министерство народного просвещения, Первым отдельным учреждением по заведованию народным образованием была Комиссия об учреждении народных училищ, основанная в России в 1782 г., позже преобразованная в главное правление училищ. Мысль об организации с той же целью более широкого учреждения возникла вслед за воцарением Александра I и разрабатывалась в неофициальном комитете государя, обсуждавшем проекты Лагарпа и Новосильцева. Члены комитета, сходясь в

признании необходимости центрального органа по делам образования, расходились в подробностях и даже в названии его и, наконец, остановились на Министерстве народного просвещения. Учрежденное вместе с другими министерствами Министерство народного просвещения по Манифесту 8 сентября 1802 г. имело целью «воспитание юношества и распространение наук». Его главным органом было Главное правление училищ, в состав которого входили попечители университета и учебных округов. Важнейшей его задачей считалось учреждение университетов. Манифест 8 сентября 1802 г. вверял ведению Министерства народного просвещения «типографии частные и казенные, издания ведомостей и всякие периодические издания, народные библиотеки, собрания редкостей, натуральные кабинеты, музеи и школы всех типов». Кроме главного правления училищ учреждены были еще Департамент народного просвещения и Цензурный комитет, перешедшие в 1810 г. к Министерству полиции. В 1810 г. к ведомству Министерства народного просвещения были отнесены «все ученые общества, академии, университеты, все общие учебные заведения, исключая духовных, военных и подлежащих ведению какой-либо отдельной части управления».

[4] «Санкт-Петербургские и Академические ведомости» – «Санкт-Петербургские ведомости» (1728–1917) – старейшая из русских газет, учреждена в 1728 г. при Академии наук и являлась до некоторой степени продолжением первой русской газеты, созданной Петром I и выходившей с 1703 по 1727 г. под названием «Ведомости о военных и иных делах, достойных знаний и памяти». В 1914 г. газета была переименована в «Петроградские ведомости». С прекращением петровских «Ведомостей» право дальнейшего издания их по новой программе было предоставлено Академии наук, которая 2 января 1728 г. выпустила первый номер «Санкт-Петербургских ведомостей». Газета издавалась то непосредственно Академией под редакцией лиц, ею назначаемых, или целых комитетов, или взявших «Ведомости» в аренду частных лиц. При «Ведомостях» выходили прибавления, из которых наиболее значительными и популярными являлись «Примечания» (1728–1742), имевшие научное содержание. Редактором «Санкт-Петербургских

ведомостей» и «Примечаний» с 1728 г. до половины 1730 г. был историк, академик Г. Ф. Миллер. Содержание «Примечаний» было первоначально историческим, постепенно расширялось и становилось разнообразным, но характер их оставался чисто академическим. «Ведомости» под редакцией Миллера печатали известия о внутренних делах достаточно скупо, по преимуществу касаясь торжеств, смотров и чинопроизводства, но иностранные известия по-прежнему были разнообразны. После Миллера редакцией заведовали академики И. Тауберт, с 1748 г. – академики Я. Штелин и М. В. Ломоносов, в 1775–1782 гг. – писатель И. Ф. Богданович, с 1783 г. до весны 1785 г. – Я. Штелин. Сохраняя официальный характер, «Ведомости» занимают второстепенное место в русской журналистике и только иногда служат отголоском настроений в правительственных сферах. С 1800 г. газета начинает выходить ежедневно. С 1836 г. редактором «Ведомостей» был А. Н. Очкин, а с 1851 по 1862 г. он стал также их арендатором при редакторстве А. А. Краевского. С 1863 по 1874 г. арендатором газеты и ее редактором являлся либеральный журналист В. Ф. Корш, создавший из «Ведомостей» популярную либеральную общественно-политическую газету, имевшую оппозиционный характер. В конце 1874 г. Главное управление по делам печати отстранило В. Ф. Корша от редактирования «Санкт-Петербургских ведомостей». Газету купил Ф. П. Баймаков (владелец банкирской конторы и биржевой хроникер «Ведомостей»), редактором газеты непродолжительное время был исторический романист граф Е. А. Салиас. С 1874 г. «Ведомости» с Высочайшего соизволения были переданы от Академии наук в ведение Министерства народного просвещения, в результате чего газета перестала быть оппозиционной.

[5] Собственная Его Императорского Величества канцелярия – высшее государственое учреждение в России XIX – нач. XX в. в непосредственном подчинении Императора. В конце XVIII в. Канцелярия оформилась как личная канцелярия Павла I. Общегосударственные функции приобрела с 1812 г. I отделение канцелярии с 1826 г. ведало назначением, наградами, увольнениями и пенсионными делами высших чиновников. II отделение с 1826 г. по январь 1882 г. занималось

кодификацией законов. III отделение с 1826 по 1880 г. было органом политического сыска. IV отделение было создано в 1828 г. из Личной благотворительной канцелярии Императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I) и заведовало царскими благотворительными женскими учебными заведениями (в 1880 г. выделилось в самостоятельное учреждение). V и VI отделения считались временными; V отделение с 1836 по 1856 г. разрабатывало реформы государственных крестьян, а затем надзирало за их введением. VI отделение с 1842 по 1845 г. готовило реформу управления на Кавказе. Оставшееся I отделение в 1882 г. стало именоваться Собственною Его Императорского Величества канцелярией и занималось в основном вопросами службы высших чиновников. Канцелярия была упразднена в 1917 г. (*Строев В. Н.* Столетие Собственной Его Императорского Величества канцелярии... – СПБ, 1912; *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1968).

[6] Военно-цензурный комитет в 1804–1865 гг. регулировался цензурными уставами, находился в ведении Министерства народного просвещения, а с 1863 г. – Министерства внутренних дел. Выделение особых цензурных комитетов было связано с делением цензур на общую (внутреннюю и иностранную) и ведомственную (духовную, военную, театральную и др.).

[7] В XVIII в. верховный надзор по дорожному ведомству принадлежал Сенату, которому при первых преемниках Петра непосредственно поручалось строить дороги. В 1755 г. была образована Канцелярия от строения государственных дорог, закрытая при издании «Учреждения о губерниях». В 1784 г. была образована комиссия о дорогах, упраздненная Императором Павлом. В 1798 г. учрежден Департамент водяных коммуникаций. 20 ноября 1809 г. было образовано Главное управление водяными и сухопутными сообщениями, при высшем начальнике (главном директоре) которого был совет и особая экспедиция, подразделявшаяся на три разряда: 1) водяных сообщений, 2) сухопутных сообщений и 3) торговых портов. Никакая работа не могла быть предпринимаема без предварительного рассмотрения и суждения в совете. Управление находилось в Твери, а в 1816 г. было переведено в С.-Петербург. В 1832 г.

строительная часть гражданского ведомства была изъята из ведения Министерства внутренних дел и передана Главному управлению путей сообщения, переименованному в Главное управление путей сообщений и публичных зданий. По Своду Законов 1857 г. в состав Главного управления кроме совета и канцелярии входили пять департаментов (искусственных дел, хозяйственных дел, рассмотрения проектов и смет, ревизии отчетов и железных дорог) и аудиториат. С 1857 г. начинается постепенное сокращение перечня полномочий, находившихся до того времени в ведении ведомства путей сообщения. Строительная и телеграфная части, арестантские роты были изъяты из ведения Главного управления и перешли в другие ведомства. В 1865 г. главное управление было переименовано в Министерство путей сообщения.

[8] Азиатский департамент Министерства иностранных дел – Коллегия иностранных дел при образовании министерств. В 1802 г. Коллегия была сохранена и отнесена к Ведомству дел церемониальных (наблюдение за этикетом при приеме иностранных послов и других чинов дипломатического корпуса, извещение последних о приглашениях к Императорскому двору). 10 апреля 1832 г. Коллегия иностранных дел была упразднена и образовано Министерство иностранных дел. К Азиатскому департаменту, существовавшему еще со времен Павла I, прибавилось три новых: Департамент внешних сношений, Департамент внутренних сношений и Департамент хозяйственных и счетных дел. В 1840-х гг. Министерство иностранных дел ведало киргизским населением Оренбургской губернии и Малой Орды. С кон. 1850-х гг. из ведения Министерства иностранных дел были изъяты задачи, не связанные с его главным назначением (церемониальные дела, заведование инородцами, цензура политических статей, помещаемых в газетах С.-Петербурга). 22 мая 1868 г. состоялось последнее коренное преобразование Министерства иностранных дел, в результате которого была создана структура Министерства и определены его задачи, которые не изменялись до 1917 г. Среди обязанностей Министерства иностранных дел выделялись следующие направления деятельности: «1) политические сношения с иностранными государствами, 2) покровительство в чужих краях русской торговле и вообще русским

интересам, 3) ходатайство о законной защите русских подданных по делам их за границей и 4) содействие к удовлетворению законных требований иностранцев по делам их в России». В состав Министерства иностранных дел входили: «1) министр, 2) товарищ министра, 3) центральные установления, действующие в пределах Империи, и 4) заграничные установления». К главным подразделениям Министерства иностранных дел принадлежали: 1) Совет, рассматривавший только те дела, которые министр признавал нужным предложить на его обсуждение, 2) Канцелярия, 3) Департамент азиатский, 4) Департамент внутренних сношений, 5) Департамент личного состава и хозяйственных дел, 6) архивы. Азиатскому департаменту были подведомственны: 1) дела политические, касающиеся Востока, 2) дела о признании в России низших представителей восточных дворов (генеральных консулов, консулов, вице-консулов и консульских агентств), 3) дела, касающиеся русских подданных, находящихся в странах Востока, и дела подданных восточных стран, которые пребывали в России.

[9] Инспекторская часть гражданского ведомства ведет свое начало с 1846 г., когда при I отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии был учрежден Инспекторский департамент гражданского ведомства, контролировавший личный состав гражданских чинов. В 1858 г. он был упразднен, обязанности его были распределены между Департаментом герольдии и центральными и губернскими учреждениями. Отсюда, как следует из Именного указа от 6 мая 1894 г., произошел «целый ряд уклонений от действующих правил о прохождении службы гражданской», из-за чего было признано нужным восстановить общее и непосредственное наблюдение верховной власти за делами, касающимися личного состава гражданских чинов. С этой целью в Собственной Его Императорского Величества канцелярии и был образован Инспекторский отдел, которым заведовал помощник управляющего Канцелярии на правах директора департамента. Согласно положению от 6 мая 1894 г. и дополнительным к нему правилам от 4 июля 1894 г. в Инспекторском отделе были сосредоточены: «1) дела по представлениям подлежащих начальств: а) о принятии на государственную службу и увольнении от нее, б) о на-

значении на должность и увольнении от нее, в) о причислении к ведомству, г) о производстве в первый классный чин и в чины высшие на основании удостоверения об окончании курса наук в учебных заведениях, о выдержании установленных испытаний и о получении ученых и академических степеней или вследствие занятия должности по ученой или учебной службе, д) об исключении из списков, е) о производстве в чины за выслугу лет, ж) о переименовании отставных военных в гражданские чины и гражданских в военные и з) о наградах; 2) подробные сведения о службе всех чинов, занимающих классные должности; 3) составление на основании действующих штатов общего расписания классных должностей в Империи; 4) составление отзывов и заключений по возникающим в отдельных ведомствах предположениям о мероприятиях, имеющих отношение к гражданской службе; 5) составление списков чинам первых четырех классов; 6) издание адрес-календаря». Никакое должностное лицо гражданского ведомства не могло быть принято на службу, назначено на должность или уволено от службы до обнародования Высочайшего приказа, проект которого составлялся в Инспекторском отделе и рассматривался в Комитете о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, состоящем под председательством канцлера Императорских и царских орденов. Тот же порядок соблюдался и при замещении классных выборных должностей (предводителей дворянства, городских голов, председателей земских управ). К участию в заседаниях Комитета о службе чинов гражданского ведомства управляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией по поводу отдельных назначений мог привлекать с правом голоса заместителей (товарищей) министров, директоров департаментов и других руководящих должностных лиц.

Речь президента Императорской академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 г.

Впервые опубликовано отдельным изданием: Речь президента Императорской академии наук, попечителя Санкт-Петер-

бургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 г.– СПб., 1818.

Поводом к написанию «Речи…» Уваровым стало открытие кафедр всеобщей истории, арабского языка и персидского языка в Главном педагогическом институте. В речи Уваров развивает тезисы, высказанные в работах «Проект Академии азиатской» (1810) и «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» (1813). «Речь…» Уварова ознаменовала собой начало нового важного периода в истории общественной мысли России. «Речь…» Уварова сопоставляют с речью Александра I, произнесенной в Варшаве на французском языке. Если речь Императора адресовалась европейскому обществу с целью сформировать его мнение, то произнесенная по-русски в С.-Петербурге и тотчас же опубликованная «Речь…» Уварова давала понять, что теперь стало возможно открыто обсуждать злободневные политические и социальные вопросы (Подробнее: *Ковалевский Е.* Граф Блудов и его время. – СПб., 1866. – С. 102).

[1] Министерство духовных дел и народного просвещения было образовано по указу Александра I от 24 мая (5 июня) 1817 г. посредством объединения Министерства народного просвещения, Главного управления духовных дел православного исповедания Святейшего Синода, Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. Главою объединенного Министерства был назначен князь А. Н. Голицын, друг Александра I, известный своим мистицизмом, эпикурейством, в дальнейшем – интересом к католичеству.

[2] Главный педагогический институт являлся высшим педагогическим закрытым учебным заведением. Он был основан в 1816 г. в С.-Петербурге на основе Педагогического института (1804–1816). В 1819 г. Главный педагогический институт был преобразован по инициативе С. С. Уварова в С.-Петербургский университет.

[3] Деманж Жан Франсуа (фр. Demange Jean-François; 1789–1839) – французский ученый-ориенталист. В Главном педагогическом институте с 1817 г. руководил кафедрой арабского языка, в дальнейшем – в С.-Петербургском университе-

те. В 1822 г. по делу четырех профессоров пришлось покинуть университет. Затем служил при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Публицист Н. И. Тургенев так вспоминал о выступлении Деманжа: «Demange умел сделать свою диссертацию занимательною, приводя несколько стихов, забавных и смешных, из персидской словесности. Между слушателями случился один, знающий по-персидски, и говорит, что вся его диссертация откуда-то выписана и что произношение профессора очень дурно. Бог им судья, а не публика» (*Тургенев Н. И.* Письма к брату С. И. Тургеневу. – М. – Л., 1936. – С. 254–255). Несмотря на приведенную критическую оценку знаний Деманжа, многие русские ученые и публицисты высоко ценили этого ученого-ориенталиста.

[4] Шармуа Франсуа Бернар (фр. Charmoy François Bernard; 1793–1869) – французский ученый-ориенталист. По приглашению Уварова в 1817 г. занял в Главном педагогическом институте кафедру турецкого и персидского языков. В дальнейшем, после преобразования, продолжал работать в С.-Петербургском университете. Работал в С.-Петербурге до 1835 г., а потом возвратился во Францию. Публицист и цензор Ф. Н. Глинка так вспоминал о Шармуа: «Господин Шармуа – милый, необыкновенно скромный молодой человек (воспитанник знаменитого ориенталиста Ланглеса) – произнес прелестную речь о языке персидском. В этой речи встречались периоды, которые показались мне так сладки, как виноград ширазский, и так благовонны, как восточные розы. Господин Шармуа умел переселить меня на берега Персидского залива, и во время чтения его мне казалось, что ветер, играющий с волнами, в которых родятся драгоценные перлы, навевал на грудь мою негу и роскошь своего края, томя и восхищая чувства!» (*Глинка Ф. Н.* <Заметки> // Сын Отечества. – 1818. – Т. 45. – С. 35).
[5] Сильвестр де Саси Антуан Исаак (фр. Silvestre de Sacy; 1758–1838) – французский востоковед, член Академии надписей с 1792 г., профессор Школы восточных языков с 1795 г., профессор Коллеж де Франс с 1806 г. С 1814 г. – барон. С 1823 г. – директор Коллеж де Франс, с 1824 г.– директор Школы восточных языков. В период Реставрации стал сторонником Бурбонов. С 1832 г. – пэр Франции. В 1821 г. стал основа-

телем и первым президентом Азиатского общества (“Société Asiatique”), с 1822 г. – издатель «Журналь азиатик» (“Journal Asiatique”), с 1816 г. – «Журналь де саван» (“Journal des Savans”). С 1833 г. – постоянный ученый секретарь Академии надписей. Среди сочинений Сильвестра де Саси важное место занимают работы по истории арабов, истории Сасанидов, арабская грамматика, хрестоматия арабской литературы. Автор блестящего критического перевода с комментариями сочинений арабских и иранских ученых (ад-Дамири, Мирхонда, аль-Макризи, Абд аль-Латифа), исследований об источниках литературного памятника «Калила и Димна». Предпринимал попытки дешифровать египетские иероглифы. Сочинения де Саси: «Ученые записки по истории арабов в период, предшествующий магометанству» (Mémoires sur l’histoiredes Arabes avant Mahomet. – Paris, 1785); «Ученые записки о многих персидских древностях и медалях царей из династии Сассанидов» (Mémoires sur diverses antiquités dela Perse, et surl es médailles desrois dela dynastie des Sassanides. – Paris, 1793; «Арабская грамматика» (Grammaire arabe. Pt. 1–2. – Paris, 1810); “Chrestomathie arabe”. 2 éd. V. 1–3. – Paris, 1826–1827; «Доклад о религии друзов» (Exposé de la religion des Druzes. V. 1–2. – Paris, 1838).

[6] Шези де Антуан Леонард (фр. Chèzy Antoine-Léonard; 1773–1832) – французский ориенталист, переводчик, санскритолог. С 1814 г. являлся руководителем кафедры санскритского языка в университете Коллеж де Франс.

[7] Раупах Эрнст Беньямин (фр. Raupach Ernst Benjamin; 1784–1852) – немецкий драматический писатель. Долгое время был домашним учителем в С.-Петербурге, а с 1816 г. – профессор в Главном педагогическом институте. В конце 1821 г. за вольнодумство был отставлен от профессуры. После путешествия в Италию издал «Письма» под псевдонимом Гирземенцель (Lebrecht Hirsemenzels, eines deutschen Schulmeisters. Briefe aus und uber Italien. – 1823), впоследствии пародированные Иммерманом в его «Мюнхгаузене». С 1821 г. Раупах всецело посвятил себя драматургической деятельности. Длинный ряд его драм и трагедий посвящен изображению исторических деятелей: «Конец Кромвеля» (Cromwells Ende. – 1841), «Мира-

бо» (Mirabeau. – 1850) и др.; большой цикл “Die Hohenstaufen” (Гогенштауфены, 1837 (16 драм: от Фридриха Барбароссы до Конрадина)). Несколько пьес Раупаха так или иначе касаются России – “Timoleon der Befreier” (Тимолеон Освободитель. – 1814), где в изображении древних Сиракуз даны явные намеки на русских деятелей в период борьбы с Наполеоном; “Die Fursten Chawansky” (Князья Хованские. – 1810), где основой сюжета взят стрелецкий бунт; “Die Leibeigenen oder Isidor und Olga” (Крепостные, или Исидор и Ольга. – 1826), где с точки зрения либерального буржуа рисуется гнет крепостного права в России. Многочисленны также комедии Раупаха (например: Dramatische Werke komischer Gattung. В 4 т. – 1829–1835). Проводя в своих пьесах идеологию либерального бюргерства своего времени, Раупах обнаруживает немало знаний и технической сноровки, но в целом его продукция явно подражательна. Однако искусно приноравливаясь к вкусам публики, Раупах добился популярности «второго Коцебу». Собственно для России имеет некоторое значение деятельность Раупаха не как драматического писателя, а как либерального педагога, который был наказан за распространение «вольномыслия».

[8] Венком гражданской доблести в Древнем Риме награждали людей, отличившихся на войне или проявивших другие заслуги перед своим отечеством.

[9] Гарун аль Рашид («Справедливый»; 766/763–809) – арабский халиф. С 786 г. – халиф Абассидского халифата. Во время его правления халифат переживал экономический и культурный подъем. Основал в Багдаде университет и библиотеку. В правление Гаруна аль-Рашида поощрялись занятия наукой, поэзией и музыкой. В конце своего правления подверг преследованиям семью визиря Бармекида, которая более полувека управляла делами халифата. Репрессии против Бармекидов стали часто вызывать народные восстания, которые знаменовали упадок империи халифа. Гарун аль-Рашид много раз совершал походы на Византию. Например, в 797 г. византийская Императрица Ирина, ведущая войну с болгарами, согласилась платить дань Гарун аль-Рашиду. Однако в 806 г. вступивший на престол Император Никифор I отказался платить дань халифу.

[10] Аль-Мамун (786–833) – багдадский халиф из династии Аббасидов, сын Гарун аль-Рашида. После смерти отца халифом становится брат Аль-Муна – Аль-Амин; Аль-Мун занимал пост губернатора Хорасана. В ходе гражданской войны 813 г. Аль-Мун захватил власть в Багдаде и провозгласил себя халифом. Во время правления Аль-Муна к управлению государством привлекались ученые. В Багдаде Аль-Мун стал основателем Бейт аль-хикмы – Дома Мудрости. При участии Аль-Муна в Багдаде была основана астрономическая обсерватория. По повелению Аль-Муна был переведен труд Птолемея на арабский язык («Альмагест»).

[11] «Тысяча и одна ночь» – памятник арабской литературы эпохи Средневековья. «Тысяча и одна ночь» включает рассказы о царе Шахрияре и его жене Шахразаде. Героем многих сказок «Тысячи и одной ночи» являлся халиф Гарун аль-Рашид и его визирь Джафар.

[12] Ариосто Лудовико (итал. Ariosto; 1474–1533) – итальянский поэт эпохи Высокого Возрождения. Происходил из старинного дворянского рода из Феррары. Воплотил идеалы Высокого Ренессанса в лирике на латинском и итальянском языках. Сочинял пьесы, писал стихи. К «мелким произведениям» (opere minori) Ариосто относятся латинские стихи – гекзаметры, оды, элегии, эпиграммы; итальянские стихи – сонеты, мадригалы, канцоны на любовные темы. В своих сатирах подражал Горацию. К «мелким произведениям» Ариосто причисляют также 5 итальянских комедий: «Шкатулка» (1508–1525), «Чернокнижник» (1520), «Сводня» (1528) и др. Выдающееся значение имеет поэма в октавах «Неистовый Роланд», появившаяся в 40 песнях в 1516 г.(2-е изд. в 1521 г.) и в 46 песнях в 1532 г. Ариосто как бы продолжил «Влюбленного Роланда» М. Боярдо, объединив тематику французского героического эпоса с куртуазным циклом «романов Круглого стола» по мотивам легенд о рыцарях короля Артура. Но на самом деле он написал новую гуманистическую поэму, независимую от предшественников. В России поэму «Неистовый Роланд» стали переводить с XVIII в. Один из первых переводов с французского языка в 2-х ч. – 1791–1793. В дальнейшем С. Е. Раич дал неполный перевод четырехстопным ямбом (в 2 т. – 1832–1833).

[13] Боярдо Маттео-Мария (итал. Bojardo Matteo Maria; 1441–1494) – итальянский поэт эпохи Возрождения. Автор неоконченной рыцарской поэмы «Влюбленный Роланд».

[14] Тассо Торквато (итал. Tasso Torquato; 1544–1595) – итальянский поэт. Домашнее образование получил под руководством отца – автора куртуазных стихотворных романов Бернардо Тассо. В 1565 г. окончил Болонский университет. Под влиянием контрреформации отказался от философского скептицизма. В возрасте 15 лет начал сочинять поэму «Иерусалим» о событиях первого Крестового похода, но прервал работу. Рыцарскую поэму «Ринальдо» (1562) посвятил кардиналу Луиджи д'Эсте, который впоследствии принял его на службу. Живя в Ферраре, написал множество стихотворений (всего поэтом было создано около 2 тыс. произведений малых лирических жанров). В 1572 г. Тассо стал придворным поэтом брата кардинала – герцога Альфонсо II д'Эсте – и начал работу над произведениями больших жанровых форм. Сочинил драму-пастораль в стихах «Аминта» о любви молодого пастуха к нимфе (1573), задумал трагедию «Галеальто» (трагедия была завершена в 1587 г., название – «Король Торрисмондо»). Эпическая поэма в октавах «Освобожденный Иерусалим» (1580 г.; первоначальное название – «Гоффредо», 1574–1575) посвящена событиям первого Крестового похода Готфрида Бульонского и освобождению священного города от сарацин. В поэме использовал повествовательный опыт Гомера, Вергилия и Ариосто. Сюжет часто прерывают вставные эпизоды, вымышленные персонажи сменяют реальных исторических лиц, фактография мешается с фантазией – так в «Освобожденном Иерусалиме» совершается жанровый синтез античного эпоса и средневекового рыцарского романа. Вскоре у Тассо стала развиваться душевная болезнь, мания преследования, в 1579 – 1586 гг. по приказу герцога содержался в госпитале Св. Анны для сумасшедших. Болезнь усугублялась творческими неудачами: вновь переработанная с учетом полемики поэма (под заглавием «Завоеванный Иерусалим», 1593), религиозная поэма «Семь дней сотворения мира» (1594), а также другие произведения не получили признания. В последние годы жизни скитался по городам Италии. Между тем к 1590-м гг. поэма «Освобожденный Иеру-

салим» стала популярной. В 1594 г. папа Климент VIII пригласил поэта в Рим, чтобы короновать его лавровым венком, как в XIV в. короновали Петрарку, но Тассо умер за несколько дней до церемонии. В творчестве Тассо сочетались черты стиля Возрождения и сменяющих его стилей – классицизма и барокко. Ренессансную лирику 1560-х – нач. 1570-х гг., изображающую природу и любовное чувство, сменяют барочные стихи (1579–1586) с их натуралистичностью и гиперболизацией.

[15] Саади (Муслим Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мушрифаддин; ок. 1181–1291) – персидский поэт-суфий, представлял философию житейского, повседневного суфизма.

[16] Джами Абдуррахман Нураддин ибн Ахмад (1414–1492) – персидский и таджикский философ и писатель. Считается завершителем классического периода поэзии на языке фарси. Происходил из семьи влиятельного духовного лица. Получив образование в Герате и Самарканде, отказался от придворной карьеры и примкнул к суфийскому ордену «накшбандийе», привлекшему поэта своими призывами к деятельному добру. В 1456 г. Джами наследовал тестю в должности гератского главы ордена. К раннему периоду творчества Джами относятся прозаические суфийские трактаты, 1-я часть (1472) поэмы «Золотая цепь», а также такие светские произведения, как трактаты о рифме и метрике, руководство по составлению стихотворных ребусов (му’амма) – труднейшему искусству, получившему широкое распространение в XV в. Приход к власти в 1468 г. Султан-Хусейна Байкары, визиром которого был ученик и покровитель Джами – Алишер Навои, значительно укрепил положение Джами. После 1474 г. наступает период расцвета литературной деятельности поэта; этот период открывается религиозно-философскими касыдами «Море тайн» (1475) и «Сияние духа», в которых Джами осуждает рационализм Ибн Сины, и сборником биографий суфийских святых «Дуновения дружбы из обители святости» (1476–1478). В 1480–1487 гг. Джами завершает цикл поэм «Семь корон» («Созвездие Большой Медведицы»). В вошедших в него поэмах «Саламан и Абсаль», «Юсуф и Зулейха» и «Лейли и Меджнун» поэт использовал классический жанр любовной повести для изложения суфийского учения о преодолении плотской люб-

ви на пути к истинной, т. е. божественной, любви. Поэма «Дар благородным» (1481–1482) включает 20 притч, содержащих обличение произвола властей и лицемерия духовенства. Поэмы «Четки праведников» (1482–1483) и «Золотая цепь» (ч. 2–3, 1485–1486) примечательны разоблачением шарлатанства в суфизме и призывами к мудрому и гуманному управлению страной. Заключает цикл «Книга мудрости Искандара» (1486–1487) – поэтический ответ на «Искандар-наме» Низами. Последние годы жизни Джами ознаменованы созданием «Бахаристана» (1487), трех лирических диванов (1479–1491) и «Трактата о музыке». Задуманный как ответ на «Гулистан» Саади «Бахаристан» состоит из прозаических рассказов-анекдотов, перемежаемых стихотворными вставками, и являет собой морально-этический кодекс, каким он должен быть по представлениям Джами. Проникнутое высокими этическими идеалами гуманистическое творчество Джами оказало огромное влияние на развитие как персидской литературы, так и многие другие литературы мусульманского мира.

[17] Джелал-ад-Дин Менгуберти (?–1231) – шах Хорезма с 1220 г. После смерти отца – хорезмшаха Мухаммеда – возглавил борьбу хорезмийцев против монголо-татарского нашествия. На территории Хорасана Джелал-ад-Дин собрал ополчение в несколько десятков тысяч человек, которое в битве при Перване нанесло монголам поражение. Однако 24 ноября 1221 г. Чингисхан на реке Инд разбил войска Джелал-ад-Дина, и шах Хорезма вынужден был бежать в Индию. До начала 1224 г. он жил в Индии, затем в Закавказье. В 1224 г. предпринял поход из Закавказья в Иран и Месопотамию, в 1225 г. захватил Азербайджан, часть Грузии и Армении. В 1231 г. в Гяндже против Джелал-ад-Дина из-за тяжелых поборов и бесчинств вспыхнуло восстание местного населения. В этом же году в Азербайджан вновь вторглись монголо-татарские войска, в бою с которыми войско Джелал-ад-Дина было разбито. Шах был вынужден бежать в Месопотамию, где был убит курдами (*Бартольд В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. 1. – М., 1963).

[18] Кольбрук Генри-Томас (англ. Colebrooke; 1765–1837) – английский санскритолог, президент Азиатского общества.

[19] Вишну – в ведической религии божество, в брахманизме и индуизме – великий бог-охранитель. В Средние века Вишну почитался в основном в его аватарах (воплощениях) – образах богов и героев Кришны, Рамы и др.

[20] Кришна – бог в индуизме, считается воплощением (аватарой) Вишну. В индуистских преданиях представлен в двух образах – мудрого царя-воина и божественного пастуха.

[21] Ману – в ведийской и индуистской мифологии древний мудрец, родоначальник человеческого рода. В ведийских мифах – сын Вивасвата, брат Ямы. В пуранах и эпосе насчитываются 14 Маннов – 7 настоящих и 7 грядущих, от каждого из них ведет свой род человечество в соответствующий период (манвантару), охватывающий 71 махаюгу. Первым считается Манн Сваямбхува – сын Брахмы. Он считается автором Ману законов. Седьмой из Маннов – Вайвасвата, сын Вивасвата и божественной кобылицы Саранью – фигурирует в предании о всемирном потопе: во время омовения он случайно поймал крошечную рыбку, которая обещала спасти его от грядущего потопа, если он поможет ей вырасти. Рыба достигла огромной величины, по ее совету Вайвасвата построил корабль, привязал его к рогу рыбы, которая пригнала корабль к горе. Когда воды отхлынули, на опустевшей земле Вайвасвата принес богам жертву, из которой появилась девушка, ставшая женой Манна. В «Махабхарате» рыба является воплощением Брахмы, по другим преданиям рыба – аватара Вишну.

[22] «Рамаяна» – древнеиндийская эпическая поэма на санскрите. Приписывается Вальмики. Современный вид приобрела во II в. «Рамаяна» посвящена подвигам Рамы. Источник сюжетов и образов многих произведений в Индии и за ее пределами. В отличие от «Махабхараты» «Рамаяна» представляет собой сравнительно стройное целое и по композиции, и по развертыванию сюжета. Индийские поэтики называют мифического автора «Рамаяны» – Вальмики – «первым поэтом» (адикави), а саму «Рамаяну» – первым художественным эпосом. В «Рамаяне» уже четко выступают черты творческого метода позднейшего стиля кавья: насыщенность лиризма; тщательное выписывание картин природы, приобретающих часто символический характер; обилие стилистических украшений –

сравнений, поэтических тропов и фигур, многозначных выражений, осуществляющих принцип «двойного смысла» (dhvani). 24 тыс. двустиший (шлока) разделены на семь книг, именуемых: 1. «Книга о детстве» (Рамы, героя «Рамаяны»); 2. «Книга о царском дворе в Айодхья»; 3. «Книга о жизни изгнанника Рамы в лесной пустыне»; 4. «Книга о союзе Рамы с обезьяньим царем в Кишкинда»; 5. «Прекрасная книга» об острове Ланка – царстве злого духа Раваны, похитителя супруги Рамы – Ситы; 6. «Книга о бое» обезьяньего войска Рамы с войском демонов Раваны; 7. «Заключительная книга». Основной фабулой является история царственного изгнанника Рамы и его верной супруги Ситы, их жизнь в лесном уединении, похищение Ситы царем злых духов (ракшаса) Раваной, поиски ее Рамой, его союз с обезьяньим царем, осада острова Ланка – царства Равана, бой обезьян с ракшасами и единоборство Рамы с десятиголовым Раваной, победа его, освобождение Ситы и последняя разлука с ней Рамы.

[23]«Махабхарата» (Mahābhārata – «великое повествование о бое потомков Бхараты») – знаменитый эпос древней Индии, получивший свое окончательное оформление примерно между IV в. до н. э. и IV в. н. э. В дошедшей до нас форме «Махабхарата» представляет собой огромный (согласно индийской традиции – в 100 тыс. двустиший, в действительности несколько меньший) комплекс эпических повествований, новелл, басен, притч, легенд, лиро-дидактических диалогов, дидактических рассуждений богословского, политического, правового характера, космогонических мифов, генеалогий, гимнов, плачей, объединенных по типичному для больших форм индийской литературы принципу обрамления. Центральным сюжетным ядром является повествование о борьбе двух династий из царского рода Бхарата – потомков Куру и сыновей Панду, о 18-дневной их битве и гибели потомков Куру, об отказе сыновей Панду от власти и путешествии их в рай и ад. Повествование это начинается с генеалогии рода Бхарата, подробно описывает чудесное зачатие сыновей Панду, их воспитание при дворе их слепого дяди – царя Дхритараштра, козни врагов против них, бегство и приключения в диком лесу, женитьбу пяти братьев на прекрасной Драупади, получение и

утрату царства, проигранного старшим из братьев Юдхиштхирой в кости, вторичное изгнание сыновей Панду и подготовку к войне с соперниками. Это повествование дано как рассказ «благочестивого Вайшямпайяна» на торжественном жертвоприношении при дворе потомка пандуидов – царя Джанамеджайя; это первое обрамление обрамлено, в свою очередь, длинным вступлением, мотивированным тем, что рассказ Вайшямпайяна пересказывается «благочестивым Уграшьравас» на жертвоприношении в лесу Наймиша – второе обрамление, которым и начинается «Махабхарата». Конец «Махабхараты» образует самостоятельная пурана о Вишну-Кришне, так называемом Хариванша.

На европейские литературы сюжеты «Махабхараты» оказывает двоякое воздействие. С одной стороны, в европейском фольклоре можно установить вариации басенных и притчевых сюжетов «Махабхараты», через арабско-еврейскую дидактическую литературу воздействующих и на книжную христианскую дидактику. С другой стороны, в начале XIX в. начинается освоение европейскими литературами «Махабхараты» через переводы Банга, Рюккерта, Жуковского, Губернатиса и др. Если огромное строение эпоса и осталось в целом недостаточно освоенным, то отдельные фрагменты (как «Наль и Дамаянти», «Савитри» и др.) вошли в сокровищницу мировой литературы.

[24] Аполлон Бельведерский – римская мраморная копия бронзового оригинала работы древнегреческого скульптора Леохара (около 330–320 гг. до н. э.). Статуя Аполлона Бельведерского представляет собой фигуру Аполлона – древнегреческого бога солнца, покровителя искусств, сына Зевса и богини Лето (Латоны), брата-близнеца Артемиды. Аполлон Бельведерский представлен в образе прекрасного юноши, стреляющего из лука. Статуя была найдена между 1484 и 1482 гг. на вилле римского Императора Нерона в Антии близ Рима. В 1506 г. при папе римском Юлии II статуя Аполлона была установлена в антикварии, построенном архитектором Д. Браманте в саду Бельведер в Ватикане.

[25] Индра – в древнеиндийской мифологии царь богов, царь всей вселенной, а также божество грома и молнии.

[26] Уваров имел в виду Цицерона.

[27] Фермопилы – горный проход к югу от Фессалийской равнины, на границе Средней и Южной Греции, место боя между греками и персами в 480 г. до н. э. во время греко-персидских войн 500–449 гг. до н. э. Немногочисленное союзное войско греков (ок. 5 тыс. чел.) во главе со спартанским царем Леонидом заняло позицию в Фермопилах и преградило путь персидской армии царя Ксеркса. С помощью перебежчика персам удалось выйти в тыл грекам. Тогда Леонид отправил основные силы для защиты Афин, а сам с 300 спартанцами продолжал упорную оборону Фермопил. Весь отряд погиб в неравном бою. Персидские войска вторглись в Среднюю Грецию и взяли Афины. На месте боя поставлен памятник.

[28] Марафон – древнегреческое поселение на одноименной равнине в Аттике (в 40 км северо-восточнее Афин), в районе которого 13 сентября 490 г. до н. э. произошло сражение во время греко-персидских войн. Греческое войско (11 тыс. чел.) было построено полководцем Мильтиадом при входе в долину Марафон в фалангу, усиленные фланги которой были прикрыты лесистыми отрогами гор и вынесенными вперед засеками, что защищало их от обхода персидской конницей. Греки атаковали высадившихся с кораблей персов (ок. 20 тыс. чел.) «беглым маршем», но были контратакованы персидскими пешими лучниками, которые прорвали слабый центр греческой фаланги. В то же время сильные отборные отряды греков опрокинули на флангах персидскую конницу и легкую пехоту, а затем нанесли поражение персидской пехоте в центре. Поскольку греки прервали преследование бежавших к берегу персов, чтобы похоронить своих убитых (192 чел.), персам удалось сесть на корабли и уйти в море. При Марафоне греческие гоплиты, действовавшие в строю фаланги, победили более многочисленную, но менее организованную и сплоченную персидскую армию.

[29] Монтескье Шарль-Луи (фр. Montesquieu Charles-Louis de; 1689–1755) – французский философ, писатель, просветитель. Автор философско-правового трактата «Дух законов».

[30] Гельвеция – латинское название Швейцарии.

[31] Платон (древнегреч. Πλάτων, 428/427 – 348/347 до н. э.) – древнегреческий философ. Родился в аристокра-

тической семье. Ок. 407 г. познакомился с Сократом и стал одним из самых восторженных его учеников. После смерти Сократа уехал в Мегару. В Афинах основал собственную школу – Академию платоновскую. В 367 и 361 гг. вновь посетил Сицилию (в 361 г. – по приглашению правителя Сиракуз Дионисия Младшего, выразившего намерение проводить в своем государстве идеи Платона); эта поездка, как и предыдущие попытки Платона вступить в контакт с власть имущими, окончилась полным крахом. Остальную часть жизни Платон жил в Афинах, много писал, читал лекции. Почти все сочинения Платона написаны в форме диалогов (беседу в большей части ведет Сократ), язык и композиция которых отличаются высокими художественными достоинствами. К раннему периоду (приблизительно 90-е гг. IV в. до н. э.) относятся диалоги: «Апология Сократа», «Критон», «Эвтифрон», «Лазет», «Лисий», «Хармид», «Протагор», 1-я книга «Государства» (сократовский метод анализа отдельных понятий, преобладание моральной проблематики); к переходному периоду (80-е гг.) – «Горгий», «Менон», «Эвтидем», «Кратил», «Гиппий меньший». Зарождение учения об идеях – к зрелому периоду (70–60-е гг.) – «Федон», «Пир», «Федр», II–X книги «Государства» (учение об идеях), «Теэтет», «Парменид», «Софист», «Политик», «Филеб», «Тимей» и «Критий» (интерес к проблемам конструктивно-логического характера, теория познания, диалектика категорий и космоса и др.); к позднему периоду – «Законы» (50-е гг.). Философия Платона не изложена систематически в его произведениях. Важнейшей ее частью является учение о трех основных онтологических субстанциях (триаде): «едином», «уме» и «душе»; к нему примыкает учение о «космосе». Основой всякого бытия является, по Платону, «единое», которое само по себе лишено каких-либо признаков, не имеет частей, т. е. ни начала, ни конца, не занимает какого-либо пространства; к нему неприменимы признаки тождества, различия, подобия. О нем вообще ничего нельзя сказать, оно выше всякого бытия, ощущения и мышления. В этом источнике скрываются не только «идеи» или «эйдосы» вещей (т. е. их субстанциальные духовные первообразы и принципы, которым Платон приписывает вневременную реальность), но и сами вещи, их становление.

В последние годы жизни Платон переработал учение об идеях в духе пифагореизма, усматривая теперь их источник в «идеальных числах», что сыграло исключительную роль в развитии неоплатонизма.

[32] Сенека Луций Анней (лат. Lucius Annaeus Seneca; ок. 4–65) – римский философ, писатель, политический и государственный деятель. В 33 г. – квестор. В 41–49 гг. находился в ссылке на Корсике (по-видимому, в результате происков жены Императора Клавдия – Мессалины). С 49 г. – претор, с 57 г. – консул. Был воспитателем Императора Нерона. В первое время принципата Нерона был при нем сановником, нажил огромное состояние. Обвиненный в соучастии в заговоре Пизона против Нерона, покончил жизнь самоубийством. Виднейший представитель стоицизма I в., воспринял многое из древних философских течений. Основные принципы этических взглядов – снисхождение к человеческим слабостям, терпимость, подчинение воле божества. Бог у Сенеки – абсолютное доброе начало, воплощение разума. Все люди одинаковы по существу, по рождению, «раб есть человек». Однако у Сенеки нет ни отрицания рабовладения, ни призыва к борьбе с ним; линия поведения человека – самоусовершенствование, неучастие в общественных делах и непротивление злу. Взгляды философа часто рассматривают как один из идейных источников Христианства. Философские и этические воззрения изложены в диалогах, трактатах, письмах, написанных блестящим языком. Сенека являлся также автором эпиграмм, сатиры на смерть Клавдия (“Apocolocyntosis”, буквально «Превращение в тыкву») и трагедий. Сочинения: “Opera quae supersunt” (ed. E. Hermes, V. 1–3. – Lipsiae, 1898–1907); в русском переводе названы «Избранные письма к Люцилию» (СПб., 1893); «Сатира на смерть Императора Клавдия» (СПб., 1891); «О счастливой жизни. Приложение к журналу “Гермес”» (Т. 12. – СПб., 1913,); «Трагедии» (М. – Л., 1932).

[33] Св. Иероним (330–419) – один из великих учителей западной Церкви, славянин родом (из г. Стридона в Далмации), сын богатых родителей. В Риме получил лучшее образование своего времени и посетил научные центры Запада – Аквилею, Трир. В 373 г. отправился на Восток, предварительно приняв

крещение; два года оставался в Антиохии, где познакомился с ученым Аполлинарием – впоследствии еретиком и посещал его уроки по толкованию Св. Писания. Затем удалился в пустыню Халцидскую, где предался подвигам аскетизма и изучению еврейского и халдейского языков. Переписка с друзьями сделала его имя известным всему тогдашнему ученому миру: многие стали обращаться к нему с научно-богословскими вопросами. Он старался преодолеть пристрастие к языческим писателям, занятия которыми находил несовместными с обязанностями монаха. Сочинения, написанные им в это время, наполнены, однако, цитатами из дорогих ему писателей. После непродолжительного пребывания в Антиохии, где он был пресвитером, и посещения Палестины Иероним отправился в Константинополь, чтобы воспользоваться уроками Григория Богослова и Григория Нисского. Отсюда он отправился в Рим, где папа Дамаз сделал его своим ближайшим советником и, по выражению самого Иеронима, «говорил его словами». Достигнув всемирной известности, Иероним после смерти Дамаза в 385 г. вернулся на Восток и слушал в Александрии известного Дидима. Поселившись в Вифлееме, предался ученым работам, для развлечения обучал детей и руководил монахами и монахинями основанных им монастырей. Из массы сочинений Иеронима немногие (первые по времени) вызывали упреки критики; все остальные высоко ценились не только ближайшими к нему поколениями, но и в позднейшее время. Сочинения делятся на четыре главные группы: истолкования Св. Писания, догматические, нравоучительные и исторические. Главный труд первой группы – латинский перевод Св. Писания, известный под именем Вульгаты. Он исполнен Иеронимом по поручению папы Дамаза, чтобы заменить бывшие ранее в употреблении в Западной Европе тексты Библии, которые все были испорчены переписчиками. За его переводом Библии наука признает большие достоинства, хотя в некоторых местах и заметны неуместные отступления от перевода. Перевод вызвал, однако, множество упреков, в том числе и со стороны Августина, но после данных Иеронимом объяснений все признали большую его заслугу. В начале VII в. перевод его на Западе был уже в общем употреблении. Хотя перевод часто

искажался переписчиками, так что до XVI в. потребовалось не менее 10 новых рецензий его, тем не менее, Триентский Собор 1545 г. канонизовал этот перевод как единственный церковный. Объяснены Иеронимом в целом составе все книги пророков больших и малых, книги Бытия, Экклезиаста, Евангелие от Матфея и послания апостола Павла к Галатам, Ефесеям, Титу и Филимону. Из остальных книг Св. Писания бесчисленное множество мест истолковано им в других сочинениях, эпизодически. Хотя и не чуждые ошибок, толкования Иеронима принадлежат к числу лучших. Им написаны два сочинения: о местах еврейских и об именах еврейских; первое составляет переработку сочинения Евсевия, второе – переработку Филона. Догматические сочинения Иеронима имеют преимущественно полемическое происхождение и содержание: в одних он обличает монтанистов, евионитов, пелагиан, валентиниан, оригенистов и многих других еретиков; в других разъясняет положительное учение Церкви о главных догматах христологии, о таинствах, о почитании святых икон и т. д. В полемике он более силен, чем в изложении положительного учения Церкви; в последнем его превосходят отцы Церкви восточной. Нравственное христианское учение, излагаемое им, главным образом, в его многочисленных посланиях и письмах, имеет своим предметом не выяснение и изложение общих начал, а лишь разъяснение частных вопросов: о воспитании детей, о терпении в несчастиях, о непрестанном самоусовершенствовании и т. п. В полемике его много остроумия и блеска: особенно замечателен спор его с Руфином, в котором последний отстаивал консервативные, по его мнению, начала церковного учения, а Иероним защищал свободу наследования на пользу Церкви. Из исторических сочинений Иеронима особенное значение имеет книга «О знаменитых мужах» (“De viris illustribus”), «Хроника» и «Жизнеописания отцов» (“Vitae patrum”). Первое содержит в себе драгоценные сведения (хотя и краткие) о жизни и сочинениях отцов Церкви и церковных писателей первых четырех веков. «Хроника» – в большей своей части – перевод сочинения Евсевия Кесарийского, но в последнем отделе (325–378) составляет самостоятельный труд; все сочинение имеет задачей установить соответствие священной истории со ска-

заниями языческих историков. «Жизнеописания отцов» имеют предметом жизнь египетских иноков. Дополнением к этому сочинению служит составленный Иеронимом «Мартиролог». Главная заслуга Иеронима – в области изучения Св. Писания. В этом отношении он стоит на той же степени исторического значения, как Василий Великий – в области христианского нравоучения, а Григорий Богослов – в области догматики. Всех сочинений Иеронима, не считая мелких писем, около 180.

[34] Св. Августин – Августин Блаженный (Аврелий Августин, лат. Aurelius Sanctus Augustinus; 354–430) – христианский теолог и церковный деятель, крупнейший представитель западной патристики. Августин происходил из небогатой провинциальной семьи, в молодости испытал влияние матери-христианки Моники, но долгое время сохранял религиозную индифферентность. Получив образование в Мадавре и Карфагене, избрал карьеру профессионального ритора (с 374 г.). В 383 г. переехал в Рим, а вскоре получил место ритора в Милане, где познакомился с епископом Амвросием Медиоланским и начал изучать сочинения неоплатоников и послания апостола Павла. Весной 387 г. принял крещение. В 388 г. вернулся в Северную Африку; с 391 г. – пресвитер, а с 395 г. вплоть до смерти – епископ г. Гиппон Регий. Августин – родоначальник христианской философии истории (сочинение «О граде Божием»); «земному граду» – государству – противопоставлял мистически понимаемый «Божий град» – Церковь. Развил учение о благодати и предопределении, отстаивал его против Пелагия. Глубиной психологического анализа отличается автобиографическая «Исповедь», изображающая становление личности. Христианский неоплатонизм Августина господствовал в западноевропейской философии и католической теологии вплоть до XIII в. Многоплановое наследие Августина – одно из самых значительных в истории патристики (ок. 100 трактатов, несколько сот писем и проповедей, частью весьма обширных), сравнительно хорошо сохранилось. В творчестве Августина можно выделить три основных периода. Для первого периода (386–395) характерны влияние античной (преимущественно неоплатонической) догматики, отвлеченная рассудочность и высокий статус рационального: философские

«диалоги» («Против академиков», «О порядке», «Монологи», «О свободном решении»), цикл антиманихейских трактатов. Второй период (395–410) отмечен преобладанием экзегетической и религиозно-церковной проблематики: «О книге Бытия», цикл толкований к посланиям апостола Павла, ряд моральных трактатов и «Исповедь», подводящая первые итоги духовного развития Августина. В третий период (410–430) его занимают вопросы сотворения мира и проблемы эсхатологии: цикл антипелагианских трактатов и во многом итоговое сочинение «О граде Божьем»; критический обзор собственных сочинений в «Пересмотрах». Некоторые важнейшие трактаты писались с перерывами многие годы – «О христианской науке» (396–426), «О Троице» (399–419).

[35] Юст-Липсий (Липсий Юстий, лат. Lipsius; 1547–1606) – немецкий филолог, профессор Йенского, Кельнского университетов. В юности обучался у иезуитов. Перешел в протестантизм и принял должность профессора в Лейдене. Затем снова возвратился к католицизму, став профессором в г. Лувен. Исследовал и издавал тексты римских авторов.

[36] Апостол Павел (евр. Саул, Савл – святой, ок. 10 – ок. 67). Даты большинства событий жизни Павла гипотетические. Родился в Тарсе в Киликии в еврейской семье, имевшей римское гражданство. Носил имя Савл и римское имя Павел (Paulus). Воспитывался в Тарсе, затем учился в Иерусалиме. В еврейских школах отлично изучил Ветхий Завет. Хорошо владел греческим языком. В Новом Завете – один из апостолов. Первоначально ревностный гонитель христиан. На пути в Дамаск увидел чудесное явление света с неба (от которого потерял зрение) и услышал голос, укорявший его «Савл, Савл! Что ты гонишь меня?». Исцелившись от слепоты, принял крещение и стал истовым проповедником Христианства среди язычников (апостол язычников). По наущению иудеев в Иерусалиме был пленен римлянами и отправлен в Рим, где, согласно преданию, казнен ок. 65 г. (время гонений Нерона на христиан) вместе с апостолом Петром. Губы уже отрубленной головы в последний раз произнесли имя Иисуса Христа, а на том месте, где она упала, начали бить три родника (отсюда название римского монастыря Тре Фонтане). За миссионерско-

богословские заслуги перед Христианством в становлении его как мировой религии Павел, не входивший в число Двенадцати апостолов, почитается как первопрестольный апостол. Церковь приписывает ему 14 посланий, входящих в Новый Завет. Автор 13 сохранившихся посланий, некоторые, возможно, утрачены. Хронология посланий Павел в нескольких пунктах вызывает споры. Их литературная форма не отклоняется от античных принципов эпистолографии, а само появление обусловлено нуждами ранней Церкви и миссией самого Павла. Автор пишет на всеобщем диалекте (койне) эллинистической эпохи, но ему не чужд и литературный язык. В посланиях также содержится ритмическая проза, гимны и даже цитаты из греческих поэтов. Послания Павла мы перечисляем в той последовательности, в какой их назвала самая ранняя из принятых хронологий.

[37] Галлион Луций Анней (лат. Gallion Lucius Annaeus; ок. 1–65) – брат Сенеки, римский проконсул в Ахее в 51–52 гг. Его имя упоминается в «Деяниях апостолов», где говорится, что Галлион отказался рассматривать обвинение иудеев против апостола Павла в Коринфе. Встреча Галлиона с апостолом Павлом стала поводом к появлению предания о переписке Сенеки с апостолом Павлом.

[38] Поллион Гай Азиний (лат. Pollio Gaius Asinius; 75 до н. э. – 4 н. э.) – римский поэт, историк, воин. Участвовал в гражданской войне в Риме на стороне Цезаря и Антония. Во времена правления Императора Августа оставил политику, сосредоточившись на искусстве и науке. В этот период основал в Риме первую публичную библиотеку, ввел традицию публичного чтения и обсуждения научных трудов в кругу знатоков обсуждаемых тем.

[39] Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан, лат. Gaius Julius Caesar Octavianus; 63 до н. э. – 14 н. э.) – римский Император. Родился в Риме, сын Гая Октавия и Атии – племянницы Цезаря, который в завещании усыновил Августа и назначил его главным наследником. В юности получил хорошее образование. Имя Август дало название эпохе в культуре и искусстве, которые благодаря долгому миру и личной заинтересованности правителя переживали бурный расцвет. В Риме Август от-

крыл две публичные библиотеки: одну – у портика Октавии, другую – при храме Аполлона. Особым его покровительством пользовались писатели, среди них Вергилий, Варий Руф, Гораций. Время правления Августа – это Золотой век римской поэзии. В последние годы жизни Август несколько изменил свое отношение к литературе, во всяком случае, к ее представителям. В 8 г. Августом был изгнан Овидий, затем оратор Кассий Север. По решению Сената было сожжено историческое сочинение Тита Лавина, потому что в нем звучали оппозиционные ноты. Август сам писал как стихи, так и прозу. Из его поэтических произведений до нас дошли сведения об эпиграммах, о язвительных стихотворениях – фесцениях, о гекзаметрической поэме «Сицилия», которая могла описывать сицилийскую войну или носить историко-географический характер, о неоконченной трагедии «Аякс». Август сочинил надгробную надпись в стихах для Друза, писал и произносил речи. В конце жизни, как бы подводя итоги собственной деятельности, составил краткое описание состояния государства, приводя в нем численность войска и финансовые балансы (Breviarium totius imperii), и описание собственных действий (Index rerum a se gestarum). Оригинал описания деяний, выбитый на двух бронзовых табличках перед входом в Мавзолей Августа на Марсовом поле, исчез. Копии находились во всех провинциях, на Востоке – в греческом переводе. В 1555 г. был найден латинский текст с греческим переводом на внутренней стене храма Августа в Анцере в Галатии (Анкара), отсюда его название – Monumentum Ancyranum. Фрагменты двух других копий открыты в Аполлонии и Антиохии в 1914–1930 гг.

[40] Сулла Луций Корнелий (лат. Sulla; 138–78 до н. э.) – римский государственный деятель, военачальник. В 82–80 гг. до н. э. – диктатор в Риме, организовал кровавые проскрипции.

[41] Петроний Гай Арбитр (лат. Petronius Arbiter; 27–66) – римский писатель-сатирик, государственный деятель, проконсул в Вифании и римский консул. Автор комико-реалистического романа «Сатуры» (или «Сатирикон»). Петрония при дворе Нерона называли «арбитром изящества» и законодателем вкусов и развлечений при дворе. Вскрыл вены, когда на него пало подозрение в заговоре против Императора.

Как литературное явление роман Петрония стоит в античной литературе изолированно. Автор предстает как аристократический эстет: с презрительно-небрежной иронией обнажает перед читателем изнанку римского быта, жестоко высмеивая при этом средние классы – вольноотпущенников, муниципальных землевладельцев и торговцев – и афишируя беспощадную откровенность своих зачастую порнографических описаний. По сюжетной схеме роман Петрония может рассматриваться как пародия на эротический роман.

[42] Адриан I (лат. Hadrianus; 76–138) – римский Император с 117 г. из династии Антонинов. В период его правления усилились Императорская власть и централизация государственных учреждений. На границах империи создал систему мощных укреплений и оборонительных валов.

[43] Фокион (лат. Phocion; греч. Φωχίων; 402–318 гг. до н. э.) – афинский государственный деятель, полководец. Занимал должность стратега. Получил образование у философов Платона и Ксенократа, приобрел военный опыт под руководством афинского стратега Хабрия. Неоднократно возглавлял афинские вооруженные силы в непрекращающихся военных столкновениях Афин с древнегреческими городами. В борьбе между демократической антимакедонской, руководимой Демосфеном, и олигархической промакедонской группировками Фокион последовательно выступал на стороне последней, поддерживал македонских царей, Филиппа II и Александра Македонского, решительно противился участию Афин в антимакедонском движении греческих полисов. После поражения афинян в Ламийской войне 323–322 гг. до н. э. против Македонии Фокион в качестве посла заключил мир с македонским правителем Антипатром на крайне тяжелых для Афин условиях. Во время борьбы за власть в Македонии в 319–317 гг. между сыном Антипатра Кассандрой и полководцем Полисперхонтом, пытавшимся привлечь греков на свою сторону обещанием восстановить демократию, Фокион продолжал отстаивать в Афинах олигархический строй и верность Македонии, чем вызвал ненависть сограждан, был обвинен в измене и казнен по приговору афинского народного собрания. Фокион был приговорен к смертной казни, вынужден был, как Сократ, выпить яд цикуты.

[44] Аристид (греч. Aristéidçs; ок. 540 – ок. 467 до н. э.) – политический и военный деятель Афин периода греко-персидских войн 500–449 до н. э. Впервые на политическом поприще выступил как сторонник демократических реформ Клисфена. В 490 г. в качестве стратега участвовал в сражении при Марафоне. После 490 г. Аристид, выражая взгляды крупной землевладельческой знати и сельского населения, требовавших укрепления сухопутных военных сил, выступал против Фемистокла, возглавлявшего наиболее демократические торгово-ремесленные слои и выдвигавшего план создания морского флота. В 483–482 гг. после победы Фемистокла Аристид был подвергнут остракизму (изгнан из Афин). В 480 г. в связи с отменой закона об изгнанниках Аристида был амнистирован. В 479 г. командовал афинянами в битве при Платеях. В 70-е гг. V в. приобрел большое политическое влияние, возглавляя олигархическую группировку. Один из организаторов Делосского союза.

[45] Демосфен (греч. Δημοσθένης; ок. 384–322 гг. до н. э.) – древнегреческий оратор, политический деятель. Родился в Афинах в семье богатого оружейного мастера. В 351 г. произнес первую речь против Филиппа Македонского (отсюда – филиппики), где резко критиковал пассивную позицию Афин по отношению к захватнической политике Македонии. С этого времени Демосфен – признанный вождь антимакедонской группировки Афин и других полисов Греции. В своих речах требовал организации союза греческих государств и подготовки к войне с Филиппом. После разгрома союзного войска при Херонее в 338 г. продолжал придерживаться осторожной, но последовательной антимакедонской позиции. В 324 г. был вынужден покинуть Афины. В 323 г. после смерти Александра Македонского торжественно вернулся в город и снова призвал к борьбе с Македонией. После нового поражения греков, преследуемый врагами, принял яд. Последовательная патриотическая позиция Демосфена и непревзойденное ораторское мастерство сделали его имя популярным.

[46] Мюллер Иоганн Петер (нем. Müller Peter Johannes; 1801–1858) – немецкий естествоиспытатель, один из создателей современной физиологии, сравнительной анатомии и эм-

бриологии. В 1822 г. окончил Боннский университет. В 1830 г. – профессор Боннского, с 1833 г. – Берлинского университетов. Основные труды И. Мюллера посвящены изучению центральной нервной системы (главным образом, рефлекторной деятельности спинного и продолговатого мозга) и органов чувств. Сформулировал положение о так называемой специфической энергии органов чувств, согласно которому ощущения – результат проявления внутренних свойств («специфической энергии») органов чувств. Несостоятельность физиологического идеализма Мюллера была показана в работах И. М. Сеченова и в особенности И. П. Павлова – создателя учения об анализаторах.

[47] П. А. Вяземский первым из современников перевел на русский язык речь Императора Александра I, который одобрил сделанный перевод: «Докажите вашим современникам, что законно свободные постановления, коих священные начала смешиваются с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием, утверждают истинное благосостояние народов» (Речь, произнесенная при открытии польского сейма 15(27) марта 1818 г. Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. – СПб., 1898. – С. 87).

[48] Эрскин Бьюкен (англ. Erskine Buchan; ?–1823) – адвокат, оратор, политический деятель, писатель, член парламента;с 1806 г. – лорд-канцлер английский.

[49] Подразумевается германский король Фридрих I Барбаросса (нем. Friedrich Barbarossa; 1122–1190), с 1152 г. – Император Священной Римской империи. Барбаросса участвовал во втором (1145–1149) и третьем (1189–1192) Крестовых походах. Во время третьего похода Барбаросса, переправляясь в тяжелых доспехах через реку Селиф, утонул.

[50] Готфрид Бульонский, Годфруа де Бульон (фр. Godefroi de Bouillon, ок. 1060–1100), лорд Бульонский (1076–1096),

герцог Нижней Лотарингии (1087–1096; Бульон, Bouillon – название родового замка Готфрида в Арденнах) – герцог Нижней Лотарингии с 1076 г., один из предводителей Первого крестового похода на Восток. Западная летописная традиция превратила Готфрида Бульонского в главного героя похода 1096–1099 гг. На самом деле он возглавлял 20-тысячное лотарингское ополчение. В 1099 г. избран первым правителем Иерусалимского королевства с титулом «Защитник Гроба Господня». После захвата Иерусалима провозглашен правителем Иерусалимского королевства (с 1099 г.). Отказавшись короноваться в городе, где на Христа был возложен терновый венец, Готфрид вместо королевского титула принял титул барона и «Защитника Гроба Господня» (лат. "Advocatus Sancti Sepulchri"). Готфрид Бульонский погиб, по сообщению Ибн аль-Каланиси, при осаде Акры (Акки). Также есть версия, что он умер от холеры.

[51] Королевство Иерусалимское – государство, созданное участниками Первого Крестового похода после захвата ими Иерусалима в 1099 г. Территориально оформилось в начале XII в. после новых завоеваний крестоносцев в Восточном Средиземноморье. В Иерусалимское королевство помимо собственно Иерусалима входили графства Триполи и Эдесса, а также Княжество Антиохия. Первым правителем Иерусалимского королевства был Готфрид Бульонский. Крестоносцы воздвигли на территории Иерусалимского королевства много замков и крепостей, значительное развитие получили города и торговля. Выгодное географическое положение Иерусалимского королевства способствовало развитию отношений с западноевропейскими государствами, Византией и мусульманским Востоком. В 1137 г. Византией было подчинено Антиохийское княжество, в 1144 г. турки-сельджуки захватили г. Эдессу. Неустойчивое положение Иерусалимского королевства усугубилось внутренними распрями основных военных сил – орденов иоаннитов и тамплиеров, соперничеством итальянских купцов и др. В 1187 г. султан Салах-ад-Дин занял Иерусалим и бóльшую часть королевства. В конце XIII в. почти все города Иерусалимского королевства были захвачены египетскими мамлюками. В 1291 г. пал город Акра – последний оплот крестоносцев.

[52] Людовик IX Святой (фр. Louis; 1214–1270) – французский король с 1226 г., из династии Капетингов. Осуществил реформы по централизации государственного управления. Заключил договор 1259 г. с английским королем, по которому Англия отказывалась от притязаний на Нормандию и другие французские территории. Возглавил 7-й в 1248 г. и 8-й в 1270 г. Крестовые походы (умер во время последнего).

[53] Уваров говорил о вышедших в свет в 1818 г. первых восьми томах «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.

Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.)

Впервые опубл.: Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.) // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. 1825–1839. – СПб., 1875. – Стб. 503–529.

Повторно: Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.) // *Уваров С. С.* Избранные труды / Предисл., сост. и коммент. В. С. Парсамова. – М., 2010. – С. 294–313.

Печатается по тексту первой публикации.

«Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.)» можно назвать не только первым официальным манифестом Уварова о положении и дальнейшем развитии Московского университета, но и официальным представлением новой государственной системы образования, основанной на знаменитом триедином принципе Уварова «Православие. Самодержавие. Народность».

В 1832 г. С. С. Уваров, исполнявший в то время должность товарища министра народного просвещения, произвел в Московском университете инспекцию. Основанием для этой проверки стали сомнения правительства в политической благонадежности некоторых профессоров Московского университета, а также раскрытие летом 1831 г. деятельности тайного общества студентов под руководством Н. П. Сунгурова.

[1] Голохвастов Дмитрий Павлович (1796–1849) – государственный деятель, исполнявший в 1831–1847 гг. должность по-

мощника попечителя Московского учебного округа. В 1847 г. назначен на должность попечителя Московского учебного округа. Занимался русской историей, автор нескольких статей в славянофильском журнале «Москвитянин».

[2] Щепкин Павел Степанович (1793–1836) – математик. Окончил курс по физико-математическому отделению Московского университета в 1811 г. В 1815 г. защитил магистерскую диссертацию; с 1817 г. преподавал в университете в части чистой (высшей) математики сначала адъюнктом, а в 1826 г. получил кафедру ординарного профессора. Щепкину вместе с профессором Перевощиковым принадлежит заслуга научной постановки в Московском университете преподавания математики. Кроме профессорства занимал должности инспектора казенных студентов и директора Медицинского института (1830–1833), декана отделения, члена Училищного комитета и др. С 1835 г. был цензором. В 1811 г. был одним из основателей первого в России Математического общества. Автор «Рассуждения об открытиях, сделанных в астрономии со времени изобретения телескопов» (М., 1815), перевода курса математики Франкера, сделанного вместе с профессором Перевощиковым (М., 1819).

[3] Казенные (казеннокоштные) студенты полностью обеспечивались за государственный счет, проживая в общежитиях под контролем инспекторов, в отличие от своекоштных, проживавших и обучавшихся за свой счет. Институт казеннокоштных студентов существовал в России до 1860-х гг., когда государственное содержание было заменено стипендией.

[4] Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) – профессор Московского университета, русский историк и литературный критик, публицист. С 1806 г. – доктор философии, с 1810 г. – профессор изящных искусств и археологии, с 1821 г. – профессор истории, статистики и географии России, с 1835 г. – профессор истории и литературы славянских народов, с 1837 г. – ректор Московского университета, с 1841 г. – академик. Литературную деятельность начал в 1799 г. в журнале «Иппокрена», был сторонником классицизма. В 1805–1830 гг. (с перерывами) являлся редактором и издателем «Вестника Европы», где в 1818–1819 гг. начал критику

«Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. В исторической науке с именем Каченовского связано основание и развитие «скептической школы». Разделяя воззрения Нибура о наличии у каждого народа «баснословного» периода в его истории, выступил с необоснованным тезисом о недостоверности древнейших письменных источников русской истории, отверг мнение Карамзина о высокой степени развития Киевской Руси. Работы Каченовского сыграли положительную роль в критике историографии того периода, но заключение о неправомерности пользоваться данными исторических источников Древней Руси и об общем низком уровне ее развития было ошибочно. Концепция Карамзина имела значение официальной монархической, а сам Карамзин был придворным историографом, поэтому критика его воззрений объективно приобрела значение протеста против официальной идеологии. Это привлекло к Каченовскому внимание студенческой молодежи, хотя сам историк был далек от каких-либо революционных политических идей. Требование критики исторических источников, выдвинутое Каченовским, несмотря на ряд необоснованных положений, имело важное значение для формирования методологии историографии в России. Автор трудов: «От киевского жителя к его другу» (Вестник Европы. Ч. 101. – 1818. – № 18; ч. 103–104. – 1819. – № 2–6); «Параллельные места в русских летописях» (Там же. Ч. 47. – 1809. – № 17–20); «История Государства Российского. Т. 12» (Там же. – 1829. – № 17–20); «Два рассуждения: о кожаных деньгах и о Русской правде» (М., 1849); «О баснословном времени в Российской истории» (Ученые записки Московского университета. Т. 1. – 1833. – № 2–3).

[5] Давыдов Иван Иванович (1792–1863) – философ, филолог, профессор Московского университета. В юности Давыдов увлекся учением Ф. Шеллинга, став одним из пропагандистов шеллингианских идей в Московском университете. В 1831 г. стал профессором и возглавлял кафедру красноречия, стихотворства и языка российского, которая позднее была переименована в кафедру российской словесности и истории русской литературы. Давыдов разделял взгляды Уварова, был приближен к его кругу, пропагандируя триаду Уварова «Право-

славие. Самодержавие. Народность». В труде «Чтения о словесности» в 4-х т. (1836) были обобщены и систематизированы научные взгляды Давыдова, этот труд стал первым всесторонним исследованием истории словесности, изучаемой не в хронологии, а по литературным жанрам. В 1841 г. Давыдову присвоено звание академика Императорской академии наук. С 1847 по 1859 г. возглавлял Главный педагогический институт в С.-Петербурге.

[6] Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788–1880) – русский астроном, профессор Московского университета, с 1851 г. – академик. По его инициативе была построена Московская обсерватория. В 1848–1851 гг. занимал должность ректора Московского университета.

[7] Болдырев Алексей Васильевич (1780–1842) – русский ученый-востоковед, переводчик, профессор Московского университета. Одним из первых создал на русском языке «Краткую арабскую грамматику» (1827). В 1832–1837 гг. – ректор Московского университета.

[8] Фишер фон Вальдгейм Александр Григорьевич (1803–1884) – русский ученый-биолог. С 1832 г. занимал должность профессора зоологии в Московском университете и профессора ботаники и фармакологии в С.-Петербургской медико-хирургической академии. Автор научных работ в области медицины.

[9] Адьюнкт – ученое звание, которое предшествовало званию профессора.

[10] Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – русский историк, писатель, журналист, с 1841 г. – академик С.-Петербургской академии наук. Сын крепостного, отпущенного на волю в 1806 г. В 1821 г. окончил Московский университет, защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси» (1825), в которой выступал с позиций норманнской теории. Примыкал к «любомудрам». В 1826–1844 гг. – профессор Московского университета, сначала всеобщей, с 1835 г. – русской истории. В 1827–1830 гг. издавал журнал «Московский вестник», в 1841–1856 гг. совместно с С. П. Шевыревым – «Москвитянин». В 1820–1830-х гг. выступал с критикой историка М. Т. Каченовского и «скептической школы», был сторонником

норманнской теории происхождения государства у восточных славян. Изучал древнерусскую и славянскую историю, был близок к славянофилам. Установил источники Начальной летописи, изучил причины возвышения Москвы, выявил постепенность в закрепощении русского крестьянства. Признание самобытности русской истории было основой научных взглядов Погодина, который считал невозможным осмыслить русский исторический процесс и сделать из этого какие-либо выводы и обобщения. Бытовые повести Погодина «Нищий», «Черная немочь», «Невеста на ярмарке» и др. (вошли в его книги «Повести». Ч. 1–3. – 1832) давали достоверную картину жизни крепостных, купцов, мещан, но были лишены глубины художественного обобщения. Автор исторической драмы «Марфа Посадница» (1830). Публицистика Погодина в 1830-х – нач. 1850-х гг. носила консервативный характер; в литературном движении 1840-х гг. Погодин тоже относился к консерваторам; он вел борьбу с натуральной школой, в ряде вопросов выступал против В. Г. Белинского. В 1860-е гг. стал сторонником организации славянского национального движения, поддерживал панславизм. Был историком официального направления и главную задачу истории видел в том, чтобы она сделалась «... охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия...». Один из самых ярких единомышленников Уварова, теоретиков и пропагандистов его идеологической концепции. Принадлежал к консервативному направлению русской общественной мысли, в своих научных и публицистических трудах рассматривал историческое развитие России в русле концепции «Православие. Самодержавие. Народность». Опубликовал ряд важных исторических источников, собрал коллекцию древностей (рукописи, книги, монеты, оружие, утварь). Автор трудов «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (Т. 1–7. – М., 1846–1857); «Древняя русская история до монгольского ига» (Т. 1–3. – М., 1871); «Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны» 1853–1856 гг. (М., 1874); «Простая речь о мудреных вещах...» (М., 1874).

[11] Максимович Михаил Александрович (1804–1873) – русский филолог, историк и этнограф. Преподавал ботанику в

Московском университете во время инспектирования университета Уваровым. В 1834 г. перешел в Университет Св. Владимира в Киеве, в дальнейшем заняв должность ректора этого университета и возглавив кафедру русской словесности. Из-за проблем со здоровьем в 1841 г. вышел в отставку. Работы Максимовича, посвященные изучению русского и малороссийского фольклора, древнерусским литературным памятникам, были высоко оценены современниками. Активно участвовал в общественно-литературной жизни России. В 1830–1840 гг. издавал в С.-Петербурге альманах «Денница», на страницах которого публиковались произведения А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, А. С. Хомякова и др. Уваров придавал большое значение деятельности Максимовича в деле культурного сближения великорусских губерний с западными. Главную задачу издаваемого в Киеве альманаха «Киевлянин» Максимович видел в том, чтобы ополчаться «противу польского духа за святую, державную, первозванную Русь Киевскую» (Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева, М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому // Старина и новизна. Кн. 4. – СПб., 1901. – С. 199).

[12] Альфонский Аркадий Алексеевич (1796–1869) – известный русский хирург, профессор кафедры хирургии Московского университета. В 1850–1863 гг. занимал должность ректора Московского университета.

[13] Рихтер Михаил Вильгельмович (1799–1874) – русский врач-акушер, тайный советник. С 1827 г. занял должность профессора Московского университета, где читал курсы женских болезней, акушерского дела и детских болезней. В 1851 г. вышел в отставку с сохранением звания заслуженного профессора.

[14] Эйнбродт Петр Петрович (1802–1840) – анатом, профессор кафедры анатомии Московского университета, член Императорского общества испытателей природы.

[15] Лодер Христиан Иванович (1753–1832) – врач, анатом, экстраординарный профессор университетов в Йене и Халле. В 1810 г. вступил в русскую службу, был лейб-медиком Императора Александра I. В 1813–1817 г. – заведующий военным госпиталем в Москве. С 1819 г. стал внештатным пре-

подавателем Московского университета, без вознаграждения читал студентам курс анатомии. В Йене издавал «Журнал хирургии» (1797–1801). В Германии у себя дома организовал литературный кружок, который посещали братья А. и В. Гумбольдты и И. В. Гете.

[16] Терновский Петр Матвеевич (1798–1874) – писатель, протоиерей, доктор богословия, профессор богословия и церковной истории Московского университета, писатель. Сын священника, учился в Московской духовной академии. Терновский участвовал в переводе Священного Писания с еврейского на русский и занимался переводом творений святых отцов с греческого на русский для журнала «Христианские чтения». За сочинение «Богословие догматическое» (1838, 1839 и 1844) получил степень доктора богословских наук. Его перу также принадлежат «Избранные места из священной истории Ветхого и Нового Завета с назидательными и новыми размышлениями» (М., 1851).

[17] Мухин Ефрем Осипович (1766–1850) – русский врач, в 1817–1835 гг. – профессор Московского университета. Автор научных трудов по медицине.

[18] Котельницкий Василий Михайлович (1770–1844) – профессор Московского университета по врачебному веществословию, фармации и врачебной словесности с 1810 по 1835 г.

[19] Ивашковский Семен Мартынович (?–1850) – профессор Московского университета по кафедре греческой словесности в 1819–1833 гг. Составитель «Полного русско-латинского словаря» (М., 1838–1841) и других научных трудов в области филологии и философии.

[20] Василевский Дмитрий Ефимович (1781–?) – русский юрист, выпускник Главного педагогического института. Впоследствии преподавал в Главном педагогическом институте психологию и логику, а в Московском университете исполнял должность профессора политического и народного права.

[21] Снегирев Иван Михайлович (1793–1868) – профессор латыни и этнографии, русский фольклорист и этнограф. Профессор Московского университета в 1826–1835 гг. Основной специальностью Снегирева была римская словесность, однако наибольшую известность получил как фольклорист,

этнограф, исследователь русской истории и древностей. На основе комплексного использования исторических, археологических, этнографических и фольклорных данных исследовал культуру Древней Руси в различные периоды. Издал сборники русских пословиц, описания народных обрядов и праздников, исследования о лубочных картинках, древнерусских архитектурных памятниках. Доказывал общность происхождения и исторической жизни славян. Принадлежал к патриотическому направлению в русской науке, стоял на позициях защиты традиционных устоев русского народа, с любовью описывал патриархальную старину. Среди сочинений Снегирева «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках» (1831–1834); «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1837–1839); «Русские народные пословицы и притчи» (1848); «Лубочные картинки...» (1844, 1861); «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» (1848–1860); «Новый сборник русских пословиц» (1857).

[22] Смирнов Семен Алексеевич (1777–1847) – писатель, переводчик, профессор русского законодательства. Занимал должность профессора в Московском университете, читая лекции по составленному им руководству «Легчайший способ к познанию российских законов» (М., 1813).

[23] Надеждин Николай Иванович (1804–1856) – русский публицист, критик, издатель, этнограф. В 1832–1835 гг. Надеждин исполнял должность профессора теории изящных искусств, археологии и логики в Московском университете. Воспринял философскую систему Ф. Шеллинга. Лекции Надеждина в университете, где он знакомил студентов с различными философскими направлениями, пользовались популярностью. Как литературный критик и издатель журнала «Телескоп» играл заметную роль в русской журналистике и общественной мысли своего времени. В 1836 г. журнал «Телескоп» был закрыт, и Надеждин отправлен в ссылку в Усть-Сысольск, где занимался этнографией и исторической географией.

[24] «Телескоп» – журнал, издавался Н. И. Надеждиным в 1831–1836 гг. в Москве. В 1834–1836 гг. в издании журнала принимал участие В. Г. Белинский. В «Телескопе» публикова-

лись многие общественные и литературные деятели, ученые, принадлежавшие и к западникам, и к славянофилам. В 1836 г. за публикацию первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева «Телескоп» был закрыт.

[25] «Молва: Газета мод и новостей» – приложение к журналу «Телескоп».

[26] Павлов Михаил Григорьевич (1793–1840) – русский биолог, физик, философ, профессор Московского университета, один из первых сторонников философской системы Ф. Шеллинга. Внес заметный вклад в развитие сельскохозяйственной науки в России. Являлся издателем журнала «Атеней» (1828–1830). В Московском университете и в русской печати пропагандировал идеалистическую философию Ф. Шеллинга, воздействуя на студенчество 1820–1830-х гг., что в дальнейшем способствовало зарождению плеяды русских мыслителей 1840-х гг., «людей 40-х годов», воспринявших немецкую идеалистическую философию.

[27] Васильев Николай Семенович (годы жизни неизвестны) – профессор Московского университета с 1833 г. Во время инспекции Уварова в университете исполнял должность адъюнкта по кафедре политической экономии и дипломатии. В 1833 г. назначен на должность профессора. В 1835–1845 гг. читал лекции о законодательстве в области государственных повинностей и дипломатии.

[28] Голицын Дмитрий Валерьевич (1771–1844) – русский князь, военный и государственный деятель, генерал от кавалерии. Голицын активно участвовал в европейских коалиционных войнах 1805–1807 гг. против армии Наполеона.

[29] Румянцев Сергей Петрович (1755–1838) – русский дипломат, общественный и литературный деятель, младший сын генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. Исполнял должность русского посланника в Берлине в царствование Екатерины II. В 1788 г. был отозван из Берлина в Россию. Во времена царствования Александра I составил и подал Императору записку по крестьянскому вопросу, на основе которой был создан Указ «О вольных хлебопашцах» (1803).

[30] Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) – русский поэт, баснописец.

[31] Гагарин Сергей Иванович (1777–1862) – русский князь, один из основателей Московского общества сельского хозяйства; в 1844 г. стал президентом этого общества.

[32] Двигубский Иван Алексеевич (1771–1839) – профессор Московского университета. С 1826 по 1833 г. исполнял должность ректора Московского университета. Известен как активный популяризатор естественно-научных знаний.

[33] Уваров подразумевал дело Сунгурова в Московском университете. Материалы этого дела Уваров изучал перед инспектированием Московского университета.

[34] «Московский телеграф» – научно-литературный журнал, издавался в Москве в 1825–1834 гг. журналистом и литератором Н. А. Полевым (1796–1846). «Московский телеграф» относился к либеральному направлению. Уваров отрицательно относился к Полевому и воспользовался случаем, когда на страницах «Московского телеграфа» Полевой опубликовал критическую рецензию на вышедшую в 1834 г. патриотическую драму Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла», которая понравилась Императору Николаю I и вызвала его одобрительный отклик.

[35] Лазарев Николай Васильевич (1796–?) – внештатный цензор Московского цензурного комитета в 1830–1835 гг.

[36] В 1828–1833 гг. пост министра народного просвещения занимал князь Ливен Карл Андреевич (1767–1844) – генерал от инфантерии, член Государственного Совета, куратор Дерптского учебного округа.

[37] С 1833 г. в Москве ежемесячно выходило периодическое издание «Ученые записки Императорского Московского университета», сначала редактировавшееся профессором И. И. Давыдовым, а в дальнейшем – профессором Д. М. Перевощиковым.

[38] Попечителем Московского учебного округа в 1830–1835 гг. являлся князь Сергей Михайлович Голицын (1774–1859).

[39] В 1779 г. при Московском университете был основан Благородный пансион, который первоначально существовал как классы для воспитанников дворянского происхождения. В 1831 г. Благородный пансион при Московском университете был преобразован в Первую гимназию, которая в 1833 г. была реорганизована в Дворянский институт.

[40] Окулов Матвей Алексеевич (1792–1853) – действительный статский советник, камергер. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. После выхода в отставку в 1830 г. возглавил гимназии Московского учебного округа. Лично знал А. С. Пушкина, входил в его круг общения, потому что был женат на сестре П. В. Нащокина – друга А. С. Пушкина.

[41] В 1834 г. Императорское правительство выкупило в государственную казну дом, принадлежавший ранее графу А. И. Мусину-Пушкину (1744–1817), располагавшийся на пересечении Старой и Новой Басманной улиц. С 1835 по 1917 г. в бывшем доме Мусина-Пушкина располагалась Вторая мужская гимназия.

[42] Дом Пашкова (ныне в Доме Пашкова располагаются выставочные залы и отделы специализированных фондов Российской государственной библиотеки) является памятником архитектуры XVIII в. в стиле классицизма. Дом Пашкова был построен в 1784–1787 гг., предположительно архитектором В. И. Баженовым по заказу П. Е. Пашкова – отставного офицера, сына денщика Петра I. В 1839 г. Дом Пашкова был куплен правительством у наследников Пашкова для организации в нем Дворянского института.

[43] В 1832 г. после подавления польского восстания 1830–1831 гг. Виленский университет и несколько школ этой губернии были закрыты из-за активного участия преподавателей и студентов в мятеже. Составной частью реформы системы образования Уварова была реорганизация системы образования в западных губерниях, «отпадших от Польши». Одной из важных мер реформирования системы учебных заведений в западных губерниях было введение преподавания на русском языке и закрытие учебных заведений, организованных иезуитами.

<Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа>

Впервые опубл. под заглавием: Об Украино-славянском обществе (Граф С. С. Уваров и граф С. Г. Строганов). 1847-й год (Из бумаг Д. П. Голохвастова) // Русский архив. – М., 1892. – № 7. – Год 30-й. – С. 347–351.

В Циркулярном предложении продолжены размышления Уварова, изложенные в записке «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения» (1833, 1836).

Печатается по тексту первой публикации.

Во вступительной заметке к первой публикации «Циркулярного предложения» отмечается, что знаменитый русский лингвист и историк литературы Ф. И. Буслаев в своих воспоминаниях (Вестник европы. – 1891. – № 9) поведал свою версию причины ухода в отставку графа С. Г. Строганова – попечителя Московского учебного округа. По словам Буслаева, либерал граф Строганов издавна находился во враждебных отношениях с графом С. С. Уваровым. Однако Строганов мог действовать в руководстве Московским университетом и учебным округом вполне самостоятельно и независимо от предписаний министра Уварова только благодаря «милостивому расположению, которым всегда пользовался со стороны Императора Николая Павловича». Строганов всякий раз обращался лично к Николаю I, когда находил нужным не соглашатьсяся с распоряжениями министра народного просвещения. По словам Ф. И. Буслаева, в 1847 г. граф Уваров решил дать российским университетам новый Устав, поэтому и разослал его проект всем попечителям учебных округов. Граф Строганов не согласился ни с одним из главных положений нового Устава и свой отказ от его принятия аргументированно изложил в письме к Николаю I. Ф. И. Буслаев как доверенный человек Строганова, неоднократно редактировавший его служебные бумаги, так описывает сложившуюся ситуацию противоборства попечителя С. Г. Строганова и министра С. С. Уварова: «По обычаю давать мне на просмотр все более значительное, что писал он на русском языке, с тем, чтобы я исправил вкравшиеся галлицизмы, он сообщил мне и это письмо к Государю, а для ясности дела приложил к краткой записке главные положения Устава. Записка приводится “слово в слово”. “Министр народного просвещения предложил мне передать на рассуждение Совета проект, составленный в следующем смысле:

1) Уничтожить переводные в университетах экзамены и репетиции.

2) Принимать окончивших учение во всех гимназиях без экзамена.

3) Разбить курсы по семестрам.

4) Представить выбор курсов на произвол желающих.

5) Принимать в университет два раза в год.

Находя, по моему разумению, эти положения разрушительными для настоящего состояния вещей, я решаюсь писать Государю”. Таким образом, – говорит Ф. И. Буслаев, – новый Устав провалился. Нестерпимая обида, нанесенная его составителю, вызывала на отмщение. Оно не замедлило. Около этого времени в “Чтениях Общества истории и древностей российских”, издаваемых при Московском университете, было напечатано в переводе известное сочинение Флетчера о России. Граф Уваров донес Государю “о зловредности распространять в публике сочинения такого содержания, как Флетчера о России, и притом изданное от официального общества, состоящего при Императорском университете”. Донесение возымело полный успех. По Высочайшему повелению графу был сделан выговор… Получив выговор, граф тотчас же вышел в отставку».

Публикаторы материалов об Украино-славянском обществе в сборнике «Русский архив» ради объективности сочли нужным напомнить, что знаменитый лингвист Ф. И. Буслаев во время описываемых событий жил в доме у графа Строганова «и пользовался его близостью, так что, по-видимому, его рассказ должен заслуживать полного доверия. Однако на самом деле ясно, что не история с переводом Флетчера побудила графа Сергея Григорьевича оставить должность попечителя Московского учебного округа» (Цит. по: Об Украино-славянском обществе (Граф С. С. Уваров и граф С. Г. Строганов). 1847-й год (Из бумаг Д. П. Голохвастова) – С. 334–335).

Граф Уваров вслед за «Циркулярным предложением…» направил С. Г. Строганову письмо, разъяснявшее попечителю Московского учебного округа порядок исполнения этого министерского циркуляра. Однако граф Строганов наотрез отказался исполнять «Циркулярное предложение» Уварова. Приводим текст письма Уварова С. Г. Строганову и резкий ответ С. Г. Строганова Уварову. Николай I дал конфиденциальное поручение шефу жандармов А. Ф. Орлову разъяснить С. Г. Строганову не-

правоту занятой им позиции и примирить графа Уварова с дерзким попечителем Московского округа.

Письмо графа Уварова к графу С. Г. Строганову
(получено 30 мая 1847 г. в 11 ч. вечера)

«Граф. Посылая вашему сиятельству прилагаемую служебную бумагу, содержание которой по своему значению заслуживает особенного внимания, считаю долгом доверительно присоединить к ней несколько строк, чтобы поставить вас в известность о важных поводах, побудивших правительство к заявлению его начал, как они выражены в этой бумаге. Предмет, к которому она относится, очень тонкого свойства и очень сложен, и поэтому необходимо нужно заявить прямо как намерения, коими Его Величество одушевлен, так и путь, предначертанный его мудростью и одинаково далекий от всяких крайних мнений. Дело состоит в том, чтобы упрочить идею и предостеречь от злоупотреблений, на каковые могло бы соблазниться юношество, легко увлекаемое воображением к принятию видимостей за сущность.

Вот почему, хотя бумага, с которою по приказанию Его Величества я к вам обращаюсь, свойства доверительного, но мною найдено нужным уполномочить ваше сиятельство, чтобы вы буквально и без выпусков познакомили с нею всех тех лиц, которые в ней упомянуты и которые должны знать, что они предупреждены. Итак, предлагаю вам созвать чрезвычайное заседание университетского Совета и приказать, чтоб бумага эта прочтена была в вашем присутствии; так будет сделано здесь и в других местах[1]. Цензоров, которые не профессора, можно будет призвать к себе и сообщить содержание бумаги[2]. Что касается до членов ученых обществ – здесь, конечно, разумеются

[1] Изо всех университетов пришли известия о том, что приказание министра исполнено, кроме Московского, о чем граф Уваров и должен был доложить Государю. – *Примеч. П. Б. – первого публикатора этих писем в «Русском архиве» за 1892 г.*

[2] Первый публикатор этого письма в «Русском архиве» за 1892 г. напоминал читателям, что в царствование Николая I на место цензора в большинстве назначались профессора, которые отличались большой начитанностью и эрудицией. – *В. Т.*

общества, занятия которых относятся до истории или до словесности, – то ваше сиятельство сами выберете лиц, которые личным своим влиянием могут подействовать на мнение своих сочленов и которым вы заблагорассудите оказать это доверие и уважение. Впрочем, предоставлю вашему благоразумию придать этой полуогласительности такой вид, какой вы найдете нужным. Мне приятно думать, что, усвоив себе смысл этой служебной бумаги, вы не преминете содействовать успеху мер, которые, в сущности, *предупредительны* и принимаются с тою целью, чтобы устранена была всякая возможность прибегать потом к мерам другого свойства, каковые были бы неприятны отеческому чувству нашего августейшего Государя. Примите, граф, уверение в отличном моем почтении. Граф Уваров.

С.-Петербург, 27 мая 1847».

Ответ графа С. Г. Строганова графу Уварову

«Секретно.

16 июля 1847.

Господину министру народного просвещения.

Отношением вашего сиятельства от 27 мая за № 688 сообщены мне изложенные вами и одобренные Государем Императором мысли о важном современном вопросе народного начала. Если бы мне в одно время с ними объявлено было Высочайшее повеление о передаче вашего голоса ученому сословию Московского университета в том виде, в каком оно было указано мне в частном французском письме вашего сиятельства, то я не преминул бы донести о том Его Императорскому Величеству и всеподданнейше представить ему мое собственное мнение об этом странном и необычном у нас способе касаться двусмысленными и неопределенными выражениями до столь важного и щекотливого вопроса. Но как отношением вашего сиятельства мне предоставлено конфиденциально передать лицам, в круг занятий коих входят преимущественно словесность и отечественная история, положительное изложение видов правительства о началах Русского просвещения, то я усомнился придерживаться сторогому смыслу этого предложения и действовать по сделанным мне указаниям или, лучше сказать, продолжал действовать так, как мне казалось полезным для блага вверен-

ного мне университета еще с тех пор, как ваше сиятельство объявили мне (16 июня 1842 г. за № 793), что вопрос о славянской пропаганде далеко выходит из пределов вашего ведомства.

В будущем, не оставляя обращать особенное внимание на этот важный, но не новый для меня вопрос, я буду руководствоваться для собственного своего уразумения содержанием предложения вашего сиятельства. В настоящее время я ограничиваюсь одною всепокорнейшею просьбою: сообщить мне все имеющиеся сведения о действиях и замыслах людей, обративших на себя внимание правительства в деле славянства. Без этих данных я в предстоящем случае могу затрудниться в основании собственного своего мнения и тем менее направлять мнение других; ибо вашему сиятельству небезызвестно, что инструкции и письменные наказы столько же бессильны в управлении людскими мнениями, сколько и официальные министерские циркуляры. К этому считаю необходимым присовокупить, что я медлил ответом вследствие ожидания дальнейших сообщений по сему предмету.

Попечитель Московского учебного округа, граф Строганов».

[1] Уваров говорил о периоде 1835–1847 гг., когда попечителем Московского учебного округа и был граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882). В 1830-е гг. либерал Строганов был ректором Московского университета. Его ректорство знаменовало либеральный период в истории Московского университета, и этот период был назван строгановским. Длительное время Строганов являлся идейным противником Уварова, в основе их конфликта в основном была личная неприязнь, а также доброжелательные отношения Уварова с мачехой Строганова, испанкой по происхождению, урожденной графиней д’Эга, известной своею крайней консервативностью и аристократическим высокомерием. В день кончины А. С. Пушкина д’Эга из квартиры поэта послала записку графу А. Х. Бенкендорфу с требованием прислать жандармских чиновников, чтобы якобы защитить вдову поэта от беспрестанно приходивших поклониться покойному поэту студентов[1].

[1] Граф Уваров и граф Строганов // Русский архив. – М., 1892. – № 7. – Год 30-й. – С. 358.

Строганов не выполнил требований, предписывавшихся в «Циркулярном предложении попечителю Московского учебного округа». Невыполнение требований послужило причиной отставки ректора. Циркуляры, подобные «Циркулярному предложению попечителю Московского университетского округа», предназначались и попечителям других учебных округов.

[2] Сторонники идей панславизма ратовали не только за культурное воссоединение славянских народов, но и за их политическое объединение. Уваров закономерно в связи с идеей панславизма говорит о Богемии, т. к. в нач. XIX в. Чехия превращается в фактический центр формирования движения панславизма. Создание термина «панславизм» относят к 1826 г. и приписывают чешскому слависту Я. Геккелю. Николай I и русское правительство принимали во внимание принципы Священного Союза европейских государств, которым противоречила идея панславизма, а Николай I во внешней политике строго придерживался принципа соблюдения международных законов. Объединение славян под эгидой России способствовало бы усилению политического могущества Российской Империи, но эта политика разрушила бы сложившиеся в рамках Священного Союза отношения России и европейских держав. Земли многих славянских народов входили в территорию Австро-Венгерской империи, которая была одним из значимых союзников России по Священному Союзу, поэтому из политических соображений не поддерживали идею панславизма. Кроме того, основной задачей Священного Союза в то время было противодействие революционному движению в Европе, а многие революционные выступления в Австрийской империи провозглашали как раз панславистские идеи.

[3] Земли Моравии, Чехии, Кроации (Хорватии), Славонии, Далмации в XIX в. входили в состав Австро-Венгерской империи. Болгария и Сербия находились под гнетом Османской империи. Померания составляла часть Пруссии. Земли бывшего Польского королевства (Речи Посполитой) после нескольких разделов второй половины XVIII в. отошли Австрии, России и Пруссии.

[4] В 1830 г. в среде австрийских славистов была создана теория о происхождении географического названия «Мо-

рея» от общеславянского слова «море». Отсюда было сделано предположение, что греки, проживавшие в то время на территории Мореи, являлись потомками славянских племен, переселившихся в Морею в VI–VII вв. и перенявших греческий язык. Уваров говорит о венгерском языке, который называли мадьярским. Венгерский язык относится к финской группе финно-угорской семьи языков.

[5] Уваров имеет в виду Петра I, проведшего в начале XVIII в. в России реформы всех важнейших областей жизни русского общества. Уваров придавал большое значение реформам Петра I, которые сблизили Россию с Западной Европой. Уваров высказывает мнение, что преобразования Петра Великого в немалой степени были подготовлены и предопределены во время царствования Алексея Михайловича. В некоторой степени борьба за власть царевны Софьи Алексеевны и ее окружения тоже способствовали дальнейшим реформам Петра I.

[6] Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – русский ученый-энциклопедист, поэт, филолог, естествоиспытатель. Учился в Марбургском университете (1836–1841). Основоположник физической химии; в лингвистике разработал теорию трех стилей в русском языке, создал труды по грамматике, риторике; стал реформатором русского стихосложения; являлся автором трудов по истории.

[7] Уваров говорит об Отечественной войне 1812 года. В состав армии Наполеона входили солдаты из завоеванных Францией к тому времени государств.

III. ЭССЕ, ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ РАБОТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Общий взгляд на философию словесности

Впервые опубл. в виде статьи в сборнике: *Ouvaroff S*. Etudes de philology et decritique. – SPb., 1843. – P. 317–331.

В публикации было дано посвящение французскому историку и публицисту, государственному деятелю Проспе-

ру де Баранту (1782–1866). В русском переводе посвящение было снято.

Повторно опубл. отдельным изданием: Общий взгляд на философию словесности. Графа С. С. Уварова. – СПб., 1848. – 14 с.

Печатается по тексту повторной публикации.

Уваров сам датировал написание статьи октябрем 1840 г. В статье он противопоставляет античную литературу и литературу христианского периода европейской истории как сменяющие друг друга мировоззрения, воплощенные в литературе. Уваров подробно рассматривает античную литературу и в общих чертах представляет литературу XVIII в., обращая внимание на неверие Вольтера, Байрона, Жорж Санд.

[1] Юстин (греч. Ιουστίνος; ок. 100–165) – греческий христианский писатель. Родился во Флавии Неаполитанской (древний Сихем, современный Наблус) в Палестине. По получении всестороннего философского образования принял Христианство и стал ревностным защитником Церкви и проповедником ее учения. Дважды путешествовал в Рим, где, вероятно, основал свою школу. Одним из его учеников был Татиан. В Риме принимал участие в публичных диспутах, сочинял послания в защиту христиан к Императору Антонину Пию и его последователю Марку Аврелию, к сенату и римскому народу. Это «Первая апология христиан» и «Вторая апология». Кроме того, известно сочинение «Диалог с иудеем Трифоном» (“Pros Tryphona Iudaion dialogos”), защищающий христиан от обвинения в отходе от монотеизма. Диалог рисует картину иудео-христианских полемик II в. н. э. Под именем Юстина сохранились произведения под латинскими заглавиями «Речь к эллинам» (“Oratio ad Graecos”) и «В утешение язычникам» (“Cohortatio ad gentilles”), а также «Слово к грекам» (“Logos parainetikos pros Hellenas”); стиль и время их создания заставляют предположить, что эти произведения принадлежат другим авторам. Юстин принял мученическую смерть в Риме ок. 165 г. Сохранились описания его мученичества. Первый христианский писатель, который пытался соединить христианское учение с эллинской философией.

В его творчестве прослеживается значительное влияние Платона и стоиков.

[2] Климент Александрийский (греч. Κλήμης ὁ Ἀλεξανδρεύς; ок. 140 г. – ок. 215 г.) – греческий философ. Родился, вероятно, в Греции и там получил риторическое и философское образование. В Александрии появился в роли последователя Пантея – основателя знаменитой школы катехизы – и руководил этой школой ок. 10 лет (примерно до 202 г.). Позднее Климент уехал на Восток от гонений на христиан во времена Севера. Автор произведений: «Узоры» (“Stromateis”) в 8 кн., «Утешение эллинов» (“Protreptikos pros Hellenas”), «Как богачу спастись» (“Tis ho sozomenos plusios”), «Педагог» (“Paidagogos”), а также других сочинений, большинство которых утрачены. Стиль Климента – трудный, запутанный, хотя порой бывает образным и красочным. Богатый словарный запас, которым располагает Климент, поставлен на службу разрешению сложнейших проблем современного ему Христианства. Выдающийся знаток древней философии и греческой литературы. Наиболее значительное произведение – «Узоры» – сборник свободно скомпонованных рассуждений, замечаний, предложений. Климент своей мыслью поднялся много выше уровня не только своей эпохи, но и последующих. Как один из главных представителей Александрийской школы оказал значительное влияние на все научное окружение.

[3] Марк Аврелий (лат. Marcus Aurelius Antoninus; 121–180) – философ, крупнейший представитель позднего стоицизма. Царствовал в 160–180 гг. За свою преданность философии стоиков получил прозвание Философа. Несколько лет Марк Аврелий успешно вел войны с варварами, жившими на северных границах империи. В одном из таких походов великий император погиб. Единственное сочинение – «К самому себе» (в другом переводе – «Наедине с собой») в 12 книгах, философский дневник (состоящий из отдельных рассуждений) – является одним из лучших памятников моралистической литературы. По сравнению с Сенекой и Эпиктетом Марк Аврелий менее оригинален; его значимость заключается в личном и свободном отношении к «сумме» стоических догм, которым у Марка Аврелия сопутствуют гераклитовские, эпи-

курейские и платонические мотивы при общем скептическом настрое. Интересы Марка Аврелия как философа-стоика сосредоточены в области практической этики.

[4] Вероятно, Юлиан (лат. Iulianus; ск. после 454 г.) – латинский христианский писатель, епископ Экланума близ Беневента, знаменитый диалектик, последователь Пелагия, наиболее выдающийся противник Августа в споре о благодати и предназначении. Смещенный с должности, уехал на Восток, где Нестор – тогдашний патриарх Константинопольский – его реабилитировал. Сохранились фрагменты двух сочинений Юлиана – «Четыре книги к Турбанцию» (“Libri IV ad Turbantium”) и «Восемь книг к Флору» (“Libri VIII ad Florum”). Впоследствии Юлиану приписали авторство комментариев к книгам младших пророков, книге Иова и Псалмам; последний из названных комментариев является переводом труда Феодора из Мопцестии.

[5] Апотеоза, апофеоз, апотеоз (муж.) или апотеоза (жен.) – греч. «обоготворение, обожение человека». У католиков – беатификация, канонизация; описание или изображение вознесения души умершего; прославление имени его прообразованием жизни и смерти (*Даль В. И.* Толковый словарь. – 1863–1866).

[6] Федон (греч. Φαίδωνα; V в. до н. э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, основатель философской школы в Элиде. Платон назвал его именем свой диалог о бессмертии души.

[7] Уваров говорит о комедии Аристофана «Облака».

[8] Боссюэт Жан Бенин (фр. Bossuet Jacques Bénigne; 1627–1703) – французский проповедник, историк и богослов.

[9] Паскаль Блез (фр. Pascal Blaise; 1623–1662) – французский философ, ученый, автор «Мыслей», написанных Паскалем в защиту Христианства.

[10] Катон (Марк Порций Младший, или Утический; фр. Cato; 96–46 до н. э.) – римский политический деятель, республиканец, стоик. Покончил жизнь самоубийством после поражения римских войск при Тапсе.

[11] Тразеа Клодий Пэт Публий (лат. Traseas Clodius Pulcher Publius; (?–66 до н. э.) – римский философ-стоик и государственный деятель, сенатор, с 65 г. до н. э. – консул-суффект,

глава стоической оппозиции при Нероне; приговорен к смерти и покончил жизнь самоубийством.

[12] Брут Марк Юний Цепин (лат. Brutus Marcus Junius; 85–42 до н. э.) – римский сенатор, известный как защитник республиканского строя и убийца Цезаря, покончил с собой после поражения в битве при Филиппах.

[13] Александрийская школа – традиция исследования языка, сложившаяся в Александрии в кон. IV в. до н. э. Разработала учение о языке, заложила основы для развития фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии, стилистики, текстологии, палеографии, лексикографии. Главные представители: Зенодот из Эфеса, Ликофрон, Аристофан Византийский, Аполлоний Дискол, Дионисий Фракийский.

[14] Петрарка Франческо (итал. Petrarca Francesco; 1304–1374) – крупнейший итальянский поэт эпохи Возрождения.

[15] Виссарион Никейский (греч. Βησσαρίων; 1403–1472) – греческий церковно-политический и культурный деятель, участник Собора в Ферраре и Флоренции 1438–1439 гг., который был посвящен воссоединению Церквей. После Собора был обвинен православным духовенством в том, что он «продал веру». Поселившись в Италии, был возведен в сан кардинала, старался организовать Крестовые походы против турок. Кардинал Виссарион вел переговоры с Московским княжеством о браке Ивана III и Софьи (Зои) Палеолог. Уваров говорит о Виссарионе в связи с тем, что этот кардинал переводил произведения Платона, Аристотеля, Теофраста и Ксенофонта, знал и пропагандировал античную философию и литературу. Собрал большую библиотеку, которая позднее стала основой известной Библиотеки Св. Марка в Венеции.

[16] Медичи ди Пьеро Лоренцо (итал. Medici di Piero de'Lorenzo; 1448–1492) – флорентийский политический деятель, итальянский гуманист, внук герцога Казимо Медичи. Создал во Флоренции академию, покровительствовал ученым, писателям и художникам.

[17] Котурн – высокие сандалии, носившиеся древнегреческими трагическими актерами для большей величественности и увеличения роста. Котурн надевался одинаково удобно на обе ноги.

[18] Жорж Санд (фр. George Sand; 1804–1876) – литературный псевдоним знаменитой французской писательницы Авроры Дюдеван, представительницы европейского романтизма. Творчество Жорж Санд являлось проповедью свободы чувств и борьбы с общественными предрассудками.

О преподавании истории относительно к народному воспитанию

Впервые опубл. отдельным изданием на французском и русском языках: De l’enseignement de l’Histoire appliquée á l’éducation populaire. – SPb., 1813.; Повторно было опубликовано в переводе на русский язык: О преподавании истории относительно к народному воспитанию. – СПб., 1813. – 28 с.

Печатается по тексту повторной публикации на русском языке.

Уваров придавал истории как науке и учебной дисциплине большое идеологическое и политическое значение. Он призывает непрерывно преподавать историю на всех уровнях образования, причем начинать изучение со священной истории в начальной школе и обязательно заканчивать философским осмыслением истории в старших классах гимназии. Специфику отношения Уварова к задачам преподавания истории никак нельзя сводить к беспринципному компромиссу между отчетливым пониманием им значения исторической истины и стремлением при необходимости подменить ее угодной правительству идеологической догмой. Понимание Уваровым труда преподавателя истории как «орудия и исполнителя» «высоких намерений правительства» не подразумевало готовность подменять историческую истину, а, напротив, являлось свидетельством его желания найти в преподающих своих единомышленников, формулирующих подлинно национальную концепцию истории, основанную на знаменитом триединстве Самодержавия, Православия и Народности.

Система образования в Российской Империи была разделена по территориальному принципу на шесть учебных округов. В каждом учебном округе устраивался университет, который возглавлял систему образовательных учреждений

округа. В каждом губернском городе имелась своя гимназия, которая находилась в ведении университета. В ведении гимназий находились уездные училища, которые создавались в каждом уезде и ведали церковно-приходскими школами, устраиваемыми при каждом церковном приходе. Все образовательные учреждения разных уровней были объединены в систему: второй класс церковно-приходской школы являлся начальным классом уездного училища, а третий и четвертый классы уездного училища считались первым и вторым классами гимназии и позволяли продолжить обучение в гимназии в течение еще 2 лет, что и составляло полное среднее образование, продолжительность которого составляла 7 лет. Среднее образование должно было быть доступным всем сословиям русского общества (*Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. – СПб., 1910. – С. 280–282).

[1] Тацит Публий Корнелий (лат. Tacitus Publius Cornelius; ок. 56/58 – после 117) – римский историк и писатель. Принадлежал к новой, вышедшей из провинций знати, на которую опирались императоры династии Флавиев. Автор сочинений: «Агрикола» (97–98) – жизнеописания представителя новой служилой знати, тестя Тацита полководца Агриколы; «Германия» (98) – очерк общественного устройства, религии и быта германских племен; «Диалог об ораторах» (между 102 и 107 гг.), посвященного причинам упадка политического красноречия в эпоху Флавиев. Кроме того, Тацит создал два фундаментальных исторических произведения – «История» и «Анналы». «История» (ок. 105–111) освещала жизнь Рима и отчасти период империи 69–96 гг., предположительно состояла из 14 книг, до настоящего времени дошли 1-я и 4-я, начало 5-й книги, посвященные событиям 69–70 гг. «Анналы» остались незаконченными; охватывают период 14–68 гг., из 16 книг сохранились полностью 1–4 и 12–15 книги. В сочинениях Тацит пытался осмыслить пережитую им эпоху, которая характеризовалась закономерной сменой изжившего себя республиканского строя императорской формой правления, находившейся в начальной стадии развития, когда ни новый, представляющий провинции господствующий слой

рабовладельческого общества, ни соответствующие ей государственные институты и мораль еще не сложились. Остро ощущая эту особенность эпохи, Тацит осуждал сенатскую оппозицию новому строю, а тем более попытки сопротивления ему со стороны народных масс, но одновременно воспринимал разрушение императорами традиционных форм государственной организации и политической жизни как ликвидацию наличных общественных и нравственных норм, как деспотический произвол.

[2] Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790) – князь, русский историк, публицист и общественный деятель. Автор «Истории Российской от древнейших времен» в 7 т. (1767–1790); хронологически этот труд был доведен до 1610 г., т. е. остался незавершенным, хотя автор намеревался довести рассмотрение до начала царствования Петра Великого.

[3] Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – русский историк, автор труда «История Государства Российского», писатель, представитель литературы сентиментализма, журналист.

[4] Эркюль де Флери (фр. André-Hercule de Fleury; 1653–1743) – государственный деятель Франции, епископ Фрежюса, кардинал, премьер-министр во время царствования Людовика XV. Будущий кардинал Флери был сыном сборщика налогов дворянского происхождения. Ребенком был отправлен в Париж, чтобы обучаться у иезуитов философии, антиковедению и теологии. После посвящения в сан стал при помощи кардинала Бонци распространителем милостыни Марии-Терезы – супруги Людовика XIV, а после ее смерти – самого короля. В 1698 г. назначен епископом Фрежюса, но 17 лет пребывания в провинциальной епархии определили его поиск места при дворе. В 1715 г., за несколько месяцев до смерти Людовика XIV, стал наставником его правнука и наследника. Своей добротой приобрел необыкновенное влияние на наследника, которое не утратил долгие годы. Когда Людовик XV был объявлен совершеннолетним, Флери вошел в состав членов государственного совета (1723). После смерти регента Флери, находя, что еще не пришло время ему самому стать во главе правительства, посоветовал отдать первое место герцогу

Бурбону. Во время его правления Флери нарочно держался в тени, но когда герцог вздумал бороться против его скрытого влияния, сделал вид, что удаляется в Исси; встревоженный король вызвал его оттуда; тогда он понял, что больше незачем колебаться, и герцог Бурбон был сослан в Шантильи, а Флери поставили во главе правительства (1726), хотя аббат и не носил звания первого министра. Тогда же Флери получил звание кардинала. Система управления Флери представляла резкую противоположность системе управления герцогов Орлеанского и Бурбона: она была вполне национальной. Флери верил в международное право и в общность интересов всех наций. Своей внутренней политикой принес пользу Франции, которая в его правление пользовалась благосостоянием. Во внутренней политике основной принцип его правления была экономия, во внешней – мир. Сократил расходы; пользуясь увеличением доходов и развитием торговли, не только не возвысил налогов, но сократил их и некоторые отменил. Пользуясь в заведовании финансами советами генерального контролера Орри, прекратил злоупотребления в чеканке монеты, точно определив ее стоимость в 1726 г., уменьшил число пожизненных рент и отменил уплату мелких рент, выдававшихся на вечные времена. Однако впоследствии восстановил уплату рент меньше 300 ливров и тех рент, которые принадлежали самым бедным кредиторам. Такими мерами ему удалось восстановить равновесие между доходами и расходами государства.

[5] Подразумевается крайняя степень скептицизма.

[6] Робертсон Уильям (англ. Robertson William; 1721–1793) – шотландский историк, служил в качестве пастора. С 1761 г. –профессор теологии в Эдинбургском университете, с 1764 г. исполнял должность королевского историографа Шотландии. Автор сочинений «История Шотландии в период царствования королевы Марии и короля Джеймса VI» (1759), «История царствования Императора Карла V» (1769), (в русском переводе «История государствования Императора Карла V» и проч. (СПб., 1775), «История Америки» (1777).

[7] Роллен Шарль (фр. Rollin Charles; 1661–1741) – французский историк, педагог, известен как популяризатор истории

Древнего мира. Автор трудов «Древняя история» (1730–1738) и «Римская история» (1738–1740).

[8] Герен (Геерен Арнольд Герман Людвиг; нем. Heeren; 1760–1842) – немецкий ученый-философ и историк, рассматривал государство и гражданский быт древних цивилизаций через их торговые отношения. Профессор философии и истории Геттингенского университета.

Совершенствуется ли достоверность историческая?

Впервые опубл. на французском языке отдельным изданием: Lacer titu de historique est-elleen progrès? – SPb., 1850. На русском языке почти одновременно впервые были опубликованы два перевода: Подвигается ли вперед историческая достоверность? Записка, предложенная Императорской академии наук президентом ее, графом С. С. Уваровым и читанная 25 октября 1850 г. // Современник. – 1851. – Т. 25, Отд. 2. – № 1. – С. 121–128. Подписано: граф Уваров; Довстовернее ли становится история? Записка, представленная в Академию наук президентом ее, графом Сергеем Семеновичем Уваровым // Москвитянин. – 1851. – Кн. 1. – № 1. – С. 97–105. Без подписи.

Повторно на русском языке отдельным изданием: Совершенствуется ли достоверность историческая? Сочинение графа Сергея Семеновича Уварова, переведенное с французского и изданное по случаю 50-летнего юбилея Императорского Дерптского университета, 12 декабря 1852 г., академиком, ординарным профессором Михаилом Розбергом. – Дерпт. – 18 с.

Печатается по тексту повторной публикации.

Переводчик текста повторного отдельного издания на русском языке Михаил Розберг сделал следующее важное «Предуведомление» к статье Уварова, проясняющее всю грандиозность и своевременность предпринятого Уваровым исследования, представленного в этой статье: «Совершенствуется ли достоверность историческая? … таков вопрос!.. И разрешение этой задачи в том виде, как оно излагается в настоящем рассуждении, уничтожает немало хитросплетен-

ных, надменных надежд о беспредельном поступательном развитии человеческих знаний, приподымая завесу будущего и смело предсказывая вероятную судьбу строгих исследований, тщательных наблюдений, накопленных и придвинутых протекшими веками к нашему. В области вещества – избыток света ослепляет; два луча, встречаясь, образуют темную черту; в сфере духа – тот же закон: чрезмерный избыток частных сведений, собственно, изнуряет силу ведения, и книгопечатание – средство, по-видимому, способствующее распространять, сохранять и сливать воедино его приобретения, громоздя безостановочно одно на другое, наконец, дробит их, расторгает и топит все в своей бездонной пучине! Предвестия, покамест еще слабые, подобного распадения, хотя постепенного, но неизбежного, зависящего от самой природы вещей, более или менее уже заметны, богатства умственные подавляют ум; солнце правды начинает для него заходить; в мире опять вечереет, смеркается; на пределах отдаленного небосклона стелются тени ночи… После нее займется ли новая заря, настанет ли иной таинственный день; затеплит ли он свежую жизнь, или осветит только развалины?.. Кто рассеет нам густую мглу грядущего, кто дерзнет разоблачать непостижимые заветы Провидения!.. Потом встречаем разительное указание на обстоятельство, заключающее в себе с первого взгляда, по крайней мере, странное противоречие: действительно, то лишь является существенным в повествованиях о прошедшем и в выводах наук, то лишь находит осязаемое приложение в обширных объемах, что делается общим достоянием и часто назло беспристрастной, утонченной критике, неразгаданными путями переходя в незыблемое предание, превращается в слепое убеждение толпы! Вникая в смысл вопроса, составляющего основание этого труда, недоумеваешь при оценке относительного достоинства истины и вымыслов на поприще бытописания; поддаешься обаянию, в котором видения как бы воплощаются, а опытом дознанные предметы увоздушиваются и витают в эфирном пространстве легкими призраками мечты…» (Цит. по: Совершенствуется ли достоверность историческая? Сочинение графа Сергея Семеновича Уварова. – Дерпт, 1852. – С. 6–7).

[1] Вилльмень (Вильмен; фр. Abel François Villemain; 1790–1870) – французский писатель и государственный деятель. В возрасте 20 лет занял место адъюнкта при кафедре словесности в лицее Карла Великого. Затем был избран руководителем конференций по французской литературе в Эколь Нормаль. В 1812 г. стал победителем конкурса Французской академии на создание лучшей речи о Мишеле Монтене; в 1816 г. – лауреатом третьей академической премии за свое «Похвальное слово Монтескье» и занял в Сорбонне кафедру новой истории, на которой оставался недолго, перейдя на кафедру французской словесности. Итогом его кратковременных занятий историей стал труд «История Кромвеля» (“Histoire de Cromwell”. В 2 т. – Париж, 1819). Под впечатлением восстания в Греции написал исторический роман “Lascaris, или les Grecs de XV siècle” (1825) и исторический этюд “Essai sur l’état des Grecs depuis la conquête musulmane” (1825). Как государственный деятель принадлежал к школе доктринеров. При усилении реакции в последние годы царствования Карла X стал сближаться с оппозицией и в 1827 г. по поручению Французской академии редактировал петицию, направленную против цензуры. Вильмену пришлось оставить должность, которую он занимал в Государственном совете; зато популярность и влияние его как либерального профессора еще более увеличилось. В начале 1830 г. был избран в палату депутатов, но после революции избиратели не продолжили его полномочия. В 1832 г. король Людовик-Филипп возвел Вильмена в пожизненные пэры, а Французская академия, членом которой он состоял с 1831 г., назначила своим непременным секретарем. После падения кабинета Молэ в 1839 г. занял пост министра народного просвещения в кабинетах маршала Сульта и Гизо. Вильмену удалось провести законопроект о высшем и среднем образовании, в котором он старался примирить требования клерикалов и либералов. В 1844 г. вышел в отставку. В качестве критика и историка литературы занимал выдающееся положение во французской литературе первой половины XIX в. Вильмену были присущи тонкий вкус, глубокое понимание историко-литературных явлений, большая эрудиция и прекрасный язык. Автор трудов: «Курс французской лите-

ратуры с XVIII века» (“Cours de literature française, tableau du XVIII siècle”; 1828–1830, 1864), «Картина христианского красноречия в IV веке» (“Tableau de l’éloquence chrétienneau IV siècle”; 1846; 2-3-е изд. – 1870), «История Григория VII» (“Histoire de Grégoire VII”), “Discour set mélanges littéraires” (1823), “Nou veaux mélanges historique set littéraires” (1827); «Очерки древней литературы и зарубежной» (“Etudes de literature ancienneet étrangère”; 1846), «Очерки современной истории» (“Etudes d’histoire modern”; 1846), “Souvenirs contemporains d’histoireet de literature”(1856), “Tribune contemporaine. M. De Chateaubriand” (1857), “Essais sur legéniede Pyndare” (1859). В брошюре «Франция, империя и папство» (“La France, l’empire et lapapauté”) Вильмен встал на защиту светской власти папы.

Вильмен создал множество статей, рецензий, предисловий, речей и академических отчетов; наиболее значимым из них являлось предисловие к словарю Французской академии 1835 г. «Речь о французском языке» (“Discours sur la langue française”).

[2] Нибур Бартольд Георг (нем. Niebuhr Barthold Georg; 1776–1831) – немецкий историк античности, датчанин по происхождению, был сыном датского путешественника-ориенталиста Карстена Нибура. В 1810–1813 гг. Нибур преподавал в Берлинском университете, с 1825 г. являлся профессором Боннского университета. Главный труд Нибура – «Римская история» (“Römische Geschichte”. Bd. 1–3. – Berlin, 1811–1832, 2-е изд. в 3 т. – Berlin, 1873–1874) – остался незавершенным, изложение доведено Нибуром до кон. 1-й Пунической войны (241 г. до н. э). Ряд других филологических и исторических работ впервые вошли в издания “Kleine historische und philologische Schriften”. Bd. 1–2. – Bonn, 1828–1843; “Historische und philologische Vorträge”. Bd. 1–8. – Berlin, 1846–1858. Нибур считался основателем критического метода в изучении истории. Отказавшись от простого отрицания достоверности римской исторической традиции, старался проследить возникновение этой традиции и на основании исследований извлечь из римской исторической традиции пользу для современной ему историографии. Он полагал, что у древних римлян существовал свой эпос, который не был записан, а потому и не со-

хранился. Однако утраченные эпические песни исторического содержания в измененном виде составили основу традиции о древнейшем Риме. Большую роль в построениях Нибура играли этнографические данные и метод аналогии (для объяснения некоторых явлений в Древнем Риме изучал современные ему пережитки родовых отношений у различных народов). Нибуру принадлежит теория о возникновении Рима из слияния разноплеменных общин и теория происхождения плебеев в результате завоевания римскими царями латинских поселений. Он первым признал существование родового строя у древних римлян, как и у других народов, но при этом считал, что род является искусственной организацией (группой семей). Взгляды Нибура оказали большое влияние на развитие европейской, в частности русской, историографии (в России среди сторонников метода Нибура были профессора-историки П. Н. Кудрявцев, Н. А. Полевой, Т. Н. Грановский). Ряд положений Нибура отвергаются современной историографией (например, возникновение древнейшей римской исторической традиции из эпоса). Однако значение Нибура как основоположника критического конструктивного метода в изучении истории признается в современной исторической науке.

[3] Вольф Фридрих Август (нем. Wolf Friedrich August; 1759–1824) – немецкий филолог, профессор в Галло, автор сочинения “Prolegomena in Homerum” (1795), которое явилось новой трактовкой истории культуры. Вольф утверждал, что «Илиада» и «Одиссея» являлись произведениями не одного только Гомера, а множества рапсодов. К этому выводу Ф. А. Вольф пришел не только путем анализа внутренней структуры поэм, но и через тщательное изучение изданной примерно в то же время схолии к «Илиаде». Вольф доказывал, что, судя по схолиям, у филологов эллинистического времени не было надежного текста. По его мнению, античные источники свидетельствовали, что первая запись разрозненных гомеровских поэм была сделана в Афинах в VI в. до н. э.

[4] Гомер (греч. Hómeros) – легендарный эпический поэт Древней Греции. В античных сообщениях о Гомере исторически реальный типичный образ слепого странствующего певца переплетается с фантастическими измышлениями, свиде-

тельствующими об отсутствии достоверных сведений о личности Гомера. За честь называться родиной Гомера спорили, согласно античной традиции, семь городов (Смирна, Хиос, Колофон, Саламин, Родос, Аргос, Афины); по-разному определялось и время жизни Гомера – между XII и VII вв. до н. э. Само имя Гомера нередко истолковывалось в античности и в новое время как нарицательное имя «заложника» или «слепца». Гомеру приписывалось авторство значительной части репертуара исполнителей эпоса (рапсодов). Позже античная критика выделила в качестве якобы подлинных произведений Гомера две эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея», а также более мелкие произведения («гомеровские гимны», комическую поэму «Маргит» и др.). Вся совокупность проблем, связанных с преданиями о Гомере и с возникновением приписываемых ему произведений, составила еще не получивший окончательного разрешения Гомеровский вопрос.

[5] Ромул – один легендарных братьев, основавших город Рим. Легенда гласила, что Ромул был сыном жрицы богини Весты Реи Сильвии и бога Марса.

[6] «Илиада» – эпическая поэма, созданная в одном из наиболее древних стихотворных размеров – гекзаметре, приписываемая Гомеру, древнейший из сохранившихся памятников греческой литературы. Основой «Илиады» послужили сказания о подвигах героев Древней Греции. Действие отнесено к десятому году осады Трои (Илиона) соединенным ополчением греческих вождей. «Илиада» охватывает незначительный промежуток времени – эпизод из истории осады Трои. Текст «Илиады» сохранился в редакции александрийских филологов (III в. до н. э. – II в. до н. э.), которые разделили его на 24 книги.

[7] Пунические войны – войны, которые Рим вел с Карфагеном. Жителей Карфагена называли пунами. Первая Пуническая война происходила в 264–241 гг. до н. э.; вторая – в 281–201 гг. до н. э.; третья – в 149–146 гг. до н. э.

[8] Нум, Нума Помпилий – имя второго римского царя после легендарного Ромула. В период царствования Нума Помпилия происходили важнейшие государственные реформы, связанные с выработкой новых законов; введением религиозных обрядов; строительством храмов; формированием сословного

строя римского общества и деления граждан на сословия; созданием коллегий жрецов и ремесленников.

[9] Гораций Коклес (лат. Cocles Horatius; дословный перевод – «одноглазый», «кривой»; VI в. до н. э.). Прозвище римского национального героя из рода Горациев, который со Спурием Ларцием и Титом Герминием защищал против этрусской армии Порсены мост через Тибр под Римом. Согласно легенде, Гораций Коклес сдерживал натиск армии Порсены на деревянном узком Субликийском мосту через Тибр, пока мост под ним не обрушился; он был вынужден спасаться вплавь, добравшись до другого берега. С обрушением Субликийского моста этруски не могли проникнуть в Рим. Эта история, рассказанная Титом Ливием, вероятно, была сочинена с целью либо прославить легендарных основателей Рима, либо объяснить существование древней одноглазой статуи, которая стояла около Субликийского моста уже в исторические времена. Легенда гласит, что статуя была воздвигнута в честь Горация Коклеса. Герою Рима было дано столько земли, сколько он мог обвести бороздой в один день.

[10] Тит Ливий (лат. Titus Livius; 59 до н. э. – 17 н. э.) – римский историк, Тит Ливий являлся автором «Истории Рима от основания города».

[11] Vates– в древнейших культах так назывался прорицатель, толкователь.

[12] Юм Давид (англ. Hume David; 1711–1776) – английский экономист, философ, историк, происходил из Шотландии.

[13] Оссиан – поэт-бард из древних шотландских легенд. Баллады, якобы созданные Оссианом, были позднейшей фальсификацией, созданной в 1760 г. шотландским поэтом Джорджем Макферсоном (1736–1796).

[14] Беранже Жан Пьер (фр. Béranger Pierre-Jean de) – французский поэт, на стихи которого создано множество песен, ставших народными.

[15] Марко Сен-Илер, Сент-Илер Эмиль-Марк (фр. Marco de Saint-Hilaire; 1790–1887) – французский писатель, автор ряда романов и множества разнообразных произведений, проникнутых стремлением возвеличить Первую империю. Среди его наиболее важных сочинений, имевших успех и спо-

собствовавших созданию так называемой наполеоновской легенды “Mémoires d’un page delacour imperial” (1830), “Souvenirs de la vieprivée de Napoléon” (1838), “Souvenirs in times du temps de l’Empire” (1838–1839), “En tretiens sur la viep rivéede Napoléon” (1839); «Популярная история Наполеона и великой армии» (“Histoire populaire de Napoléon et de la grande armée”, 1842), “Napoléon au conseil d’Etat” (1843), “Napoléon au bivouac, aux Tuilerieset à Sainte-Hélène” (1844, пер. на русск.: СПб., 1847), “Napoléon en champagne” (1844), “Histoire anecdotique, politique et militaire de la garde imperial” (1845–1846), «История военного похода в Россию в течение 1812 года» (“Histoire de la champagne de Russie pendant l’annee 1812”, 1846–1848), “Histoire des conspiration set de sex écutions politiques” (1849), «Два Императора, Наполеон I и Наполеон III» (“Les deux empereurs, Napoléon I et Napoléon III”, 1853), «История Наполеона III» (“Histoire de Napoléon III”, 1853).

[16] Геродот (греч. *Ηρόδοτος*; между 490 и 480 – ок. 425 до н. э.) – древнегреческий историк. В молодости принимал участие в борьбе с тиранией и был вынужден покинуть Галикарнас после установления тирании. Некоторое время жил на острове Самос. Посетил Малую Азию, Вавилон, Финикию, Египет, Кирену, различные города балканской Греции, побережье Черного моря вплоть до Ольвии, где собирал сведения о скифах. Длительное время жил в Афинах, стал приближенным вождя афинской демократии Перикла, что оказало сильное влияние на его политические взгляды. Из Афин ок. 443 г. до н. э. переселился в Фурии. Главный труд Геродота под условным названием «История» посвящен важнейшему политическому событию греческой истории – греко-персидским войнам 500–449 гг. до н. э.). Изложение событий доведено в «Истории» до взятия греками г. Сеста (в Геллеспонте) в 478 г. до н. э. Впоследствии александрийские ученые разделили сочинения Геродота на 9 книг – по числу муз; каждая книга была названа именем одной из муз. Главным мотивом «Истории» стала идея борьбы греческого мира с миром восточным. Произведение Геродота существенно отличается и от эпоса, и от историко-мифологических повествований (местных хроник, генеалогий и землеописаний) первых греческих прозаиков-логографов. Выработал свой стиль исторического

повествования, в котором фактографичность сочетается с художественностью. Историчность главной темы, грандиозность и единство замысла делают труд Геродота первым историческим произведением в собственном смысле слова, что и дало право его автору на почетное имя «отец истории».

[17] Фукидид (греч. Θουκυδίδης; ок. 460/455 – ок. 400 до н. э.) – древнегреческий историк. Происходил из знатной и состоятельной афинской семьи, получил хорошее образование, был знаком с современными научно-философскими школами, представленными Анаксагором, Гиппократом, испытал сильное воздействие со стороны старших софистов (Протагора, Горгия, Антифонта). Большое впечатление на Фукидида произвели личность и деятельность вождя афинской демократии Перикла. Принимал участие в политической жизни; во время Пелопоннесской войны в 424 г. до н. э. был стратегом и командовал афинской эскадрой у берегов Фракии. Однако не сумел помешать спартанскому полководцу Брасиду овладеть Амфиполем, вследствие чего подвергся осуждению в Афинах и должен был уйти в изгнание. В течение 20 лет, находясь вдали от родины, занимался сбором материала для своего исторического труда, к работе над которым приступил еще в самом начале войны. В Афины вернулся по окончании войны в 404 г. до н. э. Главный труд – «История» – сочинение в 8 кн., который посвящен истории Пелопоннесской войны 431–404 гг. до н. э. (изложение доведено до осени 411 г. до н. э.). Первая книга является общим введением к истории Пелопоннесской войны; начало (гл. 1–23) представляет древнейшую греческую историю и называется обычно «Археологией». Последняя, 8-я книга, представляется исследователям наименее завершенной по сравнению с предыдущими. Вероятно, смерть помешала Фукидиду довести сочинение до конца Пелопоннесской войны. Вопрос о времени составления, замысле и композиции труда Фукидида служит предметом научной дискуссии.

Штейн и Поццо ди Борго

Впервые опубл. отдельным изданием: Stein et Pozzo di Borgo. – SPb., 1846.

Повторно: Stein et Pozzo di Borgo. – Paris, 1847.; Штейн и Поццо ди Борго / Пер. и предисл. М. Розберга. – Дерпт, 1847. – 28 с.

Печатается по тексту повторной публикации.

[1] Поццо ди Борго Карл Осипович (фр. Pozzo di Borgo Charles André; 1768–1842) – граф, дипломат на русской службе, родом корсиканец. В 1789–1791 гг. – представитель Корсики во французском Учредительном собрании. Эмигрировал из Франции как роялист. К пришедшему к власти Наполеону испытывал непримиримую ненависть, энергично боролся за реставрацию Бурбонов. В 1805 г. поступил на русскую службу; выполнял дипломатические поручения в Вене, Неаполе и Константинополе. После Тильзитского мира вышел в отставку и уехал из России. В 1812 г. снова поступил на русскую службу. В 1813 г. был послан в Швецию, где успешно вел переговоры с графом Бернадоттом о присоединении Швеции к шестой антифранцузской коалиции. В 1814 г. был назначен посланником (с 1821 г. – послом) при Людовике XVIII, которого сопровождал в эмиграцию в период «Ста дней». Имел значительное влияние на Людовика XVIII, который часто обращался к нему за советами по вопросам не только внешней, но и внутренней французской политики. Принимал участие в качестве уполномоченного России на Венском конгрессе и во всех конгрессах Священного союза. Всецело проникнутый принципами легитимизма, постоянно настаивал на применении самых решительных мер против освободительного и революционного движения. После вступления на престол Николая I составил записку, в которой рекомендовал Императору сблизиться с Францией. Этот совет пришелся ко времени: первые 5 лет царствования Николая I отмечены ослаблением связей с Австрией и Пруссией и укреплением русско-французских и русско-английских отношений. К Июльской революции во Франции Поццо отнесся резко враждебно. Хотя он и советовал Николаю I признать Луи Филиппа королем, считая крайне нежелательным обострение русско-французских отношений, однако рекомендовал царю вернуться к старым связям с Австрией и Пруссией. В 1835 г. был переведен послом в Англию и оставался на этом посту до 1839 г., когда вышел в отставку. Пребывание во Франции и

Англии убедило Поццо в отсутствии непримиримых противоречий между этими двумя странами в восточных делах, что заставило его предупредить Николая I о возможности военного столкновения с ними. Царь не разделял опасений Поццо, но Крымская война подтвердила его правоту.

[2] Штейн Генрих Фридрих Карл (нем. Stein Heinrich Friedrich Karl; 1757–1831) – имперский барон, государственный деятель, знаменитый прусский реформатор нач. XIX в. Фамилия Штейн принадлежала к имперскому рыцарству. Владения ее лежали по р. Лану близ графства Нассау. Во время реформации предок Штейна принял лютеранство. С начала 1780-х гг. занимал ряд важных постов в горной промышленности Вестфалии. В 1804 г. получил в свое ведение на правах министра оба департамента генеральной директории, где были сосредоточены финансовые дела. В 1804–1807 гг. был министром при кабинете прусского короля Фридриха-Вильгельма III.

В апреле 1806 г. написал «Изображение неудовлетворительной организации кабинета и необходимости образования конференции министров». «Пруссия, – говорил он, – не имеет государственного устройства; верховная власть не разделена между главой государства и представителями нации; поэтому для нее особенно важно правильное устройство управления». Штейн восстает против кабинета: между королем и министрами должны установиться прямые сношения, а собрания министров должны быть целесообразно организованы на основании закона. Штейн предложил учреждение пяти министерств: военного, иностранных дел, внутренних дел, финансов и юстиции. Министры образуют тайный внутренний Государственный совет. Советники кабинета не должны делать монарху предложений. Штейн был членом учрежденного на время войны Государственного совета. После поражений при Йене и Ауэрштедте принимал участие в конференциях по вопросу о перемирии с Наполеоном. Король, оценивший в трудное время способности Штейна, предложил ему портфель министра иностранных дел, но барон отклонил это предложение. Между тем Штейн настаивал на уничтожении кабинета и удалении некоторых лиц, особенно близких королю, влияние которых он считал вредным. Король соглашался лишь

отчасти на план Штейна, не хотел отказаться от кабинета, и дело кончилось отставкой Штейна 4 января 1807 г., причем Фридрих-Вильгельм III написал о нем очень резкий отзыв. Так закончилось первое министерство Штейна. Однако Штейн был в тогдашней Пруссии слишком заметной личностью; и уже осенью того же 1807 г. король счел необходимым снова призвать Штейна на пост министра. Тильзитский мир отнял у Пруссии половину территории, она должна была заплатить огромную контрибуцию. Первой мерой после назначения Штейна был указ 9 октября 1807 г. относительно отмены крепостной зависимости, который был составлен ранее и должен был получить действие лишь в восточных провинциях Пруссии. Однако Штейн распространил его на всю территорию государства. По мнению министра, эта мера должна была поднять популярность правительства и укрепить его. Той же цели должны были служить другие реформы, задуманные Штейном. Наполеон понял, что эти реформы имели целью усилить Пруссию, подготовить сопротивление французам и потом поднять весь народ против последних. Император резко осудил деятельность Штейна в газете «Монитор», и 24 ноября 1808 г. министр был вынужден уйти в отставку. В 1809 г. Наполеон конфисковал имения Штейна и объявил его врагом Франции и Рейнского союза. Барон был вынужден оставить родину и уехал в Россию. Во время похода Наполеона в Россию снаряжал немецкий легион; потом, когда война была перенесена в Германию, был назначен Императором Александром I во главе управления отвоеванными у французов немецкими провинциями, но по настоянию австрийцев осенью 1813 г. значение этого «центрального правительственного совета», во главе которого стоял Штейн, было сильно ограничено в правах. В 1814 г. был на конгрессе в Вене, где пользовался большим влиянием, хотя не имел официального положения. Уже с 1812 г. Штейна очень занимал вопрос о новом устройстве Германии. Его взгляды на будущий строй родины менялись, но всегда оставалось основное стремление: добиться прочного объединения, которое создало бы сильную Германию. Воспитанный в уважении к Германской империи, Штейн мечтал о ее восстановлении, но с существенными улучшениями – с усилением представитель-

ства, с земскими чинами во всех отдельных государствах, с общими, обеспеченными законом правами для каждого немца. Надежды на осуществление этого плана не было ввиду сопротивления Австрии; поэтому Штейн готов был принять временно или дуализм, т. е. подчинение мелких государств двум крупным (Австрии и Пруссии), или союз, в котором исполнительная власть находилась бы в руках четырех более крупных государств с представительством от князей и ландтагов. Созданный Венским конгрессом Германский союз оказался очень далеким от идеала Штейна. С другой стороны, и в Пруссии вскоре стала усиливаться реакция против реформ, что закрыло Штейну возможность возвращения к власти. Последние годы жизни он провел в Вестфалии. С 1827 г. состоял членом прусского Государственного совета и был маршалом первого вестфальского ландтага. Идея представительства, вытекающего из признания народного суверенитета, как она утвердилась во Франции во время революции, была чужда Штейну. Столь же далек он был и от тенденции к безусловному уравнению граждан. Проводя меры, сглаживавшие многие различия между сословиями и предоставлявшие населению большую экономическую свободу, Штейн не был противником начала сословности, высоко оценивая роль дворянства как «опоры наследственной монархии». В связи с таким отношением к исторически сложившимся группам можно объяснить сопротивление Штейна разрушению корпоративных связей, какое было проведено во Франции: союзы всякого рода (например, цехи) Штейн ценил как средство политического и морального воспитания людей.

[3] Данте Алигьери (итал. Dante Alighieri; 1265–1321) – итальянский поэт, автор поэмы «Божественная комедия» (“La Divina commedia”, 1307–1321). В 1302 г. был изгнан из Флоренции в процессе политической борьбы сторонников папской власти (гвельфов) и сторонников Императорской власти (гибеллинов).

[4] Макиавелли Никколо (итал. Machiavelli; 1469–1527) – итальянский общественный деятель, политический мыслитель, историк, военный теоретик. Происходил из патрицианской, но обедневшей флорентийской семьи. Во время восстановления республики во Флоренции играл видную роль в политической

жизни, выполняя различные дипломатические поручения. После возвращения Медичи был удален от дел, что обеспечило ему досуг для занятия философскими трудами. Уваров подчеркивает, что Макиавелли изгнали из Флоренции в 1512 г. из-за возвращения Медичи. Одако в отличие от Данте, который так и не смог вернуться во Флоренцию, Макиавелли вернулся из ссылки в 1519 г. Основные произведения: «Государь», «Рассуждения на I декаду Тита Ливия», «История Флоренции».

[5] Карфаген должен быть разрушен (лат.) – крылатое выражение принадлежит Катону Старшему (234–149 до н. э.).

[6] Паоли Паскаль (фр. Paoli Pascal; 1725–1807) – корсиканский политический деятель, борец за независимость острова. После присоединения Корсики к Франции эмигрировал в Англию. В 1790 г. дал присягу Национальному собранию, объяснив, что изменился не он, а Франция. В дальнейшем был разочарован тем, что Конвент не намеревался предоставлять Корсике независимость. Паоли начал переговоры с Англией, из-за чего был объявлен изменником. Когда Корсика была захвачена Англией, Паоли призвал соотечественников признать власть английского короля. После этого эмигрировал в Англию.

[7] Ариосто – см. комментарий [12] к ст. «Речь Президента Императорской академии наук…». – С.

[8] Уваров говорил о «Рассуждении о первой декаде Тита Ливия» (1513–1517), автором которых был Макиавелли.

[9] Альфиери Витторо (итал. Alfieri Vittorio; 1749–1803) – итальянский драматург.

[10] Мирабо Оноре Габриель Рикети (Mirabeau Riqueti; 1749–1791) – граф, деятель Французской революции 1789 г. В 1776 г. Мирабо бежал за границу, был заочно приговорен к смертной казни, но впоследствии амнистирован. Находясь в изгнании, подвергаясь новым тюремным заключениям, Мирабо совершенствовал свой незаурядный ораторский и литературный талант, выступая с защитительными речами и публикуя произведения, направленные против монархической формы власти. После возвращения в Париж в 1786 г. был послан с дипломатической миссией в Пруссию. В 1789 г. Мирабо избирается в Генеральные Штаты от третьего сословия Марселя и Экса. Мирабо изобличал абсолютистский режим

в своих речах. Его политический идеал заключался в цензовой парламентской монархии, близкой по типу к английской. Мирабо постепенно переходил на консервативные позиции и становился лидером крупной буржуазии, в то же время вступил на путь поисков тайного соглашения с королевским двором. За крупное вознаграждение и обязательство погасить его огромные долги Мирабо стал секретным агентом королевского двора. Ж. П. Марат, М. Робеспьер заподозрили Мирабо в измене. Однако до внезапной смерти Мирабо его тайная сделка с королевским двором оставалась неизвестной, и он был похоронен в Пантеоне. Лишь после свержения монархии в августе 1792 г. были обнаружены документы, доказывавшие сотрудничество Мирабо с королевским двором, поэтому прах Мирабо из Пантеона был перенесен на кладбище для преступников в предместье Сен-Марсо.

[11] Питт Уильям Младший (англ. Pitt William; 1759–1806) – британский государственный деятель, с 1781 г. – член парламента, лидер «новых тори». В 1783–1801 и 1806–1806 гг. занимал пост премьер-министра.

[12] Берк Эдмунд (англ. Burke Edmund; 1729–1797) – английский государственный деятель, по происхождению ирландец, публицист, автор труда «Размышления о революции во Франции»(“Reflections on the Revolution in France”, 1790). Берк принадлежал к партии вигов; заседал в парламенте с 1766 г. до самой смерти. Боролся за процветание Ирландии, выступая против владения земельной собственностью лендлордами, живущими вдали от Ирландии (absentee landlordism), защищая торговые права Ирландии, отстаивая меры, направленные на эмансипацию католиков. Симпатизировал американским переселенцам; являясь представителем Англии в штате Нью-Йорк, публиковал статьи о несправедливом налогообложении колоний и о необходимости примирения с ними. Берк как политик-виг, человек, чье имя связано с многочисленными либеральными деяниями, считается проповедником консервативных мыслей. Одна из причин этого кроется в отношении Берка к событиям 1789 г. во Франции. В «Размышлениях о революции во Франции» он отверг утверждения революционеров о том, что они в состоянии перестроить систему правления на осно-

ве абстрактных универсальных принципов. Непосредственным поводом для написания книги послужило выступление одного из его противников – Ричарда Прайса (Price) в поддержку провозглашенных революцией принципов.

[13] Уваров говорит об австро-французской войне 1809 г.

[14] В двух генеральных сражениях при Йене и Ауэрштедте 17 октября 1806 г. Наполеон разгромил прусскую армию.

[15] Гетц фон Берлихенген – герой одноименной трагедии И. В. Гете. Гетц фон Берлихенген был наемным воином. Литературный образ Гетца фон Берлихенгена сильно облагорожен, у Гете он проповедует идеи гуманизма и свободы.

[16] Шарнгорст Герхард Иоганн Давид (нем. Scharngost Gerhard Johann David; 1755–1813) – прусский военный и государственный деятель, участник войн против Наполеона в 1807–1811 гг. Исполнял обязанность начальника Генерального штаба, являлся председателем комиссии по реорганизации армии. В результате осуществленных им реформ – введение всеобщей воинской повинности, подготовка и обучение резервных военных кадров, повышение профессионализма офицерства – была создана национальная прусская армия.

[17] Гнейзенау Август Вильгельм Антон (нем. Gneisenau August Wilhelm Antonius; 1760–1831) – прусский военный деятель, с 1814 г. – фельдмаршал. Вместе с Шарнгорстом являлся членом комиссии по реорганизации прусской армии. По требованию Наполеона в 1809 г. подал в отставку.

[18] Людовик (1772–1806) – принц прусский, сын принца Фердинанда, брата Фридриха Великого. Людовик-Фердинанд участвовал в войнах 1794–1796 гг. В 1805 г. принадлежал к представителям воинственной партии, стоявшей за тесный союз с Австрией против Наполеона. В начале войны в 1806 г. ему поручено было начальство над авангардом корпуса Гогенлогэ. 10 октября, встретившись с превосходящими неприятельскими силами у Заальфельда, вступил в бой, окончившийся уничтожением его отряда, и сам Людовик пал после храброй обороны. В 1823 г. его сестра, княгиня Радзивилл, поставила памятник на поле сражения.

[19] Шилльфон Фердинанд Батиста (нем. Schill Ferdinand; 1776–1809) – прусский офицер-партизан. В 1809 г., командуя

отрядом добровольцев, провел военную авантюру в Вестфалии, чтобы спровоцировать военное столкновение между Пруссией и Францией. Король Вестфалии Жером Бонапарт назначил за голову Шилля награду; действия партизана осудил и прусский король Фридрих-Вильгельм III. Однако Шиллю удалось занять г. Штральзунд. Вскоре он был разбит голландцами и датчанами и погиб в сражении.

[20] Фихте Иоганн Готлиб (нем. Fichte Johann Gottlieb; 1762–1814) – немецкий философ, представитель классического идеализма. Уваров говорил о знаменитом сочинении Фихте «Речи к немецкой нации» (1808), в которой философ утверждал необходимость воспитания немецкого национализма.

[21] Арндт Эрнст (нем. Arndt Ernst; 1769–1860) – немецкий писатель, поэт, ученый и общественный деятель. Начал карьеру ученого в 1800 г. в качестве приват-доцента германской филологии и истории в Грейфсвальдском университете. С 1803 по 1804 г. жил в Швеции. В 1806 г. вернулся в Грейфсвальд и занял должность экстраординарного профессора. В статьях Арндт призывал к сопротивлению Наполеону. Из-за этих выступлений был вынужден бежать в Швецию. После заключения мира со Швецией в 1810 г. приступил к обязанностям профессора в Грейфсвальдском университете. Однако в 1812 г. был вынужден эмигрировать в Россию, где в С.-Петербурге стал сотрудничать со Штейном. В 1813 г. в Германии вместе со Штейном выступал с призывами бороться против Наполеона. В это время писал патриотические стихи. После падения Наполеона во время конгрессов стран Священного союза подвергался преследованиям со стороны властей за националистические и демократические взгляды, из-за чего лишился права преподавать в университетах до 1840 г., когда на престол взошел Фридрих-Вильгельм IV. В конце жизни занимал должность ректора Боннского университета.

[22] Кернер Карл-Теодор (нем. Körner; 1791–1813) – немецкий драматург, поэт. Во время наполеоновских войн воевал в Силезии в партизанском отряде. Автор популярных патриотических стихов.

[23] Тугендбунд (нем. Tugendbund – союз добродетели) – тайное общество, существовавшее в Германии. Основан в 1808 г. для борьбы с господством Наполеона в Германии. Устав

этого общества, предполагавший соединения законных и нелегальных способов борьбы, был образцом для деятельности декабристского Союза благоденствия (1818–1820).

[24] Фосс Иоганн Генрих (нем. Voß; 1751–1826) – немецкий поэт, переводчик, принадлежавший к течению «Бури и натиска», профессор Гейдельбергского университета.

[25] Гогенштауфены – династия германских императоров из швабского княжеского рода. Правили Священной Римской империей в 1138–1254 гг.

[26] Вероятно, Фридрих II (1712–1786) – прусский король с 1740 г., из династии Гогенцоллернов, крупный полководец; в результате его завоевательной политики (Силезские войны 1740–1742 гг. и 1744–1745 гг., участие в Семилетней войне 1756–1763 гг., в первом разделе Польши в 1772 г.) территория Пруссии увеличилась почти в два раза.

[27] Густав-Адольф (нем. Gustav Adolfs; 1594–1632) – шведский король. Воевал с Россией, Польшей и Данией; участвовал в 30-летней войне, в которой одержал свои наиболее знаменитые победы. Один из крупнейших военных деятелей и полководцев своего времени, ввел ряд усовершенствований в дело организации и вооружения армии, отчасти не утративших своего значения и до сих пор.

О Гете в торжественном собрании Императорской академии наук

Впервые опубл. отдельным изданием на фр. яз.: Noticesur Goethe. – SPb., 1833.

Повторно: О Гете. В торжественном собрании Императорской академии наук в С.-Петербурге. Читано президентом Академии 22 марта 1833 г. – М., 1833. – 29 с.

Повторно на фр. яз. в сборнике работ Уварова: *Ouvaroff*. Etudes de philology et decritique. – Spb., 1843. – P. 337–353.

Печатается по тексту повторного русского издания.

Речь президента Императорской академии наук Уварова была произнесена 22 марта 1833 г. на торжественном заседании Императорской академии наук и посвящена памяти И. В. Гете, скончавшегося 22 марта 1832 г.

В Европе речь Уварова вызвала различные отклики. Приветственным словом на речь Уварова откликнулся О. де Бальзак: «Право, я думаю, что автор похвалы Гете удостоил видеть во мне собрата» (Цит. по: *Дурылин С.* Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. Т. 4–6. – М., 1932. – С. 216). В то же время в круге Гете в Веймаре речь Уварова, по словам автора, произвела иное впечатление. Своему педагогу древнегреческого языка, профессору Ф. Грефе, Уваров с горечью писал: «По-видимому, меня хотят обвинить за то, что я не слишком фанатически и без идолопоклонства трактовал Гете» (Там же. – С. 216).

Речь Уварова о Гете сразу была переведена на русский и немецкий языки. Русский перевод И. Давыдова «О Гете. В торжественном собрании Императорской С.-Петербургской академии наук. Читано президентом Академии 22 марта 1833 г.» (М., 1833) сопровождено вступлением «От переводившего». Два немецких перевода того же года принадлежали профессору Дерптского университета К. Моргенштерну (Über Goete… – SPb., 1833) и доктору Людвигу (Literarische Blätterder Börsen-Halle. – 1833. – № 829. – 3 Juli) (См.: *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. – Л., 1982. – С. 513. Примечания // *Уваров С. С.* Избранные сочинения / Предисл., сост. и коммент. В. С. Парсамова. – М., 2010. – С. 267–628).

[1] Шлегель Фридрих (нем. Schlegel Friedrich; 1772–1829) – немецкий критик, филолог, философ-идеалист, писатель, теоретик романтизма, философ культуры, языковед, писатель. Брат Августа-Вильгельма Шлегеля. Изучал классическую филологию в Лейпциге. В статьях 1790-х гг. видел в древнегреческой поэзии прообраз истинного искусства, воплощение «объективно-прекрасного», резко критиковал культуру и искусство нового времени за господство «манерного, характерного и индивидуального», смешение жанров, неустанное стремление к «новому, пикантному и поразительному» и т. п. («Об изучении греческой поэзии», 1797). В 1796–1801 гг. в Йене Ф. Шлегель издавал вместе с А.-В. Шлегелем журнал «Атенеум» (“Athenaeum”, 1798–1800), сформулировал программные идеи йенского кружка романтиков. Ф. Шлегель разрабатывал

учение о романтической иронии и др. Утверждал специфическую ценность современного, *романтического* искусства (его отличие от классического, *античного*), вершинами его считал Данте, Шекспира, Сервантеса, Гете. В многочисленных фрагментах и афоризмах выдвинул утопический идеал новой, универсальной поэзии и культуры, эстетически преображающей мир, устремленной к «бесконечной полноте универсума», находящейся в непрестанном процессе творческого становления, принципиально незавершенной, постоянно рефлектирующей по поводу себя и своих созданий, сливающей воедино искусство, философию, науку и религию (прообраз такого слияния Шлегель видел в древней мифологии и мечтал о новой мифологии, зачатки которой усматривал в новейшем естествознании и послекантовской идеалистической философии. – «Разговор о поэзии», 1800). Фридрих Шлегель – один из основоположников немецкой индологии. С 1809 г. состоял на австрийской государственной службе, сотрудничал с князем К. Меттернихом. Республиканизм и приверженность идеям Великой французской революции в 1790-х гг. сменились теперь консервативно-романтическим идеалом «истинной империи», олицетворяемой австрийской сословной монархией (журнал «Конкордия» (“Concordia”, 1820–1823). В «Философии жизни» (1828), «Философии истории» (Т. 1–2, 1829), «Философии языка и слова» (1830) развивал идеи универсальной «христианской философии». Критикуя различные философские системы, особенно немецкий классический идеализм, как формы «расколотого сознания», предпосылкой подлинной «философии жизни», основанной на принципах христианского «спиритуализма», считал восстановление внутренней целостности человеческого сознания в единстве всех душевных способностей (разума, фантазии, воли).

[2] Шлегель Август-Вильгельм ((нем. Schlegel August Wilhelm; 1767–1845) – немецкий романтик, литературный критик, переводчик и поэт, историк литературы, критик, переводчик и поэт, иностранный почетный член С.-Петербургской академии наук (1824). Как и его брат Ф. Шлегель, А. В. Шлегель – ведущий теоретик романтизма – впервые дал систематическое изложение его идей. Изучал классическую филологию в Гет-

тингенском университете в 1787–1791 гг. С 1818 г. преподавал в Боннском университете историю литературы, занимался санскритологией; один из основоположников сравнительного языкознания. Принадлежал к йенскому кружку немецких романтиков. В своих работах («Берлинский курс лекций о литературе и искусстве», 1801–1804, изд. в 1884 г.; «Венские лекции о драматическом искусстве и литературе», 1808, изд. в 1809–1811 гг.) дал первое систематизированное изложение историко-художественной концепции романтизма, получившее европейскую известность. Новому, романтическому искусству отчетливо противопоставлял древнее, античное. Видный теоретик художественного перевода, переводил сочинения Данте, П. Кальдерона, Ф. Петрарки; непревзойденными остаются его переводы драм У. Шекспира.

[3] Кювье Жорж Леопольд (фр. Cuvier Jean Léopold, 1769–1832) – французский естествоиспытатель, получил образование в Каролингской академии в Штутгардте на факультете камеральных наук. В 1795 г. получил должность профессора в Центральной школе Пантеона. Также преподавал сравнительную анатомию в Жарден де Плант. С 1796 г. – член Национального института. В 1800 г. получил кафедру естественной истории в Университете Коллеж де Франс. Член Французской академии, пэр Франции.

[4] Сестини Доменико (итал. Sestini Domenico; 1750–1832) – итальянский нумизмат, путешественник. Путешествовал по всей Европе и посетил бо́льшую часть стран Востока в поисках древних монет. Кроме того, исследовал природу, население, топографию и промышленность стран. На склоне лет удостоен звания профессора Пизанского университета.

[5] Ремюза Жан-Пьер-Альбер (фр. Rémusat Jean-Pierre Abel; 1788–1832) – французский ориенталист, профессор китайского и маньчжурского языков в Университете Коллеж де Франс. Президент Азиатского общества.

[6] Шампольон Жан Франсуа (Шампольон Младший; фр. Champollion Zhan-Fransua; 1790–1832) – французский ученый, основатель египтологии, член Академии надписей с 1830 г. К 17-ти годам Шампольон овладел греческим, латинским, коптским, арабским и другими восточными языками. В

1807–1809 гг., живя в Париже у брата – известного археолога Шампольона-Фижака, занимался в Школе восточных языков и Коллеж де Франс. С 1809 г. преподавал в университете Гренобля (в 1809–1812 гг. – ассистент; в 1812–1815 и в 1818–1821 гг. – профессор истории). В 1815 г. после «Ста дней» был уволен как активный сторонник Наполеона. В 1821 г. переехал в Париж. После многолетней работы над надписью Розеттского камня в 1822 г. сделал сообщение в Академии надписей, в котором изложил основные принципы дешифровки иероглифического письма древних египтян. Его метод дешифровки оказал значительное влияние на работы по дешифровке других древних восточных систем письменности. Шампольон доказал, сравнивая собственные имена царей, что иероглифы имеют фонетическое значение и вместе с тем могут быть идеограммами, т. е. показал смешанный характер древнеегипетской письменности. Он установил правильную последовательность развития египетского письма – иероглифическое, иератическое, демотическое. В 1824–1826 гг. изучал египетские памятники в музеях Италии; после возвращения был назначен хранителем Египетского музея в Лувре. В 1828–1830 гг. возглавлял археологическую экспедицию в Египет, где было собрано и скопировано огромное количество текстов, изображений и памятников искусства, опубликованных после смерти Шампольона в монументальном издании «Памятники Египта и Нубии» (“Monuments de l’Égypte et de la Nubie”.V. 1–4. – 1835–1845). В 1827 г. был избран почетным членом Императорской академии наук в С.-Петербурге. С 1831 г. возглавил созданную специально для него кафедру египтологии в Коллеж де Франс. Составил первые грамматику и словарь египетского языка, изданные уже после его смерти (“Grammaire égyptienne” (Paris, 1836); “Dictionnaire égyptien en écriture hiéroglyphique” (Paris, 1842–1844); «О египетском иероглифическом алфавите» (пер. с фр. – М., 1950).

[7] Шапталь Жан-Антуан (фр. Chaptal Jean-Antoine; 1756–1832) – граф, французский химик, врач, государственный деятель. В годы Французской революции руководил заводом по производству селитры, изобрел способ дешевого производства пороха. С 1794 г. возглавлял кафедру химии в Монпелье. В

1800–1804 гг. – министр внутренних дел. Во время «Ста дней» Наполеона был назначен директором Управления торговли и мануфактур. Автор мемуаров о Наполеоне.

[8] Уваров говорит об Июльской революции 1830 г. во Франции и вспыхнувшей вскоре революции в Бельгии.

[9] Lexagrarian (лат.) – аграрные законы – сравнение Уваровым значения знаний и науки в первой половине XIX в. с аграрными законами Древнего Рима. Аграрные законы играли основную роль. По словам римского историка Тита Ливия, они «всегда вызывали величайшие потрясения» (*Тит Ливий*. История Рима от основания города. Т. 1. – М., 1989. – С. 96).

[10] Вольтер Франсуа Мари (настоящее имя – Аруэ (Arouet), фр. Voltaire; 1694–1778) – знаменитый французский философ-просветитель, энциклопедист, писатель, один из авторов «Энциклопедии».

[11] Сатурналии (лат. *Saturnalia*) – в Древнем Риме – ежегодные празднества в декабре в честь бога Сатурна. Сопровождались карнавалом, во время которого не соблюдались сословные различия, пиршествами; бедным гражданам раздавали деньги, друг другу делали подарки.

[12] Бодмер Иоганн-Яков (нем. Bodmer Johann Jakob; 1698–1783) – швейцарский поэт, литературный критик и общественный деятель. Бодмер по образцу английской газеты «Зритель» (“Spectator”) с 1721 г. издавал еженедельную литературную газету «Разговоры живописцев». Газета стала центром литературного кружка, названного «цюрихцы», или швейцарской школой. Сторонники Бодмера критически оценивали немецких авторов за подражание французской литературе. Особенно строги они были к К. Готшеду, возглавлявшему лейпцигскую литературную школу. Сторонники Бодмера призывали брать за образец древнегерманскую поэзию и античность.

[13] Геллерт Христиан (нем. Gellert Christian; 1715–1769) – немецкий поэт, моралист. С 1751 г. исполнял должность экстраординарного профессора философии Лейпцигского университета. Автор популярных нравоучительных стихов и прозы.

[14] Клопшток Фридрих Готлиб (нем. Klopstock Friedrich Gottlieb; 1724–1803) – немецкий поэт, драматург. Автор религиозной эпической поэмы в гекзаметрах «Миссиада»

(1748–1751), которая была переведена на русский язык А. Кутузовым (М., 1785–1787; 2-е изд. – М., 1820–1821). Предвосхищая направление «Бури и натиска», пытался в своей лирике выразить свободу чувства и поэтической фантазии. Драматургия Клопштока включает трагедии на библейские сюжеты («Смерть Адама», 1757; «Соломон», 1764; «Давид», 1772), основная идея которых – необходимость смирения; трилогию о героическом прошлом Германии («Битва Германа», 1769; «Герман и князья», 1784; «Смерть Германа», 1787). Клопшток приветствовал Французскую революцию, ему было присвоено звание почетного гражданина Республики. Однако абстрактно-этическая позиция поэта помешала ему верно оценить якобинский этап революции.

[15] Лессинг Готфрид Эфраим (нем. Lessing Gottfried Ephraim; 1729–1781) – немецкий писатель, драматург, литературный критик-просветитель, теоретик искусства, один из крупнейших представителей литературы европейского Просвещения. Основоположник немецкой классической литературы. Образование получил в Лейпцигском (1746–1748) и Виттенбергском (1748) университетах. Переехав в Берлин, отказался от духовной или университетской карьеры и от покровительства знати, вел полуголодное существование независимого литератора, занимался переводами, сотрудничал в газете. В 1751 г. в Виттенберге получил звание магистра. В 1760–1765 гг. – секретарь губернатора Силезии, прусского генерала Тауэнцина. Участвовал в организации Гамбургского национального театра в 1767–1768 гг. В 1760 г. назначен на должность секретаря при губернаторе Силезии. С 1770 г. заведовал Вольфенбюттельской герцогской библиотекой. Вольфенбюттельский период является самым тяжелым в жизни Лессинга. Надломленный физически, он скончался в 1781 г. в Брауншвейге. Основной пафос деятельности Лессинга – борьба с идеологией абсолютизма за создание демократической национальной культуры как средства политического объединения страны, уничтожения феодализма и сословности. В борьбе с классицизмом создал первую в Германии семейную «мещанскую» драму «Мисс Сара Сампсон» (1755) и комедию с национальными характерами «Минна фон Барнхельм» (1767),

трагедию «Эмилия Галотти» (1772), драматическую поэму «Натан Мудрый» (1779). Просветительская проблематика определяет и публицистическую деятельность Лессинга. Важнейшая его заслуга – обоснование учения о динамике и полноте отражения жизни как первоосновах поэзии («Лаокоон», 1766), защита теоретических принципов реалистического театра и драмы («Гамбургская драматургия», 1767–1769).

[16] Виланд Кристоф Мартин (нем. Wieland Christoph; 1733–1813) – немецкий поэт, писатель. В юности был членом цюрихского кружка Бодмера, увлекался идеями Ж.-Ж. Руссо. С 1772 г. жил в Ваймаре.

[17] Глюк Кристоф Виллибальд (нем. Glück Christoph Willibald; 1714–1787) – австрийский композитор. В 1741 г. дебютировал как оперный композитор (опера «Артаксеркс», либретто П. Метастазио). Эта и последующие итальянские оперы Глюка имели большой успех. В конце 1740-х гг. в качестве капельмейстера итальянской оперной труппы посетил ряд европейских городов – Гамбург, Копенгаген, Прагу и др. С 1750 г. надолго поселился в Вене, где в 1754 г. получил должность придворного капельмейстера. Наряду с итальянскими операми с 1758 г. создавал оперы на французские комедийные тексты (Ш. Фавара и др.): «Остров Мерлина», «Осажденная Цитера», «Наказанный пьяница», «Одураченный кади», «Пилигримы в Мекку» и др. В 1761 г. в содружестве с балетмейстером Г. Анджолини создал балет «Дон Жуан», отличавшийся от современных произведений большим драматизмом. С Веной связано начало оперной реформы Глюка, которую он проводил совместно с либреттистом Р. Кальцабиджи. За первой реформаторской оперой «Орфей и Эвридика» (1762) последовали «Альцеста» (1767) и «Парис и Елена» (1770). Глюк в корне изменил трактовку оперного жанра. В традиционных мифологических сюжетах выявлял глубокое идейное содержание, подчеркивал гражданственные идеи (подчинение личного общественному, самопожертвование для блага государства). Завершение реформы произошло в Париже, куда Глюк переехал в 1773 г. Здесь он поставил оперу «Ифигения в Авлиде» (либретто Ф. дю Рулле по трагедии Ж. Расина, 1774), в новых редакциях оперы «Орфей» (1774) и «Альцеста» (1776),

а также оперы «Армида» (1777), «Ифигения в Тавриде» (либретто Н. Ф. Гийара по Еврипиду, 1779), «Эхо и Нарцисс» (по мифологической сказке, 1779). В 1780-х гг. снова жил в Вене, где написал на тексты Ф. Т. Клопштока семь од и оперу «Битва Германика»,которая не была окончена.

[18] Уваров говорит об ученых, писателях и философах, создававших и издававших «Энциклопедию, или Систематический словарь наук, искусств и ремесел, выбранный из лучших авторов и особенно из английских словарей обществом ученых и расположенных по порядку» (выходила с 1754 по 1772 г.). Идея энциклопедии принадлежала Дидро. В ее создании принимали участие ученые и философы-просветители: Даламбер, Вольтер, Бюффон, Мармонтель, Гельвеций, аббаты Рейналь и Морелле, Гольбах, Кондильяк, Мабли, Лагарп, Сен-Ламбер, Гримм, Тюрго, Кондорсе, Неккер, Ж.-Ж. Руссо.

[19] Протей – в греческой мифологии морское божество, сын Посейдона. Его отличительные черты – старость, обилие детей, способность принимать облик различных существ и многознание (пророческий дар). Более широкое толкование в литературе – протей («протеизм») как способность личности постоянно изменять свой духовный облик («протеический человек»).

[20] Роман Гете «Страдания юного Вертера» (1774).

[21] Гец (Готфрид) фон Берлихинген (нем. Götz von Berlichingen; 1480–1562) – знаменитый рыцарь, служил у Фридриха IV – маркграфа Бранденбург-Ансбахского и под его начальством участвовал в войнах эпохи кон. XV и нач. XVI в. При возникновении войны между Пфальцем и Баварией из-за ландсгутского наследства примкнул к Альбрехту Баварскому; в этой войне потерял при осаде Ландсгута правую руку и заменил ее искусственной, сделанною из железа. Несмотря на это неутомимо воевал под предлогом помощи «добрым друзьям и товарищам», отчасти в расчете на хорошую добычу и выкупные деньги, отчасти в защиту обиженных; несколько раз навлекал на себя императорскую опалу. В войне Швабского союза с герцогом Вюртембергским в 1519 г. сражался на стороне последнего, но принужден был сдаться под условием свободного пропуска. Это условие не было исполнено, и Гетца заключили в гейльброннскую тюрьму. Его друзья, Франц

фон Зиккинген и Георг фон Фрунсберг, лишь в 1522 г. выкупили его из-под стражи. В крестьянской войне в 1525 г. Гетц снова принялся за военную деятельность. Принял на четыре недели предводительство одервальдским отрядом восставших и осадил Фрауенбург близ Вюрцбурга, но вскоре вернулся в свой замок. Несмотря на объяснение, что он только по принуждению принял начальство над возмутившимися крестьянами и пользовался своим положением для предотвращения жестокостей со стороны последних, его заключили в тюрьму и отпустили на свободу только после обещания не удаляться из пределов своего поместья и не мстить членам Швабского союза. После освобождения участвовал в походах германского императора против турок и французов. Написал автобиографию (издана в Гейльбронне, 1859). Несмотря на наивность рассказа и некоторые несообразности, она является верным изображением нравов того времени, особенно дворянского быта. Гете взял из автобиографии Гетца тему для своей драмы "Götz von Berlichingen".

[22] Ифигения – первоначально местное божество, близкое к Артемиде; в греческой мифологии – дочь Агамемнона и Клитемнестры. Когда греческий флот, готовясь к походу на Трою, задержался в Беотийской гавани в Авлиде, жрец объявил, что богиня Артемида гневается на греков за оскорбление, нанесенное ей Агамемноном, и требует, чтобы ей принесли в жертву дочь обидчика. Зачем Артемиде понадобилась именно Ифигения – остается неясным. Согласно версии, принятой Эсхилом в «Агамемноне», Ифигения действительно была принесена в жертву, и ее смерть послужила Клитемнестре дополнительным поводом для убийства мужа. Еврипид в своей последней, незаконченной трагедии «Ифигения в Авлиде» придерживается другой версии этой легенды, согласно которой Артемида в последний момент спасла Ифигению от смерти. В другой трагедии Еврипида – «Ифигения в Тавриде» – Ифигения выступает в роли жрицы Артемиды, в обязанности которой входит приносить в жертву богине всех чужеземцев, взятых в плен. Ифигения, не подозревая, что перед ней ее брат Орест со своим другом Пиладом, согласно ритуалу готовится их убить. Затем следуют классическая

сцена узнавания и драматический побег. Следуя Еврипиду, Глюк написал две одноименные оперы. К этим сюжетам обращались также Расин («Ифигения») и Гете («Ифигения в Тавриде»). «Ифигения» Гете – стихотворный вариант «Ифигении в Тавриде» Гете – самого совершенного из его творений веймарского «классического» периода – появился в 1787 г. Трагедия провозглашала средством улучшения жизни духовное обновление человека, умиротворение его страстей. Изменения в сюжете по сравнению с трагедией Еврипида были направлены на устранение религиозных мотивов древнего языческого предания и перенесение действия в сферу человеческих взаимоотношений. Согласно пантеистическим воззрениям Гете боги воплощают благость природы и высшую нравственность. В роду Танталидов насилие порождает насилие, но боги неповинны в этих кровавых деяниях – ответственны за них сами люди. Ифигения первая в своем роду желает жить иначе, чем ее предки, родители, брат, сестра. Она отвергает всякое насилие и кровопролитие. Став жрицей в Тавриде, она добивается от царя Фоанта отмены закона о жертвоприношении чужеземцев. Она твердо верит в милосердие богов, в то, что любую искаженную человеческую натуру можно исправить. Ее мечта – положить конец кровавому пути рода Тантала и снять с него проклятие, но реальность расходится с ее мечтой, посылая ей одно испытание за другим. Когда Фоант предлагает ей вступить в брак, ее согласие влечет за собой отказ от возвращения на родину для выполнения миссии очищения рода Атридов, а отказ означает возобновление обычая жертвоприношения иностранцев; гибель Агамемнона происходит потому, что Клитемнестра мстила за свою дочь, и Ифигения невольно оказывается виновной в этой смерти; гибель матери лежит на совести брата, с которым Ифигения мечтала воссоединиться, и, наконец, встретив брата, она должна его убить по требованию Фоанта, по долгу жрицы. В тот момент, когда все нити действия оказываются у нее в руках, ей предстоит принять решение: она может спасти брата, обманув Фоанта, который дал ей приют и был для нее вторым отцом. Ифигения осознает, что для нее путь лжи и обмана – это продолжение пути бесчестья и проклятия Танталидов. Найдя в себе эту ис-

тину, она делает выбор: восстает против требования Фоанта, открывает ему ложь Пилада и Ореста, в которой она не стала участвовать даже ради спасения родного человека. Заставляя ответить благородством на свое благородство, усмиряя воинственные мужские страсти, Ифигения добивается добровольного согласия царя на отплытие ее, Ореста и Пилада в Грецию. При отсутствии острых сюжетных поворотов напряжение этой трагедии создается ситуацией: выдержит ли нравственный максимализм и идеализм Ифигении испытание реальной жизненной практикой? Она остается символом высшей человечности, заставляя проявить все лучшее окружающих ее людей. Ее любовь очистительна, потому что все беды Танталидов происходили от чувственных желаний и себялюбивых страстей; исцеляющей становится только любовь, лишенная эгоистического интереса или жажды обладания. Известно, что образ Ифигении возник у Гете под впечатлением древних скульптур и картины Рафаэля «Святая Агата». Созданный им драматургический персонаж так же «живописен, статуарен и автономен», по словам А. Аникста, образ Ифигении озарен той красотой, «которая едва ли бывает в жизни, но достижима в великом искусстве».

[23] Сафо (древнегреч. Σαπφώ; кон. VII – первая половина VI в. до н. э.) – древнегреческая поэтесса, автор музыкально-песенной (мелической) лирики. Родилась в г. Эрес.

[24] Геркуланум – город в Древнем Риме, расположенный в провинции Кампания. Геркуланум был разрушен извержением вулкана Везувий в 79 г. до н. э.

[25] Тибулл Альбий(лат. Tibullus Albius; ок. 54 – ок. 19 гг. до н. э) – римский поэт, сочинявший любовные элегии. По происхождению всадник.

[26] Проперций Секст (лат. Propertius; 50 – ок. 16 до н. э.) – римский лирический поэт. Создал 5 книг элегий, содержанием которых служит любовь поэта к прекрасной Цинтии; элегии эти отличаются глубоким, страстным чувством и изящным языком.

[27] Герой драмы И. В. Гете «Торквато Тассо» (1790). Исторический прототип – итальянский поэт Торквато Тассо (1544–1595). Образ Тассо продолжает в творчестве Гете линию, связанную с судьбой незаурядной поэтической личности

в обществе, – тема, берущая начало в романе «Страдания молодого Вертера». Отчасти в коллизии драмы отразились отношения самого Гете и герцога Саксен-Веймарского Карла-Августа, который протестовал против замысла писателя и не хотел, чтобы пьеса была опубликована. Тассо тяготится своим положением придворного поэта герцога Феррарского Альфонса II. Тассо был окружен вниманием, его поэтическому дару поклоняются две женщины, в одну из которых – принцессуЛеонору д'Эсте, сестру герцога – он влюблен. Поэт понимает, что его талант не оценен по достоинству – его воспринимают как изысканную игрушку, и как только он говорит не то, что от него ожидали услышать, его одергивают, как провинившегося ребенка. Доброе отношение к себе принцессы Тассо принимает за любовь. Когда же узнает, что ошибся, впадает в отчаяние. Ссора с секретарем герцога Антонио Монтекатино – человеком холодным и практичным – убеждает Тассо, что он должен покинуть замок герцога, где его поучают, наказывают и не принимают всерьез. В финале перед отъездом он близок к безумию, но в отличие от Вертера его спасает творчество. Тассо потерял любовь, не нашел понимания дорогих ему людей, но с ним пребудет его дар поэта, и этого дара никто не в силах у него отнять. Хрестоматийными стали слова Тассо: «И если человек в страданиях нем, мне Бог дает поведать, как я стражду». Образ Тассо привлекал выдающихся актеров Германии, эту роль с успехом играли Йозеф Кайнц (1887), Хорст Каспар (1938). Спорна была трактовка образа Тассо в постановке П. Штайна (1967), где Бруно Ганц впрямую сопоставил Тассо и Гете.

[28] Эгмонт – герой трагедии И. В. Гете «Эгмонт» Обращение Гете к истории нидерландской революции XVI в. было вызвано всплеском антифеодальных настроений в Германии. (Тогда же Ф. Шиллер сочинил эссе «История отпадения Нидерландов от испанского господства».) В своей более чем десятилетней (с 1775 по 1788 г.) работе над пьесой Гете пользовался историческими трудами иезуита Страды и голландского историка Эмануила ван Матерна. В пьесе показан лишь первый период нидерландской революции, закончившийся арестом и казнью графа Эгмонта. Образ Эгмонта соединяет художе-

ственный вымысел и историческую правду. Подлинный Эгмонт обладал тем же мужеством и обаянием, что и герой трагедии. Но у Эгмонта, 46-летнего графа и воина, были жена и 11 детей, оказавшихся после его смерти в полной нищете и опале. Герой Гете моложе, он не женат, у него есть возлюбленная Клерхен. Эгмонт в изображении Гете предстает жизнелюбивым, свободомыслящим и независимым человеком в отличие от своего прототипа, вынужденного часто идти на компромиссы с испанскими властями. Реальный Эгмонт остался в Брюсселе, когда все соратники его покинули, чтобы наладить отношения с жестоким наместником – герцогом Альбой. По пьесе Эгмонт остается, потому что хочет примкнуть к народу, частью которого является Клерхен и к которому он причисляет себя. Эта тема звучит в финальном монологе Эгмонта, обычно исполняемом (согласно требованию Гете) под музыку Л. Бетховена, специально написанную для трагедии в 1810 г. «Эгмонт» с большим успехом шел на русской сцене. В Малом театре в 1888 г. Эгмонта играл А. И. Южин, Клерхен – М. Н. Ермолова. В концертном исполнении трагедии с музыкой Бетховена роль Эгмонта исполняли знаменитые драматические артисты Ю. М. Юрьев, В. И. Качалов, М. И. Царев.

[29] Уваров говорит о немецком философе Иммануиле Канте (нем. Kant Immanuel; 1724–1804) – родоначальнике немецкой классической философии – и о его переписке с Ф. Шиллером.

[30] Рабле Франсуа (фр. Rabelais François; 1483/1495–1553) – французский писатель эпохи Возрождения, автор сатирического романа «Гаргантюа и Пантагрюэль».

[31] Это сочинение написано Уваровым на немецком языке и посвящено греческому поэту Нонну из г. Панополиса (Египет), который перешел из язычества в Христианство. Уваров рассматривал его творчество как воплощение переходной эры IV–V вв. Это произведение Уваров посвятил И. В. Гете.

[32] Книга И. В. Гете «Учение о цвете» (1810). Естественнонаучное произведение Гете, которое он направил Уварову в феврале 1811 г. с письмом: «Прилагаемое сочинение, посвященное учению о цветах, прошу Вас, если найдете возможным, передать его графу Разумовскому. Люди, которым дан,

как ему, самый широкий круг властных воздействий, могут сделать доступным и для массы все то, что есть истинного и полезного в подобной работе. Содержание и задачи этого сочинения, над которым я работал много лет, обстоятельно и подробно изложены в конце прилагаемой тетради (in qurto); к ним я ничего не прибавлю. Я должен только высказать ближайшие побуждения, заставившие меня послать Вам эту работу. Дело в том, что его сиятельство князь Репнин направил в С.-Петербург профессора Рейссига из Касселя – искусного механика и оптика. Он давно знаком с моими задачами и средствами к их решению и, руководствуясь моим сочинением, уже изготовлял для друзей естествознания различные стекла и инструменты, необходимые для основных опытов. Он мог бы, если б это было найдено интересным, соорудить полную аппаратуру для какого-нибудь научного института, и, может быть, из этого возникло бы что-нибудь приятное для князя, любящего искусство и науку» (*Дурылин С.* Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. Т. 4–6. – М., 1932. – С. 198).

Переписка Гете с Уваровым была опубликована. См.: *Schmidt G.*Goetheund Uwarow und ihr Briefwechsel // Russisch Revue. – 1888. – Bd. 28. – H. 2. Выходило также отдельным изданием под тем же заглавием (SPb., 1888).

[33] Вернер Абраам Готлоб (нем. Abraham Gottlob Werner; 1750–1817) – немецкий геолог, минералог. Вернер создал раздел геологии – геогнозию или историческую геологию. Основным постулатом геогнозии было представление, что минералы создают определенные типы, т. е. горные породы. Распределение горных пород происходило по определенным законам. По мнению Вернера, главным источником всякого минералогического и геологического образования на Земле является мировой океан, который порождал горные породы. Точка зрения Вернера получила название «нептунизм».

[34] Дэви Гемфри (англ. Davy Humphry; 1778–1829) – английский химик, физик. С 1820 г. – президент Лондонского королевского общества, а с 1826 г. – почетный член С.-Петербургской академии наук. В 1807 г. методом электролиза гидроокисей получил металлический калий и натрий.

Открытие щелочных металлов кардинально изменило взгляд химиков на щелочи и окиси металлов, ранее считавшиеся неразложимыми веществами. Утверждение Уварова, что Гете тогда еще не знал в то время открытий Дэви, относится к эпохе наполеоновских войн, изолировавших Германию не только по отношению к Англии (континентальная блокада), но и к Франции, где в тот период жил Дэви.

[35] Уваров говорит о серии статей Гете по естествознанию, которые выходили в 1817–1824 гг. отдельными книгами под общим заглавием «Вопросы морфологии».

[36] См. примеч. [33] к данной статье.

[37] Линней Карл (шведск. Linnaeus Carl; 1707–1778) – шведский естествоиспытатель, биолог. Систематизировал эмпирический материал в области ботаники и зоологии. Гете во время путешествия по Италии в 1785–1788 гг. в своих естественнонаучных изысканиях отводил системе Линнея главное место. Но со временем Гете перенял новые формы классификации, учитывая успехи современного ему естествознания.

[38] Вольф Карл-Фридрих (нем. Wolf Karl Friedrich; 1733–1794) – немецкий физиолог и анатом, основоположник эмбриологии. В 1766 г. по приглашению Екатерины II прибыл в С.-Петербург, где был избран членом С.-Петербургской академии наук.

[39] Зоологические теории Гете имели большое влияние на естественные науки в Московском университете. Профессор Х. И. Лодер, преподававший в Московском университете анатомию, был хорошо знаком с Гете и высоко ценил его научную деятельность. Профессор Г. И. Фишер тоже был прекрасно осведомлен о взглядах Гете на естественные науки и принимал их во внимание. Зоологические теории Гете преподавались в Московском университете вплоть до появления эволюционных теорий в начале 1860-х гг.

[40] Остеология (от «остео» и «логия») – раздел анатомии, изучающий строение, развитие и изменения костного скелета. Остеология в антропологии изучает вариации размеров и формы человеческого скелета в целом, а также его отдельных костей. Данные остеологии используются в палеоантропологии, расоведении.

[41] Гете владел не только минералогической коллекцией, но и располагал остеологическим собранием, являвшимся палеонтологическим, потому что в нем были собраны кости послетретичных ископаемых, которые в то время находили в Саксен-Ваймарском герцогстве и в окрестностях на строительствах, в каменоломнях, при добыче песка и в глинищах. Остеологическая коллекция Гете сформировалась в единстве с его анатомо-морфологическими трудами.

В. И. Вернадский говорил, что «нахождение межчелюстной кости в черепе человека, сделанное Гете самостоятельно, в действительности открывалось много раньше, о чем Гете и его современники не знали. О ней знал уже Везалий в XVI столетии. Морфологически, но не генетически Гете связывал череп с позвонком, генетической связи при этом могло, по его мысли, и не быть. Эта работа Гете имела влияние в создании сравнительной морфологии и не выходит из поля зрения в ней до сих пор» (*Вернадский В. И.* Труды по всеобщей истории науки. – М., 1988. – С. 242).

[42] Гердер Иоганн Готфрид (нем. Herder Johann Gottfried; 1744–1803) – выдающийся немецкий историк культуры, представитель течения «Бури и натиска», создатель исторического понимания искусства, считавший своей задачей «все рассматривать с точки зрения духа своего времени», критик, поэт второй половины XVIII в. Окончил богословский факультет Кенигсбергского университета. Литературную деятельность начал в Риге. В 1776 г. благодаря стараниям Гете переселился в Ваймар, где получил должность придворного проповедника. Сочинения Гердера «Фрагменты по немецкой литературе» (“Fragmente zur deutschen Literatur”, Riga, 1766–1768), «Критические рощи» (“Kritische Walder”, 1769) сыграли большую роль в развитии немецкой литературы периода «Бури и натиска». Гердер обосновывал положение о зависимости литературы от естественной и социальной среды, климата, языка, нравов, образа мыслей народа, выразителем настроений и взглядов которого является писатель, совершенно определенных специфических условий данного исторического периода. Развитию этих мыслей посвящены произведения «О возникновении языка» (Berlin, 1772), статьи «Об Оссиане и песнях древ-

них народов» (“Briefwechsel uber Ossian und die Lieder alter Volker”, 1773) и «О Шекспире», напечатанные в “Von deutscher Art und Kunst” (Hamb., 1770). Сочинение «Тоже философия истории» (Riga, 1774) посвящено критике рационалистической философии истории просветителей. К эпохе Ваймара относятся его «Пластика» (1778), «О влиянии поэзии на нравы народов в старые и новые времена» (1778), «О духе древнееврейской поэзии» (Dessau, 1782–1783). С 1785 г. начал выходить монументальный труд Гердера «Мысли по философии истории человечества» (“Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit”, Riga, 1784–1791). Это первый опыт всеобщей истории культуры, где получают наиболее полное выражение мысли Гердера о культурном развитии человечества, о религии, поэзии, искусстве, науке. Восток, античность, Средние века, Возрождение, новое время изображены Гердером с поражавшей современников эрудицией. Одновременно Гердер издал сборник статей и переводов «Рассеянные листки» (1785–1797) и философский этюд «Бог» (1787). Последними его большими трудами (если не считать богословских произведений) являются «Письма для споспешествования гуманности» (“Briefe zur Beforderung der Humanitat”, Riga, 1793–1797) и «Адрастея» (1801–1803), направленная против классицизма Гете и Шиллера.

[43] Елисейские поля – из античной мифологии (греческий, римский – Элизий, Элизиум) – блаженная страна (или острова), куда боги переносят после смерти избранных героев. Синоним христианского рая – той части загробного мира, где пребывают герои, чистые души, праведники, в то время как в Аиде (синоним христианского ада) терпят вечные муки преступники, злодеи. Древние греки располагали Елисейские поля или на «островах блаженных», или на некой прекрасной долине на берегу океана.

Осьмое января 1851 года

Впервые опубл.: Осьмое января 1851 года // Современник. Т. 26. – № 3. – Отд. 4. – С. 1–6. (Сведения о публикации в этом номере журнала «Современник» являются ошибочными.)

Уваров вспоминает о юбилейном вечере, приуроченном к 50-летнему юбилею государственной службы графа Д. Н. Блудова. Юбилей деятельности Блудова стал для Уварова поводом вспомнить далекое время юности, связанное с участием в литературном обществе «Арзамас», воссоздать в памяти дух «арзамасского братства». Уваров вспоминал об «арзамасском братстве» в сложный для него и для всех мыслящих людей России период «мрачного семилетия» (1848–1855). Уваров вспоминал об обществе «Арзамас» как об идеале высоких братских отношений и творческой свободы единомышленников.

Повторно: *Уваров С. С.* Избранные труды / Сост. В. С. Парсамов, С. В. Удалов. – М., 2010.

[1] Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – граф с 1842 г., русский дипломат и государственный деятель. Начал службу в 1800 г., когда благодаря знанию иностранных языков был определен юнкером в Московскую государственную коллегию иностранных дел, а в 1801 г. занял должность переводчика. С 1839 г. – член Государственного Совета. Председатель департамента законов и главноуправляющий II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В должности председателя департамента законов с 1847 г. являлся редактором «Свода законов Российской Империи». Неоднократно исполнял обязанности председателя Государственного Совета.

[2] Уваров говорит о своем друге юности В. А. Жуковском – собрату по обществу «Арзамас», авторе баллады «Людмила», созданной по мотивам баллады «Ленора» Бюргера.

[3] Уваров говорит об участии Блудова в подготовке к печати заключительного, 12-го тома «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Т. 12 «Истории Государства Российского» был опубликован в 1829 г.

[4] Буаельдьё Франсуа Адриен (фр. Boiëldieu François Adrien; 1775–1834) – французский композитор.

[5] Фонвизин Денис Иванович (1744/1745–1792) – русский драматург, писатель-просветитель. Происходил из обрусевших остзейских дворян (Фон Визин). Создатель первых в России социальных комедий «Бригадир» (пост. в 1770 г.), представляющей сатирическое изображение нравов дворянского

сословия, и «Недоросль» (пост. в 1782 г.) – этапное произведение, изобличающее крепостное право как корень всех бед страны, высмеивающее систему дворянского воспитания и образования. Среди публицистических произведений Фонвизина «Записки первого путешествия» (письма к П. И. Панину; опубл. в 1800-х гг.) сыграли существенную роль в становлении русской прозы. Среди других сатирических произведений Фонвизина пользовалась большой популярностью пьеса «Всеобщая придворная грамматика», которая распространялась в списках.

[6] Уваров говорит о водевиле Ж. Дюваля и Э. Рошфора «Вертер, или Заблуждения чувствительного сердца».

[7] Озеров Владислав Александрович (1769–1816) – русский драматург, автор четырех знаменитых трагедий «Эдип в Афинах» (1804), «Фингал» (1805), «Дмитрий Донской» (1807), «Поликсена» (1809). Драматургия Озерова соединяла черты классицизма и сентиментализма. Начал литературную деятельность с французских стихов и переводов с французского, написал несколько од, лирических стихотворений и басен. Происходил из старинного дворянского рода Тверской губ., учился в Шляхетном сухопутном кадетском корпусе, принимал участие в военном походе. В 1804 г. перешел на гражданскую службу в Лесной департамент, но вследствие служебных неприятностей вышел в отставку в 1808 г. В 1809 г. уехал в свое единственное, очень незначительное поместье (Красный Яр Казанской губ.), где в одиночестве провел несколько лет и заболел тяжелой болезнью, перешедшей в помешательство.

[8] Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) – русский поэт, баснописец, мемуарист, писатель.

[9] На набережной реки Карповки находилась дача С. С. Уварова, где собирались члены литературного общества «Арзамас».

[10] Уваров говорит о произведении В. А. Жуковского «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди». Здесь Уваров намекает на поэта П. А. Вяземского, у которого в «Арзамасе» было прозвище Асмодей; это прозвище он получил по имени героя упомянутой баллады.

Литературные воспоминания (Редактору «Современника»)

Впервые опубл.: Литературные воспоминания. Редактору Современника // Современник. – 1851. – Т. 27. – № 6. – Июнь. – Отд. 2 «Науки и художества». – С. 37–42. Подпись: А. В.

В примечании к первой публикации сказано: «Хотя автор этой любопытной статьи не желал выставить под нею своего имени, но, вероятно, многие из читателей узнают в нем того, чье имя тесно связано с развитием и успехами русского просвещения в течение многих лет и чьи труды пользуются заслуженным уважением европейского ученого мира. Мы надеемся время от времени помещать в нашем журнале продолжение этих любопытных воспоминаний, которые могут составить драгоценный материал для истории русской литературы» (С. 37).

Повторно: *Уваров С. С.* Избранные труды / Сост. В. С. Парсамов, С. В. Удалов. – М., 2010. – С. 516–520.

Уваров продолжает размышления о литературном обществе «Арзамас», начатые в статье «Осьмое января 1851 года». В. С. Парсамов делает интересное уточнение, что в «Литературных воспоминаниях» Уваров рассматривает общество «Арзамас» как часть европейской салонной и кружковой культуры XVIII в., которая в России проявилась в виде различных литературных кружков нач. XIX в. В связи с этим Уваров видит в литературном обществе «Арзамас» творческое объединение единомышленников, формировавших языковые нормы и литературный вкус своей эпохи (*Уваров С. С.* Избранные труды / Сост. В. С. Парсамов, С. В. Удалов. – М., 2010. – С. 692).

Печатается по тексту первой публикации.

[1] Уваров имел в виду графа Д. Н. Блудова, графа Д. В. Дашкова и себя. Д. В. Дашков с 1832 г. занимал пост министра юстиции и являлся членом Государственного Совета. О Блудове Д. Н. см. коммент. [1] к ст. «Осьмое января 1851 года».

[2] Литературное общество «Арзамас» создавалось для противодействия литературным «староверам», объединявших-

ся вокруг А. С. Шишкова и входивших в литературное общество «Беседа любителей русского слова».

[3] Литературное общество «Арзамас» просуществовало с 1815 по 1817 г. Участники кружка намеревались издавать свой журнал с января 1818 г. и составили план журнала, но в связи с их отъездом по делам службы кружок распался, замысел об издании журнала остался не воплощенным.

[4] Шишков Александр Семенович (1754–1841) – русский общественный деятель, адмирал, филолог, с 1796 г. – действительный член Российской академии. Начал службу во флоте, дослужился до адмирала. Окончил Морской кадетский корпус в 1772 г. С 1779 г. преподавал в нем тактику, одновременно занимался литературной деятельностью (в основном переводами), составил трехъязычный морской словарь. Участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг. В начале XIX в. проявил себя как идеолог консервативных кругов, изложив свое научно-политическое кредо в книгах «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1803) и «Рассуждения о любви к Отечеству» (СПб., 1811). Объединил вокруг себя группу консервативных литераторов и языковедов в литературном обществе «Беседа любителей русского слова» в 1810 г. В апреле 1812 г. назначен вместо М. М. Сперанского государственным секретарем (до 1814 г.). В 1813–1841 гг. – президент Российской академии. В 1812–1814 гг. занимал должность государственного секретаря. С 1814 г. – член Государственного Совета. В 1824 г. был назначен министром народного просвещения. В своих литературных и филологических трудах тесно связывал научные вопросы с политическими, защищал уходящие языковые нормы русского литературного языка, прежде всего связанные с литературными произведениями русского классицизма. В реформе русского литературного языка, осуществлявшейся Н. М. Карамзиным, видел влияние Великой французской революции. Уваров говорит о программной книге А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слове российского языка» (СПб., 1813), где автор спорит с Н. М. Карамзиным, критикуя его язык и стиль, в целом язык его литературных произведений, упрекая в излишней подверженности француз-

скому влиянию, которое, по его мнению, было вредно для самостоятельного развития русского литературного языка.

В 1824–1828 гг. Шишков занимал пост министра народного просвещения и главноуправляющего делами иностранных вероисповеданий, осуществлял идею сословного образования, воплощенную в «Уставе гимназий и училищ уездных и приходских» 1828 г. Являлся членом верховного суда над декабристами. С 1826 г. занимал должность председателя цензурного комитета. Ему принадлежит авторство Цензурного устава 1826 г., названного в образованном обществе «чугунным» уставом.

[5] Капнист Василий Васильевич (1758–1823) – русский поэт, драматург, поэт. В «Оде на рабство» (1783) выразил протест против крепостнического гнета. Известна его сатирическая комедия «Ябеда» (вскоре после постановки 1798 г. была запрещена), направленная против взяточничества и судейского произвола чиновников-космополитов.

[6] Хвостов Дмитрий Иванович (1756–1835) – поэт с репутацией графомана.

[7] Хвостов Александр Семенович (1753–1820) – поэт, переводчик, двоюродный брат Д. И. Хвостова. С 1793 г. – член Российской академии наук, а в литературном обществе «Беседа любителей русского слова» исполнял обязанности председателя III разряда.

[8] Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1765–1851) – писатель, переводчик, государственный деятель. Исполнял должность русского посла в Гамбурге, Мадриде. В 1811 г. был избран действительным членом Российской академии. Три его сына стали декабристами.

[9] Шаховской Александр Александрович (1777–1846) – поэт, драматург. Автор комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), в которой содержались нападки на В. А. Жуковского. Выпады против Жуковского стали одной из причин образования литературного общества «Арзамас».

[10] Ширинский-Шихматов Сергей Александрович (1783–1837) – князь, поэт, член Российской академии наук. В 1827 г. стал иеромонахом новгородского Юрьевского монастыря, пострижен с именем Аникита.

[11] Писарев Александр Александрович (1780–1848) – сенатор, губернатор Варшавы, писатель, член Российской академии, занимал должность попечителя Московского университета.

[12] Марин Сергей Никифорович (1775–1813) – флигель-адъютант свиты Александра I, поэт-сатирик, переводчик.

[13] В литературное общество «Беседа любителей русского слова» входили поэтесса А. П. Бунина, писательницы А. А. Волкова, Е. С. Урусова.

[14] Оленин Алексей Николаевич (1763–1843) – общественный деятель, писатель, археолог, палеограф и археограф. С 1786 г. – член Российской академии наук, с 1803 г. – товарищ министра уделов. В 1811 г. – директор Императорской публичной библиотеки, в 1817 г. – президент Академии художеств.

[15] Кипренский Орест Адамович (настоящая фамилия – Копорский, была дана по месту рождения – мыза Нежинская, близ Копорья под С.-Петербургом; 1782–1836) – русский художник-романтик, портретист, исторический живописец. Происходил из крепостных бригадира А. Дьяконова. В 1788 г. получил вольную и был определен в Воспитательное училище при С.-Петербургской академии художеств, в которой до 1803 г. учился у живописцев Г. И. Угрюмова и Г. Ф. Дуайена и до 1809 г. состоял пенсионером (стипендиатом); с 1812 г. – академик Академии художеств. В 1805 г. Кипренскому присудили золотую медаль за картину «Дмитрий Донской на Куликовом поле» (Государственный Русский музей). Но свое призвание Кипренский нашел в портрете, который стал для него средством утверждения в искусстве нового, отвечавшего романтическим устремлениям эпохи взгляда на человека как на внутренне независимую личность. Среди ранних работ выделяются портрет его отчима А. К. Швальбе (1804 г., Государственный Русский музей) и «Автопортрет с кистями за ухом» (ок. 1808–1809 гг., Государственная Третьяковская галерея), в которых образы властного старика и вдохновенного юноши созданы живописными средствами, навеянными картинами Рембрандта и старых мастеров. Непредвзятое, чуждое сословным предрассудкам отношение к человеку знаменуют рисунки Кипренского этих лет («Слепой музыкант», итальянский карандаш, 1809 г., Государственный Русский музей). Поездка в Италию

в 1816–1822 гг. пробуждает у Кипренского тяготение к четкости формы, обобщенности характеристик (портрет А. М. Голицына, ок. 1823 г., Государственная Третьяковская галерея). С сер. 1820-х гг. художник обратился к манере письма, близкой живописи позднего классицизма. В 1827 г. создал поэтичный портрет А. С. Пушкина (Государственная Третьяковская галерея). Кипренский стремился включиться в общий для русского искусства тех лет процесс становления реализма, аналитический характер которого остался чужд творческому методу художника. В Италии (куда он вновь уехал в 1828 г.) Кипренский старался разносторонне раскрыть психологическое состояние людей через их взаимное общение (групповой портрет «Читатели газет в Неаполе», 1831, Третьяковская галерея), но нередко приходит к внешней описательности и умозрительности решений (портрет М. А. Потоцкой и С. А. Шуваловой с эфиопкой, ок. 1835 г., Киевский музей русского искусства).

[16] Егоров Алексей Егорович (1776–1851) – русский художник, исторический живописец, калмык по национальности.

[17] Шебуев Василий Кузьмич (1777–1855) – русский художник, исторический живописец, один из ведущих мастеров позднего классицизма и академизма. Учился в С.-Петербургской академии художеств (1782–1797; преподавал с 1807 г., ректор – с 1832 г.) у И. А. Акимова и Г. И. Угрюмова; был пансионером Академии художеств в Риме (1803–1807). Творчество Шебуева – преимущественно произведения на исторические и религиозные сюжеты – отмечено мастерством строгого академического рисунка, интересом к национальной истории («Подвиг купца Иголкина», 1839 г., Государственный Русский музей). В некоторых произведениях Шебуев был близок к романтическим и реалистическим тенденциям («Гадание. Автопортрет», 1805 г., Государственная Третьяковская галерея).

[18] Брюллов Карл Павлович (1799–1852) – русский живописец. Брат А. П. Брюллова. Учился в Академии художеств в С.-Петербурге (1809–1821) у А. И. Иванова и А. Е. Егорова. В 1823–1835 гг. работал в Италии, в 1835 г. вернулся в С.-Петербург, с 1836 г. – профессор Академии художеств С.-Петербурга. В 1849 г. жил на о. Мадейра, с 1850 г. – вновь в Италии. Искусство Брюллова отмечено стремлением к об-

новлению русской живописи, взволнованным романтическим утверждением ярких и сильных эмоций, ощущением драматичности и противоречивости исторических столкновений. Уже в ранних произведениях художник стремился отойти от условности академического художественного языка, добиться естественности в изображении обнаженного тела и эффектов освещения, изученных на натуре («Итальянский полдень», 1827 г., Государственный Русский музей). В замысле главного произведения Брюллова – «Последний день Помпеи» (1830–1833 гг., Государственный Русский музей) – косвенно отразилась атмосфера исторических конфликтов, возникших в Европе в годы жестокого подавления освободительных движений. Несмотря на обилие черт традиционной академии классицизма (идеальность типов, условное построение групп), театрализованный характер движений и композиции, картина является важным этапом в развитии русской исторической живописи благодаря стремлению Брюллова к психологической правде и исторической достоверности (изучение археологических и документальных материалов), смелой попытке представить многообразные переживания массы людей в момент грозного бедствия. В дальнейшем ряд задуманных Брюлловым больших исторических композиций (в том числе картины «Осада Пскова», 1839–1843, Государственная Третьяковская галерея) не получил окончательного воплощения. Блестящий мастер парадного портрета, полного торжественной декоративности и романтической приподнятости («Всадница» – портрет Джованнины Пачини, 1832 г., портрет В. А. Перовского, 1837 г., оба в Государственной Третьяковской галерее; портрет графини Ю. П. Самойловой с Амацилией Пачини, ок. 1839 г., Государственный Русский музей).

[19] Брюллов Александр Павлович (1798–1877) – русский архитектор, рисовальщик, акварелист. Представитель позднего классицизма. Брат К. П. Брюллова. Учился у отца – мастера декоративной резьбы, затем в Академии художеств в С.-Петербурге (1810–1821 гг.; преподавал в 1831–1871 гг.). Изучал архитектуру в Италии в 1822–1826 гг. и Франции до 1830 г. Построил в С.-Петербурге Михайловский театр в 1831–1833 гг. и здание Штаба гвардейского корпуса в 1837–1843 гг., Пулков-

скую обсерваторию близ С.-Петербурга в 1834–1839 гг. В ряде работ А. П. Брюллов прибегал к стилизации под различные исторические стили (лютеранская церковь на Невском проспекте в С.-Петербурге в 1833–1838 гг.). Автор ряда акварельных портретов – Е. П. Бакуниной (1830–1832 гг., Государственная Третьяковская галерея), портрет Н. Н. Пушкиной (1831 г.), Портрет А. Н. Струговщикова (1840 г., Государственная Третьяковская галерея).

[20] Уваров говорит о найденной на Таманском полуострове в 1792 г. мраморной плите с древнерусской надписью, прочитанной А. Н. Олениным.

[21] Крылов Иван Андреевич (1768/1769–1844) – русский баснописец, переводчик Эзопа и Лафонтена, библиотекарь Императорской публичной библиотеки.

[22] Саблиер Маргарита (фр. De la Sablière Marguerite, урожденная Hessein; 1636–1693) – хозяйка блестящего великосветского салона в Париже, в котором собирались выдающиеся ученые и светские люди того времени. Отличалась вежливостью, остроумием и ученостью (изучала физику, математику и астрономию). В доме де ла Саблиер в течение 12 лет жил баснописец Жан Лафонтен, посвятивший хозяйке свои лучшие басни. Муж Маргариты де ла Саблиер, Антуан Рамбулье де ла Саблиер (1624–1679) был известен как автор мадригалов, собранных его сыном (были изданы в Лондоне в 1689 г.) и выдержавших много изданий.

[23] Гнедич Николай Иванович (1784–1833) – русский поэт, переводчик, с 1826 г. – член-корреспондент Академии наук. Перевел трагедию Дюсиса «Абюфар», Вольтера «Танкред», Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе», ряд новогреческих народных песен, переделал трагедию Шекспира «Король Лир». Прославился полным переводом «Илиады» Гомера гекзаметром, опубликованным в 1829 г. Поэт остановился между традициями классицизма и веяниями сентиментализма. Из оригинальных произведений выделяются идиллия «Рыбаки» (СПб.,1821), «Сборник стихотворений» (СПб., 1832).

[24] Семенова Екатерина Семеновна (1786–1849) – русская актриса, происходила из крепостных крестьян. Большой

успех принесли ей роли в классических греческих трагедиях и трагедиях В. А. Озерова.

[25] Нарышкин Александр Львович (1760–1826) – главный директор театров, оберкамергер.

[26] Гурьев Дмитрий Александрович (1751–1825) – граф, министр финансов.

[27] Ежемесячный журнал славянофилов, выходил в Москве в 1841–1856 гг. под редакцией историка М. П. Погодина. Журнал пользовался покровительством С. С. Уварова.

[28] Шаплен Жан (фр. Capelain Jean; 1595–1674) – французский писатель, теоретик литературы. Один из организаторов и первых членов Французской академии. Предшественник Николя Буало в разработке литературной теории классицизма («Письмо о правиле двадцати четырех часов», 1630, два «Рассуждения о представляющей поэзии», 1635). Автор од, сонетов, мадригалов, эпической поэмы «Девственница, или Освобожденная Франция» (первые 12 песен поэмы были опубликованы в 1656 г., песни с 13 по 24 – в 1882 г.), которую пародировал Вольтер. Шаплен создал также историографические и историко-литературные сочинения.

[29] Буало Николя (фр. Boileau Nicolas; 1636–1711) – французский поэт, теоретик классицизма, критик. Происходил из буржуазно-чиновничьей среды, изучал в Сорбонне богословие, затем право. В 1660–1666 гг. написал 9 сатир на житейские, моральные и литературные темы. В них Буало высмеивал прециозную литературу и бурлеск. Критике прециозной литературы посвящен диалог Буало «Герои романов» (1665, издан в 1701 г.). «Рассуждение об оде» (1693) и «Критические размышления по поводу некоторых мест у ритора Лонгина» (1694) связаны с так называемым «спором древних и новых». Отстаивал превосходство древних над современными авторами. Основные эстетические принципы французского классицизма сформулированы в поэме «Поэтическое искусство» (1674). Эстетика Буало проникнута рационализмом: прекрасное для него тождественно разумному. Положив в основу своей поэтики принцип «подражания природе», ограничивал его изображением абстрактно всеобщего, типического, исключаю-

щего индивидуальное, изменчивое. Выдвинул требование соблюдения в драме закона трех единств – места, времени, действия. Разработал теорию литературных жанров. В эстетике Буало не допускалось смешения возвышенного и низменного, трагического и комического.

[30] Дю Мен Анна Луиза Бенедикта де Бурбон-Конде (фр. Maine de Bourbon Condé; 1676–1753) – французская меценатка.

[31] Леспинасс Жюли (фр. Lespinasse Julie; 1731–1776) – французская светская дама, бывшая компаньонкой Дюдеффан. После разрыва с ней в 1764 г. открыла собственный литературный салон в Париже, который пользовался популярностью.

[32] Жофрэн Мария Терезия (фр. Geoffrin Marie Thérèse; 1699–1777) – хозяйка известного парижского литературного салона.

[33] Д’Аламбер Жан Лерон (D’Alembert Jean Le Rond; 1717–1783) – французский просветитель, математик, философ. В 1754 г. был избран во Французскую академию. С 1751 г. вместе с Д. Дидро участвовал в создании Энциклопедии (1-й том вышел в 1751–1752 гг.). Опираясь на систему Ф. Бэкона, классифицировал науки, положив начало современному понятию гуманитарных наук. В 1757 г. покинул редакцию Энциклопедии. В середине 1760-х гг. был приглашен Императрицей Екатериной II в качестве воспитателя наследника престола, но отказался принять приглашение.

[34] Дидро Дени (фр. Diderot Denis; 1713–1784) – французский философ-просветитель, писатель, теоретик искусства. Возглавлял издание знаменитой «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» – выдающегося произведения французских просветителей. В своих первых работах («Философские мысли», 1746; «Прогулка скептика, или Аллеи», 1747) придерживался деизма. В сочинениях «Письмо о слепых в назидание зрячим» (1749) перешел на позиции атеизма и материализма. Атеистический материализм получил дальнейшую разработку в сочинении «Мысли об истолковании природы» (1754), «Разговор Д’Аламбера и Дидро» (1769), «Философские принципы относительно материи и движения» (1770). Создал во Франции буржуазно-сентиментальную драму. В 1757 г. была опубликована первая пьеса «Побочный сын»

(“Un fils naturel”), а в 1758 г. – пьеса «Отец семейства» (“Pere de famille”). Верность природе, непригодность классических условностей и важное значение нравоучительного элемента в искусстве отстаивал и как критик, и как теоретик искусства. Дидро писал и об изобразительных искусствах («Салоны»), и об искусстве актера («Парадокс об актере»). В повестях проводил положительные идеи буржуазных идеологов. Здесь ярко выражена зависимость героя от среды, их связь и взаимодействие. Из повестей наиболее известны «Жак Фаталист» (“Jacques le fataliste”, 1773), «Племянник Рамо» (“Le Neveu de Rameau”, 1762), «Монахиня» (“La Religieuse”).

[35] Лагарп де Жан Франсуа (фр. La Harpe Jean-François; 1739 –1803) – французский драматург, теоретик литературы, критик, член Французской академии (1776). Последователь Вольтера в области просветительной классицистской драматургии. Наибольший успех имела его трагедия «Граф Уорик» (пост. в 1763 г., изд. в 1764 г., русский перевод – в 1814 г.). Писал направленные против феодально-сословных отношений трагедии на античные сюжеты: «Тимолеон» (пост. в 1764 г.), «Филоктет» (изд. в 1781 г.), «Кориолан» (пост. и изд. в 1784 г.). Антиклерикальная драма «Мелани» (изд. в 1770 г.) была запрещена (пост. в 1791 г.). После Великой французской революции стал оппозиционером, ревностным католиком, выступал против просветителей. Пользовались известностью его критические работы, особенно многотомный «Лицей, или Курс древней и новой литературы» (т. 1–16, 1799–1805 гг., пер. на русск. Ч. 1–5, 1810–1814). В русском переводе сочинение Лагарпа опубликовано под названием «Послание к графу А. П. Шувалову о действии сельской природы и о поэзии описательной» (М., 1817).

[36] Мармонтель Жан Франсуа (фр. Marmontel Jean Francois; 1723–1799) – французский писатель и литературный критик эпохи Просвещения, участник «Энциклопедии», поместил в ней ряд статей по литературе, собранных позднее в книге “Elements de litterature” («Основные элементы литературы», 1787). Выходец из мелкой мещанской среды. В 1792 г. покинул революционную столицу, а позже выступил в защиту эмигрантов. Как художник проявил себя в разных жанрах, но, по мнению писавших о нем, не дал ничего значительного ни в одной области

художественного творчества. Основным достоинством лучших произведений Мармонтеля является их язык, чистоту которого нередко портит стремление к изысканности. Трагедии Мармонтеля крайне напыщенны и растянуты; они знаменуют упадок классического трагедийного жанра. Из произведений особым успехом пользовались «Моралистические рассказы» (“Contes moraux”, 1765), романы “Belisaire” и “Incas” (1777), “Memoires d’un pere pour servir a l’instruction de ses enfants” («Мемуары отца в поучение детям», которые отличаются типичным для данной переходной эпохи сочетанием сентиментальности и сентенциозности с эротической развязностью. Роман “Belisaire” (пер. на русск. по предложению Екатерины II) особенно характерен для умеренного просветительства с его призывом к веротерпимости, за что автор подвергся нападкам со стороны духовенства. Мармонтель неудачно пытался создать смешанный жанр «романа и эпопеи», который фактически принял у него характер многословного философского романа. В конце жизни Мармонтель отказался от идей энциклопедистов..

[37] Увы, Постум, ускользают, ускользают… (лат.). Неточная цитата из оды Горация «Увы, быстро, Постум, Постум, ускользают годы». Гораций. Оды, II, стих 14 (Пер. В. С. Парсамова).

СОДЕРЖАНИЕ

III. ЭССЕ, ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ РАБОТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышли 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышли более 160 томов).

Редактор Л. А. Попенова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 08.11.2013 г. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 26,3 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие в трех томах *(вышли)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
Русская архитектура и скульптура
Русская живопись
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.

Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.

Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Миронов Б. С. Русский национализм, 560 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.

Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.

Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.